

СЛОВО

ГРАММАТИКА

РЕЧЬ

Выпуск XVIII

**МОСКВА
2017**

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**СЛОВО
ГРАММАТИКА
РЕЧЬ**

Выпуск XVIII

Сборник научно-методических статей
по преподаванию РКИ

Москва – 2017

ДК 802/809.1
ББК 82.2 Р
С48

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

И. П. Кузьмич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
для иностранных учащихся естественных факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова;

А. С. Евтихиева – кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Редакционная коллегия:

Н. В. Баландина	ст. преподаватель
Е. Л. Бархударова	докт. филол. наук, профессор
М. Ю. Бордюговский	канд. филол. наук, преподаватель
А. В. Величко	канд. филол. наук, доцент
О. К. Грекова	канд. филол. наук, доцент
Е. А. Илюшин	канд. филол. наук, ст. преподаватель
Л. В. Красильникова	докт. филол. наук, доцент
Е. В. Моргунова	
Т. Г. Рошектаева	канд. филол. наук, преподаватель
Ф. И. Панков	докт. филол. наук, профессор
О. М. Сергеева	канд. филол. наук, преподаватель
Е. С. Сироткина	канд. филол. наук, преподаватель
О. В. Чагина	канд. филол. наук, доцент
Т. Е. Чаплыгина	канд. филол. наук, доцент

Ответственный редактор: **О. В. Чагина**, канд. филол. наук, доцент

СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ. Выпуск XVIII: Сборник
С48 научно-методических статей по преподаванию РКИ. – Москва:
МАКС Пресс, 2017, – 420 с.
ISBN 978-5-317-05636-0

Авторы статей рассматривают вопросы описания и представления различных аспектов грамматики в иностранной аудитории, вопросы методики преподавания РКИ, интерпретации художественного текста, культурологии и страноведения. Предназначен для филологов-руссистов, студентов, аспирантов и преподавателей РКИ – российских и зарубежных.

УДК 802/809.1
ББК 82.2 Р

Опубликованные материалы отражают точку зрения авторов.
Мнение Редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей

ISBN 978-5-317-05636-0

© Авторы статей, 2017
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2017

ОТ РЕДАКТОРА

Сборник открывается разделом, посвященным памяти профессора Веры Арсеньевны Белошапковой, которой в 2017 году исполнилось бы 100 лет. Будучи крупнейшим специалистом в области синтаксиса и автором вузовских учебников, включенных в программу учебного курса кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, В.А. Белошапкова вместе с тем внесла большой вклад в развитие дисциплины РКИ. Она вырастила для РКИ целый ряд преподавателей, удостоенных ученых степеней и званий, – таких, как Л.Л. Бабалова, Г.А. Битехтина, А.Л. Горбачик, О.К. Грекова, Н.А. Лобанова, Р.А. Кулькова, Е.А. Филатова, Т.В. Шмелева, С.А. Шувалова. Эти имена во многом определяют сегодняшний уровень специальности РКИ. Будучи уже известным ученым, В.А. Белошапкова с пристальным интересом следила за развитием прикладной науки РКИ. В 1980-е годы в журнале «Русский язык за рубежом» ею был опубликован цикл статей, связанных с описанием русской синтаксической системы в аспекте преподавания РКИ: «О принципах описания простого предложения в целях преподавания русского языка как неродного» /в соавторстве с Г.И. Володиной/ («Русский язык за рубежом», 1980, № 5); «О принципах описания русской синтаксической системы в целях преподавания русского языка как иностранного» (там же, 1981, № 5; 1982, № 2); «О понятии синтаксической производности» (там же, 1983, № 6).

Все знают В.А. Белошапкову как ученого с мировым именем. Нам же, преподавателям РКИ, довелось узнать еще и Веру Арсеньевну – педагога. Она проводила для нас, молодых в те годы преподавателей, консультации по методике написания курсовых работ, которым мы в дальнейшем должны были обучить наших подопечных. До сих пор у меня сохранились пожелтевшие листочки с ее подробными рекомендациями. Прежде всего они касались выбора темы. С самого начала Вера Арсеньевна ориентировала молодого исследователя на перспективное развитие любой, даже самой локальной темы. Она учила нас культуре филологической работы: составлению библиографии, оформлению сносок, умению аргументировано излагать в работе свою точку

зрения. Она напоминала о необходимости строгого академического ритуала уже на этапе обсуждения студенческих курсовых работ. Остался в памяти настоятельный совет Веры Арсеньевны: писать просто. Она говорила: сложность изложения – это свидетельство незрелости, а зрелая мысль может и должна быть изложена просто.

В этом выпуске сборника памяти любимого учителя посвящают свои статьи Л.Л. Бабалова, рассматривающая некоторые особенности местоположения частицы *–ли* при трансформации прямого вопроса в косвенный, и Е.А. Филатова, анализирующая в соответствии с концепцией минимальных схем простого предложения В.А. Белошапковой косвенные побудительные акты в русском языке. Одна из статей этого раздела написана М. Саккини, учеником одного из аспирантов В.А. Белошапковой. Словом, связь поколений продолжается.

В следующем разделе «Теория языка в аспекте преподавания РКИ» представлены разные по тематике статьи, объединенные общим принципом описания материала с учетом системных, функциональных и коммуникативных свойств языка. Ряд статей сборника посвящен различным явлениям синтаксической синонимии. В статье В.И. Гавриловой излагаются интересные наблюдения над функционированием транзитивных глаголов, различающихся характером переходности (переходность производящего и иницирующего типа) и их конверсными коррелятами, форма и значение которых обусловлены характером переходности глагола в номинативно-аккузативной конструкции.

Е.М. Лазуткина в статье «О направлении развития глагольной полисемии» выявляет дополнительные ресурсы синтаксической системы русского языка на примере предложений с событийными глаголами, способных обозначать как динамические процессы, так и явления статики.

В том же разделе рассматривается функционирование в предложении другой части речи – наречий. Описываются их грамматические свойства и особенности употребления (Патаракина Е.О.), сопоставляются синонимические ряды наречий и выявляются наиболее проблемные места при переводе синонимов с русского языка на английский (Евграфова А.Е.). Показательно, что оба автора дают описание наречий с прицелом на создание

словаря русских наречий. Бесспорно, словарь в помощь изучающему русский язык как иностранный – полезное дополнение к учебникам.

Статья Столетовой Е.К. посвящена русской идиоматике. На примере трех идиоматических сочетаний *что ни говори, ничего не скажешь* и *ничего сказать* автор делает вывод об их способности выражать различные степени оценки какого-либо объекта или определенного положения дел.

Тонкий анализ атрибутивных словосочетаний дает А.В. Хлопьянов в статье «Опыт стилистического анализа поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»,

Целый ряд статей посвящен описанию языковых особенностей жанров современной речи: прогноз погоды в современных массмедиа (О.Н. Григорьева), язык смс-сообщений (Е.С. Серова), деловое письмо (В.А. Маркова).

В статьях раздела «Коммуникативный анализ звучащей речи» расшифровываются смыслы, лежащие за пределами номинативного содержания. Они интуитивно понимаются носителем языка, но трудны для восприятия иностранцем. М.Г. Безяева демонстрирует это на примере многоликого русского «вообще», выявляя коммуникативные параметры употребления этой лексемы в современной бытовой речи. А.А. Коростелёва и О.В. Чалова, используя метод коммуникативного семантического анализа, рассматривают семантические пласты, заключенные в диалогах эталонных художественных произведений – кинофильма «Каменный цветок» (А.А. Коростелёва) и романа Ф.М. Достоевского «Идиот» (О.В. Чалова).

Раздел «Методика» открывает статья «Текст в процессе обучения РКИ» В.В. Добровольской, признанного мастера методики преподавания русского языка в иностранной аудитории. Автор дает здесь четкие и лаконичные ответы на многие вопросы, возникающие у преподавателя при обращении к тексту, – от общих вопросов: о роли и месте текста в курсе РКИ, о текстотеке РКИ, о работе учащегося над текстом, и кончая конкретным занятием с текстом на уроке РКИ.

Статьи Л.М. Савосиной, а также Е.Ю. Хомяковой и С.А. Хомякова посвящены методике работы с иностранными учащимися, овладевающими языком специальности. Учитывая особенности языка конкретной дисциплины, авторы предлагают

подробные методические разработки уроков для лингвистов (Л.М. Савосина) и химиков (Е.Ю. Хомякова, С.А. Хомяков).

Возможности расширения методической базы при работе над отдельной языковой темой демонстрируются в статье О.М. Сергеевой «Убить двух зайцев»: к вопросу о преподавании фразеологии в иностранной аудитории».

Большое внимание уделено в сборнике учету характера личности обучаемого при овладении новым для него языком. С разных сторон подходят к этой проблеме Е.В. Потемкина («Реконструкция ассоциативного поля как метод формирования билингвальной личности») и Г.-Х.К. Машрапова («Анализ когнитивных стилей учащихся разного пола в аспекте преподавания РКИ»).

В разделе «Страноведение» статья В.В. Добровольской «Организация страноведческого материала курса РКИ» дополняется конкретными наблюдениями М.Ю. Бордюговского, предлагающего опыт построения учебного занятия по этому аспекту в статье «Москва и Санкт-Петербург: две столицы, два символа».

Богатый, разнообразный материал представлен в разделе «Анализ художественного текста». Тонкий анализ художественной структуры произведений, осуществляемый в контексте творчества писателя, в историко-культурном, литературном контексте эпохи; выявляющий функции характерных образов, мотивов в художественном мире писателя представлен в статьях Т.В. Ковалевской («Серебряный голубь» Андрея Белого: поэт в прозе»), М. Наполитано («Интертекстуальность в поэме Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки»), О.С. Октябрьской («Жанр поучения в лирике В. Маяковского для детей»), Цзинь Тяньхао («Образ голубя в ранней поэзии Анны Ахматовой»).

Ряд статей этого раздела обращен к проблеме перевода с русского языка и на русский. В статье Е.А. Илюшина («О версификации переводов Данте на русский язык /А.А. Илюшин и другие переводчики») осуществлен стиховедческий анализ перевода «Божественной комедии», сделанного А.А. Илюшиным. Проблемы, связанные с переводом корейских исторических текстов, рассматриваются в статье Р.А. Кульковой и К.А. Депонян («Из опыта редактирования переводов корейских исторических сочинений на русский язык»). Вопрос о переводах произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина в Китае становится в статье Му Ачжень

(«Восприятие творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина в Китае») от правным пунктом в размышлениях о восприятии творчества великого русского писателя в Китае.

Редколлегия и авторы выражают искреннюю благодарность рецензентам к.ф.н, старшему преподавателю кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета А.С. Евтихиевой и доценту кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова И.П. Кузьмич за внимательное, заинтересованное прочтение рукописи сборника и за конструктивные замечания. Редколлегия благодарит также к.ф.н., доцента кафедры РКИ филологического факультета МГУ А.Г. Лилееву, к.ф.н., старшего преподавателя кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов МГУ О. В Чалову и доцента кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов МГУ А.А. Коростелёву за ценную помощь в ходе подготовки сборника.

К 100-ЛЕТИЮ В.А. БЕЛОШАПКОВОЙ

Бабалова Люцета Леоновна

кандидат филологических наук, Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

babalova1@ya.ru

В статье рассматриваются некоторые особенности синтаксических конструкций, возникающие при трансформации прямого вопроса в косвенный, в частности, местоположение частицы *ли* и порядок слов в придаточной части изъяснительного предложения.

Ключевые слова: прямой вопрос, косвенный вопрос, частица *не*, частица *ли*, словопорядок в придаточной части.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КОСВЕННОГО ВОПРОСА

В этом году исполняется сто лет со дня рождения Веры Арсеньевны Белошапковой, выдающегося ученого, лингвиста огромного диапазона, мудрого и щедрого учителя, память о котором всегда живет в сердцах ее учеников.

При трансформации прямого вопроса в косвенный наименьшую трудность для изучающих русский язык как иностранный представляют вопросы, оформленные с помощью местоименных вопросительных слов. Некоторые из них требуют только изменения знаков препинания, например: *Он спросил: «Когда открывается банк?» – Он спросил, когда открывается банк.*

Минимальные изменения могут касаться местоименных и глагольных форм: *Я спросил Николая: «Когда ты вернешься в Москву?» – Я спросил Николая, когда он вернется в Москву.* Сложнее преобразовать в косвенный такой прямой вопрос, в котором не содержится вопросительных слов (в устной речи это передается только соответствующей интонацией (ИК–3). *Он спросил меня: «Ты ходил вчера в институт?»; Марина спрашивает: «Им понравился новый фильм?».*

В большинстве учебных и научно-методических пособий (РКИ) для перевода прямого вопроса данного типа в косвенной указывается на необходимость употребления вопросительной частицы *ли* после того слова, к которому относится вопрос. Именно это и

составляет основную трудность для любого иностранного учащегося, поскольку от него требуется определить центр вопроса при отсутствии вопросительных слов или каких-либо других средств, указывающих или каким-либо иным способом обозначающих предикат вопроса. И при этом предикат вопроса занимает инициальную позицию (после запятой), а за ним следует частица **ли**, например: *Он спросил: Николай сдал экзамены? / Ты возьмешь эту книгу? / Таня давно уехала? / У них есть словари? / Она всё поняла? – Он спросил, сдал ли Николай экзамены / Возьму ли я эту книгу / Давно ли уехала Таня / Есть ли у них словари / Всё ли она поняла.*

Отдельного рассмотрения заслуживают предложения, в которых предикат вопроса выражен субстантивной формой, преимущественно именем существительным, собственным или нарицательным, например: *Анна спросила: «Это директор?»*, *Антон интересуется: «Он журналист?»*, *Таня спрашивает: «Андрей Николаевич дипломат?»*, *Я спросил: «Почту отправлял Виктор?»*. В соответствии с общепринятым правилом косвенные вопросы в данном случае должны быть построены следующим образом: *Анна спросила, директор ли это; Антон интересуется, журналист ли он; Таня спрашивает, дипломат ли Андрей Николаевич; Я спросил, Виктор ли отправлял почту.*

Грамматически это вполне правильно организованные предложения, но несколько искусственные. Введение в подобные косвенные вопросы отрицательной частицы *не*, предвещающей предикат вопроса, придает предложению оттенок предположительности, но вполне соответствует общей языковой норме. Такая форма косвенного вопроса предпочтительнее, если в центре вопроса имя собственное. При этом в вариантах с частицей *не* предположение склоняется скорее к положительному ответу на вопрос, а в предложениях без этой частицы оттенок сомнения перевешивает в сторону отрицательного, ср.: *Антон спрашивает, не журналист ли Соколовский* (= скорее всего он журналист), но: *Таня спрашивает: дипломат ли Андрей Николаевич* (= вряд ли он дипломат).

Представляет интерес преобразование прямого вопроса в косвенный в тех случаях, когда речь идет о словосочетаниях прилагательных с существительными, например: *Она спросила медсестру: «Это опытный врач?»*; *Мы спрашивали лесника: «Это*

съедобные грибы?»; Я интересуюсь: «Фёдоров – надёжный человек?». В приведённых предложениях пик вопроса приходится на прилагательное, обозначающее признак предмета или характеристику человека. Естественно поэтому, что частица *ли* ставится после прилагательного: опытный ли это врач; съедобные ли это грибы; надёжный ли человек Фёдоров.

Но если словосочетание прилагательного с существительным выражает не признак объекта, а является просто наименованием, названием, например: *Исторический музей, Третьяковская галерея, Тверской бульвар*, как должна выглядеть трансформированная структура? *Турист спросил: «Это Исторический музей?»*; – *Турист спросил: «Исторический музей ли это?»*. Поскольку «Исторический музей» – это единое понятие, то частица *ли* должна следовать за ним. Иностранец, возможно, так и сказал бы. Но русскоговорящий, скорее всего, построил бы это предложение иначе: *Турист спросил, не Исторический ли это музей»* или «*Не Третьяковская ли это галерея?»*, «*Не Тверской бульвар ли это?»* Обращает на себя внимание еще и то, что данные наименования (прилагательное + существительное) расчленяются не только частицей *ли*, но ещё и указательным местоимением *это* (подлежащим), разбивая тем самым целостное название. Ср. еще: *Они спросили: «Это там Останкинская башня?»*; – *Они спросили: «Не Останкинская ли это там башня?»*.

Изменение порядка слов при трансформации прямого вопроса в косвенный заслуживает внимания и в тех случаях, когда предикатом вопроса является составное сказуемое, как именное, так и глагольное.

Общеизвестно, что косвенный вопрос грамматически организован как изъяснительное предложение. На принадлежность сообщения плану вопроса указывают в главной части опорные слова со значением поиска, запроса информации, незнания, желания узнать, непонимания, неуверенности (*я не знаю, я хотел бы узнать, я не уверен* и под.). В связи с этим представляется целесообразным при преобразовании прямого вопроса в косвенный осуществлять в дальнейшем анализ порядка слов в рамках изъяснительных предложений.

Обычно в составном глагольном сказуемом инфинитив следует непосредственно за модальным или темпоральным компонентом: «Я могу выполнить эту работу; Им нужно подготовиться к конкурсу; Комбинат начал выпускать новую продукцию».

Но когда составное глагольное сказуемое становится предикатом вопроса, то частица *ли* расчленяет его, так как ставится непосредственно после модального или темпорального компонента: «Я не знаю, можно ли здесь оставить вещи»; «Я не уверен, смогут ли они подготовиться к конкурсу»; «Мне хотелось бы узнать, начал ли уже комбинат выпускать новую продукцию». Как это видно из приведенных примеров, части составного сказуемого разнесены далеко друг от друга. Из этого следует, что центром вопроса является модальный или темпоральный компонент сказуемого. В том случае, когда в составном глагольном сказуемом совмещаются оба компонента – модальный и темпоральный, частица *ли* ставится после модального, подчеркивая его большую значимость: «Мы не уверены, хочет ли Андрей начать работать фоторепортером»; «Всех очень интересует, может ли вода перестать прибывать в конце весны».

Если в составном глагольном сказуемом в качестве предиката вопроса выступает модальный или темпоральный компонент, в составном именном сказуемом центром вопроса может быть как связка, так и именная, присвязочная часть. Как известно, связка может быть отвлеченной: *быть, являться*, полузнаменательной: *казаться, считаться, оставаться* или знаменательной: *вернуться, прийти*. Например: «Я хотел бы узнать, он был шахматистом?» – «Я хотел бы узнать, был ли он шахматистом?»; «Все очень интересуются, является ли он председателем клуба?». В предложении с отвлеченной связкой в составном именном сказуемом частица *ли* ставится после связки (вариант «шахматистам ли он был» маловероятен).

При полузнаменательных связках и при более сложной присвязочной (именной) части наблюдается больше вариантов словоупотребления: «Мы не уверены, считается ли Петров хорошим специалистом / хорошим ли специалистом считается Петров / хорошим ли Петров считается специалистом». При наличии знаменательных связок тоже наблюдается несколько вариантов по-

рядка слов: *«Хотелось бы знать, вернулся ли Дима с конкурса довольным / довольным ли вернулся Дима с конкурса / вернулся ли с конкурса Дима довольным».*

Помимо отмеченных особенностей порядка слов в придаточной части изъяснительных предложений и местоположения частицы *ли*, есть еще ряд существенных моментов, наблюдаемых при трансформации прямого вопроса в косвенный. Так, если прямой вопрос представляет собой неполное предложение с опущенным главным членом – подлежащим, то в косвенном эта неполнота исключается, вводится недостающее звено: *Он спросил меня: «Идешь в кино?» – «Он спросил меня, иду ли я в кино; Тренер потребовал прямого ответа на свой вопрос: «Возьмем его в команду?» – Тренер потребовал прямого ответа на свой вопрос, возьмем ли мы его в команду.*

Отрицательные местоимения и наречия в составе прямого вопроса заменяются неопределенными в косвенном: *Директор спрашивает: «Никто не видел сегодня Фролова?» – Директор спрашивает, не видел ли кто-нибудь сегодня Фролова? Или: Полицейские опрашивали соседей: «Вы ничего не слышали этой ночью?» – Полицейские опрашивали соседей, не слышали ли они чего-нибудь этой ночью; Меня спросили: «Вы никогда не бывали в тех краях?» – Меня спросили, не бывал ли я когда-нибудь в тех краях.*

Прямой вопрос может быть оформлен как инфинитивная конструкция с определённым модальным значением, например: *Он спросил меня: «Закреть окно?» – Он спросил меня, надо ли закрыть окно.* В косвенном вопросе в таких случаях может употребляться соответствующее модальное слово, обычно со значением необходимости, например: *Секретарь спросил директора: «Отправлять им эти документы?»*, то есть нужно ли отправлять им эти документы. Возможно и противоположное преобразование, когда предикаты с модальными компонентами в прямом вопросе заменяются инфинитивными конструкциями в косвенном, ср.: *Коля спросил: «Мне нужно выезжать прямо сейчас?» – Коля спросил, выезжать ли ему прямо сейчас. Туристы спрашивают: «Надо ли взять с собой термосы с водой?» – Туристы спрашивают, брать ли с собой термосы с водой.* Подобные преобразования кажутся в основном предикатов со значением долженствования,

при этом в ряде случаев глаголы совершенного вида в прямом вопросе заменяются глаголами несовершенного вида в косвенном.

В роли предиката вопроса часто выступают обстоятельственные наречия: «*Она спрашивает, давно ли приехал Серёжа / скоро ли ты вернешься / далеко ли до этого посёлка? / долго ли нам еще ехать / хорошо ли вы отдохнули / удобно ли тебе здесь сидеть / интересно ли было на концерте / удачно ли прошла встреча / тепло ли у них на даче*» и под.

Но если обстоятельственное наречие представляется говорящему не очень положительным или даже скорее отрицательным по своему значению, то перед ним ставится частица **не**: «*Он интересуется, не холодно ли ей в этой куртке / не скучно ли им там было / не рано ли их разбудили / не плохо ли ее приняли в этой семье / не поздно ли они выехали из дома*» и под. Точно так же, если ли в качестве предиката вопроса выступает глагол негативной семантики, то в косвенном вопросе перед этим глаголом употребление частицы **не** обязательно.

«*Лена спросила меня, не опоздал ли Олег / не забыл ли он дома проездной / не потеряла ли она кредитку / не ошиблись ли они адресом / не оставила ли она телефон на даче / не перепутал ли он письма*» и т.д.

Все эти отмеченные конструктивные особенности, возникающие при трансформации прямого вопроса в косвенный, являются для русскоговорящих вполне естественными, однако для лиц, изучающих русский язык как иностранный, они могут представлять определенный интерес и оказаться полезными для речевой практики.

Luceta L. Babalova

PhD, Institute of the Russian language and culture,

Lomonosov MSU, Russia, Moscow

babalova1@ya.ru

ON SOME ASPECTS OF THE INDIRECT QUESTION

This article considers some features of syntactic constructions that emerge when a direct question is transformed into an indirect one, in particular, the position of the particle **ли** and the word order in the subordinate clause with the complement meaning.

Key words: direct question, indirect question, particle **не**, particle **ли**, word order in the subordinate clause.

Саккини Мирко
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка и массовой коммуникации
Самарского университета, Россия, Самара
sacchini.mirko@gmail.com

ПРИСТАВКА *ИЗ-ВЫ-* В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена крайне актуальной сегодня проблеме лемматизации видовых пар русских глаголов для древнерусского и современного русского языка. Предлагаемый автором подход открывает путь к созданию так называемого аспектологического словаря русского языка. В древнерусских глаголах на *из-* и *вы-* автором выделяются четыре типа приставочного значения, которые влияют на их возможность создавать видовые пары. Их связь с общим, для *из-* и *вы-*, базовым представлением действия, доказывает существование единой приставки *из-/вы-*. Рассматриваемый в статье материал памятника древнерусской литературы XIV – начала XV вв. «Задонщина» представляет интерес и с точки зрения истории русской культуры.

Ключевые слова: древнерусский, видовые пары, семантическая иерархия, приставки *из-/вы-*, функциональные ограничения.

В древнерусской глагольной лексике присутствуют приставочные лексемы типа *изойти/выйти* (‘выйти, появиться откуда-либо’), *избрати/выбрати* (‘взять из, отобрать из’), которые, несмотря на разную форму их приставки, отражают одно пространственное значение: ‘выход, извлечение’. Данный факт позволил некоторым ученым рассматривать *из-* и *вы-* как стилистически противопоставленные формы одной приставочной единицы. Другие же ученые, исследующие особенности данных производных глаголов в старорусском и в современном русском языке, считают *из-* и *вы-* двумя самостоятельными приставками, из которых только *вы-* может выразить пространственные значения.

Но кроме значений пространственного типа, *из-* и *вы-* служили также для передачи еще двух типов значений глагола: временного типа для выражения разных оттенков интенсивности (*иззабыти* (‘забыть полностью’), *вытеряться* (‘потерять полностью’)) и грамматического типа для выражения идеи абсолютного

завершения их действия (совершенного вида). Последнее значение приставки могли передавать или вместе с пространственным или временным концептом, или без него, причём такие глаголы не использовались в некоторых синтаксических контекстах, например, в предложениях актуального настоящего.

В разных, но не во всех синтаксических контекстах некоторые подобные приставочные глаголы на *из-* и *вы-* могли составлять 'видовые пары', т.е. вступать в грамматические отношения с другой глагольной формой, указывающей на неабсолютное завершение действия (несовершенный вид). Последняя форма обеспечивала употребление обозначения действия приставочного глагола на *из-* и *вы-* в актуальном настоящем относительно момента речи/повествования, и морфологически образовывалась от нее посредством суффиксации (*излетети–излетати*), замены основы (*изойти–исходити*) или удаления самой приставки (*истеряти–теряти*). К сожалению, как и в случае с другими приставками, многие видовые пары, составленные приставочными глаголами на *из-* и *вы-*, могли оказаться в древнерусском еще в процессе образования. Следовательно, словари древнерусского языка могут их не отмечать. Кроме этого, образованные от приставочных глаголов на *из-* видовые пары могут частично отсутствовать сегодня в русском языке. Поэтому нужны критерии, чтобы при помощи словарей определить, когда именно от древнерусских глаголов на *из-/вы-* можно морфо-функционально восстановить их видовые пары и каким образом.

Относительно вышесказанного, в нашей работе ставятся следующие задачи:

- 1) придать формам *из-* и *вы-* статус единой приставки или статус разных приставок на основе этимологических, семантических, стилистических признаков;
- 2) установить роль типов значения, внесённых приставками *из-/вы-* в их производные глаголы, в процессе морфо-функционального образования их видовых пар в древнерусском.

Чтобы ответить на данные вопросы, в разделе 1 будет описана взаимосвязь между, с одной стороны, четырьмя классами способов глагольного действия, или характеров, глагола ('акционзартен'), т.е. между четырьмя лексическими классами действий, предусматривающими для древнерусских приставочных и

простых глаголов определенные семантико-синтаксические свойства и ограничения на их использование в предложении и, с другой стороны, морфо-функциональным строением видовых пар. В разделе 2, относительно к тем же приставкам *из-/вы-*, будут приведены морфо-семантические и стилистические данные для квалификации приставок *из-* и *вы-* в качестве двух форм одной приставки, имеющей одно общее пространственное базовое значение, которое сохраняется во всех типах (только-пространственном, пространственно-видовом, временно-видовом и только-видовом) их значений. На основе данных четырех типов значений, приставочные глаголы на *из-/вы-* будут отнесены к определённому способу глагольного действия и описаны с точки зрения возможности образовывать в древнерусском видеовые пары, имеющие специфические морфологические средства выражения и специфические синтаксические ограничения на их использование в предложении. В качестве примеров для каждого типа значений использованы глаголы из словарей древнерусского языка СД XI-XIV, СРЯ XI-XVII и Словаря Срезневского.

АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ: ВИД, ХАРАКТЕР ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ, СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ.

В лингвистике языковые средства, описывающие, как действие/ ситуация распределяется, развивается, ограничивается на оси времени, классифицируются в функционально-семантической макро-категории АСПЕКТУАЛЬНОСТИ. Согласно теории А.В. Бондарко [Бондарко 1972], формы и содержание глагольных единиц подвергаются системным ограничениям, касающимся их: 1. синтаксического использования в контексте; 2. стилистического использования в разных типах текстов. Данные ограничения связаны с характеристиками глагольных единиц на лексическом и на грамматическом уровне. Это касается и глаголов на *из-/вы-*.

Все действия, обозначаемые такими глаголами, независимо от производной или простой формы последних, относятся к положительному или отрицательному полюсу основной понятийной оппозиции аспектуальности – т.е. к понятию ограниченности/неограниченности действия пределом (предельности/непредельности). Ведь, либо действия могут заканчиваться в какой-то

точке, в какой-то момент на оси времени (*вытеряться, истратити, вычистити, прочитати; найти, сказати*), либо они могут существовать и быть изображенными на оси времени без ограничений (*теряти, тратити, читати, говорити; вычищати*). В рамках категории аспектуальности как древнерусского, так и современного русского языка, оппозиция предельности/непредельности отражается разными грамматическими и лексическими формами: на уровне грамматики, в категории вида глагола, где она обобщается, становясь абсолютной, несомненной, и обязательно выраженной одной или двумя формами, почти всегда посредством аффиксов (*вытеряться, закричати; прорубити-прорубати*); на уровне лексики, где, однако, оппозиция предельность/непредельность соединяется с различными временными понятиями (длительностью/внезапностью, прерывностью, и т.д.). Данные временной концептуализации необязательно выражаются глагольными аффиксами в рамках специфических классов глагольных действий, которые именуются в мировой аспектологии по-разному: Акционзартен (данный термин часто встречается в западных работах, посвященных изучению отношений между классами глаголов и категорией вида, как, например, в работах З. Вендлера, и в работах о развитии категории вида в праславянском), Акциональности [Падучева 1996, Саккини 2014], Характер (глагольного) действия [Исаченко 1960: 301–302]. Для данных классов глагольных действий мы будем использовать ярлык ‘характер глагольного действия’. Под этим термином мы, таким образом, имеем в виду классы глаголов, имеющих определенные семантико-синтаксические признаки, такие как предельность/непредельность и длительность/недлительность. Отметим ещё раз, что классы разных по характеру глаголов(лексика) и категория вида (грамматика) взаимно влияют друг на друга.

В древнерусском и в современном русском для выражения глагольного вида, кроме суффиксов *-а-* и *-ыва-*, важную роль играют приставки. Это касается, например, приставок *из-* и *вы-* в глаголах как *истеряти* (‘уничтожить’), *изойти* (‘выйти, прийти откуда-либо’), *вычистити* (‘сделать чистым’) и *вытеряться* (‘потерять полностью’). В данных глаголах приставки выступают в качестве грамматических средств указания на абсолютное до-

стижение окончательного предела или результата действия (результативности); т.е. относят глаголы к совершенному виду (далее СВ). Следовательно, тут приставки нужны глаголам, чтобы их действие изображалось как абсолютно оконченное (т.е. в конкретно-фактическом функциональном значении СВ), и поэтому оно используется только в прошедшем времени или в близком будущем. Противоположны приставочным глаголам СВ глагольные основы типа *теряти* ('уничтожать; терять') или формы, производные от них, образованные посредством суффиксов *-а-* и *-ыва-* (*вычищати*) или супплетивизма (*исходити*). Данные формы выступают в качестве коррелятов, а также словоформ (только при строгом сохранении идентичности словарной дефиниции) приставочных глаголов действия (СВ). Несовершенный же вид (НСВ) используется для выражения неабсолютного достижения окончательного предела, результата в их действии (нерезультативности). При этом, ситуациям НСВ функционально позволено использование только в трех контекстах, указывающих на: а) наблюдаемое развитие ситуации в момент речи/повествования (т.н. актуально-длительное значение), б) узуальное употребление (т.н. узуальное значение), в) неясный результат в прошедшем и будущем времени (т.н. общефактическое значение). При этом, независимо от грамматического времени, если между приставочными формами СВ и простыми или производными формами НСВ нет семантической разницы (как между *вытерятися* и *теряти*), то это ВИДОВАЯ ПАРА. Данное положение дел можно наблюдать, сопоставляя действие приставочного глагола *истеряти* с действием его основы *теряти*, когда они оба отражают значение 'уничтожить', как в следующих примерах из словаря Срезневского: *Татары дружину у нас истеряли. / Злая жена домъ мужа своего теряетъ*. В результате идентичной денотативной семантики, *теряти* считается словоформой приставочной леммы *истеряти*. В случае видовой пары простой глагол НСВ нужно всегда считать словоформой приставочного глагола СВ, а не наоборот, поскольку, как показывается в словарях древнерусского языка, не все значения простой леммы НСВ всегда реализуются одним глаголом СВ. В предыдущем примере стоит также отметить, что приставка действует в качестве лишь словоклассифицирующей единицы, т.е. она добавляет к основе *теряти*

только грамматическое значение результативности (*истеряти-теряти* (дружину, дом)). Видовая пара, однако, не образуется у *изойти* ('выйти, идти наружу') и его основы *и(д)ти*. Тут *идти* не выступает как вариант, словоформа *изойти*. Это различие объясняется тем, что у данного глагола приставка словообразовательная, т.е. добавляет не только грамматическое значение результативности к основе, но и конкретное дополнительное значение, в данном случае пространственное. Следовательно, для этого глагола видовая пара должна строиться по другому морфологическому типу. В аспектологии (и мы покажем это далее) именно семантическая природа приставочной нагрузки, является в конце концов основным критерием для правильного морфологического оформления видовых пар от одной приставочной леммы. Но видовая пара состоит из двух лексем и обозначаемые ими действия или явления: а) располагаются на временной оси в определенном порядке; б) имеют определенную временную концептуализацию, которую нельзя нарушать; в) могут не выражать те же видовые функциональные значения НСВ. Функциональная природа видовой пары (т.е. сумма ответов ее лексем в отношении к (а), (б) и (в)) основывается поэтому на самой семантико-синтаксической сущности ее лексем, которая описывается в терминах классов и характера глаголов.

Категория характера глагольного действия является только лексической и описывает не всегда только две, как вид глагола, а множество разных отображений действительности, разные семантические структуры. В научной литературе древнерусскую глагольную лексику по характеру глагольного действия делят на следующие группы: 1. предельные глаголы – все глаголы СВ или формы глаголов НСВ, которые явно являются словоформами лемм СВ, так как в этом случае они могут заменять глаголы СВ в историческом настоящем (например: *И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтъѣшася* [Саккини 2014]), передавая их идею достижения результата в плане настоящего, не модифицируя при этом исходное значение [Маслов 2004: 474–476]. Здесь глаголы СВ и глаголы НСВ (но только в историческом настоящем) могут сочетаться с обстоятельствами постепенной результативности (*в, за, на три дня*) или мгновенной результативности (*внезапно, сразу, мигом, ровно в 6 часов*). Среди предельных глаголов, ПРЕДЕЛЬНО-

ДУРАТИВНЫЕ (далее ПД) являются глаголами руководимыми, процессуальной длительности, например, как *прочитати-читати* книгу, *прорубити*. Они могут сочетаться только с первым типом обстоятельства. ПРЕДЕЛЬНО-ТОЧЕЧНЫЕ (ПТ), однако, являются не (или не вполне) руководимыми действиями достижения или происшествия, сочетаемыми только со вторым типом обстоятельства. Например, *найти, мигнути, увидети*. Непредельные глаголы являются, однако, только глаголами НСВ, которые отрицают контексты результативности (не сочетаясь поэтому с *в, за, на три дня* и с *внезапно, сразу, мигом, ровно в 6 часов*). В этой группе выделяются два главных типа глагольных действий: 1. НЕПРЕДЕЛЬНЫЕ НЕСТАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ (далее ННС) – т.е. длинные действия, руководимые субъектами в их развитии, которые начинаются, а затем продолжают, сохраняя одновременно в своем выдвигании вперед на оси времени постепенность и прерывность, но без определенного конца. Данные явления разделяются на 1.1. действия, которые, как *идти, ехати и летѣти*, только при употреблении в контексте с обстоятельствами определенного места (*въ город*), могут получить предельность; и на 1.2. действия, однако, которые, априорно, изображать какой-нибудь конец в своем развитии не могут: *работати, гуляти, кричати, светити; летати, ходити*. Обе разновидности нестативных глаголов допускают употребление со всеми функциональными значениями НСВ, а возможность для них создать видовые пары с глаголом СВ очень ограничена, именно потому, что у них идея достижения окончательного предела выражается крайне редко, не меняя их семантику. Ведь, данные глаголы при префиксации становятся обычно глаголами СВ для таких способов глагольного действия как *закричати*. Другая главная разновидность непредельных глаголов – глаголы состояния, НЕПРЕДЕЛЬНЫЕ СТАТИВНЫЕ (далее НСТ). В данный класс входят глаголы временного состояния, местоположения или восприятия (*сидети, стояти, видети*) или вневременного состояния и свойства (*содержати*). Данные глаголы только в первом случае могут служить базой для префиксации СВ и также вступать в видовые пары. Гибридной частью древнерусской глагольной лексики являются непредельные простые глаголы как *плакати* и *дивити*, которые долго употребляли даже в предельных контекстах, при смене типа характера глагольного действия, и,

следовательно, глагольного вида, без приставки результативности. Это единственная группа глаголов, в которой в древнерусском языке оппозиция грамматических времен была также видовой. Например: *плакахут/плакаша*; *дивяхут/дивяша* (сегодня: *плакали/заплакали*; *удивлять/удивить*). Данные 'неохарактеризованные по виду глаголы' затем были включены в морфологическую логику системы вида [Бермел 1997].

Необходимость определения характера (древне-)русского глагола для правильного морфо-функционального образования его видовой пары свидетельствуется в русской аспектологии. Е.В. Падучева [Падучева 1996] признает, что в современном русском языке, при сохранении идентичности словарной дефиниции, видовые пары являются не только формальной оппозицией двух слов (*выбрать-выбирать*), но и двухслойной функциональной оппозицией: а) на уровне синтаксиса предложения (*я выбрал его, когда.. – я сейчас его выбираю*), контекста, видовая пара соответствует оппозиции между конкретно-фактическим значением СВ и либо актуально-длительным, либо узуальным, либо общефактическим значением НСВ); б) на уровне леммы, лексикологии, видовые пары нужно толковать как предсказываемые ТИПЫ ВИДОВЫХ ПАР, т.е. как комбинации двух типов характера глагольного действия (*увидел-вижу*; *прочитал-читаю книгу*) [Падучева 1996].

Эта двойная функциональная природа русских (и древнерусских) видовых пар отражается в логике категории вида всех языков (даже без морфологического вида), когда предельные глаголы используются в результативных и в нерезультативных контекстах. Например, с целью избежать непарного использования вневременного НСТ английского глагола *to see*, видовая пара можно функционально воспроизвести (*I saw it/I see it*), толкуя его единственно как предельный глагол *увидеть*. На основе этого, можно в (древне-)русском предвидеть четыре функциональных типа видовых пар, исходя лишь из предельного глагола СВ: если глаголы СВ ПД, как *прочитати* и *прорубити*, то у них видовая пара ПРЕДЕЛЬНАЯ (т.е. постепенного осуществления), и НСВ используется для актуально-длительного, узуального и общефактического значения. На оси времени действие НСВ как *читати (книгу)* и *прорубивати* предшествует реализации его полного

окончательного достижения СВ; если однако СВ ПТ, то НСВ является лишь ее словоформой 1. для узуального значения, т.к. маркирует только повторяемость действия СВ (ТРИВИАЛЬНАЯ пара: *найти-находити*); 2. для всех функциональных значений НСВ, в качестве состояния НСТ, возникшего после начала СВ (ПЕРФЕКТНАЯ пара: *увидети-видети*), или предшествующего (ПРОЛЕПТИЧЕСКАЯ пара: *умерети-умирати*) его вероятному в будущем мгновенному результату (СВ). Пользуясь анализом Падучевой, можно также дать новую трактовку известной работы Ю.С. Маслова [Маслов 2004] о праславянском зародыше категории вида. Маслов говорит о том, что данная категория возникла вначале среди а) приставочных предельных глаголов ПД, которые были образованы префиксацией предельных и тех нестативных глаголов, которые допускали идею окончательного предела; и затем среди б) (приставочных) глаголах ПТ. Первые праславянские видовые пары оказались поэтому лишь предельными (*изнести-износити*) и тривиальными (*иссѣчи-иссѣжати*), созданными заменой основы и суффиксацией. Затем категория вида, и это еще наблюдается и в древнерусском, начала создавать видовые пары и от непредельных глаголов, порождая с помощью префиксации и суффиксации другие типы пар. Но посредством префиксации НСТ и ННС в праславянском и в древнерусском было создано особенно много приставочных лемм, чьи приставки были семантически вполне значимыми, указывая на пространственные или временные понятия СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ (в толковании московской традиции – В.В. Виноградова, Н.С. Авиловой, Анны Зализняк), как *иссечи* и *иззянати*. Глаголы, соотносимые с данными временными понятиями, являются только производными, и их приставки (в том числе *из-* и *вы-*) и суффиксы привносят в значение основы только специфические фазисные, временно-ограничительные/неограничительные или интенсивные значения.

Именно тип значения приставки, по мнению Маслова [Маслов 2004] (в праславянском) и Майо [Майо 1985] (в древнерусском), был решающим критерием морфологического создания видовых пар: при пространственной приставке, но только вместе с результативностью СВ (ПРОСТРАНСТВЕННО-ВИДОВОЙ), видовые пары оформлялись лишь посредством суффиксации и

заменой основ; при приставке способов действия с результативностью СВ (ВРЕМЕННО-ВИДОВОЙ), видовые пары оформлялись редко и (кроме ингрессивов на *по-*: *пойти-идти в город*) только через суффиксацию (*иссечи-иссекати*); при приставке только с указателем результативности СВ (ТОЛЬКО-ВИДОВОЙ), кроме суффиксации, было возможно создать видовые пары прямо префиксацией основы (*истратити-тратити*).

Имея в виду изложенное выше, можно описать морфологические, семантические и функциональные признаки приставки *из-/вы-*.

2. ПРИСТАВКА *ИЗ-/ВЫ-*

По мнению некоторых лингвистов, *из-* и *вы-* являются двумя функционально-семантически разными приставками. Находим данное толкование в работах над древнерусскими приставками XVI века С.Д. Никифорова [Никифоров 1952: 48–49]: «*Из-*: не имеет пространственного значения и выражает доведение действия до завершенности»; *вы-*: имеет также пространственное значение ‘изнутри’) и над современными русскими эквивалентами Е.Р. Добрушиной («...*из-* это ‘переход в другое состояние’; *вы-* ‘перемещение в другое пространство’ [Добрушина, Меллина, Пайар 2001: 60–68]

Но общие пространственные и конкретные значения у *из-* и *вы-* выявлены в раннем древнерусском: *изойти/выйти* (‘выйти, появиться откуда-либо’), *избрати/выбрати* (‘выбрать, выделить что-либо среди кого-/чего-л.’) [Белозерцев 1974: 124], и поэтому предыдущего толкования можно избежать. У *из-* и *вы-* проявляется общее семантическое понятие ‘выход’, к чему можно также свести предыдущие дефиниции Никифорова и Добрушиной, и, следовательно, все конкретные и отвлеченные значения их семантической парадигмы. О единстве приставки *из-/вы-* можно говорить, описывая данные формы с помощью когнитивно-семасиологического подхода [Саккини 2014]. *Вы-* и *из-* в (древне-)русском можно семасиологически считать единой приставкой, обладающей основной формой (с некоторыми морфологическими и морфо-стилистическими вариантами) и одним же базовым пространственным представлением (БП) во всех их использованиях, даже когда данный элемент выступает в функции предлога (это уже только для *из-*). Когнитивная сущность данного

подхода проявляется в возможности применить метод прототипов, чтобы структурировать и свести все возможные значения *из-* и *вы-* к БП единой приставки *из-/вы-*. Остановимся на этом подробнее: на морфологическом уровне главной формой приставки нужно считать *из-*, имеющую разные морфологические варианты в зависимости от типа начала основы: если слово начинается на глухую согласную, то компонент *з-* получает десоноризацию (*испити*); если слово начинается на аффрикату или на глухую фрикативную согласную, то элемент *з-* приставки может целиком исчезать, сливаясь с началом основы. Например: *исечи/иссечи*. Последний фонетический результат объясняется тем, что *из-* (*ис-*) отсылает нас к «праславянскому безъеровому периоду» (т.е. без *ъ* после *з*, что отмечается в словарях древнерусского языка) элемент **jъz-*, в варианте **jъs-* при глухих началах основы [Мейе 1912; Белозерцев 1966].

Элемент *из-* присутствует во всех славянских языках, древних и современных, и также в литовском языке, подтверждая его балтославянскую предысторию. Для *из-* существует и омографический предлог *из*, управляющий родительным падежом, который повторяет пространственные значения приставки *из-*: ‘выход’, ‘отделение, деление’. Следовательно, элемент *из* нужно истолковать как ПРИСТАВОЧНУЮ-ПРЕДЛОЖНУЮ ЕДИНИЦУ (далее ПП) со значением ‘выход, отделение’. А к *из-* сводятся только как ее морфо-стилистические варианты еще две формы: а) приставка *из-* употреблена только в старорусском для видо-временных значений полной тотальности, полного истощения. Данная форма явно отсылает к базовому значению ПП *из-*, представляясь ее русским «приспособлением», переработкой именно для передачи данных интенсивных понятий в бытовых, некнижных употреблениях. Например: *иззаняти* (‘полностью занять’). б) приставкой *вы-*, хотя как А. Вайан [Вайан 1966] доказывает, является этимологически заимствованием частицы германских языков **ut* (сегодня в английском *out*), имеющей основное значение ‘выход’, ‘наружу’. *Вы-* можно считать вариантом ПП *из-*, т.к., хотя она допускает все типы значений приставки *из-*, данная форма представляет некоторые дополнительные, по отношению к *из-*, ограничения на ее использование: *вы-* не имеет омографически соответствующего предлога и присутствует только в западных и восточных славянских языках.

Её распространение в южнославянских языках ограничено, поэтому и в старославянском, и в древнерусском она встречалась только в бытовых, некнижных контекстах. Ведь только 'истинная' общеславянская приставка *из-* (и в функции предлога) в старославянском могла создать слова для обозначения высоких и религиозных понятий и поэтому «иметь доступ» к церковнославянской литературе русской редакции. Отсюда присутствие в древнерусском рядов глаголов на *из-* и на *вы-*, имеющих то же самое пространственное значение что и у *изойти-выйти* ('выйти, пойти наружу'), но чье использование зависело от типа текстов. Факт, что *из-* не употреблялась (кроме редких случаев) в русской письменности для обозначения бытовых действий, оставляя производство новых пространственных, более конкретных значений формам на *вы-*. Пространственные значения у глаголов на *из-* со временем стали почвой для возникновения метафорических значений.

На основе вышесказанного единого общего пространственного значения 'выход' в ПП *из-*, и в ее варианте *вы-*, сохраняющегося через обобщения и метафоризацию во всех ее конкретных и отвлеченных употреблениях, можно придать единой приставке *из-/вы-* базовое представление (БП) пространственного типа 'ДЕЙСТВИЕ, ВЫДВИГАЮЩЕЕ ПРЕДМЕТ ИЗ ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВА ВО ВНЕШНЕЕ ПРОСТРАНСТВО, И СОЗДАЮЩЕЕ ЯВНОЕ ПЕРЦЕПТИВНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ В ТАКОМ ВНЕШНЕМ ПРОСТРАНСТВЕ'.

От БП единой приставки *из-/вы-* все ее приставочные глаголы классифицируется, в зависимости от более или менее явной связи с пространственной идеею БП, в рамках макро-групп глаголов с: 1. только-пространственным, 2. пространственно-видовым, 3. временно-видовым, 4. только-видовым значением. Каждая из макро-групп отражает: а) определенное приспособление семантической природы БП к семантико-синтаксическим характеристикам ее глаголов (БП 1, БП 2, БП 3, БП 4); б) семантические подзначения, созданные на основе БП в ее глаголах; в) определенные отношения ее глаголов на *из-/вы-* с морфо-функциональным выражением категории вида:

1. ТОЛЬКО-ПРОСТРАНСТВЕННОЕ: считается первым типом значения, которое возникло у приставки *из-/вы-* в праславянском, и первым исчезнувшим в ходе истории языка [Маслов 1958;

на семантику основы, не добавляя ни результативности, не предельности (БП 1). Это условие ограничивает не только процесс образования от глагольных основ, но и видовое использование в контексте, являясь причиной их непродуктивности модели уже в начале древнерусского периода. Налагая только значение БП на основу, приставка не меняет характера неопредельных основ, и производимые с ее участием глаголы образуются лишь от классов ННС и НСТ глаголов более ‘далеких’ от предельности: от основ состояния, восприятия (*выглядети*) и для основ неоднаправленного движения (*исходити, выходити, истекаети, вылетати*). Невозможность связать производные леммы на *из-/вы-* с результативностью СВ и с предельностью целом абсолютно препятствует образованию глаголов СВ этих видовых пар [Маслов 1958]. Данные глаголы используются только в контекстах НСВ почти исключительно для неактуальных значений: в сочетаниях с фазовыми глаголами (*начати, кончати, продолжати*), в контекстах неопределенной повторяемости и особенно для обозначения вневременных ситуаций, таких как географических описаний: *Исходитъ изъ градища того Васаньскаго 7 рекъ* [СРЯ XI-XVII].

2. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВИДОВОЕ: данный тип значения является частотным для глагольной лексики древнерусского периода. Здесь в приставках присутствует не только пространственное представление БП, но и результативность, и предельность (БП 2), что обеспечивает формирование на основе БП разных конкретных и абстрактных значений. Данные значения можно свести к следующим подзначениям БП 2: 2.1. ‘изнутри наружу’ и 2.2 ‘происхождение’:

2.1. имеет в себе некоторые подразделения:

2.1.1: ‘выход’: *извлечи* (‘потащить наружу’), *вывлечи* (‘потащить наружу’), *выяти* <гвоздь> (‘взять <гвоздь> из’) от ПД основ воздействия на предмет, или от ННС основ однонаправленного движения, которые могут получать предельность только в контексте: *изойти/выйти* (‘пойти наружу’), *избежати* (‘убежать из’) и *выбежати* (‘побежать наружу’), *вывести* (‘повести кого-то наружу’);

2.1.2: ‘проявление изнутри наружу вперед/вперед’: создаются глаголы конкретного действия от ННС основ движения: *вы-*

двигати вперед ('идя, проявляться вперед'), *выступити* ('проявиться вперед, наружу'), или глаголы абстрактного действия от неопредельных глаголов мышления: *выдумати/издумати* ('изобрести'). В этом глаголе действие изобретения подразумевает идею, проявившуюся 'наружу', перед другими людьми, из внутреннего процесса (*думати*) одного человека.

2.2. образуются глаголы обозначения конкретных или сильно отвлеченных действий, образованных от ННС основ движения *выехати* ('ехав, с одного места, добраться'), *вылетети* ('летев, с одного места, добраться'), *вытягивати* ('отдалить, тащить наружу'), или от ПД основ со значения воздействия на предмет/человека: *изранити* <из лука> ('ранить кого-то стрелкой из лука'), *измытися* ('моясь, избавиться от грязи'), *исчистити* ('очистить из').

В этой макро-группе, производные глаголы на *из-/вы-* образованы от предельных и неопредельных основ, и в основном они ПД. Следовательно, они способны, в отличие от только-пространственных, образовать предельные видовые пары (или тривиальные, если глаголы ПТ) только суффиксами *-а-* и *-ыва-* и их вариантов (*измытися-измыватися*), или посредством замены основы (*выйти-выходити*), т.к. приставку нельзя убрать при создании пары. Д, однако, глаголы ПТ, то они в актуально-длительном значении не употребляются.

3. ВРЕМЕННО-ВИДОВОЕ: БП на этом уровне словообразования станет 'стремление к переходу границы, окончательного предела, со внесением после этого значительного изменения' (БП 3). Создаются временные подзначения, характеризующие разные оценки сильной интенсивности: (3.1) 'дополнительная полнота'; (3.2) 'интенсивный оконченный результат'; (3.3) 'большое или полное распределение'. В деталях:

3.1. его глаголы реализуются от глаголов ПД и даже ПТ посредством приставки *из-* *иззянати* ('полностью занять какое-то пространство'), *иззаплатити* ('полностью оплатить'), *иззабыти* ('полностью забыть'); *вы-* *вытопити* ('полностью затопить'); и конфикса *вы-...-ся* *вытерятися* ('потерять полностью'). При этом глагольная основа получает дополнительную семантику тотальности, полноты, вследствие чего действие становится непо-

вторимым. Данная группа в аспектологии имеет название тотального способа действия, и является очень продуктивной с XV века [Годизова 1997: 105].

3.2. Сюда относятся такие глаголы, как *измучити* ('мучить до изнеможения'), *изрубити* ('разбитьтопором всё на мелкие части'), *изрыти* ('разворошить с большой интенсивностью'), *издробити* ('раздробить с большой интенсивностью'), *изукрасити* ('выкрасить в большой степени'), образованные от основы ПД и ННС со значением воздействия на предмет/человека. Приставка *из-* добавляет сильную интенсивность значению действия основы, и группа глаголов классифицируется в аспектологии под разными видами интенсивно-результативного способа действия. Данное подзначение не является очень продуктивным до конца XVII века [Годизова 1997: 105].

3.3. Отражается в глаголах *иззамкнути* ('закрыть всё'), *иззаложити* и *иззакладывати* ('заложить всё или многих'), *изморозити* ('заморозить, поморозить: о многом'), *изломати* ('ломать всё, много'), *иззасыпати* ('засыпать всё в большой мере'), *издрогати* ('испугаться, прийти в полное смятение'). Оно считается первым временно-видовым значением приставки *из-* в древнерусском и явно связано с БП *из-/вы-*. *Из-* вносит идею распределения действия основы на многих или всех людей и предметы. В отличие от 3.1., эти приставочные глаголы выражают ярче свое временно-видовое значение, если выступают в контексте вместе с наречиями степени и меры как *вся*, *всякие*. Данная группа в аспектологии получает название дистрибутивного способа действия и является очень продуктивной до XV века, когда начинает постепенно терять продуктивность [Годизова 1997: 106].

В этой макро-группе, кроме некоторых ПД глаголов группы 3.3., образуются лишь ПТ глаголы от неопредельных и предельных глаголов, часто и от глаголов СВ, уже приставочных. Видовые пары тут редки (никогда от глаголов с двумя приставками) и, когда они возможны, то всегда лишь лишь тривиальны (кроме редких случаев предельных пар от глаголов ПД группы 3.3.) из-за значительной интенсивности в значении приставки, и образованы лишь через суффиксы *-а-* и *-ыва-* и их варианты (*изрыти-изрывати*). В них словоформа НСВ используется лишь в кон-

текстах повторяемости или в историческом настоящем и не используется в процессуальных употреблениях. Сегодня, данные формы остаются в рамках просторечия и разговорного стиля [Годизова 2007: 105].

4. ТОЛЬКО-ВИДОВОЕ: *Из-/Вы-* действует лишь в качестве показателя результативности СВ: *выучити, выболети* ('потерять вес из-за болезни'), *изобретати, излагати, изрубити* ('убить топором'), *из(о)острити* (заточить'), *иссохнути* ('высохнуть'). В данных глаголах либо между приставочной формой и основой нет разницы денотативного значения, либо на первый взгляд не выявляются отношения между основой и приставочной формой. Такие глаголы как *выучити, изобретати, излагати* обозначают, что результат проявлен перед другими людьми (наружу) и извлечен от когнитивного процесса (внутреннего у человека). Так же у *иссохнути* и *выболети* наблюдается метафорическое извлечение какого-то компонента семантики 'из' основы: в случае *иссохнути*, удаляется влажность и вода из поверхности тела, которое следовательно станет сухим (*сохнути*); в случае *выболети*, 'вытаскивается' веса из тела человека (наружу), пока он оказывается в больном (внутреннем) состоянии. Полагаясь на гипотезу С.Х. Ван Шонефелда [цит.по: Саккини 2014], в каждом употреблении *из-/вы-* с только-видовым значением вклад БП приставки не исчезает, а просто либо дублирует значение основы (*выучити*), либо с ним сливается (*выболети*), становясь таким образом незаметным в общем значении производного глагола. В основном при этом рождаются глаголы ПД, независимо от характера глагольного действия, предельного и непредельного, глагольной основы. Тут важно отметить, что только в этой макро-группе глаголов можно удалить приставку производного глагола на *из-/вы-* при оформлении видовых пар (*выучити-учити, испытати-пытати*), т.е. когда приставка только дублирует значение основы. Однако, когда приставка вносит 'неклассифицируемое' новое значение, налагаемое на основу, могут создаваться видовые пары только с суффиксацией. Также только в этой макро-группе в силу повышения степени отвлеченности в значении глаголов, можно создать не только предельные и тривиальные пары, как и в других макро-группах, но и перфектные пары (*изобидети-обидети; истеряти-теряти; истязати-стязати*), которые, как

наши примеры, часто исчезали в конце древнерусского периода. Сюда же мы относим, хотя мы их не нашли в словарях, и так называемые пролептические пары, как *выиграть* – *выигрывать* (битву).

Хотя есть некоторая незначительная возможность допустить, что *из-* и *вы-* специализировались для обозначения некоторых разных тонких оттенков значений (как это отмечается некоторыми авторами относительно современного русского языка), у *из-* и *вы-* в древнерусском: пространственное БП идентично и оно сохраняется во всех типах значений и глаголах; главное различие их употребления лежит в сфере стилистики. Это приводит к выводу о том, что их следует считать двумя формами одной и той же ПП *из-/вы-*: *из-* использовалась для обозначения книжных, высоких понятий, а *вы-* для бытовых и более конкретных понятий.

Кроме того, определив тип приставочного значения и характер приставочной леммы на *вы-* и *из-*, можно морфологически и функционально сконструировать ее видовые пары, т.к. функциональный тип предсказывает ее синтаксическое поведение в предложении. А это открывает путь к созданию так называемого аспектологического словаря русского языка определённого исторического периода.

ЛИТЕРАТУРА

- Белозерцев Г.И.* Соотношение книжно-славянских и народно-разговорных элементов в древнерусском литературном языке XI–XVII вв. (на материале образований с приставками *из-* и *вы-* (пространственного значения), Москва, 1966 [Автореферат дисс... канд.филол.наук].
- Белозерцев Г.И.* Префиксы *вы-* и *из-* как различительные признаки ранних славянских переводов // Памятники русского языка: Вопросы исследования и издания. Москва, 1974. С. 121–140.
- Бермел Н.* Контекст и Лексика в развитии русского вида. Берkeley (Ка), США, 1997.
- Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Полевой подход. Амстердам, Филадельфия, 1991.
- Вайан А.* Сопоставительная грамматика славянских языков. В чести Андре Вайана, Глагол, Лион, 1966 [книга по-французски].

Годизова З.И. Развитие интенсивных значений приставки из- в русском языке XI-XVII // Вестник Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург, 2007, Сер. 9, Вып. 3. С. 103–110.

Добрушина Е.Р., Меллина Е.А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. Сборник. Москва, 2001. С. 59–70.

Майо П. Ж. Морфология вида в русском XVII века (на основе текстов Смутного Времени), Огайо, Колумбус, США, 1985. [книга по-английски].

Маслов Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Ю.С. Маслов. Избранные труды. Аспектология, Общее языкознание. Москва, 2004. С. 445–476.

Мейе А. Общеславянский язык, Париж, 1934.

Никифоров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века, М., 1952.

Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика, Нарратива, Москва, 1996. С. 1–188.

Саккини М. Видовые прото-пары в Задонщине: об отношениях между производной морфологией и аспектуальностью в древнерусском (канд. дисс), Университет Падуи, 2014. [Автореферат диссертации по-английски]

Словарь Древнерусского Языка (XI-XIV вв.), (т. I-VIII), М., 1988–2008. [в нашей работе СДЯ XI–XIV].

Словарь русского языка (XI–XVII вв.). Вып. 1–28. М., 1975–2008. [в нашей работе СРЯ XI–XVII].

Срезневский И.И. Словарь Древнерусского Языка, Репринтное издание, Москва, 1989.

Sacchini Mirko

PhD, Samara University, Russia, Samara

sacchini.mirko@gmail.com

THE PREFIX IZ-/VY- IN OLD RUSSIAN

In Old-Russian verbs with a prefix *iz-* and *vy-* four types of prefixal meaning are found. They condition the possibility for these verbs to create aspectual pairs. The same types of meaning are always tied to a common, for *iz-* and *vy-*, basic representation, that testifies the existence of a unique prefix *iz-/vy-*.

Key words: prefixes *iz-/vy-*, Old/Russian, semantic hierarchy, category of Aspect, aspectual pairs, character of the verb, morphology, functional restrictions.

Филатова Елена Алексеевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка для иностранных учащихся гуманитарных факуль-
тетов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
elafil@mail.ru

**КОСВЕННЫЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ
И МИНИМАЛЬНЫЕ СХЕМЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ПРОФ. В.А. БЕЛОШАПКОВОЙ**

Статья посвящена такой лингвистической и методической проблеме, как косвенные побудительные речевые акты в русском языке. Проблема эта рассматривается в соответствии с концепцией минимальных схем простого предложения профессора В.А. Белошапковой.

Ключевые слова: теория речевых актов, косвенный речевой акт, побуждение, минимальные схемы простого предложения

Как известно, профессор В.А. Белошапкова внесла значительный вклад в типологическое формально-синтаксическое описание русского языка, предложив свою концепцию минимальных схем простого предложения, отличную от концепции Н.Ю. Шведовой. Разработанная проф. В.А. Белошапковой типология позволяет исчислять типы простых предложений, которые используются при реализации тех или иных видов речевых актов. Так, например, список минимальных схем простого предложения может быть использован для исчисления типов простых предложений, способных выражать косвенное побуждение в русском языке, что чрезвычайно важно для теории и практики такой дисциплины, как РКИ.

Рассмотрим способы выражения косвенного побуждения в русском языке под углом зрения концепции минимальных схем простого предложения проф. В.А. Белошапковой.

Феномен речевой косвенности является языковой универсалией: он присущ многим языкам, в том числе и русскому. Суть речевой косвенности состоит в том, что иллюкутивная цель речевого акта (другими словами, коммуникативное намерение говорящего) в конкретном употреблении (в конкретном речевом акте)

соотносится с не соответствующей ей формой языкового выражения. Так, например, косвенным побудительным речевым актам соответствуют разнообразные типы вопросительных и повествовательных предложений, для которых побудительная функция по определению не является первичной.

Как известно, в основу англо-американской теории речевых актов, возникшей в русле лингвистической логики, была положена идея Дж.Л. Остина о перформативности, которую он открыл у некоторых глаголов английского языка [Остин 1986]. Перформативность значительного числа высказываний как проявление уникального свойства определенных словоформ давно не вызывает никаких сомнений. Действительно, слово может быть действием, однако при наличии определенных характеристик. Характеристики эти представляют либо кратким [Апресян 1986: 210], либо расширенным списком [Богданов 1985: 19].

Свойство перформативности создается в результате лексико-грамматического взаимодействия 1) у определенной группы акциональных глаголов – глаголов речи, 2) в определенных словоформах, 3) в условиях «эквitemпоральности» (совпадения времени, обозначаемого перформативным глаголом, с моментом речи). Доминирующей категорией в перформативном высказывании является эквitemпоральность, которая выражает темпоральную отнесенность¹ названного перформативом действия к моменту речи. Эквitemпоральность подчиняет себе не только грамматическую категорию времени (перформатив может иметь как форму настоящего актуального, так и форму будущего (преимущественно перфектного)), но и грамматическую категорию модальности (для перформатива возможны формы конъюнктива)²: *Участники конференции приглашаются в конференц-зал; Пассажиры просят пройти на посадку; Попрошу вас задержаться; Я просил бы вас выбирать выражения.*

Исходным постулатом теории речевых актов (Дж.Л. Остин, Дж.Р. Серль, Д.Вандервекен, А.Вежбицка и др.) является утверждение: иллюкутивный акт, или «производство конкретного

¹ Термин «темпоральная отнесенность» (Кошмидер 1962 (1934): 135) обозначает соотношение между положением данного факта на временной оси и говорящим.

² Речь идет о составе перформативной парадигмы.

предложения в определенных условиях», – это «минимальная единица языкового общения» [Серль 1986: 152]. Работая в направлении совершенствования таксономии основных классов иллокутивных актов, созданной Дж.Л. Остином¹, Дж.Р. Серль предложил считать базисными типами иллокутивных актов пять классов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации [Серль 1986: 170]. Е.В. Падучева в своей интерпретации теории речевых актов свела число основных классов к четырем: актам утверждения, обязательства, побуждения и вопроса [Падучева 1985: 24]. Вопрос о дифференциации речевых актов внутри каждого класса в соответствии с подходом, принятым в теории речевых актов, решается путем исчисления соответствующих перформативных и иллокутивных глаголов.

В нашей классификации, которая строится с учетом классификации речевых актов, предложенной Е.В. Падучевой, побуждение относится к классу «сильных» речевых актов и рассматривается нами как инвариант, связанный с побудительной ситуацией-прототипом. Побуждению как классу речевых актов соответствует речевая ситуация-прототип, характеризующаяся неизменным составом неварьируемых компонентов:

- 1) говорящий – инициатор побуждения,
- 2) адресат – исполнитель ответного действия,
- 3) побудительная интенция говорящего,
- 4) стимулирующее речевое действие говорящего.

Предложенное нами название («сильные» речевые акты) означает, что данные речевые акты предполагают «обратную связь» между говорящим и адресатом. Обратная связь выражается в запрограммированной в речевом акте побуждения реакции адресата: вербальные или невербальные его действия. Очевидно, что такой же спецификой (наличием «обратной связи») обладает и речевой акт вопроса и он также относится к «сильным» речевым актам.

¹ На основании разных групп перформативов Дж.Л. Остин выделял следующие классы иллокутивных актов: вердиктивы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы, экспозитивы [Остин 1986: 199 и далее].

При том что «условия успешности» («компоненты семантического разложения соответствующего глагола с актантами – говорящим и слушающим» [Падучева 1985: 24]), отражающие собственно прагматическое содержание речевых актов, у речевых актов класса побуждения и класса вопроса разные, в отечественной лингвистике давно сложилась традиция рассматривать вопрос как побуждение [Пешковский 1956: 392; Фортунатов 1956: 128]. Характеризуясь отчасти схожими «предварительными условиями» и «условиями искренности», побуждение и вопрос имеют схожее «назначение» (в интерпретации Е.В. Падучевой), или «цель» (в интерпретации Дж.Р. Серля). Приводим условия успешности речевых актов побуждения и вопроса в интерпретации Е.В. Падучевой.

Побуждение. Предварительные условия: 1. Говорящий считает, что слушающий в состоянии совершить действие. 2. Ни для говорящего, ни для слушающего не очевидно, что слушающий, при нормальном ходе событий, сам по себе совершит действие. 3. Состояние, которое является результатом действия, не имеет места. Условия искренности: говорящий хочет, чтобы слушающий совершил действие.

Вопрос. Предварительные условия: 1. Говорящий не знает ответа. 2. Ни для говорящего, ни для слушающего не очевидно, что слушающий сам сообщит нужную информацию, не будучи спрошен. 3. Говорящий считает, что слушающий знает ответ. Условия искренности: Говорящий хочет иметь информацию.

Обратим внимание на то, что семантическое значение лексической единицы, выбранной в качестве названия одного из «сильных» классов речевых актов, «побуждение» является результатом абстрагирования сущностных признаков, общих для разных видов речевых актов, входящих в один класс. Таким образом, «побуждение» как инвариант не элементарно по своей семантической структуре, оно представляет собой сочетание следующих обязательных семантико-прагматических компонентов: ‘адресованность речевого действия’, ‘целенаправленность речевого действия’, ‘заданность ответного действия’, ‘контролируемость ответного действия’. Конкретизируем названные компоненты:

1) ‘адресованность’: побуждение всегда адресовано исполнителю ответного действия а) непосредственно (побуждение 2-го,

крайне редко – 1-го лица) или б) путем передачи через транслятора (побуждение 3-го лица);

2) ‘целенаправленность’: побуждение имеет целью стимулировать ответные вербальные или невербальные действия исполнителя;

3) ‘заданность ответного действия’: ответное действие исполнителя «запрограммировано» в побудительном речевом акте, будучи представленным в нем эксплицитно (входит в пропозициональное содержание речевого акта, например, *Забудь мой номер и больше не звони*) или имплицитно (подразумевается говорящим и выводится слушающим из дискурсных и семантических импликатур, например, *Вы своей сумкой весь проход загородили* = ‘уберите сумку с прохода’);

4) ‘контролируемость ответного действия’: исполнитель способен контролировать свои действия и влиять на свое состояние.

Побуждение как класс речевых актов соотносится с функционально-семантическим полем «Побудительность», синтаксический «срез» которого приводится ниже.

Критерием отбора ядерных или периферийных синтаксических единиц ФСП «Побудительность» служит первичность или вторичность их побудительной функции. Под первичной функцией языковой единицы понимаем реализацию в речи ее системной предназначенности в условиях инициальной, иллокутивно «невынужденной» реплики (термин А.Н. Баранова, Г.Е. Крейдлина [Баранов, Крейдлин 1992]. Так, ядерную часть поля «Побудительность» образуют синтаксические единицы, для которых побудительная функция является первичной, а именно:

- **императивные** предложения (*Отправь свое резюме не позднее среды*),
- **перформативные** предложения (*Просьба выключить мобильные телефоны*),
- предложения с **независимым инфинитивом** (*По газонам не ходить*),
- предложения с формами так называемого **побудительного наклонения** (*Чтоб тихо было! Никаких свиданий!*),
- **эллиптические** именные и наречные предложения (*Сдачу, пожалуйста. Вон отсюда*),

- предложения с **предикатом-междометием** или **предикатом-частицей** (*Айда с нами! На! Кыш! Давай*).

К периферии ФСП побудительности традиционно относятся единицы, для которых побудительная функция не связана с реализацией их системной предназначенности, а является результатом транспозитивного употребления в нестандартных для них условиях, т.е. в условиях побудительной ситуации. Таковы формы **индикатива**, **конъюнктива**, а также формы **интеррогативных** предложений. Ядерные и периферийные формы «стягиваются» в единое ФСП «Побудительность» благодаря общему инвариантному значению, которое мы рассмотрели выше.

Итак, сделав общие необходимые замечания относительно специфики речевых актов класса «Побуждение», а также ядерной и периферийной зоны функционально-семантического поля побудительности, перейдем непосредственно к рассмотрению синтаксического аспекта косвенного побуждения.

Напомним, что косвенный речевой акт характеризуется тем, что его иллокутивная цель выражается не соответствующей ей языковой формой. Ниже приводятся примеры разнообразных типов вопросительных и повествовательных = утвердительных предложений (с формами индикатива и конъюнктива), для которых побудительная функция является вторичной. Несмотря на то, что такие синтаксические единицы располагаются на периферии ФСП побудительности, они обладают высокой частотностью употребления.

Несобственно-вопросительные предложения

1. Эмоционально окрашенные несобственно-вопросительные предложения

Несобственно-вопросительные предложения «со значением эмоционального отклика на сложившуюся ситуацию» [Валимова 1978: 28] выражают те виды побуждения, которые имеют разной интенсивности «отрицательный эмоциональный заряд» и в силу этого связаны с изменяющей прескрипцией ‘измени Р на не-Р’: *Вы можете помолчать?* = ‘помолчите’, *Почему обязательно надо руками трогать?* = ‘не трогайте руками’. *Неужели так*

трудно запомнить? [Бабушке нельзя сладкого!] = ‘запомни’ Такие предложения используются для выражения просьбы или требования, сопровождающихся раздражением говорящего.

2. Нейтральные в эмоциональном отношении несобственно-вопросительные предложения

В эту группу входят предложения, построенные по разным моделям. Под моделью предложения (в отличие от минимальной схемы предложения) понимается образец, отражающий не только пропозициональную часть речевого акта (предикативно-номинативный минимум предложения), но и его иллокутивную силу (коммуникативное намерение говорящего).

1) модель «**Не + предикат¹ + (ли) + (Вы_{1/2/3})...?**» (*Нет ли у вас красной ручки? Не будет ли у вас сигаретки? Не лучше ли тебе прилечь?*) используется для выражения запроса совета, совета, просьбы, приглашения;

2) модель «**Вы_{1/3/4} + не + предикат² (бы)...?**» (*Вас не затруднит перейти в другую аудиторию? Вам не сложно будет принести нам кофе?*) используется для выражения просьбы;

3) модель «**Почему (бы) + дательный субъекта + не + инфинитив..?**» (*Почему бы нам не пригласить их в гости?* = ‘давай пригласим их в гости’, *Почему бы тебе не переучиться на автомеханика?* = ‘переучись на слесаря’, *Почему бы нам сейчас не сходить в бар?* = ‘давай сходим в бар’) используется для выражения совета, приглашения, предложения;

4) модели «**(А) не + инфинитив + (ли) + дательный субъекта...?**» (*А не выпить ли нам чего-нибудь?*),

«**(А) что если + инфинитив + дательный субъекта...?**» (*А что если нам сейчас поехать на озеро?*),

«**(А) как насчет**

а) того, чтобы + дательный субъекта + инфинитив?»

¹ Предикаты в данной модели имеют лексические и морфологические особенности, о которых здесь не упоминается.

² Предикаты в данной модели имеют лексические и морфологические особенности, о которых здесь не упоминается.

б) родительный пропозитивный (сущ. в род. падеже с пропозитивным значением)?» (*А как насчет того, чтобы потанцевать? Как насчет буфета?*) используются для выражения совета, приглашения, предложения;

5) модель с **модальным словом** в роли вопросительного (*Могу я задать вам один вопрос? Можно мне оставить у вас вещи?*) используется для выражения запроса разрешения;

б) модели с вводно-модальным **может быть/может**, с предикатом-перфектным глаголом в форме **инфинитива**, **индикатива** или **конъюнктива** (*Может быть, вы мне что-нибудь посоветуете? Может быть, вам попробовать успокоительный сбор на ночь? Может, поговорим?*) используются для выражения запроса совета, совета, просьбы, приглашения, предложения;

7) модель без модального слова, с предикатом-перфектным глаголом в **форме будущего времени** (*Вить, сходишь в магазин? Погуляем?*) используется для выражения просьбы, приглашения, предложения;

8) модель без модального слова с предикатом-глаголом в **форме прошедшего времени** (*Побежали? Ну что, понесли? Взяли?*) используется для выражения предложения или побуждения-сигнала;

9) модель с **частицами**, которые отражают оценку ситуации (*Ты все еще злишься?* = ‘кончай злиться’, *Вы уже уходите?* = ‘не уходите так рано’), используется для выражения просьбы.

Несобственно-повествовательные предложения

1. Несобственно-повествовательные предложения с формами индикатива настоящего времени

1.1. Предложения, содержащие оценку действия исполнителя

Эту группу составляют предложения, в которых выражается отрицательная оценка действий исполнителя, которая порождает изменяющую прескрипцию (*Подслушивать неприлично.* = ‘не подслушивай’, *Не здороваться некультурно.* = ‘здоровайся’, *Наедаться на ночь вредно* = ‘не наедайся на ночь’).

1.2. Нейтральные в отношении оценки предложения

«Ты»-ориентированные предложения: предикат в них указывает на действие исполнителя, к которому его побуждает

говорящий (*Нечего на меня кричать. За обедом не разговаривают. Берем петрушечку, лучок!*);

2) **«Я»-ориентированные предложения:** предикат в них указывает на действие или потребности говорящего, стимулирующие ответное действие адресата (*Жду вас завтра ровно в час.* = 'приходите завтра ровно в час', *Мне нужны эти документы сегодня.* = 'подготовьте эти документы сегодня', *Прошу.* = 'проходите', 'садитесь', 'берите');

3) **«Я/ты»-неориентированные предложения:** предикат не указывает ни на действие исполнителя, ни на действие или потребности говорящего, стимулирующие ответное действие исполнителя (*Пожалуйста.* = 'проходите', 'садитесь', 'берите'; *Суп остывает.* = 'иди есть', 'ешь'; *Машина!* = 'будь осторожен', *Закрывается* = 'нельзя входить', 'не входите', *Коллеги, регламент!* = 'просьба соблюдать регламент').

Внутри выделенных групп предложений проводится дальнейшая дифференциация (которая остается за рамками данной статьи) на основании таких формально-грамматических и семантических признаков, как 1) наличие/отсутствие модального слова в составе предиката, 2) наличие/отсутствие личного местоимения в позиции семантического субъекта, 3) морфологическая выраженность предиката (междометные, наречные предикаты), 4) «протяженность» (однословные/развернутые предложения), 5) тип сообщения, детерминированный предложением данной группы (констатация, информирование, мотивация).

2. Несобственно-повествовательные предложения с формами индикатива прошедшего времени

2.1. Предложения, содержащие отрицательную оценку действий исполнителя

В отличие от предложений, содержащих оценку действий исполнителя, с формами настоящего времени предложения с формами прошедшего времени всегда используются в речевых актах в интересах говорящего: *Ты уже замучила меня/всех своими нотациями.* = 'отстань со своими нотациями', *Вы своей сумкой весь проход загородили* = 'уберите свою сумку с прохода'. Такие предложения характеризуются наличием семантически избыточного местоимения *свой*, что свидетельствует о раздражении говорящего.

2.2. Нейтральные в отношении оценки предложения

«Ты»-ориентированные предложения: *Пошли с нами в бар.*

Побежали, побежали все к Деду Морозу! Кончили разговорчики!;

«Я/ты»-неориентированные предложения: *Ваше время истекло.* = ‘заканчивайте выступление’, *У вас шнурок развязался* = ‘завяжите шнурок’, *Перемена закончилась* = ‘идите в класс’.

3. Несобственно-повествовательные предложения с формами индикатива будущего времени

1) **«Ты»-ориентированные предложения:** *Возьмешь корзину, будешь яблоки складывать. Таня, будет лучше, если ты немного помолчишь.*

2) **«Я»-ориентированные предложения:** *Буду ждать вас завтра ровно в пять.* = ‘приходите завтра ровно в пять’, *Для этого соуса мне понадобятся грибы, [и еще орехов купите].*

4. Несобственно-повествовательные предложения с формами конъюнктива

Предложения с формами сослагательного наклонения ориентированы на «перестройку действия» адресата [Кулькова 1986: 197] и, соответственно, связаны с теми видами побуждения, для которых характерна изменяющая прескрипция ‘измени Р на не-Р’: *Ты бы сам чего-нибудь приготовил, если мать на работе, Чем дома сидеть, лучше бы прогулялся.* Такие предложения используются для выражения совета, просьбы и предложения.

Анализ большого количества примеров, в которых выражается косвенное побуждение в русском языке, позволил сделать следующие выводы и обобщения.

1. Для косвенных побудительных речевых актов характерна изменяющая прескрипция: ‘делай Р’, ‘делай не-Р’ (при соответствующих «презумпциях существования»).

2. Для некоторых речевых актов (запрос разрешения, запрос совета, побуждение-сигнал) форма вопросительного или повествовательного предложения наряду с формой императивного предложения является узальной.

3. Некоторые виды побуждения (разрешение, наставление, предупреждение, запрещение) в качестве косвенного способа выражения используют только форму повествовательного предложения.

4. Вопросительные и повествовательные предложения, использующиеся в побудительной функции, характеризуются разными «иллокутивными потенциалами». Более высокий «иллокутивный потенциал» отмечается у повествовательных предложений: они задействованы в реализации большего количества видов побуждения.

5. В сфере косвенного побуждения действует прагматический «естественный отбор»: количественно преобладают «ты»-ориентированные предложения с формами индикатива как стоящие ближе к императивным предложениям по формальной и семантической устроенности.

6. Степень конвенционализированности у рассматриваемых нами языковых единиц разная. Конвенционализированные косвенно-побудительные предложения-высказывания имеют тенденцию к воспроизводимости: за ними стоят конкретные модели-фразеосхемы. От коммуникантов в этом случае требуется знание языковых форм и условий их употребления. Неконвенционализированные предложения-высказывания имеют характер производимых каждый раз заново. Это предполагает наличие у коммуникантов общих фоновых знаний, умение адресата оперативно пользоваться фоновой информацией, а также умение выводить из высказывания в контексте речевого акта дискурсные импликатуры с целью его адекватной интерпретации, т.е. умение логично мыслить.

Что же касается вопроса исчисления типов предложений, способных выражать косвенное побуждение в русском языке, то он легко решается посредством использования списка минимальных схем простого предложения проф. В.А. Белошапковой. Представление структурно-синтаксического аспекта косвенного побуждения сделаем на примере несобственно-повествовательных предложений в соотношении с тремя блокам минимальных схем простого предложения. [Белошапкина 1997: 724–727].

I блок (двухкомпонентный номинативный). Все четыре схемы «работают» при выражении косвенного побуждения:

1. $N_1 V_f$ (*Суп остывает* = ‘идите обедать’);
2. $N_1 \text{Cop}_f \text{Adj}_{f1/5}$ (*Чай готов* = ‘иди пить чай’);

3. $N_1 \text{Cof}_f N_{1/5}$ (*Хороший подарок – часы* = ‘подарите ему часы’);
4. $N_1 \text{Cof}_f N_{2...pr} / \text{Adj}_{pr}$ (*Твой смех неуместен* = ‘прекрати смеяться’).

II блок (двухкомпонентный инфинитивный). Четыре из пяти минимальных схем задействованы при выражении косвенного побуждения:

1. InfV_f (*Курить воспрещается. Не мешало бы нам проветрить помещение*);
2. $\text{InfCof}_f \text{Adj}_{f/1/5}$ (*Разумнее было промолчать* = ‘в следующий раз молчи’);
3. $\text{InfCof}_f \text{Inf}$ (*Любить – это значит прощать* = ‘прости его’);
4. $\text{InfCof} N_{2...pr} / \text{Adv}_{pr}$ (*Наедаться перед сном вредно* = ‘не наедайся перед сном’, *Молчать некстати* = ‘не молчи’);
5. $\text{InfCof}_f N_{1/5}$.

III блок (однокомпонентный). Шесть из восьми минимальных структурных схем простого предложения задействованы при выражении косвенного побуждения:

1. $V_{s3/n}$ (*Темнеет* = ‘пойдем быстрее’, *Захолодало* = ‘пойдем в дом’);
2. V_{pl3} (*За обедом не разговаривают, Докладчика не перебивают*);
3. $\text{Cof}_{s3/n} \text{Adj}_{fn}$ (*Холодно* = ‘закрой окно’);
4. $\text{Cof}_{s3/n} N_{2...pr} \text{Adv}_{зк}$ (*Пусть будет по-твоему* = ‘делай как хочешь’);
5. $\text{Cof}_f N_1$ (*Тишина* = ‘молчите все’);
6. Inf (*Вам ходить* = ‘делайте ваш ход’);
7. $\text{Cof}_{pl} N_{2...pr} / \text{Adv}_{pr}$;
8. $\text{Cof}_{pl3} \text{Adj}_{fp1}$.

Таким образом, благодаря списку минимальных схем простого предложения проф. В.А. Белошапковой, который носит закрытый характер, можно легко представить структурно-синтаксический аспект косвенного побуждения в русском языке и увидеть за бесконечным разнообразием реальных косвенных речевых актов конечный список синтаксических моделей, что, с одной стороны, имеет безусловную типологическую ценность, а с другой стороны, является экономным способом представления языкового материала при обучении русскому языку иностранных учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // ВЯ, 1992, № 3. – С. 84–93.
- Валимова Г.В.* Синонимия вопросительных предложений // Вопросы синтаксиса русского языка. Сб. статей. – Ростов-на-Дону, 1978. – С. 23–31.
- Кошмидер Э.* Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. Сб. под ред Ю.С. Маслова. – М.: Иностр. лит., 1962.
- Кулькова Р.А.* Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке. Дисс... канд. филол. наук. – М., 1986.
- Остин Дж. Л.* Слово как действие // НЗЛ. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд-7-е. – М.: Учпедгиз, 1956.
- Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт? // НЗЛ. Вып. 17. – М., 1986. – С.151–169.
- Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // НЗЛ. Вып. 17. – М., 1986. – С. 170–194.
- Современный русский язык.* Учебник для филологических специальностей высших учебных заведений. Под ред. В.А. Белошапковой. Изд. 3-е. – М.: Азбуковник, 1997.
- Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1956.

Elena A. Filatova

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

elafil@mail.ru

INDIRECT IMPERATIVE SPEECH ACTS AND THE THEORY OF MINIMUM SCHEMES BY PROF. V.A. BELOSHAPKOVA

The article deals with such linguistic and methodical problem as indirect imperative speech acts in Russian. This problem is discussed in according to the theory of minimum schemes of simple sentences by prof. V.A. Beloshapkova.

Key words: Speech act theory, indirect speech act, imperative, minimum schemes of simple sentence.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Гаврилова Валентина Ивановна
кандидат филологических наук, старший научный
сотрудник ВИНТИ РАН, Москва, Россия
VIGavrilova123364@yandex.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ АГЕНСА-ИСПОЛНИТЕЛЯ И АГЕНСА-ИНИЦИАТОРА СИТУАЦИИ В СОСТАВЕ ВОЗВРАТНЫХ СТРАДАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Исследование сфокусировано на изучение русских возвратных конструкций, подлежащим которых присуща роль пациенса и в которых агенс ситуации остается морфологически не выраженным.

В работе обсуждаются две взаимно-связанные оппозиции «агенс-исполнитель vs агенс-инициатор» и «производящая переходность vs иницирующая переходность». Описываются онтологические ситуации двух типов, лежащие в основе разграничения переходности производящего и иницирующего типов. В исследовании демонстрируется, что существует корреляция между переходностью производящего типа и страдательным значением парного возвратного глагола, с одной стороны, и между переходностью иницирующего типа и декаузативным значением парного возвратного глагола, с другой стороны.

Развитие технического прогресса привело к полной автоматизации многих процессов, ранее выполнявшихся вручную. Продемонстрировано, что это стало причиной сдвига, при котором переходные глаголы производящего типа меняют свое значение на иницирующее, а парные возвратные глаголы меняют страдательное значение на декаузативное.

Ключевые слова: онтологическая ситуация, агенс-исполнитель, агенс-инициатор, переходность производящего типа, переходность иницирующего типа, русские рефлексивные (возвратные) глаголы, страдательные (пассивные) конструкции, декаузативные конструкции.

1. Уточнение терминологии

Ситуации, содержанием которых является воздействие человека на неодушевленную субстанцию, приводящее к преобразованию этой субстанции, можно описывать, помещая в фокус внимания либо производящего изменения человека, либо изменяемую неодушевленную субстанцию:

(I) Если в фокусе внимания находится человек, то ситуация описывается с помощью переходных конструкций $N^1_{им} V_{нсв}$ $N^2_{вин}$ и $N^1_{им} V_{св} N^2_{вин}$ ¹, в качестве подлежащих которых выступают существительные, являющиеся наименованием производящего воздействие человека, а в качестве прямых дополнений — существительные, являющиеся наименованием изменяемой от этого воздействия неодушевленной субстанции.

(II) Если в фокусе внимания находится изменяемая неодушевленная субстанция, то ситуация описывается с помощью **конструкций с пациентивным подлежащим**, сокращенно **пациентивных конструкций** двух видов:

- **возвратных пациентивных конструкций** $N^2_{им} V_{нсв-ся}$ и $N^2_{им} V_{св-ся}$, сказуемые которых выражены личной формой возвратного глагола парного глаголу-сказуемому переходной конструкции;
- **причастных пациентивных конструкций**, сказуемое которых выражено предикативной формой страдательного причастия, образованного от переходного глагола СВ.

При этом в данном исследовании термин «причастные пациентивные конструкции» употребляется для обозначения меньшего, чем обычно набора типов конструкций. А именно, с помощью этого термина обозначаются только конструкции типа $N^2_{им} PredPart -н/-м(V_{св})$. А конструкции типа $N^2_{им} PredPart -м(V_{нсв})$ и $N^2_{им} PredPart -н/-м(V_{нсв})$ из рассмотрения исключаются, поскольку предикативные формы страдательных

¹ Говоря о переходных конструкциях говорится, что они построены по формуле $N^1_{им} V N^2_{вин}$, мы имеем в виду, что в этих конструкциях прямое дополнение является единственной сильноуправляемой формой. Конструкции типа *Мама наполнила банку вареньем* или *Петя выдавил пасту из тюбика* в данном исследовании не рассматриваются.

причастий на *-м* и *-н/-т* от глаголов НСВ непродуктивны и немногочисленны.

Таким образом, в настоящем исследовании, несколько огрубляя реальную картину, существующую в русском языке, мы считаем:

- что пациентивные конструкции в перспективе НСВ оформляются только с помощью личных форм возвратных глаголов НСВ;
- что термин «причастные пациентивные конструкции» употребляется для обозначения конструкций только типа $N^2_{им} PredPart -н/-т(V_{сов})$ со сказуемым, выраженным предикативной формой страдательного причастий на *-н/-т* образованных от глаголов СВ.

В работах [Гаврилова 2010; 2012а; 2012б; 2014] вводятся два разных типа онтологических ситуаций (сокращенно ОнтС): ОнтС I и ОнтС II, событийное содержание которых характеризуется разной степенью участия агенса-человека в процессах изменения неодоушевленного пациенса этих ситуаций.

ОнтС I – это ситуация, описывающая процесс изменения неодоушевленной субстанции, осуществляющийся за счет непосредственного антропогенного воздействия. Такого рода процессы на всех этапах своего осуществления обусловлены волей человека и нуждаются в его непосредственном участии. Во время осуществления этих процессов между человеком и неодоушевленной изменяемой субстанцией существует постоянная пространственная смежность, контакт.

Ситуации такого рода складываются, например, при осуществлении полностью антропогенных процессов, например, строительства домов, механической обработки пищевых продуктов и т.п.

ОнтС II – это ситуации, в процессе реализации которых изменения неодоушевленной субстанции осуществляются без непосредственного участия в них человека, на долю которого остается лишь инициирование и поддержание условий, необходимых и достаточных для возникновения и поддержания процессов закономерного проявления природных свойств изменяющейся неодоушевленной субстанции. При этом непосредственного воздей-

ствия человека на неодушевленную субстанцию на всем протяжении осуществляемого процесса не предполагается, т.е. между одушевленным лицом и изменяемой неодушевленной субстанцией, не возникает стойкой пространственной смежности, контакта, сохраняющегося на всем протяжении процесса изменения неодушевленной субстанции.

Ситуации такого рода складываются, например, во время осуществления процессов горячей обработки пищевых продуктов. Так, например, картофель варится или жарится, в результате того, что его помещают в определенную среду (водную или масляную), имеющую достаточно высокую температуру. В эти условия картофель помещает человек, но в самом процессе варки или жарки человек участвует не как исполнитель, а всего лишь как оператор-наблюдатель, способный лишь варьировать условия, в которых находится приготавливаемый продукт.

ОнтС I и ОнтС II характеризуются разным распределением агентивности между участниками ситуации:

- В ОнтС I неодушевленная субстанция является лишь местом приложения сил одушевленного участника. В ситуациях такой специфики неодушевленному участнику чужда даже малейшая доля агентивности. В то время как одушевленный участник наделен агентивностью в полной мере.
- В ОнтС II неодушевленная субстанция является не местом приложения сил одушевленного участника, а ареной, на которой при некоторых условиях способны проявиться свойства, имманентно присущие этой неодушевленной субстанции, например, ее физические или химические свойства. Таким образом, неодушевленной субстанции, претерпевающей воздействие со стороны человека, присуща спонтанная агентивность, т. е. агентивность, которая не может не проявиться, как скоро эта субстанция попадает в соответствующие необходимые и достаточные условия. При этом одушевленный участник наделен агентивностью не в полной мере, поскольку агентивность человека-агенса сводится к инициации и поддержанию процессов изменения пациента, осуществляющиеся автономно без его участия человека

Производящими переходными конструкциями (переходными конструкциями производящего типа) условимся именовать переходные конструкции, описывающие ОнтС I.

Подлежащее производящих переходных конструкций характеризуется как **агенса-исполнитель**.

Иницирующими переходными конструкциями (переходными конструкциями иницирующего типа) условимся именовать переходные конструкции, описывающие ОнтС II.

Подлежащее иницирующих переходных конструкций характеризуется как **агенса-инициатор**.

Переходная и непереходная пациентивная (возвратная или причастная) конструкции, описывающие одну и ту же онтологическую ситуацию, условимся именовать **параллельными конструкциями**.

Как возвратные, так и причастные пациентивные конструкции, в которых агенса описываемой ситуации не представлен никакой словоформой, условимся именовать **безагенсаными пациентивными конструкциями**. Итак, безагенсаными пациентивные конструкции включают в свой состав только сказуемое и пациентивное подлежащее.

Когда в качестве сказуемых пациентивных конструкций функционируют предикативные формы страдательных причастий, это гарантирует пациентивным конструкциям страдательную интерпретацию. Однако такая гарантия отсутствует в тех случаях, когда в качестве сказуемых пациентивных конструкций выступают предикативные формы возвратных глаголов НСВ. В этом легко убедиться, сравнив между собой конструкции (1нсв) и (1св), (2нсв) и (2св), описывающие одну и ту же онтологическую ситуацию в перспективе НСВ и СВ.

(1нсв) *Ветхая одежда обычно **рвется** на тряпки.*

(1св) *Ветхая одежда как обычно **была разорвана** на тряпки.*

(2нсв) *Ветхая одежда легко **рвется** от натяжения.*

(2св) *Ветхая одежда с легкостью **разорвалась** от натяжения.*

С помощью конструкции (1нсв), описывается процесс, осуществление которого неразрывно связано с целенаправленной деятельностью человека. **В СВ та же ситуация описывается с**

помощью конструкции (1св), в качестве сказуемого которой выступает предикативная причастная форма *была разорвана*. Обе конструкции (1нсв) и (2нсв) в традиционной отечественной русистике признаются страдательными конструкциями.

С помощью конструкции (2нсв) описывается процесс, который осуществляется самопроизвольно вне целенаправленного участия человека. **В СВ эта ситуация описывается с помощью конструкции (2св), в качестве сказуемого которой выступает предикативная форма возвратного глагола СВ *разорвалась*.**

Конструкции подобные (2св) в [Падучева 2001] предлагается трактовать как декаузативные конструкции. В этой работе вопрос о залоговой характеристике конструкций, подобных (2св) не ставится. Прямого ответа на этот вопрос не удастся найти и в традиционных залоговых концепциях, излагаемых в [АГ 1970; АГ 1980]. Ориентируясь на косвенные указания можно сделать вывод, что сказуемые конструкций, называемых Е.В. Падучевой декаузативными, в этих грамматиках формами страдательного залога не считаются.

Итак, страдательная интерпретация сказуемых пациентивных конструкций зависит от морфологического оформления этих сказуемых следующим образом:

Причастные сказуемые однозначно интерпретируются как формы страдательного залога, поскольку включающие их в свой состав пациентивные конструкции всегда описывают такие изменения пациента ситуации, которые наступают в результате преднамеренного воздействия человека.

Залоговый статус сказуемых **возвратных сказуемым** в составе пациентивных конструкций зависит от типа изменений, описываемых в этой ситуации. В случае ситуаций преднамеренного воздействия человека на неодушевленную субстанцию, например, как в (1нсв), возвратное сказуемое НСВ трактуется как форма страдательного залога. Напротив, вопрос о залоговом статусе сказуемого пациентивной конструкции остается открытым в том случае, когда ситуация такова, что изменения неодушевленной субстанции происходят самопроизвольно без преднамеренного воздействия со стороны человека, например, как в (2нсв) и (2св).

2. Парадигматика пациентивных конструкций без морфологически выраженного агенса

Страдательные конструкции могут быть подразделены на два вида:

- страдательные конструкции, в составе которых агентивное дополнение в творительном падеже находит свое лексическое выражение;
- страдательные конструкции, в составе которых агентивное дополнение своего лексического выражения не находит. Далее конструкции такого типа мы будем называть **безагенсными страдательными конструкциями**.

Е. Курилович по-разному оценивает грамматическую значимость этих двух разновидностей страдательных конструкций:

1. Основной грамматической функцией пассива является обеспечение возможности построения синтаксической конструкции, которая не будет включать в свой состав агенса, поскольку он либо неизвестен, либо на него обращают внимания. И эту основную функцию выполняют минимальные пассивные конструкции, включающие в свой состав только два основных члена, глагольную форму и *patiens* [Курилович 2000: 123].
2. «Другую, а именно не грамматическую, но стилистическую форму имеет полная (трехчленная), пассивная форма: *солдат был убит врагом, пар вспахивается крестьянами*, форма, которая совсем не отличается своим содержанием от соответствующих активных конструкций: *враг убил солдат, крестьяне вспахивают пар*. Эти две конструкции разнятся между собой только стилистическим оттенком» [Курилович 2000: 123].

Вышеприведенное мнение Е. Куриловича не учитывается при формулировании залоговых концепций в академических грамматиках [АГ 1970; АГ 1980]. Ведь в иллюстративные базы залоговых разделов этих грамматик не попадают примеры безагенсных страдательных конструкций, и особенности функционирования безагенсных страдательных конструкций в русском дискурсе не обсуждаются.

При составлении таблицы №1 большая значимость для поля страдательности именно безагенсных страдательных конструкций нами была учтена и в состав этой таблицы нами были включены:

1. примеры минимальных безагенсных пациентивных конструкций с возвратными глаголами-сказуемыми НСВ типа (1пац-вз_мин)–(3пац-вз_мин), страдательный характер которых признается всеми;
2. примеры минимальных безагенсных пациентивных конструкций с возвратными глаголами-сказуемыми СВ типа (7пац_вз_мин) и (8пац_вз_мин), признание страдательного характера которых вызывает споры.

Таблица №1

(3)	<i>Рабочие строят дом</i>	(3пац–вз_мин)	<i>Дом строится</i>
(4)	<i>Рабочие строили дом</i>	(4пац–вз_мин)	<i>Дом строился</i>
(5)	<i>Рабочие будут строить дом</i>	(5пац–вз_мин)	<i>Дом будет строиться</i>
(6)	<i>Рабочие построят дом</i>	(6пац–пр_мин)	<i>Дом будет построен</i>
(7)	<i>Рабочие построили дом</i>	(7пац–пр_мин)	<i>Дом построен</i>
(8)	<i>Рабочие построили дом</i>	(8пац–пр_мин)	<i>Дом был построен</i>
(9)	<i>Рабочие построят дом</i>	(9пац–вз_мин)	<i>Дом построятся</i>
(10)	<i>Рабочие построили дом</i>	(10пац–вз_мин)	<i>Дом построился</i>

Спорность вопроса о присвоении страдательного статуса конструкциям типа (9пац_вз_мин) и (10пац_вз_мин), по-видимому, проистекает из факта констатации грамматической неправильности конструкций типа (9пац_вз_рас) и (10пац_вз_рас), являющихся трехчленными аналогами обсуждаемых безагенсных пациентивных конструкций с предикативными формами глаголов СВ на –ся.

(9пац_вз_рас) **Дом построятся рабочими.*

(10пац_вз_рас) **Дом построился рабочими.*

Однако нам представляется, что грамматическая неправильность конструкций (9пац_вз_рас) и (10пац_вз_рас) ввиду необязательного, факультативного характера агентивного дополнения в творительном падеже не может служить достаточным основанием для признания невозможности страдательной интерпретации сказуемых параллельных минимальных безагентных пациентивных конструкций типа (9пац_вз_мин) и (10пац_вз_мин).

3. Два способа морфологического оформления агенса в пациентивной конструкции

В [Гаврилова 2012б] предлагается интерпретировать как агенс дополнение в форме родительного падежа с предлогом «у», входящее в состав пациентивной конструкции и кореферентное подлежащему параллельной переходной конструкции.

Иными словами, предлагается признать возможность морфологического оформления агенса описываемой ситуации в составе пациентивных конструкций двумя способами:

1. с помощью дополнения в творительном падеже;
2. с помощью дополнения в форме родительного падежа с предлогом «у».

При этом выбор первого или второго варианта зависит от типа переходности параллельной переходной конструкции. В случае производящего характера этой переходности выбирается первый вариант (таблица №2), а в случае иницилирующего характера переходности – второй вариант (таблица №3).

Таблица №2

(11перех)	<i>Рабочие строят дом</i>	(11пац)	<i>Дом строится рабочими</i>
(12перех)	<i>Рабочие строили дом</i>	(12пац)	<i>Дом строился рабочими</i>
(13перех)	<i>Рабочие будут строить дом</i>	(13пац)	<i>Дом будет строиться рабочими</i>
(14перех)	<i>Рабочие построят дом</i>	(14пац)	<i>Дом будет построен рабочими</i>
(15перех)	<i>Рабочие построили дом</i>	(15пац)	<i>Дом построен рабочими</i>
(16перех)	<i>Рабочие построили дом</i>	(16пац)	<i>Дом был построен рабочими</i>

Агенс конструкций, помещенных в таблицу №2, является агенсом-производителем, принимающим непосредственное участие в строительстве дома. Пока еще не было осознано существование двух степеней включения агенса в процесс преобразования пациенса и не учитывалось существование еще и агенса-инициатора, агенс оформленный с помощью творительного падежа назывался просто «агенсом». А строки таблицы №2 служили поистине хрестоматийными иллюстрациями оппозиции «действительный залог – страдательный залог».

Таблица №3

(17перех)	<i>Купец строит дом</i>	(17пац)	<i>У купца строится дом</i>
(18перех)	<i>Купец строил дом</i>	(18пац)	<i>У купца строился дом</i>
(19перех)	<i>Купец будет строить дом</i>	(19пац)	<i>У купца будет строиться дом</i>
(20перех)	<i>Купец построит дом</i>	(20пац)	<i>У купца построится дом</i>
(21перех)	<i>Купец построил дом</i>	(21пац)	<i>У купца построенся дом</i>
(22перех)	<i>Купец построит дом</i>	(22пац)	<i>У купца будет построен дом</i>
(23перех)	<i>Купец построил дом</i>	(23пац)	<i>У купца построен дом</i>
(24перех)	<i>Купец построил дом</i>	(24пац)	<i>У купца был построен дом</i>

Смысловое различие, существующее между конструкциями из таблиц №2 и №3, сводится в разной степени участия агентов конструкций, представленных в этих таблицах, в процессе строительства дома. Так агенс конструкций из таблицы №1, — это агенс-производитель, который принимает непосредственное участие в процессе строительства дома. А агенс ситуаций конструкций из таблицы №2 – это агенс-инициатор, который не принимает непосредственного участия в процессе строительства дома, он осуществляет финансирование, возможно, наем рабочих и другие мероприятия, необходимые для того, чтобы строительство осуществлялось.

Таким образом, ситуация, которая подойдет описанию с помощью пациентивной конструкции с агенсом в форме родительного падежа с предлогом «у», возникает в том случае, если реализуется, например, такая интерпретация ситуации строительства, при которой:

- Осуществление процесса строительства воспринимается как некоторая микроситуация, которая воплощает некоторую социально-природную закономерность. Эта закономерность реализуется при определенных социально-экономических условиях. В рамках этой микроситуации люди, непосредственно занятые в процессе строительства воспринимаются как некие социальные атомы, а их деятельность — как неизбежное осуществление ими соответствующих социально-экономических закономерностей.
- Над микроситуацией, таким образом, интерпретируемого процесса строительства, надстраивается макроситуация, агенсом которой является лицо или группа лиц, создающих социально-экономические условия, необходимые и достаточные для запуска описанной выше микроситуации.

Итак, агенс ситуаций, описываемой с помощью конструкций из таблицы №2 – это агенс-производитель, принимающий непосредственное участие в процессе строительства дома. Напротив, агенс ситуаций описываемых с помощью конструкций из таблицы №2 – это агенс-инициатор, не принимающий непосредственного участия в процессе строительства дома, а лишь осуществляющий финансирование, наем рабочих и другие мероприятия, необходимые для осуществления строительства.

Функцию агенса-инициатора выполняет группа «у *кунца*», включающая в свой состав, предлог «у», управляющий формой родительного падежа того существительное, форма именительного падежа которого функционирует в качестве подлежащего в параллельной переходной конструкции.

При этом личные формы возвратных глаголов НСВ и предикативные форм страдательных причастий от переходных глаголов СВ из правого столбца таблицы №2, практически отсутствующие в реальных русских текстах, приводятся в качестве образца

спряжения переходного глагола в страдательном залоге. Напротив, даже не дискутируется вопрос о том, залоговом статусе сказуемых широко употребляемых конструкций из (7пац) – (14пац) таблицы №3.

Пациентивные конструкции с агенсом-инициатором в родительном падеже с предлогом условимся далее называть «у»-конструкциями. Для «у»-конструкций характерно оформление сказуемого с помощью личных форм возвратных глаголов СВ. Напротив, в составе пациентивных конструкций с агентивным дополнением в творительном падеже в качестве сказуемых могут употребляться только предикативные формы страдательных причастий СВ.

Д. Вайс, который занимается поисками в литературном языке агентивного значения у группы “у + N_{род}”, комментируя примеры пациентивных конструкций с причастиями на *-н/-т* в качестве сказуемых в конструкциях (25) – (27), признает, что “во всех этих примерах нельзя отрицать, что обладатель результата и агенс предшествующего действия, приведшего к этому результату, скорее всего, тождественны” [Вайс 1999, 182] конструкций.

(25) *У меня работа написана.*

(26) *У меня уже билеты взяты.*

(27) *У хозяйки уже накрыто на стол.*

(28) *Я написал работу*

(29) *Я взял билеты.*

Однако Д. Вайс приходит к выводу, что «в литературном языке не удастся найти ни одного случая, где группа “у + имя_{род}” выражала бы агентивное значение» [Вайс 1999: 180]. Если переформулировать вывод Д. Вайса с помощью предложенной нами терминологии, то он будет звучать так: «в литературном русском языке в отличие от говоров не удастся найти ни одного случая, где группа “у + имя_{род}” выступает в роли агенса-производителя, но регулярно выступает в роли агенса-инициатора». И это правильно, но к этому надо добавить, что группа “у + имя_{род}” достаточно часто выступает в роли агенса-инициатора. Но такая трактовка обсуждаемой именной группы в качестве необходимого условия предполагает признание существования двух типов переходности – производящей и инициирующей – и двух видов

агенса – агенс-производитель и агенс-инициатор. Иными словами, сделать правильный вывод Д Вайсу мешает то, что он ориентируется на в принятые русистике залоговые теории, в которых факт расщепления роли агенса на две роли – роль агенса-производителя и роль агенс-инициатора, остается не раскрытой.

Группа «у + N¹_{род}» в составе пациентивной конструкции является конституирующим элементом. В пациентивной конструкции группа «у + N¹_{род}» вынесена в абсолютное начало предложения. При этом такой порядок слов устанавливается при динамическом равновесии и не обусловлен особенностями актуального членения.

Кроме того, эта группа остается в препозиции по отношению к предикату при дальнейшем распространении предложения. По мнению С.И. Кокориной, исследовавшей особенности выражения семантического подлежащего в русском языке, такая позиция (вынесение в самое начало предложения при сохранении препозиции предикату при распространении) “не свойственна присловному распространителю с объектным значением в широком смысле слова” [Кокорина 1979: 33]. Другими словами, элемент с такими синтаксическими свойствами не прикреплен к какому-то отдельному элементу конструкции, а входит в остов конструкции в целом, распространяет не отдельный элемент конструкции, а конструкцию как структурное единство.

Итак, группа «у + N¹_{род}» распространяет конструкцию как структурное единство и является детерминантом, конституирующим элементом конструкции.

Преградой на пути интерпретации группы «у + N¹_{род}» как агентивного дополнения не может служить наличие у этой группы других синтаксических функций. Ведь дополнение в творительном падеже также способно выполнять разнообразные синтаксические функции, что, однако, не мешает трактовать это дополнение как словоформу, с помощью которой заполняется валентность пациентивного возвратного глагола на агенс-исполнитель.

4. К вопросу о факультативности агентивного дополнения в творительном падеже

Факультативность необязательность агентивного дополнения в творительном падеже в русских грамматиках лишь декларируется, а порядок изложения материала в посвященных залогу разделах грамматик идет с этим в разрез.

Так, в наборах примеров, иллюстрирующих, например, залоговые концепции академических грамматик, практически отсутствуют безагенсные двучленные страдательные конструкции, будучи практически оказываются вытесненными конструкциями, в состав которых включено агентивное дополнение в творительном падеже.

Таким образом, по существу предметом описания залоговых разделов русских грамматик становятся одни страдательные конструкции, включающие в свой состав агентивное дополнение, выраженное формой творительного падежа.

Напомним, что состав иллюстративных баз традиционных залоговых концепций принято включать конструкции только с глаголами-сказуемыми, обозначающими процессы, которые немислимы без участия человека. Так, в составе традиционных иллюстративных баз отсутствуют примеры противопоставления действительного и страдательного залога типа *Рабочие разрушают дом vs Дом разрушается рабочими*.

Напротив, иллюстрирование противопоставления действительного и страдательного залога с помощью примера *Рабочие строят дом vs Дом строится рабочими* приобрело поистине хрестоматийный характер. Следует обратить внимание и на то, что в хрестоматийных примерах в такого рода в качестве члена действительно-страдательной оппозиции бывает представлена отнюдь не безагенсная страдательная конструкция *Дом строится*, а трехчленная страдательная конструкция с агентивным дополнением в творительном падеже *Дом строится рабочими*.

Даже в статью «Залог» в ЛЭС (автор И.С. Храковский) попадает именно трехчленный вариант страдательной конструкции *Дом строится рабочими*: «В залоговые системы каждого языка обычно входит морфологически исходная форма активного

(действительного, основного) з а л о г а (а к т и в а), когда субъект действия, например, в русском языке, выступает в именительном падеже и занимает позицию подлежащего, а объект действия выступает в винительном падеже и занимает позицию прямого дополнения («рабочие строят дом»). Выделяются также морфологически производные формы з а л о г а (п а с с и в н ы й (страда- тельный) з а л о г (п а с с и в)), когда субъект действия, например в русском языке, выступает в творительном падеже и занимает позицию агентивного дополнения, а объект действия выступает в винительном падеже и занимает позицию подлежащего («дом строится рабочими»)» [ЛЭС 1990: 160].

Остается непонятным, почему в статье «Залог», которая в лингвистической энциклопедии понятие «страдательная конструкция» иллюстрируется не с помощью примера русской страдательной конструкции, в которой морфологическое оформление получает и существительное, обозначающее агенса описываемой ситуации, не с помощью примера не двучленной безагенсной русской страдательной конструкции. Ведь существуют языки, в которых употребление форм страдательного залога возможно только в таких конструкциях, в которых агенс ситуации остается морфологически не выраженным, а лингвистическая энциклопедия призвана освящать общезыковые аспекты залога. Поэтому в данном случае, казалось бы, более уместным был бы не пример *Дом строится* а не пример *Дом строится рабочими*.

То, что агентивное дополнение в творительном падеже в грамматических описаниях русского языка оказывается намертво прикрепленным к возвратному глаголу-сказуемому, обусловлено отнюдь не неаккуратностью изложения материала. Причина лежит глубже. Дело в том, в возвратных пациентивных конструкциях агентивное дополнение в творительном падеже является контекстом, обеспечивающим этой пациентивной конструкции страдательное значение, а не факультативным элементом.¹

¹ О том, что страдательное значение является не единственным, а лишь одним из двух возможных значений безагенсной конструкции, уже было заявлено в комментариях к парам примеров (1нсв) – (1св) и (2нсв) – (2св)

Такое дополнение является факультативным элементом только в причастных пациентивных конструкциях. Ведь безагенсная пациентивная причастная конструкция *Дом был построен* всегда обозначает ту же ситуацию, что и конструкция *Дом был построен рабочими* и всегда имеет страдательный характер.

Особенно ярко двойственность страдательного значения безагенсных пациентивных возвратных конструкций проявляется в тех случаях, когда в качестве сказуемого пациентивной конструкции выступает возвратный глагол типа *разрушиться*. При этом безагенсная возвратная пациентивная конструкция трактуется как страдательная или как декаузативная в зависимости от того какой элемент элиминирован из ее состава: агентивное дополнение в творительном падеже или анафорическая местоименная группа *сам собой*.

- Если безагенсная пациентивная конструкция *Дом разрушается* в перспективе СВ переходит в конструкцию *Дом был разрушен*, то она обозначает ту же ситуацию, что и конструкция *Дом разрушается рабочими* и имеет **страдательный характер**;
- Если безагенсная пациентивная конструкция *Дом разрушается* в перспективе СВ переходит в конструкцию *Дом разрушился*, то она обозначает ту же ситуацию, что и конструкция *Дом разрушается сам собой* и имеет **декаузативный характер**.

Следовательно, нельзя говорить, что агентивное дополнение в творительном падеже *рабочими* имеет факультативный характер. Ведь выведение этого дополнения из состава трехчленной конструкции приводит к возникновению безагенсной конструкции, сказуемое которой в перспективе НСВ имеет два таких разных значения, которые для своего выражения в перспективе используют разное морфологическое оформление.

Но и безагенсная конструкция *Дом строится* может быть распространена не только с помощью дополнения *рабочими*, но и с помощью местоименной группы *сам собой*. Но в отличие от конструкции *Дом разрушился сам собой* конструкции *Дом построился сам собой* в окружающем видимом трехмерном пространстве не соответствует никакая онтологическая ситуация. Однако она входит в состав сложносочиненного предложения (2)

Конечно хотелось бы, чтобы дом построился сам собой. Но так бывает только в сказках.

Необходимо отметить, что глаголы типа *разрушаться* при обозначении, с одной стороны, процессов, происходящих без участия человека (декаузативным значение), и, с другой стороны, процессов, происходящих с его участием (страдательное значение) и декаузативным значением реализуют разные наборы морфологических форм. Чтобы разграничить друг от друга глаголы, обладающие этими разными морфологическими наборами, целесообразно снабжать подстрочными индексами 1 и 2. Однако, использование обозначений разрушаются₁ и разрушаются₂ не означает, что мы усматриваем в данном случае существование двух омонимичных глаголов.

Вопрос о том, сталкиваемся ли мы в этом случае с омонимией или же с наличием двух разных значений одного глагола, заслуживает специального изучения. Априори без проведения исследований мы в данном случае склонны говорить не об омонимии, а о многозначности. При принятии такого предварительного решения мы исходим из общетеоретического положения, которое гласит, что «отсутствие у слова тех или иных грамматических форм <...> само по себе свидетельствует только о несовместимости его значения с грамматическим значением отсутствующей формы, но никак о несовместимости с другими лексическими значениями» [Шмелев 1997: 133]. Далее Д.Н. Шмелев ссылается на А.И. Смирницкого, который считает, что отдельным «лексико-семантическим вариантам» могут быть свойственны некоторые грамматические особенности, которые все же «не уничтожают тождества слова, так как они выступают в качестве обусловленных лексической семантикой» [Смирницкий 1954: 25].

5. «У»-конструкции как неотъемлемый атрибут русской разговорной речи

Несмотря на это примеры возвратных пассивных конструкций (11пац) – (13пац) из правого столбца таблицы №2, практически отсутствующие в реальных русских текстах, приводятся в качестве образца спряжения в несовершенном виде страдательном залоге.

Однако, несмотря на это примеры возвратных пациентивных конструкций (11пац) – (13пац) из правого столбца таблицы №2, практически отсутствующие в реальных русских текстах, приводятся в качестве образца спряжения страдательного залога в несовершенном виде.

Напротив, вопрос о залоговом статусе сказуемых конструкций типа широко употребляемых конструкций типа *У купца строится дом* из правого столбца таблицы №3 не обсуждается, несмотря на то, что речевое употребление пациентивных конструкций с агенсом в форме родительного падежа с предлогом «у» сильно выигрывают по сравнению с речевым употреблением пациентивных конструкций с агенсом в форме творительного падежа.

Продемонстрированная выше противоречивость общепризнанных залоговых концепций является следствием того, что при их формулировании не было уделено должного внимания безагенсным страдательным конструкциям, на высокую грамматическую значимость указывал Е. Курилович. Авторам описаний залогового поведения русского глагола следовало бы прислушаться к мнению Е. Куриловича и сделать противопоставление переходных и параллельных безагенсных пациентивных конструкций центром исследования залоговых оппозиций. Этот правильный шаг открыл бы возможность рассматривать, с одной стороны, агентивные дополнения в творительном падеже и, с другой стороны, агентивные дополнения в родительном падеже с предлогом «у», в качестве двух конкурирующих способов распространения безагенсных пациентивных конструкций.

Но первый шаг в общепринятых залоговых концепциях был сделан в неправильном направлении, а именно, центром залоговых исследований стало изучение противопоставления переходных и параллельных пациентивных конструкций с агенсом в творительном падеже. Тем самым был перекрыт доступ в иллюстративную базу как для безагенсных пациентивных конструкций, так и для пациентивных конструкций с агенсом, морфологически оформленным с помощью родительного падежа с предлогом «у». Из-за этого исследование пациентивных конструкций с агенсом в творительном падеже стали даже не центральной фигурой, но, заполонив собою все жизненное пространство альфой и омегой залоговых концепций русского глагола.

Этим теоретическим просчетом объясняется, в частности, и то, что признание чрезвычайной сложности устройства грамматической категории русского залога непонятным образом уживается с тем, что разделы, посвященные категории залога, являются одними из самых коротких разделов в русских грамматиках.

Самое большое распространение в русской речевой практике, безусловно, имеют безагенсные пациентивные конструкции. Что касается пациентивных конструкций с агенсом в форме творительного падежа то их речевое употребление крайне ограничено. Фактически они представляют собой некоторые грамматические фантомы, вероятность встречи с которыми в реальных текстах чрезвычайно мала. Страдательные конструкции с агентивным дополнением в творительном падеже «в живой разговорной речи встречаются нечасто. Они используются, главным образом, в «книжном» языке, языке средств массовой информации (газеты, радио, телевидение) научной и официально-деловой речи» [Чагина 2009: 42]. Это свидетельствует о том, что с точки зрения грамматической значимости они представляют собой периферийное явление.

Что касается «у»-конструкций, то следует отметить, что русская разговорная речь ими изобилует. Например, достаточно часто возникают диалоги типа (28) – (33), в которых задающего вопрос человека интересует, почему имярек не осуществляет или недостаточно эффективно осуществляет ту или иную деятельность, связанную с воздействием на какой-либо неодушевленный предмет. В ответах на эти вопросы говорится, что причина состоит в том, что предмет из-за каких-то своих размытых сущностных параметров не изменяется под воздействием агенса ожидаемым образом.

(28) – Почему ты **не прочитал** книгу?

– Она у меня что-то никак **не читается**.

(29) – Почему ты **не написал** письмо?

– Оно у меня никак **не пишется**.

(30) – Почему ты так долго **жаришь** котлеты?

– Они у меня плохо **жарятся**.

(31) – Почему ты **не перевел** статью?

– Она у меня с трудом **переводится**.

(32) – Почему ты до сих пор **не завел** мотор?

– Он у меня **не заводится**.

- (33) – *Почему ты не сих пор **не отвинтил** эту гайку?*
– *Они у меня никак не **отвинчивается**.*

Или, например, говоря об изменении высоты собственного голоса, мы, как правило, встаем на точку зрения взаимодействия нашего “я” и голоса и употребляем действительную конструкцию (34), а в высказывании в высказывании трехлетнего ребенка (35), факт повышения собственного голоса описан с помощью «у»-конструкции, поскольку ребенок воспринимает изменение своего как обнаружение неких имманентных его свойств:

(34) *Я **повышаю** голос*

(35) *У меня голос как-то **повышается**: то тише, то громче.*

Рассмотрим диалоги (36) и (37), передающие одно и то же содержание:

(36) – *Папочка, помоги, у меня задачка **не решается**.*

– *Ты должен сам работать, Юрек. Подумай хорошо, и ты обязательно **решишь** задачу.*

(37) – *Папочка, помоги, я не могу **решить** задачу*

– *Ты должен сам работать, Юрек. Подумай хорошо, и задача у тебя обязательно **решится**.*

Диалоги (36) и (37) отличаются друг от друга следующим образом:

- в диалоге (36) первое реплика содержит **“у”-конструкцию** “у меня задачка **не решается**”, а ответная реплика содержит **действительную конструкцию** “ты обязательно **решишь** задачу”;
- в диалоге (37) первая реплика содержит **действительную конструкцию** “я не могу **решить** задачу”, а ответная реплика содержит пациентивную **“у”-конструкцию** “задача у тебя обязательно **решится**”.

«У»-конструкциям (38а) – (44а) из левого столбца таблицы соответствуют характеризующее-качественные конструкции (38б) – (44б) из правого столбца таблицы.

(38а) У меня сегодня кофе плохо растворяется	(38б) Кофе плохо растворяется
(39а) У меня сегодня фарфор бьется при малейшем прикосновении	(39б) Фарфор легко бьется
(40а) У меня сегодня проволока легко гнется	(40б) Проволока легко гнется
(41а) У меня сегодня нитки все время рвутся , наверное, они плохие	(41б) Нитки плохие, рвутся
(42а) У меня сегодня машина хорошо заводится	(42б) Машина хорошо заводится
(43а) У меня сегодня картофель хорошо разваривается	(43б) Картофель хорошо разваривается
(44а) У меня сегодня прутья легко сгибаются	(44б) Путья легко сгибаются

Значения возвратных глаголов-сказуемых в характеризующе-качественных конструкциях (38б) – (44б) значения возвратных глаголов-сказуемых в «у»-конструкциях (38а) – (44а). Последние представляют собой значения класса, абстрагированные от временной оси за счет обобщения значений конкретных индивидуальных действий, описываемых, в конструкциях (38б) – (44б).

Абстрагированное значение класса «понимается как конструктор, обобщение. Он не тождественен не только отдельному члену класса, но и множеству его членов: он является абстракцией высшего уровня, которая соотносится с индивидуальными членами, но не является их обозначением» [Селиверстова 1982: 91].

Значения в этих двух сравниваемых типов конструкций тесно связаны между собой. И можно сказать, что в характеризующе-качественных конструкциях это агенс, представленный в «у»-конструкциях, связан квантором общности.

Рассмотрим примеры (45) – (46), содержащие описания ситуаций осуществления полностью автоматизированных процессов:

(45) *Посуда **вымылась*** (о мытье в посудомоечной машине).

(46) *Белье **постиралось*** (о стирке в стиральной машине).

(47) *Текст **перевелся*** (о переводе в автоматизированной системе перевода).

(48) *Смета составилась* (о составлении сметы автоматизированной бухгалтерской системе).

Употребление возвратных глаголов в такого рода конструкциях возникло на наших глазах преимущественно в сфере разговорной речи. В грамматических и лексикографических описаниях конструкции, подобные (45) – (48), пока не фиксируются. Декаузативное значение, периферийное глаголов-сказуемых этих конструкций, поддерживается не лингвистическим, а экстралингвистическим контекстом. А именно, таким внелингвистическим контекстом является создание в техносфере агрегатов, выполняющих действия, которые ранее могли осуществляться лишь за счет непосредственного участия в этом процессе человека. Встает вопрос, о каких потенциальных возможностях парадигмы русского глагола свидетельствуют, возможно, окказиональные явления, проявляющиеся в примерах (45) – (48).

Введение с рассмотрением переходности производящего и иницирующего типа позволяют нам увидеть, что семантические и морфологические различия страдательных декаузативных конструкций являются следствием семантических различий исходных действительных конструкций. Но переходные глаголы, выступающие в исходных действительных конструкциях, несмотря на свойственные им семантические различия, принято рассматривать в рамках единого действительного залога.

6. Заключение

В академической грамматике о конструкциях с агентивным дополнением в творительном падеже говорится как о конструкциях, в которых страдательное значение является более очевидным, проявляется наиболее ярко: «Глагол страд. залога характеризуется наличием при нем «творительного действующего предмета» (*дом строится рабочими, ты любим мною*), причем синтаксическое место творит. падежа может оставаться незамещенным, например: *поезд останавливается (остановлен) по требованию пассажиров; полы моются раз в неделю*. Значение страд. залога более очевидно в тех случаях, когда творит. действующего предмета присутствует в предложении» [АГ 1970: 353].

Заявления такого рода входят в конфликт с тем, что страдательные конструкции с лексически выраженным агентивным дополнением находятся на периферии поля «страдательность». Ведь, как известно, формы страдательного залога вводятся в употребление именно для того, чтобы в сообщении избежать упоминания об агенсе в силу его неизвестности, неопределенности или нежелания его называть. Остается непонятным, почему «значение страд. залога более очевидно в тех случаях, когда творит. действующего предмета присутствует в предложении» [АГ 1970: 353], т.е. почему самое яркое значение проявляется в периферийной для поля страдательности конструкции с агентивным дополнением в творительном падеже, а не в занимающих центральное место страдательных конструкциях, в которых агенс лексически не представлен и которые поэтому несут на себе основную упомянутую выше функциональную нагрузку поля страдательности.

Как нам кажется, противопоставления грамматических форм осознаются носителями языка благодаря тому, что они передают разные значения. Однако общепринятые теоретические залоговые концепции, замыкающиеся на рассмотрении страдательных конструкций с агентивным дополнением в творительном падеже, предлагают такое определение страдательности, которое уравнивает действительную и страдательную конструкции в значении.

Нам представляется, что примеры страдательных конструкций с агентивным дополнением в творительном падеже следует трактовать в качестве примеров, иллюстрирующих возможность конкуренции действительного и страдательного залоговых значений. Периферийный характер примеров с таким агентивным дополнением логически очень хорошо сочетается с интерпретацией этих конструкций в качестве примеров такой конкуренции.

Проведенное следование показало, что личная форма возвратного глагола, выступающая в качестве сказуемого в конструкции с пациентивным подлежащим, несет в себе информацию только о том, что подлежащее-пациент подвергается изменению. А то, страдательное или декаузативное значение выражает эта предикативная возвратная форма, устанавливается благодаря свойствам контекста (в том числе и нулевого), присутствующего в конструкции, включающей предикативную форму возвратного глагола.

Страдательность и декаузативность в предлагаемом гипотетическом залоговом противопоставлении будут выступать как два инварианта одного категориального грамматического залогового значения, для обозначения которого в качестве рабочего термина мы предлагаем термин «фактивное значение». Содержанием этого термина является осуществление изменений в некоторой (не обладающей волевым потенциалом) субстанции. При этом безразлично поступает ли энергетическая составляющая описываемого “фактивного” процесса, полностью извне или же эта энергетическая составляющая является суммой двух энергий – поступающей извне энергии создания и поддержания необходимых и достаточных условий и внутренней энергии самопроизвольно развивающегося в этих условиях процесса.

Значение предлагаемого фактивного залога будет представлять собой множество диффузных значений, располагающееся между страдательным значением и декаузативным значением.

Эта гипотеза не может получить обоснования в рамках данного исследования, но некоторые из предлагаемых в этом исследовании наблюдений свидетельствуют в пользу этой гипотезы. Иак в пользу ее признания свидетельствуют примеры пациентивных конструкций (49) и (50), в которых предикативная форма возвратного глаголам НСВ в составе пациентивной конструкции передает одновременно и страдательное и декаузативное значение.

(49) *Единый фронт **начинается** и **образуется** не сверху, а снизу*

В этом примере, взятом из работы православного философа И. Ильина, интерпретация глаголов-сказуемых является страдательной или декаузативной в зависимости от того рассматриваем ли мы эти сказуемые в сочетании с наречием “сверху” или “снизу”.

(50нсв) *Все **разрушается**: дома, отнятые у прежних хозяев, никем не реставрируемые, **разваливаются**, заборы **разбираются** на топливо, одним словом, идет общий развал (В.Г.Короленко).*

(50св) *Все **разрушилось** или **было разрушено**: дома, отнятые у прежних хозяев, никем не реставрируемые, **развалились**, заборы **были разобраны** на топливо, одним словом, произошел общий развал.*

Совмещение страдательного и декаузативного значений у одного и того же возвратного сказуемого пациентивной конструкции наблюдается в (50нсв). В этом предложении после двоеточия стоят предложения, раскрывающие содержание конструкции *Все разрушается*. Первое из этих предложений-комментариев заставляет нас приписывать сказуемому страдательную интерпретацию, а второе – декаузативную интерпретацию. Для чтобы выразить противопоставление декаузативного и страдательного значений в СВ приходится перестраивать синтаксическую организацию

В предлагаемую нами гипотетическую систему залоговых противопоставлений можно легко встроить и новый тип пациентивных конструкций (45) – (48), описывающих изменения, происходящие в предмете в результате инициации человеком работы им же созданных технических агрегатов. Если эти агрегаты работают в полностью автоматизированном режиме, при котором участие человека сводится к запуску этих агрегатов и обеспечение их электропитанием, то можно говорить, что эти агрегаты моделируют процессы специфически антропогенного воздействия на предмет. Для обозначения таких полностью автоматизированных процессов, моделирующих специфически антропогенные процессы, в русском языке используются возвратные глаголы совершенного вида

Кроме того, необходимо отметить, что принятие этой гипотезы помогло бы нам объяснить некоторые противоречия, с которыми мы сталкиваемся в традиционных описаниях.

ЛИТЕРАТУРА

АГ 1970: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

АГ 1980: Русская грамматика, т. 1, М., 1980.

Вайс Д. Об одном предлоге, сделавшем блестящую карьеру (Вопрос о возможном агентивном значении модели «у+имярод») // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика. М., 1999. С. 173–186.

Гаврилова В.И. Прототипические и периферийные варианты пассивного и квазипассивного значений возвратного глагола в конструкциях с па-

циентивным подлежащим // Слово. Грамматика. Речь. Выпуск XII. Сборник научно-методических статей по вопросам преподавания русского языка как иностранного. М. Из-во МГУ, 2010. С. 13–28.

Гаврилова В.И. Декаузативные (квазипассивные) конструкции в русском и английском языке и онтологическая основа существования конструкций этого типа // Слово. Грамматика. Речь. Выпуск XIII. Сборник научно-методических статей по вопросам преподавания русского языка как иностранного. М. Изд-во МГУ, 2012а. С. 59–77.

Гаврилова В.И. Морфологическое оформление агенса-производителя и агенса-инициатора / Труды конференции памяти А.Е. Кибрика. М., 2012б.

Гаврилова В.И. К вопросу о залоговом статусе возвратных сказуемых квазипассивных конструкций // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2014. № 7. С. 16–32.

Кокорина С.И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. М., 1979. С. 77.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М, 1962 (2000).

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия, 1990. С. 685.

Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке. // “Русский язык в научном освещении” 2001 № 1, 52–79.

Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка. // Семантические типы предикатов. М. 1982. С. 87–157.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»). // Труды института языкознания. Т. IV. М. 1954.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., Изд-во РГГУ, 2001

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. // М., Просвещение, 1977.

Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962. С. 247.

Valentina I. Gavrilova
PhD, VINITI RAS, Russia, Moscow
VIGavrilova123364@yandex.ru

MORPHOLOGICAL DESCRIPTION OF AGENT-EXECUTOR AND THE AGENT-INITIATOR IN REFLEXIVE PASSIVE CONSTRUCTIONS

Russian reflexive construction in which an agent of the situation described is not expressed and patient is expressed by the subject are studied.

Two mutually conditioned oppositions “agent-executor vs. agent-initiator” and “executive transitivity vs. initiative transitivity” have been discussed. Two types of ontological situations underlying executive and initiative transitive are described. There exists a correlation between executive transitive verbs and passive meaning of pair reflexive verbs of one hand and initiative transitive verbs and decausative meaning of pair reflexive verbs on the other hand.

It is also shown that the complete automation of processes that has been brought by technological progress have caused some transitive verbs to shift their meanings from executive to initiative and their reflexive counterparts to shift their meanings correspondingly from passive to decausative.

Key words: ontological situation, agent, agent-executor, agent-initiator, executive transitivity, initiative transitivity, Russian reflexive verbs, passive constructions, decausative constructions.

Григорьева Ольга Николаевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
lonogrig@yandex.ru

У ПРИРОДЫ НЕТ ПЛОХОЙ ПОГОДЫ... (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ЖАНРЕ «ПРОГНОЗ ПОГОДЫ» В СОВРЕМЕННЫХ МАСС МЕДИА)

В настоящей статье рассматриваются особенности жанра «прогноз погоды» в современном публицистическом дискурсе. Исследование показало, что в современных средствах массовой информации о формировании данного жанра свидетельствуют появление метеотекстов в прессе и Интернете, регулярная передача информации о погоде в определенное время по телевидению и на радио, наличие профессиональной оценки экспертов Гидроцентра, дающих комментарии или интервью, подачи информации о погоде в формате диалога.

Ключевые слова: жанр, метеорологическая терминология, прогностическая лексика, тематическое поле, метафора, олицетворение.

Прежде чем говорить о языковых особенностях «прогноза погоды» как относительно нового жанра в публицистике, приведем некоторые исторические факты. Первый метеотекст в истории СМИ был напечатан 1 августа 1861 года в газете «Times», его автором был вице-адмирал военно-морского флота Великобритании, метеоролог, основатель и руководитель Метеорологического департамента Роберт Фицрой¹. Будучи главой Департамента, он приказал всем капитанам английских судов наблюдать за погодой, отмечать значение температуры, силы ветра и записывать все показания барометров. Ценой его усилий на территории европейских стран было создано 24 метеорологических станции, 19 из которых находились в Англии. Были составлены первые *синоптические карты* (этот термин придумал сам Фицрой, от греческого *synoptikos* – «видный весь сразу»). На основании

¹ Википедия Свободная энциклопедия [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фицрой,_Роберт#.D0.9B.D0.B8.D1.82.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.82.D1.83.D1.80.D0.B0

этих карт и делались *прогнозы* (данный термин также впервые был использован вице-адмиралом). В 1862 году была опубликована «Книга о погоде» Роберта Фицроя, во введении автор писал: «Мы живём в воздушном океане, все изменения погоды зависят от солнечного излучения. Нужно помнить, что состояние воздушного океана скорее говорит о будущей погоде, чем о погоде в настоящий момент».¹ Деятельность Фицроя, связанная с Департаментом, подвергалась критике со стороны торговых компаний, которые предпочитали, чтобы рыбаки занимались своим промыслом, несмотря на предостережения о погоде, лишь бы не платить за простой судна.

По данным познавательного исторического журнала «Дилетант», проект редакции «Эхо Москвы», 14 ноября 1922 года Би-би-си передает первые метеонОВОСТИ по радио, а с 26 марта 1923 года стартуют ежедневные радио-прогнозы.²

Первый телевизионный прогноз погоды был выполнен в виде диаграммы и показан так же в Англии 11 ноября 1936 года.³ В фильме корреспондента Би-би-си Грэма Сатчелла была дана краткая история появления текстов погоды сначала в прессе, а затем на телевидении.⁴ В течение 6 минут ведущий, стоящий за кадром, рисовал для телезрителей направление ветра на карте. Только в 50-е годы на телеэкранах появился ведущий, представляющий прогноз погоды, но эти передачи носили формальный характер. В 70-е годы, когда появились цветные телеэкраны, ситуация изменилась, в качестве ведущих стали выступать женщины в ярких костюмах. Телеведущие начали использовать передвигающиеся магниты, обозначающие основные метеорологические символы – солнце, облако, облако с каплями дождя, снежинку, направление ветра. Постепенно технологии совершенствовались, стали появляться данные со спутников, компьютерная графика и трехмерное изображение.

¹ Там же.

² Исторический журнал «Дилетант» [Электронный ресурс] URL: <http://www.diletant.ru>

³ Там же.

⁴ Информационный сайт BBC Русская служба [Электронный ресурс] URL: <http://www.bbc.co.uk>

По данным журнала «История телевидения» прогноз погоды на советском телевидении впервые появился в качестве завершения новостной программы «Время».¹ В постсоветский период новости погоды передавались на каждом телеканале России. В журнале опубликованы воспоминания одного из специалистов Гидрометцентра России Е.А. Чистяковой, которую в начале 70-х годов пригласили на телевидение с просьбой дать интервью о погоде. После этого начались регулярные комментарии специалистов Гидрометцентра на телеэкранах.

Сегодня выпуски «Прогноза погоды» – обязательный компонент телевещания, в котором задействованы современные технологии и спецэффекты.

Постепенно сформировался «прогноз погоды» как особый жанр СМИ. Можно выделить два фактора, свидетельствующие об этом. Во-первых, это появление нового типа дискурса масс медиа – *дискурса погоды*: появление метеотекстов в прессе и Интернете, регулярная передача информации о погоде в определенное время по телевидению и на радио. Во-вторых, наличие профессиональной оценки экспертов Гидрометцентра, дающих комментарии или интервью, что свидетельствует о новом диалогическом формате подачи информации о погоде и о сложной природе этого жанра.

Слово *погода* – общеславянское «производное от исчезнувшего *года* (ср. чешск. *negoda* «плохая погода»). Первичное значение – «хорошая погода» (отсюда «непогода»)² В просторечии *погодой* называли ненастье, обычно при выпадении снега, метели, дожде или буре. В словаре В.И. Даля приводятся следующие примеры: *На море погода поднялась. Видючи погоду, за реку не езд.*³ На Руси, в южных и западных ее районах, *погодой* нередко называли хорошее, ясное, сухое время, или ведро: *Погодка красная. Да думка ненастная. Шубе верь, а погоде (теплу) не верь.*⁴ В свое время от слова *погода* образовалось производное прилагательное

¹ Журнал «История телевидения» [Электронный ресурс] URL: http://www.az.ru/history_tv

² Крылов Г. А. *Этимологический словарь русского языка*. — СПб.: ООО «Виктория плюс», 2004.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / под редакцией профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ. – М., 2001. С. 530.

⁴ Там же. С. 530.

погожий, то есть «хороший, благоприятный в отношении погоды: погожий денёк, погожее лето».¹ В примере «*Погожий антициклон* из Европы продолжает быстро смещаться на восток...»² разговорное слово *погожий*, контрастирует с термином *антициклон*, что делает предложение более эмоциональным и образным. Производное от него прилагательное *антициклональный* в сочетании с *погодой* образует термин *антициклональная погода*. Для такой погоды характерны безоблачность, ясность, отсутствие ветра и осадков: «Погода стабилизируется и частично обретет *антициклональный* характер», или «Почти неделю под влиянием *антициклональной погоды* среднесуточная температура демонстрировала апрельские показатели».³ В качестве синонима к этому слову может выступать прилагательное *пригожий*, которое создает игру слов на созвучии в словосочетании *погожая погода*. Оно крепко вошло в употребление и встречается в текстах прогноза, так как ощущение происхождения слова *погожий* от *погоды* уже утрачено носителями русского языка: «*Погожая олимпийская погода* заканчивается».⁴

Жанр «прогноз погоды» в последнее десятилетие претерпел значительные изменения и приобрел новый статус в средствах массовой информации. Этот жанр отличается стилистическим своеобразием, уникальностью лексики и фразеологии, гибкостью языкового воплощения в зависимости от вида СМИ. Он постоянно изменяется, заимствуя некоторые черты у других публицистических жанров. Как жанр публицистического стиля, «прогноз погоды» наряду с информативной функцией выполняет и функцию воздействия на адресата.

В каждом виде СМИ: в газете, на радио, телевидении и в Интернете – формируются языковые и стилистические особенности жанра «прогноза погоды». По своему функциональному назначению он яв-

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Мир и образование, Оникс, 2008.

² Информационный сайт «Gismeteo» [Электронный ресурс] URL: <http://www.gismeteo.ru/>

³ Там же.

⁴ Информационный сайт центра ФОБОС «Метеовести» [Электронный ресурс] URL: <http://www.meteovesti.ru>

ляется информационным жанром, по стилистическим свойствам относится к группе художественно-публицистических произведений и в то же время тяготеет к жанрам аналитического типа.

В радиожурналистике в «прогнозе погоды» основной является коммуникативная функция. Это связано со спецификой передачи информации на радио: режим онлайн, ограничение по времени (каждая программа выходит в строго определенное время). Поэтому на радио тексты «прогноза» обычно не отличаются особой образностью.

Несмотря на это, мы встречаем пример развлекательного прогноза погоды, рэп-прогноз в утреннем шоу радио «Энерджи»¹:

Зима в разгаре, она неизбежна!

Сегодня днём холодно и снежно,

Ветер восточный, умеренный.

Мороз крепчает, всё проверено!

(«Энерджи» 16.01.2013)

На телевидении прогноз погоды может быть представлен в формате информационной или информационно-развлекательной программы. Существует практика телевизионной беседы, когда ведущие общаются в прямом эфире с очевидцами природного катаклизма или специалистами Гидрометцентра, которые дают профессиональную оценку погодной ситуации. Отличительной особенностью прогноза погоды на телевидении является реализация рекламно-развлекательной функции – это сближает его с жанром рекламы.

Информационную программу прогноза погоды можно увидеть на круглосуточном информационно-познавательном телеканале «Москва 24», который регулярно предоставляет информацию о погоде на текущий момент. Программа «Прогноз» может быть включена в выпуск новостей, где эксперты Гидрометцентра и центра погоды «ФОБОС» дают краткие комментарии, и в отдельную рубрику «Интервью», куда приглашаются специалисты «ФОБОС» (Елена Волосюк, Вадим Заводченков и др.), которые в прямом эфире делают прогнозы на предстоящий месяц и дают

¹ Радио «Энерджи» [Электронный ресурс] URL: http://www.ener-gyfm.ru/?an=b2w_weather

профессиональную оценку текущему состоянию погоды. Информационно-развлекательный формат телевыпуска прогноза погоды в основном представлен в утренних телепрограммах «Доброе утро» (на «Первом» канале), «Утро России» (на канале «Россия 1»), «Настроение» (на «ТВ Центре») и «Утром на НТВ». На телевидении, в отличие от радио, существует отдельный телеканал «Первый МЕТЕО», предоставляющий информацию, специализирующуюся только на погоде.

Есть несколько особенностей, выделяющих прогноз погоды как особый жанр в языке Интернета. Во-первых, существуют отдельные погодные сайты: например, «Gismeteo», «Meteo-tv», «Meteoweb», «Meteocenter», «Метео-гид», сайты погоды для аэропортов «Meteonovosti», «гр5», «avia.TerraMeteo», прогноз погоды может быть также приложением сайта, например, «Pogoda.mail» или «Яндекс.погода». Во-вторых, прогноз погоды иногда представлен в Интернете в виде аналитического текста, что сближает его с печатными СМИ. На страницах электронных ресурсов размещаются графики, метеинформеры, возможно комментирование погоды любым посетителем сайта.

В прогнозе погоды используется современная метеорологическая терминология, которая сформирована на основе общеупотребительной лексики. Для обозначения явлений природы используются слова *ветер, дождь, туча, гром, молния, туман* и др. Важную роль в текстах этого жанра играет прогностическая лексика с общим семантическим компонентом «предсказывать». Это глаголы (*прогнозировать, пророчить, предсказывать, предрекать*), существительные (*прогноз, предсказание, гипотеза, догадка*), прилагательные (*вероятностный, возможный*), наречия (*предположительно, гипотетически, вероятно*). Для прогноза погоды характерны существительные, значение которых ориентировано на будущие события: *ожидания, надежда, обещания, угроза, опасность*.

К стилистическим особенностям жанра прогноза погоды относятся речевое воздействие на адресата, экспрессивность и образность, субъектно-оценочная модальность. Прямое воздействие может выражаться при помощи глаголов *советовать, рекомендовать, не стоит, следует* (употребляются с инфинитивом). Средствами выражения экспрессивности в текстах прогноза погоды являются разговорная лексика (*засесть, пустяки, вот*

вам), фразеологические обороты (*всё как положено*), образность присуща некоторым устойчивым выражениям (*сонное зимнее царство*). Субъектно-оценочная модальность погоды может встречаться в примерах катахрезы (*на волосок от рекордов, холодные сессии*). Авторы метеотекстов нередко ссылаются на народный календарь: «Бабье лето, которого, впрочем, в Центральной России не было, уступает дождям, ветрам и распутице. Народный календарь увязывает это событие с днем Петра и Павла Рябинников (23 сентября). К этому времени в лесах и садах поспевают рябина, которая после первых заморозков становится красной и менее горькой».¹

Многие приметы не имеют отношения к прогностике, особенно если понимать их буквально: *в день св. Симеона Столпника исчезают мухи; если на Евдокию курушка напьется, то на Николу коровушка наестся; первый снег выпадает на Покров* и др. Трудно предположить, чтобы такие ожидания были связаны именно с конкретными датами. Их роль заключается в другом. Приметы такого рода выполняют, прежде всего, мнемоническую и структурирующую функции: они, конечно, содержат указания на то, что около Николина дня снег должен растаять, а около Покрова выпасть, но главное – они позволяют делить год на более или менее обозримые и ограниченные отрезки с понятными границами и ясной последовательностью. Это, в свою очередь, создает определенный ритм, соответствующий ритму сельскохозяйственных работ и вообще сельской жизни. Одновременно эти приметы позволяют запомнить важные праздники христианского календаря и их последовательность, что имеет для традиционного сельского жителя особое значение.

Прогноз погоды обращается и к русской художественной литературе, особенно к произведениям А.С.Пушкина.

«Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк.

А.С. Пушкин

¹ Информационный сайт прогноза погоды «Gismeteo» [Электронный ресурс] URL: <http://www.gismeteo.ru>

Эти строки из 4-й главы «Евгения Онегина» в полной мере характеризуют утро вторника на Северо-Западе и в Центре страны. Скандинавский антициклон, сместившись в район Санкт-Петербурга, распространил свое влияние на северную половину Европейской России, где минувшей ночью сложились благоприятные условия для интенсивного выхолаживания атмосферы».¹

Можно выделить следующие наиболее характерные тематические поля, являющиеся источником образования метафор и олицетворений в текстах прогноза погоды: «спорт» – *март перехватил эстафету, финишная прямая к весне, сентябрь ставит рекорд*; «война» – *оттепель наносит удар, атмосферный фронт штурмовал Москву, стратегически выгодные позиции у циклонов*; «власть» – *циклон установил свои права, во власти циклонов, правит антициклон*; «искусство» – *снежная драма, погода в своем прежнем амплуа, грозы дебютировали на юго-востоке, пестрые краски природы, летние мотивы, аккорды зимы*, «еда» – *снежная каша, порция весеннего мокрого снега*; «здание» – *купол антициклона, дождь стеной, снежный коридор*; «транспорт» – *погода встает на зимние рельсы, локомотивы полушарного холода*; «одежда и ткань» – *белые «шапки» надели Крымские горы, природный «бархат», к Рождеству Москва обретет зимний наряд*; «финансы» – *копилка осадков, существенный вклад в копилку зимы, снег пойдет на убыль, а морозы – на прибыль* и др.

В процессе комментирования в речи специалистами появляются все новые и новые своеобразные метафоры и олицетворения, например:

«Температурные качели» (Москва 24, 02.11.12). Здесь слово *качели* является метафорой перехода от положительных значений к отрицательным.

Слово *троечка*, которое обозначает среднюю отметку, соответствующую в другой шкале оценку «удовлетворительно», в метеорологическом дискурсе может выражать недовольство, иметь значение «так себе, не очень». Ср.: *Вторник и среда – нормаль-*

¹Информационный сайт прогноза погоды «Gismeteo» [Электронный ресурс] URL: <http://www.gismeteo.ru>

ные дни. Четверг на «троечку». Игра слов становится излюбленным приемом журналистов, освещающих новости погоды: «Прогноз погоды. +30 и ни градусом меньше! Настоящее пекло будет в нижегородском регионе в эти выходные. Летнюю жару немного «подмочат» дожди. Но для июля это нормально» (НН.ру 29.07.2016 <https://www.nn.ru>). Тема еды остается непреходящим источником образности в метеотекстах. В следующем примере мы видим своеобразный оксюморон: «Снегопад добавит перца» (Утро Москва 24, 21.12.16).

Сюрпризы погоды стали причиной появления в майских прогнозах 2017 года таких словосочетаний, как *майский снег*, *тропический ливень в Москве*, *настоящий потоп*, *майский ураган*.

Ураганы относятся к одним из самых опасных явлений природы, в Америке их называют *торнадо*, в странах Тихого океана – *тайфунами*, в Бенгальском заливе – *циклонами*. Основная сила этих ураганов в огромной массе теплого влажного воздуха, который поднимается вверх и закручивается в воронку в результате столкновения с более прохладным воздухом. В центре такого вихря возникает так называемый «глаз урагана» диаметром до 35 км, внутри которого безоблачно и не бушует ветер. *Смерч* – мощный вихрь, образующийся в результате холодного воздуха, который опускается вниз из атмосферы. «Из грозового облака к земле вытягивается воронка, состоящая из водяного пара и воздуха, так называемый «хобот смерча» [Ауст 1989: 27]. На сегодняшний день смерч – одно из самых трудно предсказуемых явлений природы. *Оранжевый уровень опасности* служба погоды объявляет почти каждый день. Возможно, привычность этой фразы в современном русском языке стала причиной неготовности москвичей к урагану 29 мая 2017 года.

Тем не менее, прогноз погоды продолжает оставаться востребованным жанром во всех видах СМИ, и есть все основания предполагать, что в ближайшие годы он получит дальнейшее развитие.

ЛИТЕРАТУРА

Ауст З. Погода / под ред. Е.В. Калмыковой. – Слово, 1989. С. 27.
Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.
Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. М., 1996.

Мороз А.Б. Как «работают» календарные приметы // Тезисы докладов Международной конференции Маргиналии-2014: Границы культуры и текста Елец, 5-7 сентября 2014 г. М., 2014.

Ныгметова Б.Д. Когнитивная область «театр» как источник метеорологической метафоры [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusnauka.com>

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., Оникс, 2008.

Olga N. Grigorieva

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

lonogig@yandex.ru

**THERE IS NO BAD WEATHER...
(LINGUISTIC NOTES ON THE GENGRE OF “WEATHER FORECAST”
IN THE MODERN MASS MEDIA)**

This article discusses the features of the genre of "weather forecast" in the modern publicistic discourse. The study showed the formation of this genre in modern mass media by the appearance of meteo texts in the press and the Internet, by the regular transmission of weather information at a certain time on television and radio, by the availability of professional assessment by experts of Hydrometeorological centre that give comments or interviews, and by presentation of weather information in the format of a dialogue.

Key words: genre, meteorological terminology, forecast vocabulary, thematic field, metaphor, personification

Евграфова Анастасия Евгеньевна
кандидат филологических наук, преподаватель кафедры
русского языка для иностранных учащихся филологического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
ruban_anastasia@mail.ru

СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКИХ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ С ИНОЯЗЫЧНЫМИ КОРРЕЛЯТАМИ. ПРОБЛЕМЫ ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ СИНОНИМОВ

Статья посвящена проблемам перевода синонимов с одного языка на другой (на материале русских и английских темпоральных наречий). В статье обсуждаются принципы сопоставления синонимических пар и рядов слов и общие принципы двуязычной лексикографии.

Ключевые слова: синоним, синонимический ряд, двуязычный словарь синонимов, темпоральное наречие, лексико-семантический вариант, перевод, экспериментальный словарь.

Проблемам синонимии и вариативности сегодня уделяется особое внимание как в русской, так и в зарубежной лингвистике. Однако чаще всего работа по изучению этих языковых явлений проводится в рамках одного языка, выпускаемые словари нацелены на описание одноязычных синонимических отношений. Сделать же адекватный перевод синонимического ряда на другой язык часто оказывается трудно или практически невозможно. В связи с этим недостаток двуязычных пособий и методологических разработок в лексикографической практике сегодня ощущается очень остро, в том числе и в практике преподавания русского языка как неродного, что мотивирует наш интерес к этой области в сопоставительном аспекте.

В определенный момент в лингвистике назрела потребность в создании как минимум двуязычного словаря синонимов. В качестве экспериментального был составлен «Англо-русский синонимический словарь» [Апресян 1979]. В отличие от обычных словарей синонимов, он описывает английские синонимы на русском языке и предназначен для активного овладения лексикой английского языка. Данный словарь следует тем принципам, которые позже были положены в основу и «Нового объяснительного

словаря русских синонимов» (НОСС). Базовым принципом в нем является активность: «Словарь должен содержать по возможности исчерпывающую информацию о каждой лексеме, необходимую не только для ее понимания в произвольном тексте, но и для ее правильного использования в своей собственной речи» [НОСС 2003]. Вообще активное владение любым языком проявляется в смысловой адекватности речи говорящего на этом языке. Хотя объяснять синонимы на другом языке представляется проще, это не совсем так. Источником этих заблуждений является полное отождествление сходных лексических единиц. Случаи полного соответствия лексических единиц разных языков, за исключением терминов и терминообразных слов, достаточно редки, а характерным является случай частичного, иногда очень значительного, но все же неполного соответствия.

Например, довольно запутанная ситуация складывается при попытке перевода даже пары синонимичных темпоральных наречий. Общеупотребительные лексемы *скоро* и *близко* в любом английском словаре переводятся как *soon* и *near* соответственно. Обратимся к их контекстному употреблению: *Новый год уже скоро* – в переводе *New year is coming soon*. По-русски это же временное значение можно выразить и с помощью наречия *близко*: *Новый год уже близко*. А по-английски его коррелят *near* в таком употреблении невозможен. Ср.: **New year is coming near*.

Если точного соответствия во многих случаях нет даже для отдельных пар слов, то это тем более верно для целых синонимических рядов. В английском языке русскому наречию *быстро* соответствует ряд синонимичных лексем: *fast, quickly, rapidly*. Согласно англо-английскому толковому словарю данные лексемы передают значение «in a short / brief space of time» – в короткий промежуток времени. Как показал наш анализ материала [Евграфова 2011], наречие *быстро* имеет в русском языке три лексико-семантических варианта (ЛСВ). Значение «за короткое время» передает ЛСВ1: *Он быстро написал письмо другу*. Этот ЛСВ обычно реализуется при объектном употреблении. К синонимичным наречиям ЛСВ1 лексемы *быстро* в русском языке можно отнести следующие слова: *мгновенно, моментально, миг, мигом, стремительно, оперативно, молниеносно, по-быстрому* (прост.). Английские синонимические словари по ключевому слову

quickly (быстро) предлагают наречия *fast, rapidly, apace, speedily, soon, swiftly*. Все лексемы данного английского ряда в первую очередь выражают значение «с высокой скоростью», что соответствует ЛСВ2 лексемы *быстро*: *He talks too fast. – Он говорит слишком быстро. The cheetah runs fast. – Генард бегаёт быстро.* Между тем у данного значения *быстро* («с высокой скоростью») в русском языке мы выделили такие синонимы, как *скоро – скоро – бойко – бодро – шибко – резко – резво*. Анализ контекстов употребления членов синонимических рядов с доминантой *быстро* в двух языках показал практически полное несоответствие конкретных значений лексем. Обычно такая «несоизмеримость» свойственна словам с достаточно сложным значением: «чем больше разных идей впрессовано в одно значение, тем больше вероятность того, что комбинация идей окажется уникальной» [Апресян 1995, II: 249]. И наоборот, чем проще значение, тем скорее оно будет иметь однословное выражение во многих, а иногда и во всех языках мира. Но, как показал наш анализ, несоответствия в значениях и в употреблении возможны и у слов с довольно простыми значениями.

Для того, чтобы характеризовать семантические, сочетаемостные, конструктивные, стилистические сходства и различия между синонимами, нужен специальный лексикографический язык, на котором все существенные свойства синонимов могут быть описаны полно, достаточно и эксплицитно. Для наглядности приведем некоторые примеры толкований в словаре Ю.Д. Апресяна [Апресян 1979] с параллельными толкованиями из словаря Вебстера [Webster 1968]:

1. В словаре Ю.Д. Апресяна *attachment, affection, love* (*привязанность, чувство, любовь*) – «чувство, испытываемое к объекту, который приятен субъекту и каузирует у него желание быть в контакте с объектом или делать ему добро». В словаре Вебстера *attachment, affection, love* – это «чувство, одушевляющее человека, который непритворно любит (*is genuinely fond of*) кого-либо или что-либо».

2. У Ю.Д. Апресяна *hatred, detestation, abhorrence, abomination, loathing* (*ненависть, отвращение, омерзение*) – «чувство, испытываемое к объекту, который неприятен субъекту и каузирует у него желание не быть в контакте с объектом и делать ему зло».

У Вебстера *hatred, detestation, abhorrence, abomination, loathing* – это «крайнее отвращение (*aversion*), в особенности сопряженное с враждебностью или злобой».

3. В словаре Ю.Д. Апресяна *grateful, thankful* (*благодарный*) – «такой, который считает или знает, что ему сделали добро, и чувствует себя обязанным компенсировать его словесным признанием или ответным добрым поступком» (ср. *признательный, благодарный*). *Grateful* предпочитается в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть значительность оказанной кому-либо услуги, а *thankful* – в тех случаях, когда нужно подчеркнуть силу испытываемого субъектом чувства: *You've helped me, and I'm grateful to you; I'm thankful that his life was spared in the accident*. В словаре Вебстера *grateful, thankful* – это «чувствующий или выражающий благодарность (*gratitude*)».

Как видим, Ю.Д. Апресян выработал для описания английских синонимов упрощенный стандартизованный русский язык, состоящий из ограниченного числа относительно простых слов и конструкций. Данный язык отвечает двум принципам: а) сложное значение должно толковаться через более простые значения; б) толкования должны быть полными и достаточными. Хотя соответствующие толкования могут показаться громоздкими и неуклюжими, на их основе решаются главные задачи двуязычного словаря синонимов: во-первых, они позволяют выразить на русском языке семантические черты сходства и различия между синонимами одного и того же ряда в английском. Например, *hatred* подчеркивает желание причинить человеку зло, а *detestation* – нежелание быть с ним в контакте (ср. также анализ пары *grateful – thankful*). Во-вторых, подобные толкования помогают увидеть семантические черты сходства и различия между разными, но близкими по значению синонимическими рядами. Ср., например, ряды *attachment, affection, love* и *hatred, detestation, abhorrence, abomination, loathing*. В толкованиях Вебстера одно сложное значение определяется через другое столь же сложное, что иногда приводит к тавтологии или даже к неточности.

Значения слов разных языков зачастую не совпадают, даже если они искусственно ставятся в соответствие друг другу в словарях. Дело в том, что слова каждого языка отражают и передают образ жизни и мышления, характерный для некоторого общества,

и представляют собой бесценные «ключи к пониманию культуры» [Вежбицка 1999]. То есть существует тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит. Это относится как к внутренней, так и к внешней стороне жизни. Ярким подтверждением тому из материальной сферы может служить пицца. Например, в английском языке есть особые слова *marmalade* (определённый джем), *crumble* (пирог с крошкой), а в русском – *борщи, щи, уха, квас*. Слова с особыми культуроспецифичными значениями отражают и передают не только образ жизни, характерный для некоторого общества, но также и его образ мышления. Язык и образ мышления, безусловно, взаимосвязаны. Все мы говорим на каком-нибудь одном языке: даже когда мы «переводим» наши мысли с одного языка на другой, мы остаемся в пределах языка. Но поскольку существуют концептуальные и языковые универсалии, выход за рамки родного языка возможен. Так формулируется принципиально важное понятие «естественного семантического метаязыка», базирующегося на элементарных смыслах (семантических примитивах). То есть, определив общее ядро всех языков, можно «вырезать» из каждого языка «мини-язык» (нечто вроде basic English и т. д.), который будет изоморфен всем остальным и основан на доязыковой концептуальной системе, принятой за врожденную и универсальную. По мнению А. Вежбицкой, значение не может быть описано без определенного набора элементарных смыслов; «описывать значение путем перевода одного неизвестного в другое неизвестное – пустое занятие» [Вежбицка 1999: 297]. Бесспорно, эта точка зрения актуальна и для толкования значений синонимов и синонимических рядов в сопоставительном аспекте. Можно предположить, что в каждом языке существует набор элементарных (неопределяемых) значений, которые получаются в результате ступенчатого сведения сложных значений ко все более простым. Таково, например, значение «хотеть»: оно не может быть истолковано ни через какие более простые значения ряда, ибо таких значений не существует.

В качестве иллюстрации сопоставим синонимичные лексемы *вмиг, мгновенно, моментально* в значении «через короткое время» в русском языке с их реализацией в английском языке и

проследим, имеют ли они аналоги, сохраняют ли различия в употреблении или являются полными синонимами и соответствуют русским вариантам. Наречие *вмиг* переводится на английский язык с помощью устойчивых оборотов и идиом *in a flash* (дословный перевод: в течение вспышки), *in the twinkling of an eye* (в мгновение ока, не успеешь и глазом моргнуть), *at the drop of a hat* (дословный перевод: пока падает шляпа). Все они выражают значения: «instantly» (немедленно, тотчас), «at once» (сразу же), «suddenly» (вдруг, неожиданно), «in an instant» (в одно мгновение / в один миг), «quickly» (быстро). Лексема *мгновенно* чаще всего переводится как *instantly* (немедленно, тотчас) или *in a trice* (мгновенно, в один миг), что передает значение: «at once» (сразу же). *Моментально* не имеет точного аналога в английском языке, в большинстве случаев переводится с помощью синонимичного *immediately* (немедленно, тотчас же, сразу), в английском языке данное слово передает значения: «at once» (сразу же), «without delay» (безотлагательно); «directly» (немедленно, сразу, через небольшой промежуток времени), «closely» (непосредственно, вплотную); «as soon as» (как можно быстрее). Если условно выстроить лексическую шкалу временных отрезков по скорости и краткости свершения действия, выражаемых анализируемыми лексемами, то в русском и английском языках они совпадают: идиомы, передающие значение *вмиг* *in a flash*, *in the twinkling of an eye*, передают значение наибольшей скорости, затем *мгновенно* – *instantly*, затем *моментально* – *immediately*, что подтверждает некоторое соответствие переводов. Как видим, исконно русское *вмиг* чуждо природе английского языка, значение этого наречия выражается близкими по значению английскими идиомами и фразеологическими оборотами. Наречия *мгновенно* и *моментально* имеют в целом более точные переводы.

Обратимся к концептуальным различиям данных наречий. Именные лексемы *миг*, *мгновение*, *момент*, от которых образуются исследуемые наречия, являются показателями кратковременности и отражают специфику восприятия времени носителями русского языка. С каждым из них ассоциируется своя семантика времени [Яковлева 1994]. Время при этом понимается как качественная, а не как количественная категория (т. е. важны

события, заполняющие время). Е.С. Яковлева затрагивает проблему концептов и соответствующих наречий. Она отмечает, что спонтанные действия, осуществляемые в один прием, то есть элементарные, будут скорее *мгновенными*, а подконтрольные, неэлементарные действия – *моментальными*: *Река мгновенно вышла из берегов; Да, любовь поразила нас мгновенно и Девочка моментально сделала все уроки; Он моментально отыскал меня в институте. Мгновенно, а не моментально мы выберем также при метафоризации, сравнении. Например: Краснея, он сунул в окно облигации. Дальше все произошло как бы мгновенно.* Употребление слов *minute, second, moment, instant* в английском языке исследовала А.Ю. Стопочева-Мойер [Стопочева-Мойер 2001]. Отмечается, что в английском языке данные слова обозначают короткие интервалы времени, наиболее соотносимые с личным временем, и характеризуют различные аспекты его человеческого восприятия. *Moment* выражает время надличных важных событий, в то время как *minute* и *instant* передают время обыденной жизни, при этом различают соответственно личную, внутреннюю жизнь и внешнюю, социальную. Сопоставление этих исследований показало, что можно провести вполне четкие параллели между английским *moment* и русским *момент*. Английскому *instant* соответствуют русские *миг* и *мгновение*. Русское *миг* также коррелирует с английскими *minute* и *second*. Таким образом, наречие *instantly* действительно довольно точно переводится русской лексемой *мгновенно*, даже сохраняя его концептосферу. Что касается слова *моментально*, оно не имеет точного перевода, обычно выражается синонимичным *instantly*. Английское же наречие *momentarily* с родственным латинским корнем имеет вообще другое лексическое значение – *for a moment* («на момент», на короткое время), является своего рода «ложным другом переводчика».

Анализ нашего материала подтверждает лексикографический опыт Ю.Д. Апресяна: точный перевод синонимических рядов одного языка на другой в большинстве случаев невозможен. Несоответствие синонимических рядов оказывается одновременно количественным и качественным: во-первых, в двух приблизительно соответствующих друг другу рядах почти всегда разное число элементов; во-вторых, синонимы внутри этих рядов

различаются и выявляют сходство не по одним и тем же, а по разным семантическим, сочетаемостным, конструктивным и стилистическим признакам. Важны также и семантические ассоциации слов (или концепты), которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции и другие внеязыковые факторы, влияющие в итоге на его использование в речи носителей. Как нам кажется, в «Англо-русском синонимическом словаре» Ю.Д. Апресяна сопоставление английских и русских синонимов проводится последовательно и очень продуктивно. Эта работа еще раз доказывает, чтобы овладеть всеми тонкостями и нюансами в употреблении синонимов другого языка, необходимо полное, избыточное и эксплицитное толкование на специальном лексикографическом языке. Этот лексикографический опыт представляется нам чрезвычайно интересным и полезным для составления функциональных словарей и пособий по русскому языку как иностранному. Примечательно, что, хотя и на разных основаниях, А. Вежбицка и Ю.Д. Апресян приходят к сходным выводам о том, что необходимо выработать особый упрощенный язык для толкования значения лексических единиц (в том числе и синонимов) в разных языках.

Кроме того важно учитывать, что несоответствие синонимических единиц в разных языках часто проявляется не только и не столько собственно в их семантике, сколько в их грамматическом и синтаксическом поведении, а также в коммуникативном потенциале. Безусловно, в рамках статьи двуязычного словаря нет возможности зафиксировать все различия в функционировании конкретных ЛСВ описываемых слов, но самые яркие случаи расхождений должны быть приведены, пусть и на уровне иллюстраций, что открывает большие перспективы в двуязычной лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю.Д.* Англо-русский синонимический словарь. – М.: Русский язык, 1979.
- Апресян Ю.Д.* Английские синонимы и синонимический словарь // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: НОСС 2003 Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Вежбицка А.* Семантические универсалии и описание языков // Понимание культур через ключевые слова. – М., 1999.

Евграфова А.Е. Лексикографическое представление русских темпоральных наречий в функционально-коммуникативном аспекте. Дис.канд. филол. наук. – М., 2011.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий вып. / *Ю.Д. Апресян* и др., Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2003.

Стопочева-Мойер А.Ю. Время в контексте языка и культуры: минимальные единицы членения (на материале английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Изд-во «Гнозис», 1994.

Webster's New Dictionary of Synonyms, 1968.

Anastasia E. Evgrafova
PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
ruban_anastasia@mail.ru

THE COMPARISON OF RUSSIAN SYNONYMIC SERIES WITH THE FOREIGN CORRELATES. THE PROBLEMS OF BILINGUAL SYNONYMIC DICTIONARY

The article is devoted to the problems of translation of synonyms from one language to another (on the base of Russian and English adverbs of time). The principles of matching synonymic pairs and series of words, and general principles of bilingual lexicography are discussed.

Key words: synonym, synonymic series, bilingual dictionary of synonyms, adverb of time, lexical-synonymic variant, translation, experimental dictionary.

Лазуткина Елена Михайловна
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
отдела культуры русской речи Института русского языка
имени В.В. Виноградова РАН, Россия, Москва
lazutkelena@yandex.ru

О НАПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ПОЛИСЕМИИ

В статье показываются ресурсы синтаксической системы русского языка: модели предложений с событийными глаголами для обозначения динамических процессов и статического положения дел. Обосновывается направление развития глагольной полисемии.

Ключевые слова: русский литературный язык; грамматика предложения; диатеза; синтаксическая семантика; прагматические механизмы языка; глагольная полисемия.

При изучении русского языка как иностранного особенно важно обращать внимание на существующие в языке стереотипы выражения говорящего в определенном коммуникативном плане речи, знать возможности системы, которые сформировались в результате осмысления различных процессов и их квалификации. «Работа» языка предстаёт как действие системных прагматических механизмов, вобравших в себя исторический опыт вербальной коммуникации. Один из аспектов этой проблемы – выявление ресурсов языка, сложившихся для обозначения *динамических процессов* и *статического положения дел*: схем развития глагольной полисемии, правил синтаксического преобразования моделей предложений (межмодельной и внутримодельной деривации).

Благодатным материалом для иллюстрации семиотической ценности параметров морфосинтаксиса и их изменений являются семантически емкие конструкции – модели предложений, организованные *событийными глаголами* локально направленного действия. Речь идет об акциональных глаголах типа *закрыть грядки пленкой, налить бак водой, заправлять щи сметаной, асфальтировать дорожку, окружить нового ученика*. Эти глаголы обозначают переход агенса или пациенса из одного состояния в другое; вследствие этого, структура значений событийных глаголов обязательно включает отрицательный компонент [Daneš 1971].

Глаголы имеют разное лексическое значение, но обладают одинаковыми синтаксическими свойствами, потому что в структуре их значений есть архисема, предопределяющая их синтагматику. Инвариантное значение данных глаголов – «направленное действие на объект, имеющее своим следствием полноту его охвата (или заполнения, окружения, покрытия)».

Ракурсы представления реальной ситуации в структуре предложения строятся на базе функционально-семантической категории предиката, которая называется диатезой; например: *Мороз покрывает лужи тонким льдом – Тонкий лёд начал покрывать лужи – Лужи начали покрываться тонким льдом – Лужи начали покрывать тонким льдом*. Эти предложения представляют собой «перифразы по линии актантов» [Степанов 2011: 136-137].

Инвариантным значением моделей предложений с этими глаголами, имеющих одно и то же сигнификативное ядро, обеспечивается их деривационная связанность. Это позволяет объединить глаголы, имеющие сходные корреляции диатез, в один **синтагматический класс** – класс «глаголов локально направленного действия» [Лазуткина 1984].

Класс двухвалентных глаголов (тип *налить бак водой*) неоднороден, состоит из разных лексико-семантических групп (мы выделяем 14 групп, составляющих 1400 глагольных значений), различающихся характером обозначаемого действия и, соответственно, значением распространителей.

Семантика исходной модели – «целенаправленное действие субъекта, изменяющее состояние объекта, имеющее своим следствием полноту его охвата (заполнения)». В качестве субъекта выступает одушевленное существительное (преимущественно со значением лица); в глаголах сильный каузативный элемент, предопределяющий не только словоформу в вин. п. со значением объекта действия, но и словоформу в тв. п. со знач. средства осуществления действия, средства воздействия, локализуемой субстанции с ролью каузатора. Словоформа в тв. п. обычно выражена существительными вещественного значения в ед. ч. или конкретными сущ. во мн. ч. (реже – в ед. ч.). Категориальная семантика и морфологические характеристики этой словоформы говорят о ее особой роли в структуре: она имеет пропозициональ-

ное значение, указывает на два семантических актанта – локализуемой субстанции и средства воздействия. Это свидетельствует о том, что простому предложению соответствуют на глубинном семантическом уровне две мыслительные структуры.

Эксплицитность выражения семантической структурой предложения денотативных признаков события дает основание говорить об иконичности предложений с двухвалентными глаголами; например: *Она [Маргарита] аккуратно сложила обгоревшие листки, завернула их в бумагу, **перевязала** лентой* (М. Булгаков); *А заря, лениво Обходя кругом, **Обсыпает** ветки Новым серебром* (С. Есенин). Иконичность модели делает ее исходной в деривационной цепи: она может быть использована как перифраза при определении значения и структурного статуса других моделей. Семантика модели – «целенаправленное действие субъекта (названного одушевленным существительным), изменяющее состояние объекта, имеющее своим следствием полноту его охвата». Ее модификация – с неактивным субъектом и субъектом, называющим стихийные явления и процессы, – с существительными пропозитивного значения (им соответствует перифраза «действовать так, что стать причиной»); например: *Россия любимая, с этим не шутят. Все боли твои – меня болью **пронзили**. Россия, я — твой капиллярный сосудик, мне больно, когда тебе больно, Россия* (А. Вознесенский).

В статье будут показаны две особенности моделей предложений с акциональными глаголами локально направленного действия.

Первая особенность – использование конструкций с данными глаголами для представления события как факта. Вторая особенность – описание говорящими внутреннего мира человека по образцу макромира, поскольку осознание человеком самого себя в координатах пространства и времени рождает сложный мыслительный образ – когнитивную метафору «локализация».

1. **Дихотомия «событие – факт»** – философский вопрос, лингвистическое освещение которого в исследованиях Н.Д. Арутюновой положило начало целому ряду исследований. Обращаясь к онтологии языка, Н.Д. Арутюнова делает вывод: «Разница между тем, что может быть обозначено именами «событие» и

«факт», принципиальна. Эти имена относятся к сущностям разных миров. Имя *факт* ориентировано на мир знания, т.е. на логическое пространство, организованное координацией истины и лжи, имя *событие* ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени. В структуре факта (как и в пропозиции) присутствует связка, в структуре события ей нет места <...>. Между фактами и событиями проходит линия горизонта, отделяющая «небо» от «земли». [Арутюнова 1988: 168]; «когнитивный цикл развивается от восприятия к знанию» [Арутюнова 1988: 112].

Превращение в повествовании упоминания о событии как о факте для создания континуума текста – это результат мыслительной операции абстрагирования, намеренный отказ автора от характеристик реального события («бегство» от времени и пространства) и от «сферы человека» во имя последующего «оперирования» в тексте событием как данностью – в соответствии с законами построения текста.

Глаголы данного синтагматического класса показывают один и тот же тип развития полисемии: они имеют такую палитру значений, которая позволяет их использовать и для обозначения процессов локализации, и для обозначения статического положения дел, т.е. локальных отношений в пространстве.

Дериват исходной модели – конструкции с глаголами-автокаузативами. Эта производная модель имеет значение «активное преднамеренное действие субъекта по изменению своего состояния». Позиция объекта и постфикс *-ся* – функционально тождественны; например: *Закрываясь от пыли рукой, Пилат двинулся дальше* (М. Булгаков).

Следующая производная диатеза, образованная в результате операции декаузации, в синтаксической позиции субъекта объединяет два значения – агенса и каузатора. Глаголы, организующие эту модель – «преднамеренное действие (направленное движение) множественного субъекта, имеющее своим следствием изменение состояния объекта (полноту охвата объекта)», – многочисленны; например: *Евсей, подпоясанный ремнем, весь в пыли, здоровался с дворней; она кругом обступила его* (И. Гончаров); *Публика стала окружать негодяев, и тогда в дело вступил Коровьев* (М. Булгаков).

Именно эта диатеза чаще всего используется для преобразования информации о событии в информацию о факте, т.е. для обозначения говорящим локальных отношений в пространстве, какого-то положения дел. Модель выступает, прежде всего, как интерпретативная структура, как один из способов оперирования знаниями в речи. При этом используется следующая внутримодельная деривация: изменение сигнификата предложения в результате изменения категориальной семантики имени в субъектной позиции и значения глагола-предиката; например: *Скалы загораживают море*.

Появление в позиции подлежащего имени существительного с предметным значением сигнализирует о том, что глагол потерял сему акциональности и перешел в разряд стативов. Подобные конструкции часто используются для описания, в котором есть бытийный компонент значения. В глаголе подчеркивается значение полноты охвата, количественная характеристика локальных отношений; например: *...розовый свитер плотно **облегает** фигуру, коричневые брюки чуть **прикрывают** каблук* (Е.Катасонова). *...как кротки и уютны тени тополей и акаций, – тени, которые через всю широкую улицу и **захватывают** на другой стороне дома до самых балконов и вторых этажей* (А.П.Чехов). *Хвойный лес **одевает** все горы* (В.Арсеньев).

Пропозициональное осмысление явлений, свойств и представление их в качестве субъекта действия сопровождается употреблением глаголов-предикатов с наиболее общим значением – *насыщать, пропитывать, пронизывать, наполнять, заполнять*. «Материальным носителем» пропозиционального осмысления является семантика существительных в именит. пад.: отвлеченные и вещественные сущ. или конкретные сущ. в форме мн.ч. с маркерами «определенность» и «множественность». Единственный компонент значения глаголов, на котором строится эта когнитивная метафора, – «полнота охвата». Как правило, глаголы употребляются в форме несоверш. вида наст. времени; например: *Любовь к родной природе ... **пронизывает** весь сборник стихотворений поэта* (П. Пустовойт); *Недавно [Юля] **притащила** письмо – слезы облегчения **пропитывали** его насквозь* (Е. Катасонова).

Третий ракурс представления события – ответ на вопрос: что происходит с субъектом – темой высказывания; например: *Солнце закрывают тучи; Грядку оплетают сорняки; Лицо заливал румянец.*

Семантика этой модели-деривата: «изменение состояния субъекта под действием стихийного каузатора». Модель предполагает фигуру наблюдателя или субъекта состояния («реципиента»), контролирующего свои собственные ощущения. Обратный порядок слов для этой модели является обычным: объект является темой высказывания, помещается в синтаксическую позицию субъекта. При этом повышается ранг этого элемента: объект приобретает дополнительное значение субъекта состояния, качества, свойства, становится диффузной категорией «объект действия / субъект состояния» [Шведова 2005]. Предложения обозначают явление, оцениваемое говорящими. При этом изменяется подлежащно-сказуемая структура предложения: словоформа в косвенном падеже (название места, объект действия-движения) становится предикцируемым компонентом, а вся остальная часть предложения «фразеологизируется» и становится предикцирующим компонентом; например: *Озеро **обступили** старые ивы и осоки* (К. Паустовский); *Улицы, бульвары **запрудил** народ* (А. Плещеев); *Вокзал **затопили** эвакуирующиеся* (М. Шолохов); *Корабль **пронизала** неестественная тишина* (А. Малышкин); *Сразу **закаменела** почва, ветошь трав **обметал** иней* (А. Стрижев); *Полнеба **обхватила** тень, Лишь там, на западе, бродит сиянье, – Помедли, помедли, вечерний день, Продлись, продлись, очарованье* (Ф.И. Тютчев).

Если на первом месте оказывается подлежащее, то такой порядок слов считается стилистически маркированным; например: *Болезни-оккупанты тело **заняли*** (Е. Евтушенко).

По сравнению с предыдущей диатезой основной акцент в следующей модели – редукция субъекта, используется модель безличного предложения с каузатором или с указанием на него в глагольной лексеме; например: *Луну **постепенно закрывает** тучами; Дорогу **заснежило**; Канаву **заливает**; Горло **обложило**.* Семантика схемы: «изменение состояния субъекта под действием

стихийного каузатора, имеющее своим следствием пространственную смежность субъекта и каузатора». В интерпретации процесса подчеркивается неконтролируемость действия.

Следующий ракурс обозначения события обозначается моделью предложения «непроизвольное изменение состояния субъекта под действием каузатора», которая организуется глаголами с постфиксом *-ся*. Обозначается стихийное событие, неконтролируемый процесс, имеющий начальный и заключительный момент. Субъектная словоформа в им. п. называет предмет, изменяющий свое состояние в результате воздействия; например: *Кожа щек налилась ровным розовым цветом, лоб стал бел и чист, парикмахерская завивка волос развилась* (М. Булгаков); *...рядом с берегом, где вода уже начинала браться тонким голубоватым ледком, и чуть поодаль, большие тени медлительных рыб...* (П. Проскурин); *Борщок-то так весь жиром и взялся* (А. Серафимович); *Сад весь наполнился сырым белым светом* (Б. Пастернак).

В разных диатезах с глаголами данного класса частотно результативное значение предиката: *Все лицо и руки Залепил мне снег, Мне в сугробе горе, А ребятам смех!* (И. Суриков); *Глухие тропы густо заросли папоротником, и наши кони с трудом пробивались по ним* (В. Закруткин). В отличие от результативных конструкций, предложения со страдательными причастиями прош. времени не имеют компонента значения «приобретенное к настоящему моменту свойство», поскольку они не соотносятся с временным планом, имея статичное значение характеристики признака. Некоторые глаголы этого класса употребляются преимущественно в причастных оборотах. Это исторически сложившиеся системные синтаксические образцы для описания, оценки локальных отношений, количества (всеобщности, полноты охвата, заполнения). См., например: *испецирить, набить, наводнить, напоить* (в знач. *напитать*), *охватить, переполнить, перехватить, прихватить, повить, подернуть, прохватить, схватить, тронуть, усеять, усыпать*. Ср.: *На высокой металлической мачте с седлом наверху и с одним колесом выехала полная блондинка в трико и в юбочке, усеянной серебряными звездами, и стала ездить по кругу* (М. Булгаков); *Повернув во дворе за угол,*

гость оказался у каменной террасы жилого дома, **увитой** плющом, и осмотрелся (М. Булгаков); **Наконец** подъем за поворотом, **И** пошел густой сосновый бор. Строевой. В косых лучах по пояс, **Золотом пронизанный** насквозь... (А.Я. Яшин); **По** утрам теперь трава была седая, **пронутая** инеем (А.Н. Толстой); **Между** тем перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина, **перехваченная** цепью холмов (К. Паустовский); **Теперь** я от вас далеко... **В** России теперь апрель. **И** синюю заволокой **Покрыта** береза и ель (С. Есенин).

2. **Вторая особенность** конструкций с глаголами локально направленного действия – существование в системе языка когнитивной метафоры, в основе которой понятие о действии «локализация»: **представление говорящими внутреннего мира человека по образцу макромира**. Предложения с глаголами данного класса часто используются в русском языке для обозначения воздействия на человека чувств, мыслей, ощущений и обозначения внутренних состояний человека. Сема полноты охвата передает стихийный характер чувств и мыслей, поглощение ими всего человека. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «говоря о психике, мы вообще склонны экстеризировать ее составляющие – чувства, страсти, желания... и др., представляя их не только как нечто, нам помогающее или вредящее, то как собеседника и советчика, то как врага и мучителя» [Арутюнова 1999: 386].

Это обусловило их пропозициональное осмысление: синтаксическая позиция субъекта или каузатора в предложениях с глаголами этого класса предназначена для вещественных или отвлеченных имен существительных; например: **Сперва веселье, а потом изумление** охватило весь театр (М. Булгаков); **Какая особая радость** пронзает тебя от блеснувшего огонька поезда на дальних путях в дождливые сумерки, или при цветении старых каштанов в переулках южных городов, или при виде праздничной веселой толпы Арбата, при звуках музыки на бульварах (Ю. Бондарев).

Если в роли субъекта состояния (объекта действия) выступает лицо, названное одушевленным именем существительным, то в качестве предиката частотно выступают глаголы закрытого лексического ряда с архисемой «полнота охвата»: **охватывать, захватывать, схватывать, обнимать, пронизывать, прони-**

мать; например: *Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость* (И. Тургенев); *Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки* (М. Булгаков); *Однажды, вернувшись с тяги, Я лег подремать на диван. Разносчик болотной влаги, Меня прознобил туман* (С. Есенин). Событие спроецировано на результативном состоянии субъекта, изменяющего свое состояние, поэтому бытийный компонент значения в глаголе обуславливает обратный порядок слов как стилистически нейтральный.

Данный синтагматический класс глаголов также служит базой для формирования **соматических речений** – исторически сложившихся в языке семиотических комплексов, которые описывают жесты, мимику, позы, телодвижения как сигналы, симптомы внутренних ощущений, переживаний, эмоций. Семантика соматических речений предполагает оценку наблюдателя; например: *Глаза её заволочло, и были они далеко-далеко*. (Р. Киреев); *Павел, улыбаясь, смотрел, как густая краска заликает ее* [Юли] *лицо* (Е. Катасонова).

Вывод. В синтаксисе глагольного предложения происходит развитие межмодельных (диатезных) дериватов и внутримодельных модификаций в сторону усиления модусного компонента в семантике конструкций, подчеркивания позиции наблюдателя или субъекта речи. Данный вывод согласуется с мнением Э. Трауготт и О. Дэшера о существовании тенденции к субъективации, прагматизации лексического значения [Traugott, Dasher 2005]. Анализ структуры предложения показывает, что каждое высказывание представляет собой фрагмент смысловой канвы текста подобно элементу особой конфигурации в мозаичной картине.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: «Наука». 1988.

Арутюнова Н.Д. Метафора в языке чувств // *Язык и мир человека*. 2-е изд. «Языки русской культуры». 1999. – С. 385-402.

Лазуткина Е.М. Семантико-синтаксический анализ глаголов локально направленного действия. АКД. М.: 1984. 21 с.

Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. 2-е изд. М.: 2011.

Шведова Н.Ю. Объектная форма в субъектной позиции // Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные работы. М.: «Языки славянских культур», 2005. – С. 264-270.

Daneš Fr. Pokus o strukturní významů českého slovesá // Slovo a slovesnost. – Praha: 1971, № 3.

Traugott E.C., Dasher R.B. Regularity in Semantic Change. – Cambridge University Press: 2005.

Elena M. Lazutkina

PhD, The Vinogradov Institute of Russian language

RAS, Russia, Moscow.

lazutkelena@yandex.ru

DIRECTION OF DEVELOPMENT OF VERBAL POLYSEMY

The article describes the resources of the syntax of the Russian language: the models of sentences with event verbs to denote dynamic processes and static state of Affairs. The study found a direction of development of verbal polysemy.

Key words: Russian literary language, grammar of sentence, syntactic semantics, the pragmatic mechanisms of the language system.

Маркова Валентина Алексеевна
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
v.a.markova@hotmail.com

ДЕЛОВОЕ ПИСЬМО КАК ЖАНРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

В статье рассматриваются особенности проявления стилиевых черт официально-делового стиля в тексте делового (коммерческого) письма, выявляется специфика делового письма как жанровой разновидности официально-делового стиля.

Ключевые слова: официально-деловой стиль, стилиевая черта, жанр, деловое письмо.

Функциональная стилистика, зародившись в 20-е – 30-е годы XX века (работы М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Л.П. Якубинского, членов Пражского лингвистического кружка), прошла в своём развитии ряд этапов. От этапа к этапу менялся угол зрения на язык: язык при реализации разных его функций → язык в разных сферах общения → язык как инструмент, находящийся в распоряжении субъекта речи (на смену системно-структурной научной парадигме пришла парадигма коммуникативно-функциональная). Вектор развития функциональной стилистики направлен в сторону понижения уровня абстракции объекта исследования: от макростилия (работы А.Н. Васильевой, М.Н. Кожинной, О.Б. Сиротининой, О.А. Лаптевой, Е.А. Земской, О.Д. Митрофановой, Л.Р. Дускаевой, М.П. Котюровой, Б.С. Шварцкопфа и др.) к тексту и текстовым категориям (работы М.Н. Кожинной, Т.В. Матвеевой, Т.М. Николаевой, З.Я. Тураевой и др.). Одно из направлений исследований по функциональной стилистике сегодня связано с речевыми жанрами. Лингвисты ставят перед собой задачу «изучения макростилия и речевых жанров с единых методологических позиций и в связи с этим последовательного функционально-стилистического осмысления феномена жанров речи» [Салимовский 2002: 7–8]. Интерес к жанру

как типу текстов, определяемому особенностями частной разновидности духовной социокультурной деятельности, понятен. Жанр представляет собой минимальный уровень абстракции по сравнению с реальным текстом («целым текстом», в терминологии М.Н. Кожиной), т.е. понятие жанра ближе всего стоит к понятию текста. А именно на тексте как продукте коммуникативной деятельности субъекта сегодня, при антропоцентричном характере современной научной парадигмы, сходятся интересы исследователей разных областей лингвистического знания. С другой стороны, понятие жанра, являясь абстрактным, позволяет изучать речь не в бесконечной раздробленности её текстовых репрезентаций, а в неких инвариантах, обобщающих дифференциальные, значимые признаки реальных вариантов-текстов. С. Гайда отмечает, что «текст является не только неповторимым коммуникативным событием, но и репрезентантом коммуникативной практики. С данной практикой связано формирование исторически обусловленных образцов текстов (текстем), являющихся точкой соотнесения для реальных текстов и их свойств» [Гайда 2013: 32]. Жанр как раз и является образцом определённого типа текстов (текстотипом). Именно понятие жанра позволяет эффективно исследовать существенные, значимые свойства текстов, связанных с той или иной областью человеческого общения и человеческой деятельности, не отрываясь сильно от реальной коммуникативной практики и в то же время не отвлекаясь на частности, свойственные данному, конкретному, отдельно взятому тексту.

Поскольку жанр является составляющей вертикали «стиль – подстиль – жанр – текст», естественно ожидать, что в каждом жанре будут в той или иной степени проявляться общестилевые черты. Однако проявление этих черт в каждом жанре будет иметь свою специфику, иначе жанры не отличались бы друг от друга в языковом отношении. Одной из актуальных задач является, таким образом, выявление специфики проявления черт функционального стиля в том или ином жанре.

Целью настоящей статьи является выявление жанровых особенностей делового письма (на примере письма коммерческого). Наши задачи сводятся к тому, чтобы: 1) показать, что общие черты, свойственные официально-деловому стилю, находят проявление в коммерческом письме как жанровой разновидности

официально-делового стиля (т.е. продемонстрировать, что общее находит проявление в частном); 2) выявить специфику делового (коммерческого) письма как жанра (т.е. установить набор признаков, отличающих деловое письмо от других жанров официально-делового стиля).

Как известно, функциональный стиль может быть охарактеризован по двум признаками – экстралингвистическому (условия функционирования) и языковому (набор формальных признаков, характерных для стиля), выступающим в комплексе. Существует установившееся в ходе коммуникативной практики соотношение параметров «внеязыковое – языковое», формирующее облик каждого функционального стиля. Такое соотношение закреплено в сознании носителей языка как результат высокой частотности одних и тех же средств в одних тех же ситуациях вследствие целесообразности использования именно таких средств в именно такого рода ситуациях (например, в разговорной речи, при экономии речевых усилий и наличии у коммуникантов общих фоновых знаний целесообразно использование неполных предложений, в то время как в письменном документе, не допускающем интолеранций, закономерным является использование полных структур). Идея корреляции между экстралингвистическим и языковым заложена в понятии «стилевая черта». Стилевая черта – своеобразная вертикаль, соединяющая языковые средства с условиями их употребления. М.Н. Кожина и М.П. Котюрова в «Стилистическом энциклопедическом словаре» определяют стилевую черту как «признаки текста, выражающие специфику и стилевое своеобразие соответствующего функционального стиля благодаря реализации функций последнего, обусловленных его экстралингвистическими факторами» [Стилистический энциклопедический словарь 2006: 403]. Характеристика функционального стиля на основе стилевых черт отражает его сущностные свойства и является более глубокой, чем характеристика поуровневая, отражающая главным образом языковую специфику стиля. Именно поэтому понятие стилевой черты является сегодня одним из базовых понятий функциональной стилистики и берётся за основу при характеристике особенностей функциональных стилей. Очевидно, если мы ставим целью выявить особенности речевого

жанра, мы должны установить, в чём состоит специфика проявления тех или иных стилевых черт в текстах данного жанра. Рассмотрим под указанным углом зрения деловое письмо, в частности одну из его разновидностей – коммерческое письмо.

В исследованиях по функциональной стилистике выделяются следующие черты официально-делового стиля: императивность, стандартизованность, точность, объективность (работы М.Н. Кожинной, Л.Р. Дускаевой, О.В. Протопоповой). Охарактеризуем кратко каждую из названных стилевых черт.

Императивность считается ведущей стилевой чертой деловой речи. Под императивностью понимается «прямое волеизъявление относительно выполнения называемого действия» (цит. по [Дускаева, Протопопова 2012: 67]). Документ, регламентируя отношения между участниками деловой ситуации, устанавливает их права, обязанности, ограничивает возможности. Императивность выражается в использовании слов с модальным значением (глаголов и прилагательных: *обязан, должен, обязаться, подлежать*), а также глагольных форм, выражающих побуждение к действию в прямом или переносном употреблении (императив, инфинитив, настоящее предписание, будущее время со значением предписания).

Стандартизованность официально-деловой речи проявляется в стандартном построении текста документа, использовании стандартных оборотов речи, клише (устойчивых сочетаний слов и целых фраз): *иметь право, счёт на сумму..., Цены твёрдые и не подлежат изменению*. Стандартные формулировки облегчают как составление документа, так и его восприятие, устанавливают соответствие между типовой ситуацией и типичной формой выражения этой ситуации.

Точность предполагает однозначность формулировок, недопустимость инотолкований. Такая однозначность достигается употреблением слов в прямом значении, использованием терминов, уточнений, предложений с союзной связью, прямым порядком слов, отсутствием синонимических замен.

Объективность официально-делового стиля связывают с его обезличенностью, акцентированностью на действии, деле. Для делового текста характерны конструкции, в которых субъект или

формально не выражен (определённо-личные предложения, бес-субъектные пассивные конструкции), или выражен не формой именительного падежа, т.е. не фиксирует на себе внимания (пассивные конструкции с субъектом, выраженным творительным падежом). Объективность выражается также в отсутствии в деловом тексте эмоционально-экспрессивных средств.

Представляется, что указанный список стилевых черт (императивность, стандартизованность, точность, объективность) целесообразно дополнить ещё одной стилевой чертой – информационной ёмкостью (см. [Маркова 2014], [Маркова 2016]). Под информационной ёмкостью мы понимаем высокую концентрацию информации в тексте, выражение максимального количества информации с помощью минимального количества языковых средств. Особенностью информационно ёмкого текста является не только компактность формулировок, но ^и наличие формально выраженных связей между компонентами синтаксической структуры, что облегчает восприятие текста. Сравним, например, два фрагмента.

Фрагмент 1

Мы ссылаемся на Ваше письмо. Это письмо Вы отправили 12.02.2017. Мы предлагаем Вам мобильные телефоны «Philips». Один мобильный телефон стоит 8 000 рублей. Мы предлагаем Вам 300 мобильных телефонов.

Фрагмент 2

Ссылаясь на Ваше письмо от 12.02.2017, предлагаем Вам 300 мобильных телефонов «Philips» по цене 8000 рублей.

Очевидно, что второй – сжатый – фрагмент предпочтительнее, и не только потому, что он короче и компактнее, но и потому, что информация, представленная в нём, легче воспринимается, её не нужно «собирать» из отдельных коротких предложений: вся информация сконцентрирована в одном предложении. Сжатие текстового фрагмента может происходить на уровне сверхфразового единства и на уровне предложения. В первом случае происходит сжатие сверхфразового единства до размеров одного предложения (как в случае сжатия фрагмента 1). При этом в конечном

предложении для вмещения сжимаемой информации используется ряд конструкций: однородные члены, цепочки родительных падежей, предложно-падежные группы с обстоятельственным значением, причастные и деепричастные обороты. Во втором случае наблюдается сжатие сложного предложения в простое путём свёртывания менее компактных конструкций в более компактные: придаточная определительная часть сворачивается в причастный оборот, придаточная часть с обстоятельственным значением – в предложно-падежную группу или деепричастный оборот. Степень сжатия текста может быть разной и зависит как от жанровой принадлежности текста, так и от установки субъекта речи.

Введение понятия информационной ёмкости позволяет непротиворечиво объяснить сосуществование в деловом тексте двух его особенностей: с одной стороны, лаконичности и, с другой стороны, исчерпывающей полноты изложения, диалектически объединить эти два противоположных понятия в одном.

Итак, мы отметили, что набор стилевых черт официально-делового стиля включает императивность, стандартизованность, точность, объективность и информационную ёмкость. Рассмотрим теперь, в чём состоит специфика проявления этих черт в текстах деловых писем.

Императивность

Жанровое своеобразие коммерческого письма связано прежде всего с категорией императивности, которая выражена в смягчённой форме. Коммерческие письма направляют друг другу партнёры или потенциальные партнёры. Это значит, что общение происходит между равными по статусу коммуникантами. По правилам делового этикета, ни один из них не может категорически требовать чего-либо от другого – возможна только просьба. При этом просьба обычно выражается в косвенной форме, «маскируется» под другой речевой акт (чаще всего под сообщение информации), благодаря чему скрывается, становится менее очевидным воздействие на адресата. Косвенные речевые акты широко распространены в деловой переписке: *Будем признательны Вам за быстрый ответ (ср.: **Ответьте** нам, пожалуйста, как можно быстрее); Если Вы сочтёте возможным предоставить нам*

*скидку в 5%, мы будем рады разместить у Вас заказ (ср.: **Предоставьте** нам, пожалуйста, скидку в 5%).*

В мягкой форме выражена императивность и в случае предложения товара. Так, в письмах-предложениях товар предлагается в максимально корректной, ненавязчивой форме.

Уважаемые господа!

Мы представляем фирму «Дуранго Бутс», которая является филиалом компании «Ю. С. Индастриз, инкорпорейтид». Наша фирма изготавливает высококачественные сравнительно недорогие сапоги.

Нам представили Вас как импортёра такого рода товара. Мы прилагаем к письму каталог, иллюстрирующий наш ассортимент. Цена — «С завода», Франклин, штат Теннесси.

Мы будем рады предложить цены СИФ, как только будет известен размер заказа и способ транспортировки. Минимальная партия заказа — 50 пар, которые могут быть различных размеров и фасона. Условия платежа: наличными без скидки через 30 дней после получения товара.

Заказам будет уделено своевременное и должное внимание.

В ожидании Вашего ответа, остаёмся,...

[Жданов, Жданова, 2002: 71–72]

В приведённом письме предложение формулируется корректно, ненавязчиво, оно отнесено к плану будущего, т.е. это предложение последует как бы после того, как покупатель примет решение о необходимости покупки товара. Тем не менее с исчерпывающей полнотой и точностью представляется информация о поставке, т.е. создаются все необходимые условия для того, чтобы покупатель мог заказать товар. В данном случае имеет место непрямая, опосредованная императивность (М.П. Брандес): адресату предложено выбрать, будет он покупать товар или нет, при этом сообщается необходимая информация на тот случай, если решение будет положительным.

Стандартизованность

Стандартизованность как черта официально-делового стиля проявляется в деловом письме, как и в других жанрах официально-делового стиля, в использовании стандартных выражений, клише (*перевести деньги на счёт; Цены твёрдые не подлежат*

изменению). Специфика делового письма, отличающая его от других жанров официально-делового стиля, заключается в следующем. Деловое письмо относится к числу текстов, имеющих интeрcубъeктный характер. Это реплика письменного диалога между партнёрами (в отличие, например, от контракта). Выраженная диалогичность делового письма заставляет при его составлении учитывать прагматический эффект – то воздействие, которое письмо окажет на партнёра. Несмотря на то что деловое общение носит ролевой характер, невозможно полностью исключить человеческий фактор, и партнёры обычно стремятся наладить не только хороший деловой, но и межличностный контакт. Тенденция к интимизации общения, усилению субъективного начала стала характерной чертой деловой коммуникации общения в настоящее время [Стилистика русского языка 2012: 340], [Карабань 2006: 4]. Стремясь наладить благоприятный человеческий контакт, автор письма по возможности сокращает количество «бюрократических» средств, к числу которых относятся в первую очередь канцеляризмы – маркированные показатели официально-делового стиля, придающие сухость, холодность изложению. Так, например, устаревшие канцеляризмы (*каковой, таковой*) встречаются в текстах контрактов, но не характерны для коммерческих писем.

Точность

Так же, как и для других жанров официально-делового стиля, для коммерческого письма характерна точность, что выражается прежде всего в использовании коммерческой терминологии. Особенность делового письма, в отличие от других документов, в частности, контракта, состоит в том, что это «не окончательный» документ, это реплика продолжающегося диалога, и моменты, непонятные для партнёра, всегда можно уточнить в дальнейшей переписке. Поэтому в деловом письме отсутствуют некоторые средства достижения точности. В частности, для делового письма не характерно уточнение прописью числовых данных в скобках, которое принято, например, в итоговых документах, оформляющих сделку, – контрактах: *5 000 (пять тысяч) рублей*. Отсутствие такого уточнения в письме снижает степень его бюрократизированности, демонстрирует доверие к партнёру, который,

как ожидает адресант, не будет манипулировать числовыми данными. Это позволяет добиться того же прагматического эффекта, как и при сокращении канцеляризмов, – установлению благоприятного человеческого контакта с партнёром.

Объективность

Ярким проявлением объективности в деловом письме является использование определённо-личных предложений: *Просим выслать нам каталоги и прейскуранты*. Отсутствие субъекта концентрирует всё внимание адресата на действии-перформативе, что соответствует акциональному характеру делового стиля, отвлекающемуся от субъекта и ставящему во главу угла действие. Объективность проявляется и в использовании пассивных конструкций, в которых субъект или отсутствует, или выражен не именительным падежом: *Товар поставляется на условиях ФОБ. Ваша претензия будет рассмотрена нашими экспертами в течение трёх дней*. Такие формулировки являются нейтральными, широко распространёнными в деловой переписке. Однако в ряде случаев адресант считает необходимым придать письму более личный характер. Это имеет место, например, если по каким-то причинам автор письма не выполнил свои обязательства и, объясняя причину этого, рассчитывает на понимание партнёра, надеется, что он не будет принимать ответные меры (на которые имеет право), войдёт в положение, согласится какое-то время подождать, пока адресант не сможет исправить положение. Расчёт на человеческие, а не чисто функциональные отношения определяет языковые особенности письма. В письмо вводится субъект:

***Мы** ссылаемся на наше письмо с извещением о том, что из-за забастовок шахтёров <...> многие поставки изделий, которые мы используем для исполнения вышеуказанного контракта, только начинают поступать на наш завод.*

*Мы полностью закончили и испытали 8 машин, которые, чтобы не срывать Ваш производственный процесс, **мы** готовы отправить немедленно.*

<...>

*Это письмо **мы** посылаем заказной почтой в соответствии с условиями контракта. [Жданов, Жданова 2002: 148].*

Введение субъекта снижает степень объективности изложения. «Редукции» объективности способствует и ещё одна особенность делового письма – возможность упоминания в нём эмоций адресанта или адресата: *Мы будем рады получить Ваш заказ. С удовольствием высылаем Вам предложение на поставку. Мы неприятно удивлены тем, что наш счёт до сих пор не оплачен. Надеемся, что Вы будете удовлетворены поставкой.* Приведённые примеры показывают, что эмоции в письме не выражаются непосредственно, они констатируются, о наличии эмоций «хладнокровно» сообщается (используется не эмоционально-экспрессивная, а понятийная лексика), т.е. общий деловой тон послания не нарушается. Однако факт упоминания эмоций придаёт письму субъективный характер, являясь фактором психологического воздействия на партнёра. Сообщение об удовлетворённости контактом вызывает в адресате положительные эмоции и свидетельствует о благоприятном течении деловых отношений. Сообщение о неудовлетворённости является сигналом о неблагополучии, имеет целью вызвать обеспокоенность партнёра, побудить его принять меры к исправлению положения. Констатация эмоций, создающая определённое эмоциональное пространство письма, является, таким образом, регулятором деловых отношений (см. подробнее [Маркова 2017]).

Информационная ёмкость

Специфической формой проявления информационной ёмкости в ряде разновидностей коммерческих писем (письмо-предложение, письмо-заказ, письмо-подтверждение заказа) является анкетное представление информации.

Уважаемые господа!

Благодарим Вас за Ваш запрос и с удовольствием предлагаем Вам следующее:

Компьютерные колонки «Genius»

Цена: 2000 руб.

Количество: 1000

Условия поставки: FOB порт РФ

Условия платежа: инкассо

Сроки поставки: в течение месяца.

Информационная ёмкость проявляется в коммерческом письме и в использовании компактных синтаксических построений (предложно-падежных конструкций, причастных и деепричастных оборотов, заменяющих придаточные части, сложных предложений, объединяющих информацию нескольких простых и т. п.): *Мы прилагаем к письму наш каталог, в котором Вы найдёте спецификацию и основную характеристику наших компрессоров, хотя он и не охватывает весь ассортимент нашей продукции.* [Жданов, Жданова 2002: 70] (ср.: *Мы прилагаем к письму наш каталог. В этом каталоге Вы найдёте спецификацию и основную характеристику наших компрессоров. Конечно, каталог не охватывает весь ассортимент нашей продукции.*) Вместе с тем следует отметить, что для делового письма не характерны предложения слишком большого объёма (какие отмечаются, например, в контрактах). Можно предположить, что относительно недлинные предложения обусловлены выраженной диалогичностью делового письма, поскольку они являются аналогами реплик устных переговоров. В приводимом ниже примере текст сегментирован на короткие предложения, которые вполне могли бы быть произнесены в устном диалоге: *Мы также прилагаем прейскурант с ценами ФОб. Цены указаны в долларах США. По этим ценам мы можем предоставить вам скидку в 25%. Цены включают морскую упаковку* [Жданов, Жданова 2002: 70].

Анализ текстов деловых писем показывает, что в них проявляются все стилевые черты официально-делового стиля (императивность, стандартизованность, точность, объективность, информационная ёмкость). Однако все названные черты проявляются в смягчённой, редуцированной форме. Этот факт позволяет говорить о периферийном положении делового письма в системе жанров официально-делового стиля.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайда С.* Что такое стиль? // *Стилистика как речеведение*. Сб. науч. тр. славянских стилистов, посвящённых памяти М.Н. Кожинной. М., 2013.
- Веселов П.В.* Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки. М., 1993.
- Дускаева Л.Р., Протопопова О.В.* *Стилистика официально-деловой речи*. М., 2012.

- Жданов А.А., Жданова И.Ф.* Деловые письма и контракты. М., 2002.
- Карабань Н.А.* Коммуникативно-прагматические аспекты реализации категории вежливости в официально-деловом стиле русского языка. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
- Колтунова М.В.* Деловое письмо: Что нужно знать составителю. М., 1998.
- Константинова Л.А.* Деловая риторика / Л.А. Константинова, Е.П. Щенникова, С.А. Юрманова. М., 2013
- Кузнецов И.Н.* Деловое письмо. М., 2012.
- Маркова В.А.* Информационная ёмкость как стилевая черта официально-делового стиля // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы. М., 2014.
- Маркова В.А.* Стилистика русского языка. М., 2016.
- Маркова В.А.* Эмоциональное пространство делового письма // Электронный научный журнал. 2017. № 1-1 (16). С. 136-145. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://co2b.ru/docs/enj.2017.01.01.pdf>
- Основы русской деловой речи / Н.А. Буре и др.* СПб., 2012.
- Рахманин Л.В.* Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 2012.
- Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст). Дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский.* М., 2012.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной.* М., 2006.
- Трофимова О.В., Купчик Е.В.* Основы делового письма. М., 2010.

Valentina A.Markova
PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
v.a.markova@hotmail.com

THE BUSINESS LETTER AS A GENRE OF OFFICIAL STYLE

The article deals with the peculiarities of displays of stylistic features of official style in the text of, reveals the specifics of the business letter as a kind of genre of official style.

Key words: The official style, stylistic feature, genre, business letter.

Патаракина Евгения Олеговна
преподаватель кафедры русского языка для иностранных
учащихся филологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
e.patarakina@gmail.com

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА НАРЕЧНО-ПРЕДЛОЖНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА И ОСОБЕННОСТИ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ (ФРАГМЕНТ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ)

В статье описываются грамматические свойства и особенности употребления наречно-предложных единиц русского языка. Кроме того, приводится описание словаря бифункциональных единиц, а также фрагмент словарной статьи, посвященной наречно-предложной лексеме *вместе*.

Ключевые слова: наречия, предлоги, бифункциональные единицы.

В работе проводится анализ природы и функционирования бифункциональных наречно-предложных единиц русского языка. Это лексемы, которые в разных контекстах выступают как относящиеся к различным частям речи, то есть могут в предложении играть роль как наречия, так и предлога. Кроме того, к бифункциональным относятся лексемы, способные быть наречными конкретизаторами при предлоге [Панков 2009а, 2009б, 2009в, Патаракина 2013]. К таким словам относятся *мимо*, *после*, *близко*, *далеко*, *наперерез*, *вместе* и другие.

С подобными лексемами иностранные студенты сталкиваются на всех уровнях владения русским языком. В лексические минимумы для иностранцев бифункциональные наречно-предложные единицы в том или ином объеме включены на всех уровнях. Приведем примеры таких лексем. Так, в предложении (1) слово *вокруг* является наречием:

(1) *Стоял под засохшей яблоней сломанный стул, валялась безногая кукла. Обошел дом **вокруг** – никого не встретил* (НКРЯ).

В то же время в предложении (2) та же самая лексема функционирует как предлог:

(2) *Городские жители сказывали, что он всегда плакал, ходил **вокруг** могилы, становился на колени, целовал землю в рыданих, припав к зеленому дерну, оставался долго неподвижным.* (НКРЯ).

Предложные свойства лексемы проявляются в том, что она управляет существительным, требуя от слова *могила* формы родительного падежа. Подобным же образом функционирует лексема *после*. В предложениях типа (3) оно явно является предлогом:

(3) *Зайдите ко мне **после** урока.*

Однако в конструкции (4) уже видна наречная принадлежность данной единицы:

(4) *Поговорим об этом **после**.*

В предложении (4) наречная функция слова *после* доказывается также тем, что возможна его замена на наречие *потом* (см. пример 5) без ущерба смысловой нагрузке предложения, в то время как в предложении (3), где данная лексема функционирует как предлог, произвести такую замену нельзя (6):

(5) *Поговорим об этом **потом**.*

(6) **Зайдите ко мне **потом** урока.*

Таким образом, видно, что лексема *после* также имеет как предложный, так и наречный вариант употребления. Вероятно, данные случаи можно считать реализацией различных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слов *вокруг*, *после* и подобных.

Кроме того, наречная единица может входить в состав предлога, являясь его семантически обусловленным компонентом, то есть конкретизатором [Панков 2009а, 2009б, 2009в]. Наречные конкретизаторы предлога могут быть свободными и связанными в зависимости от того, могут ли они употребляться самостоятельно, без предложной единицы. Например, в предложении *Иван учился **почти** до сорока лет* наречие *почти* является свободным конкретизатором предлога *до*, потому что оно способно употребляться в сочетании с другими словоформами, ср.: ***почти** закончил*. Примером связанного конкретизатора может служить наречие *вплоть*, потому что его употребление возможно только с предлогом *до*: *Снег лежал **вплоть** до мая*.

В связи с тем, что тема бифункциональности языковых единиц в традиционной грамматике русского языка рассматривается явно недостаточно, а также с тем, что лексемы, относящиеся одновременно к двум категориальным классам слов, редко описываются в учебных материалах для студентов, изучающих русский язык как иностранный, была начата работа по созданию раздела учебного функционального словаря русского языка, посвященного, в частности, наречно-предложной бифункциональности. Этот словарь детально описывает различные ЛСВ наречно-предложных единиц, а также особенности их грамматических свойств и возможностей употребления в речи.

Особенность такого издания заключается в том, что в одной словарной статье лексема описывается как комплекс ЛСВ, способных реализоваться словоформами, принадлежащими к разным частям речи. Каждый из ЛСВ описывается по определенной схеме. Сначала указывается его частеречная принадлежность, затем значение и иллюстративный материал. Приведем пример предварительного анализа лексемы *вместе* как одной из наиболее частотных бифункциональных единиц.

Лексема *вместе* представляет собой комплекс трех ЛСВ: *вместе*₁, *вместе*₂, *вместе*₃.

*Вместе*₁ – комитативное наречие, в значении ‘совместно с кем-л., в соединении с кем-л.’. Употребляется как с глаголом (7), так и без него (8):

(7) *Мы давно собирались начать жить **вместе**, но все не было возможности.*

(8) ***Вместе** тесно, а врозь скучно.*

*Вместе*₂ – темпоральное наречие, в значении ‘одновременно’. Употребляется с глаголом:

(9) *Жил он **вместе** и бедно, и расточительно (А.Пушкин).*

(10) *Мы вышли с другом из разных мест, но к кинотеатру подошли **вместе**.*

*Вместе*₃ – свободный наречный конкретизатор в составе предложной единицы *вместе с* в значении ‘совместно с кем-л., в соединении с кем-л.’. Употребляется в составе предложной единицы *вместе с* (11):

(11) *В кино мы пошли **вместе** с друзьями.*

Кроме того, возможно употребление предлога *с* без наречного конкретизатора:

(12) *В кино мы пошли с друзьями.*

Таким образом, видно, что три ЛСВ рассматриваемой единицы реализуются словоформами с различными семантическими и грамматическими свойствами, которые необходимо отразить в словарной статье. Кроме того, ведется работа по добавлению в словарь анализа коммуникативной парадигмы рассматриваемых единиц, а также комментариев, связанных с их функционированием.

Явление бифункциональности занимает важное место в функционально-коммуникативном описании грамматики русского языка. Подробное освещение этой темы в учебных и справочных материалах для инофонов позволит избежать ошибок в употреблении данных единиц, а также даст учащимся возможность использовать все варианты функционирования подобных лексем при продукции речи или при переводе, обогащая фонд доступных учащимся грамматических конструкций.

Evgeniya O. Patarakina
Lomonosov MSU, Moscow, Russia
e.patarakina@gmail.com

**GRAMMATICAL PROPERTIES OF ADVERBIAL-PREPOSITIONAL WORDS IN RUSSIAN LANGUAGE AND FEATURES OF THEIR USE
(A FRAGMENT OF THE DICTIONARY ARTICLE).**

This article describes the grammatical properties and features of using of adverbial-prepositional words of the Russian language. Also a description of the dictionary of bifunctional words is given, as well as a fragment of the dictionary article about the adverbial-prepositional lexeme *вместе*.

Key words: adverbs, prepositions, bifunctional words.

Серова Евгения Сергеевна
*кандидат филологических наук, преподаватель кафедры
русского языка для иностранных учащихся филологического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Россия, Москва*
evgenia-serova@mail.ru

КОМПРЕССИЯ ТЕКСТА В СМС-СООБЩЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ)

В настоящей статье рассматриваются основные способы компрессии текста, представленные в корпусе смс-сообщений. Делаются выводы о компрессии как характерном опознавательном признаке смс-сообщений.

Ключевые слова: смс, электронная коммуникация, компрессия, корпус.

Электронные технологии, изобретённые человечеством в конце XX века, сыграли огромную роль в коммуникативных процессах. Новые каналы связи влияют на способы передачи информации, порождаемой на естественном языке. Во время обучения русскому языку как иностранному возникает необходимость сформировать у учащихся навыки письменной речи.

В связи с этим являются актуальными исследования, посвящённые процессам, которые происходят в письменной речи в современных условиях. В данной статье мы рассмотрим явление компрессии на материале русскоязычных смс-сообщений.

Языковая компрессия рассматривалась в лингвистике многоаспектно: как явление синтаксическое [Никитин 1976; Боброва 1986; Глухова 1987; Примерова 1988]; как морфологический [Степанова 1968; Жилин 1971] и словообразовательный феномен [Paul 1957; Сахарный 1985; Erben 1975; Степанова 1984; Гак 1977; Глухов 1992]; как стилистический прием [Шендельс 1979; Глушак 1980; Дмитриева 1990]. Много работ посвящено семантике единиц, производимых при действии механизма компрессии [Кубрякова 1977; Мурзин 1979; Харитончик 1980; Борисенкова 1984]. Большинство лингвистов отмечает, что результаты компрессии обнаруживаются на всех уровнях языка, «хотя и проявляются на каждом уровне своеобразно» [Мурзин, 1974: 77].

Компрессия связана с принципами взаимодействия единиц плана выражения и плана содержания. С одной стороны, имеет место сжатие поверхностной структуры, а с другой – увеличение смысловой емкости высказывания. К.А. Боброва пишет о нескольких основных способах компрессии: при одном происходит замещение отрезка высказывания другим, более компактным; другой строится на стяжении отдельных смысловых отрезков в одну единицу; третий связан с появлением именных блоков, которые вбирают в себя содержание целых предложений [Боброва 1986: 38].

В психолингвистике компрессия связывается со стадией внутреннего программирования общей схемы порождения речевого высказывания: в процессе порождения высказывания адресант проводит отбор речевых единиц, которые, с его точки зрения, могли бы с наибольшей точностью передать необходимый объем информации с использованием наименьшего объема репродуктивных единиц (текста) [Выготский 1934]. В ходе этого процесса действует принцип минимизации «чрезмерных затрат физиологических усилий», по Б.А. Серебренникову [Серебренников 1974: 27].

Об этом же пишут и другие исследователи: речевое поведение человека регулируется «принципом наименьшего усилия» («principle of least effort») [Zipf 1949], или «принципом экономии» [Мартине 1963: 214]. Это согласуется с некоторыми постулатами общения – правилами ведения диалога, связанными с объемом передаваемой информации, сформулированными П. Грайсом:

«Высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога)».

«Высказывание должно содержать не больше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога)» [Грайс 1985: 222–223].

Таким образом, логической основой явления компрессии признается закон экономии усилий и, как следствие, закон экономии языковых средств. Это значит, что порождаемый текст должен передавать необходимое и достаточное, с точки зрения адресанта, количество информации в минимальном и достаточном объеме текста. Некоторые ученые подчеркивают двоякий характер исследуемого феномена: компрессия может действовать как

в плане выражения, так и в плане содержания. Так, И.В. Дмитриева отмечает, что «исходно следует говорить о зарождении тенденции к компрессии в мыслительно-содержательной плоскости языка» [Дмитриева, 1990: 23] (имеется в виду возможность при порождении текста имплицативного выражения ряда семантических элементов, которые восстанавливаются из общего фона знаний или текстовой пресуппозиции).

Итак, в общем виде сущность компрессии можно свести к следующему: устранение избыточных элементов текста, приводящее к упрощению его поверхностной структуры, при передаче определенного объема информации в процессе обработки или порождения.

Обратим внимание на то, что компрессия текста может не только быть связана с языковой экономией, но и решать ряд других задач, сводимых к тому, чтобы сделать текст более экспрессивным.

Рассмотрим подробнее явление компрессии на материале русскоязычных смс-сообщений. Основным материалом нашего исследования послужит корпус собранных нами с 2009 г. по 2012 г. русскоязычных смс-сообщений, включающий 2884 единицы. Корпус составлен на основе личной переписки 12 информантов в возрасте от 19 до 50 лет, позволивших использовать предоставленные смс-сообщения для исследования. Данный корпус включает сообщения как самих информантов, так и их собеседников.

Рассмотрим основные способы компрессии текста, представленные в текстах смс-сообщений из данного корпуса.

Основные способы компрессии текста в смс-сообщениях (на материале корпуса)

Компрессия текста является важной типологической чертой смс-сообщений. В смс-коммуникации она связана не только со стремлением автора к экономии времени и усилий, необходимых для набора текста, но еще и со стремлением к экономии текстового пространства (количества знаков), связанной, в том числе, с экономией денег. Таким образом, при смс-коммуникации компрессия обусловлена дополнительными экстралингвистическими

факторами. Способы компрессии текста, представленные в смс-сообщениях, разнообразны.

Важной особенностью графики, отличающей некоторые смс-тексты от других, является использование транслита: русскоязычный текст записывается с помощью знаков латинского алфавита, а также небуквенных знаков. Преимущество применения такой кодировки связано, в первую очередь, с экономической выгодой: современные технологии не ограничивают объем сообщения, но оплате подлежит каждый фрагмент, включающий до 160 графических знаков на латинице и до 70 знаков в формате кириллицы. Существуют общепризнанные стандарты транслитерации: «Международный стандарт ISO 9 Transliteration of Slavic Cyrillic characters into Latin characters» (см. [<http://www.iso.org>]) и «ГОСТ 16876-71. Правила транслитерации букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита» [1981]. Однако в смс-переписке обычно «никто не использует строгие стандарты транслитерации» [Литневская 2011: 179]. Основное отличие транслита от стандартизированных принципов транслитерации заключается в отсутствии устойчивых правил перекодировки кириллических знаков в латинские буквы, что порой может осложнять процесс декодирования смс-сообщений. Транслит может включать не только буквы латинского алфавита, но и цифры, типографские символы и другие знаки, доступные пользователю мобильного телефона. Подробное описание транслита как системы можно найти в [Венедиктова 2011], [Литневская 2011] в соответствующих параграфах. Мы ограничимся приведением примеров из нашего корпуса, иллюстрирующих данное явление:

(1) *Skazhesh tozhe, zhalkij i zamuchennij. Tam ne to. Tam otchuzhdenie. I schastjem ja et one nazivala. Prosto davnäja mechta. A pochemu suda, a ne tuda pishesh?*¹

(2) 7PUBET, XXXX²! O4EHb 3A TE69 PAD!*ELAQ TE6E OTLU4HOGO BPEM97PE7POBO*DEHU9! 7OKA!

¹ Все примеры смс-сообщений в данной работе приводятся с сохранением орфографии и пунктуации авторов.

² В целях сохранения анонимности приводимых в работе примеров смс-сообщений, иллюстрирующих наши идеи, сочетанием знаков XXXX мы заменяем обращения и обозначения адресата, представляющие собой имена собственные, а также фамилии и другую личную информацию.

Нередко прибегают к технике написания сообщения без про- белов ((3), (4)), а также технике консонантного письма ((5), (6)):

(3) СПАСИБООГРОМНОЕ!ТЕБЯТОЖЕСНОВЫМГО- ДОМ!ВСЕГОСАМОГОНОВОГОИИНЕПРЕДСКАЗУЕМОГО!

(4) ЯлюблюТебя,слышишь?яЛюблюТебя,видишь?Ялюблю Тебя,знаешь,какТоскуетНашДом?яХочуТебя,слышишь,уви- детьНаКрыше,иУспетьТебеКрикнуть-ДавайЕщеПоживем!.. завтра обниму тебя..

(5) Ок, увидимся на мрф (= 'морфологии')

(6) Prv,ty v obwage?

Как проявление механизма компрессии можно рассматри- вать явление отсутствия знаков препинания в тексте смс:

(7) *Лира подарила симку ту просто на этой не было денег пока никаких новостей мама*

В некоторых случаях из-за отсутствия пунктуационных зна- ков декодирование текста смс-сообщения возможно только в слу- чае, если оно будет прочитано с интонационным оформлением:

(8) *А МОЖ ТЫ ПОПРОБУЕШЬ ВТОРЫМ СОПРАНО* (может быть вопросом или утверждением).

Следует отметить, что соблюдение норм связано не только с фактором адресата, но и с личностными установками адресанта на соблюдение нормы. И в этом можно увидеть отличие смс-тек- ста от некоторых других видов электронной коммуникации (чаты, социальные сети, форумы), где иногда может действовать установка на нарушение нормы, а последовательное соблюдение ее коммуникантом становится признаком «чужеродности».

Необходимость выразить информацию кратко, ограничение объема сообщения является важным фактором при выборе лек- сических средств для смс¹. Как замечает М.Ю. Сидорова, «еду ко- роче, чем уезжаю, говорил короче, чем поговорил, поэтому во

¹ Особенностью смс-коммуникации является возможность использовать функ- цию встроенного словаря (Т9). Благодаря ей, адресант может сэкономить усили- я при наборе текста: пишущий начинает набирать смс, а данный словарь предлагает варианты слов, начинающихся с комбинации уже набранных букв. Критерий «выбора» слов словарём – их частотность. Отметим, что применение Т9 ограничивает творческие возможности адресанта при выборе лексических

всех случаях, где эти формы более или менее синонимичны, предпочтительней та, в которой меньше знаков...» [Сидорова 2006: 176]. Примечательно, что в смс широко используются короткие, часто образованные способом сокращения, лексические единицы, характерные для устной разговорной речи:

(9) XXXX, voz 'mi mne v dekanate moi 2 ankety na biometricheskij zagan, s ih podpisyami i pechatyami. Eto XXXX, ya poteryala ili zabyla mobilu ☺

(10) O-o) nasib за инфу!

(11) Mogno v Wokoladnicu ili suwi u nas na Univere. U teba est kakie-nib predlogenija?

Подчеркнем, что здесь речь идет именно о предпочтении более коротких лексических единиц длинным, а не о сокращении в смс, поскольку данные единицы распространены в устной разговорной речи и, как представляется, просто переносятся в письменную речь. Часто в смс используются написания, передающие разговорное и просторечное произношение некоторых употребительных слов:

(12) Da, toka ne sovsem pozdno ve 4erom

(13) Чо-нить ваще наботала? Ничо, завтра спишешь.

(14) XXXX, ty senq doma budew?

Однако на выбор таких единиц влияют факторы адресата и адресанта: степень кодифицированности используемых единиц зависит от характеристик языковой личности адресанта и от степени формальности отношений между коммуникантами.

К компрессии приводит использование иноязычных слов, более коротких, чем соответствующие русские:

(15) Nu kak exam? (англ. *exam* – ‘экзамен’)

(16) *Esli mojew, zaberu mou spravku iz MGU, please. :-)* (англ. *please* – ‘пожалуйста’)

(17) *Dobroe utro! Sluwaj, ja segodna tolko v univer na etu piazza S. Alessandro I obratno. Budu tam min 4erez 50, dumaju. Esli ti nedaleko, mogem tam perese4sa prosto per salutare, esli net uvidimsa*

единиц (словарь предлагает наиболее частотные лексемы), при создании компрессивных единиц (словарь содержит только некоторые общепринятые сокращения), а также уменьшает долю языковой игры в смс.

vkontakte ☺ *I uda4noj tebe stagirovki!* (итал. *per salutare* – ‘чтобы попрощаться’)

При этом иногда может происходить обратная транслитерация таких единиц:

(18) *Мерси* (от фр. *merci* – ‘спасибо’)

(19) *Да при чём здесь адью, я говорю, сначала с мамой, а уж потом! а ладно.* (от фр. *adieu* – ‘прощайте’)

(20) *XXXX, я только еду, сопи Сне успею на пару* (англ. *sorry* – ‘извини’)

Также в смс иногда используются короткие морфологические формы вместо более длинных. Например, частотна форма вокатива:

(21) *Natash, u nas est inet?* (вместо *Natasha*)

(22) *Ксюх, ты звонила?* (вместо *Ксюха*)

В смс-сообщениях распространены сокращения слов, общепринятые в других типах письменных текстов или сходные с теми, которые используются при конспектировании:

(23) *U menja vse otli4no, se4as ve4i sobiraju i t.d. I savtra uletaju! Vobbe ja budu sku4at po moskve.*

(24) *Его тел +7903567XXXX*

(25) *XXXX, pozvoni L.A.* (инициалы вместо полного имени)

(26) *Танин телефон 89142410809 t.Надин телефон 89142441727 тел д.Паши 89619385989*

(27) *Спасибо. Пожалуйста, позвоните во вт. ок. трёх часов, рассчитаемся.*

(28) *XXXX, нужно к пн. дать кол-во часов за апрель и подписать данные вместе с М. Жду от Вас смс.*

В таких примерах сокращаются единицы, полная форма которых легко восстанавливается адресатом, благодаря знанию экстралингвистической ситуации ((26), (28)) или благодаря знаниям о частотности употребляемого слова и принятым способам его сокращения ((27), (28)). Точка обозначает, что единица подверглась сокращению. Однако часто такого обозначения не происходит и в тексте содержится просто «недописанное» слово:

(29) *Slu, a ja uspeju golovu potyt’?*

(30) *nea, ksta, ja v patnicu ne smogu, zanyata*

В данных примерах также происходит нарушение конвенциональных правил сокращения: сокращенная единица оканчивается на букву, обозначающую гласный звук. В примере (28) представлен также другой способ сокращения на письме (*кол-во*). Подобных смс-сообщений достаточно много в корпусе. Ср.:

(31) *Privet! Esli ty doma, vylogi, pogal-ta iz morozilki kurin.file: pust razmorag-sa.*

(32) *XXXX, привет! Это XXXX.:-) Как ты? Можно тебе ч/з час позвонить?*

Здесь видим пропуск части в середине слова и обозначение его знаками «-», «/» (но могут быть и др. типы символов). Впрочем, иногда в тексте смс отсутствует указание на такой вид сокращения в виде небуквенного знака, что тоже позволяет сэкономить символы:

(33) *XXXX,raspechatai mne, pogalta, adresa bankov Unicredit. I ewe tozhno ja vecherom zajdu proverit pochtu?*

Этот принцип отмечается Е.И. Литневской как сходный с общими принципами сокращений в чатах [Литневская 2011: 184].

Иногда устраняются избыточные символы, употребление которых на письме обусловлено лишь традиционной орфографией. Типичный пример – отсутствие мягкого знака после непарных по мягкости/твердости согласных:

(34) *XXXX,привет! не хош прогуляться?*

(35) *Даш тетрадку?*

В смс-сообщениях наблюдаем примеры окказионального «сращения»:

(36) *Сумасойти. Я рада.:) А не слишком ли, его глазами?*

(37) *Это просто сумасойти! Не могу больше!*

Здесь они не обусловлены стремлением сократить текстовое пространство, а употребляются с целью языковой игры.

Довольно продуктивна в смс аббревиация:

(38) *МББИЛ:-((= ‘Могло бы быть и лучше’)*

(39) *Надя будет ждать в ЛШ. Договоритесь и о времени на завтра.(ЛШ – ‘летняя школа’)*

Отметим, что аббревиатуры такого типа являются конвенциональными и используются обычно с учетом фактора адресата: компрессия текста не должна мешать пониманию самого сообще-

ния и конситуации. В тех случаях, когда компрессия текста затрудняет понимание, автору сообщения приходится объяснять, что он имел в виду, «расшифровывать» компрессивные языковые единицы, не понятые адресатом. Иногда непонимание вызывают аббревиатуры заимствованные (обычно из английского языка) и используемые не только в смс, но и в интернет-общении.

(40) –*LOL*

(41) –*а это как?*

(42) –*laughing out loud. Учи Инглиш!*

Такая структура смс-диалога связана с реализацией метаязыковой функции, по Р.О.Якобсону [Якобсон 1975]: посредством эксплицитной расшифровки сокращенных форм, парафразы или синонимии пишущий пытается обеспечить полноту и точность общения, хотя в целом это может быть связано не только с расшифровкой компрессивных единиц, но и вообще с самоуточнениями адресанта или с самокорректировкой.

Главной особенностью действия механизма компрессии, характеризующей смс-текст с синтаксической точки зрения, является тенденция к эллипсису. Немецкая исследовательница Н.Дёринг отмечает, что в смс-текстах количество примеров синтаксического эллипсиса превышает соответствующий уровень не только в других письменных видах коммуникации, но также и по сравнению с устной речью, которая вообще более тяготеет к эллипсису, чем письменная [Döring 2002: 97–114].

Чаще всего опускаются обозначения субъекта (особенно личное местоимение) (43), а также предикаты (44) или часть предиката (строеного или полнознаменательного глагола) (45).

(43) *Tipa obwij kolokvium, skazal, vsem ewe raz vse objasnit I postavit vsem)*

(44) *Здравствуйте, XXXX! Сегодня в 17.00.*

(45) *Ну да, могу*

Часто эллиптируются коннекторы. Текст представляет собой не сложноподчинённую структуру, а бессоюзное предложение или несколько простых предложений, хотя логическое соотношение частей сохраняется, несмотря на отсутствие формальных показателей ((46), (47)).

(46) XXXX, привет! Занят. на Петр.-Раз. Завтра не будет у нас экзамен. Удачи. (= ‘Занятия на Петровско-Разумовской завтра не будет, потому что у нас экзамен’)

(47) Privet mi v msk, budet vremya-zahodi (= ‘Мы в Москве, если будет время – заходи’)

Однако сложноподчинённые предложения (СПП) тоже представлены в смс-текстах из корпуса. Среди них чаще встречаются предложения с придаточными изъяснительными (48), причинными (49), условными (50), временными (51), и гораздо реже – уступительными (52), целевыми (53), образа действия (54).

(48) XXXX, скажи, пож-та, XXXX, что я приду, но опоздаю. Скажи: она придет, но опоздает из-за выступления с Теремом.

(49) Переживала, потому что долго не было весточки от тебя!...:(

(50) Я живу в 411 лев, заходи после 7! Если найдешь-одолжи на вечер! оч надо ☺

(51) Я тока иду к метро... Давай я тебе позвоню, когда буду готова учиться

(52) Хуже, хотя этот объект похож на Диму.

(53) петрушка!!!!!!! ура!!!! хочу тебя расцеловать! когда придешь расцеловать меня? не звоню, чтобы ты по мне побольше соскучилась! люблю тебя

(54) Хорошо, XXXX, делай так, как тебе удобно. Я тоже безумно соскучилась!

Отметим, что в корпусе представлены только СПП, содержащие не более двух частей. Отметим, что в смс используются обычно самые короткие из ряда возможных синонимов союзы.

Как и при других типах общения, элиминация субъекта или предиката в простом предложении в смс-текстах ведет к изменению структуры предложения: предложение становится неполным.

(55) Ручку (= ‘Купи ручку’)

(56) Privetik! Sdala)

М.Ю. Сидорова указывает на то, что в смс-текстах «при отсутствии дейктических показателей в неполном предложении оно интерпретируется в русле частной ситуационной коммуникации через параметры “я – здесь – сейчас”. <...> Второй претен-

дент на роль субъекта в неполных смс-предложениях, разумеется, *ты*–адресат» [Сидорова 2006: 177]. Это является следствием диалогичности смс: смс-коммуникация происходит между конкретными коммуникантами, обычно обладающими общими фоновыми знаниями. То есть участники общения известны, в связи с чем не требуется дополнительно выражать этот смысл. Именно поэтому в смс-тексте личное местоимение является компонентом, который нередко элиминируется:

(57) *Spiw?*

(58) *Zanata,zvoni pozzhe*

(59) *Privet, nu 4to,gotov?*

Заметим однако, что среди эксплицитно выраженных дейктических указателей в смс-сообщениях местоимения *я* и *ты* являются крайне частотными. В нашем корпусе местоимение *я* (только в им.падеже) встречается 860 раз. Местоимение *ты* (в им. падеже) – 419 раз. И наоборот, личные местоимения третьего лица реже появляются в текстах (например, местоимение *он* (в им.п.) встречается 55 раз, *она* – 54). С одной стороны, это связано с тем, что понимание того, о каком третьем лице идёт речь, входит в конситуацию, что позволяет опустить местоимение, а с другой – со стремлением к ясности, поэтому, если речь идёт о третьем лице, в тексте часто приводится его имя, а не заменяется местоимением:

(60) *Олег с Юлей придут к 14.15*

Отметим, что в исследуемых текстах локативные указатели представлены гораздо шире, чем временные (которые, как правило, отсылают к прошедшему или будущему времени). С нашей точки зрения, это связано с тем, что показатель времени входит в конситуацию и общие знания коммуникантов. Если говорящий не указывает на время, предполагается, что информация в сообщении относится к моменту написания самого сообщения или к заранее условленному времени:

(61) *Жду тебя здесь, у бюро пропусков* (очевидно, что в момент написания смс адресант уже находится там)

(62) *Встречаемся у кафедры* (в условленное время в будущем)

И напротив, отсылка к месту идёт постоянно:

(63) *Ты где?*

(64) *My na ulice vas zgdem*

(65) *Privet! Esli ty doma, vylogi, pogal-ta iz morozilki kurin.file:pust razmorag-sa.*

Даже когда местоположение пишущего известно собеседнику, часто локативные указатели употребляются в сообщении для того, чтобы подчеркнуть какие-либо параметры ситуации в том месте, где находится пишущий:

(66) *У нас такой ураган! У нас под окном 3 поваленных дерева!* (противопоставление остальным местам и в том числе тому, в котором находится адресат).

Все вышеперечисленные способы синтаксической компрессии связаны с эллипсисом информативно незначимых или необязательных для эксплицитного выражения компонентов структуры предложения: речь идет об использовании различных модификаций структурных схем предложения, свойственном и другим типам письменных текстов, а в особенности – устной речи (для нее опора на конситуацию и общие фоновые знания коммуникантов наиболее характерна).

Ни один из этих приемов компрессии не делает предложение неправильным с точки зрения грамматики. Однако в смс из корпуса обнаруживается и другой тип компрессии текста. Например:

(67) *Xorowij vopros) 9 napiwy tebe zavtra, xorowo? У мен9 zavtra 3 pari do 14.00, a potom ew,e bydy v 4italke botat') v obw,em rass4itivaj ve4er.poka*

(68) *XXXX, помоги пожал ошибки/обувная фабрика производит распродажу обуви натуральной кожи женской, муж и детск всех сезонов года и по доступным ценам*

В первом из этих примеров компрессия текста выражается в виде пропуска служебного слова: этот способ сходен с принципами написания телеграмм. Для сравнения приводим тексты телеграмм, предоставленных одним из информантов:

ПИСЬМО ДЕНЬГИ ПОЛУЧИЛ ПУТЕВКИ ВЫКУПИЛ ПРИЕДЕМ ПЯТЬ УТРА КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ ОБНИМАЕМ ДЯДЯ ПОЗДРАВЛЯЕМ СЫНОМ ЖЕЛАЕМ ХОРОШЕГО ЗДОРОВЬЯ ВАМ И ВНУКУ ПАПА-МАМА САША

Итак, в нашем примере (67) встречается фрагмент *rass4itivaj ve4er*, который, очевидно, можно интерпретировать как ‘рассчитывай на вечер’. Эллипсис предлога в таких случаях не является

допустимым с точки зрения норм грамматики русского языка: служебные части речи выражают смысловые связи между членами предложения, которые, в свою очередь, указывают на отношения, существующие между явлениями внеязыковой действительности, то есть речь идет о семантике грамматического, а не лексического характера. Однако этот фрагмент легко дешифруется получателем сообщения, что обусловлено знанием грамматики русского языка (т.е. в данном случае – знанием об управлении глагола *рассчитывать*) и, следовательно, способностью восстановить необходимый компонент, исходя из этого знания.

Во втором из приведенных примеров (68) мы также сталкиваемся с неправильным построением предложения: *помоги пожал ошибки*. Строго говоря, данный фрагмент предложением не является. Здесь наблюдаем ещё более интересный прием компрессии. Он сходен с компрессией в телеграммах, однако опускается уже не предлог, а полнозначительный глагол. Данный фрагмент интерпретируем так: ‘помоги, пожалуйста, найти ошибки в этом предложении’. Кроме того, происходит компрессия смысла ‘в этом предложении’, но невыраженность данного смысла нарушает структуру высказывания.

Итак, в последних примерах смс-текстов не просто происходит сокращение поверхностной структуры при сохранении плана содержания, но еще и нарушение поверхностной структуры текста. Таким образом, в жертву компрессии приносится правильность структуры высказывания.

Отметим, однако, что в нашем корпусе встречаются только эти два примера данного явления.

Следует подчеркнуть, что многие из перечисленных способов компрессии свойственны также другим типам текстов, порождаемых в электронной и даже традиционной коммуникации, однако в смс-текстах представлены наиболее часто и составляют для носителей языка их опознавательный признак.

Компрессия как основной опознавательный признак смс-сообщений (по данным эксперимента)

В большинстве научных работ, посвященных смс-коммуникации, использование приёмов компрессии указывается в числе «специфических» для так называемого «смс-языка» признаков.

На наш взгляд, такие утверждения неправомерны: многие из этих признаков обнаруживаются и в текстах, порождаемых в рамках других видов электронной и неэлектронной коммуникации.

Однако, представляется, что компрессия является опознавательным признаком смс-сообщений.

Мы провели эксперимент, в котором участвовало 35 носителей русского языка, являющихся студентами первого курса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и активными участниками разных видов электронной коммуникации. Респондентам был предложен рассмотреть 27 смс-текстов из нашего корпуса (без указания на то, что это смс-сообщения) и определить, в рамках какого вида письменной коммуникации (не обязательно электронной) они порождены, и объяснить свой выбор. Тексты подбирались в основном в связи с присутствием в них признаков, отмечаемых в некоторых научных работах как «специфические» для смс. Нашей задачей было определить, насколько высока степень «опознавания» этих текстов как принадлежащих к смс-дискурсу.

В большинстве случаев респонденты либо ошиблись, определив вид коммуникации как чат, электронную почту или сообщение в социальной сети, либо затруднились с ответом. Согласованная правильная атрибуция наблюдается только в случае компрессии текста.

По итогам данного эксперимента можно заключить, что признак ‘компрессия текста’ не является специфическим для смс-сообщений, поскольку не противопоставляет его другим типам текстов. Однако он является опознавательным признаком для смс, то есть выделяется как релевантный для носителей языка при распознавании данного типа текстов.

Выводы

Итак, в ходе исследования было установлено, что в смс-текстах часто действует механизм компрессии, первопричиной которого в человеческой вербальной коммуникации вообще является закон языковой экономии, заключающийся в оптимизации соотношения объема текста и затраченных на его порождение усилий и времени. Также компрессия может служить для придания тексту большей экспрессивности (языковая игра). Однако в

смс-коммуникации компрессия обусловлена дополнительным фактором – стремлением автора текста сэкономить время и материальные средства. Насколько данные факторы влияют на порождение смс-текста и на степень его компрессии, зависит от адресанта и адресата сообщения. Это подтверждается материалом корпуса и результатами опроса: в смс-коммуникации могут рождаться тексты, в которых механизм компрессии не реализуется. Однако в целом компрессия текста довольно часто представлена в данном виде электронного дискурса. Представляется, что именно этот признак является типологическим для смс-сообщения.

Полученные результаты являются значимыми для описания стратегий порождения русскоязычных смс-текстов, что позволяет использовать их в обучении письменной речи на русском языке в иноязычной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

Боброва К.А. Компрессия как средство повторной номинации в немецком диалогическом тексте // Единицы в коммуникативном и номинативном аспектах. Л., 1986.

Борисенкова Л.М. Семантическая структура и коммуникативные функции девербативов, деадъективов и морфологически родственных им композитов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Венедиктова Ю.Е. СМС-сообщения: опыт типологического исследования (на материале английского и русского языков): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.; Л. [1934] // Собр.соч. в 6-ти тт. Т.2. М.,1982.

Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 230–293.

Глухов Г.В. Прагмакоммуникативные функции словообразовательной компрессии в современном немецком языке (на материале немецкоязычной прессы): дисс. канд. филол. наук. Минск, 1992.

Глухова Н.А. Придаточное предложение как грамматическое средство декомпрессии и компрессии // Сборник научных трудов Московского пед. института ин. языков. Вып. 268. М., 1987. С. 28–36.

Глушак Т.С. Аспекты лингвистической проблематики в современном языкознании // Романское и германское языкознание. Вып. 10. Минск, 1980. С. 3–8.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение [1975] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С.217–238.

ГОСТ 16876–71 Правила транслитерации букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита. М., 1981.

Дмитриева И.В. Виды синтаксической имплицитной информации в различных функциональных стилях английского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1990.

Жилин И.М. Синтаксическая компрессия в новых германских языках // Иностранные языки в школе. М., 1971. № 5. С. 28–32.

Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразования // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 222–303.

Литневская Е.И. Письменные формы русской разговорной речи: К постановке проблемы. М., 2011.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.

Международный стандарт ISO 9 Transliteration of Slavic Cyrillic characters into Latin characters // [Электронный ресурс: [http:// iso.org](http://iso.org)] (дата обращения: 15.03.2017)

Мурзин Л.Н. Компрессия и семантика текста // Семантика и производство лингвистических единиц. Пермь, 1979. С. 96–100.

Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. Пермь, 1974.

Никитин М.В. О компрессии речи на комбинаторно-семантическом уровне // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Вып. 7. Горький, 1976.

Примерова Н. Д. Речевая компрессия в диалогическом единстве. Одесса, 1988.

Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словообразования: Уч. пособие. Л., 1985.

Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика. Русский язык: межличностное общение. М., 2006.

Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968.

Степанова М.Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке: учебное пособие для филологических факультетов университетов и институтов иностранных языков. М., 1984.

Харитончик З. А. Адъективная словообразовательная парадигма // Сб. науч. тр. МГИИЯ им. М. Горького. Вып. 164. М., 1980. С. 34–48.

Шендельс Е. И. Сложное слово как минимальный контекст для реализации стилистических фигур // Сб. науч. тр. МГИИЯ им. М. Тореза. Вып. 91. М., 1979. С. 82–89.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: “за” и “против”. М., 1975.

Döring N. "Kurzm. wird gesendet" – Abkürzungen und Akronyme in der SMS-Kommunikation. Muttersprache. Vierteljahresschrift für Deutsche Sprache. 2002. P.97–114.

Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre Text. / Erben J. Berlin, 1975.

Paul H. Deutsche Grammatik Text. / H. Paul.- Halle (Salle): Niemeyer, Bd. 5, 1957.

Zipf G. K. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Addison-Wesley, 1949.

Evgeniia S. Serova

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

evgenia-serova@mail.ru

TEXT COMPRESSION IN SMS MESSAGES (BASED ON CORPUS AND EXPERIMENTAL DATA)

This paper discusses the approaches to text compression used in SMS communication. Conclusions are made according to the results of analysis of a corpus of sms-messages. A linguistic experiment consisting in a survey of native speakers was conducted and described as a part of this research. Text compression is considered as a characteristic relevant for identification of this kind of text.

Key words: SMS, electronic communication, text compression, corpus.

Столетова Екатерина Константиновна
кандидат филологических наук, старший преподаватель
Подготовительного факультета Государственного института
русского языка имени А.С. Пушкина, Россия, Москва
ekstoletova@pushkin.institute

ОБ ИДИОМАТИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЯХ С ГЛАГОЛАМИ РЕЧИ, ВЫРАЖАЮЩИХ ОЦЕНКУ: КОНТЕКСТЫ НЕОДНОЗНАЧНОЙ ОЦЕНКИ (ЧТО НИ ГОВОРИ) VS КОНТЕКСТЫ ОДНОЗНАЧНОЙ ОЦЕНКИ (НИЧЕГО НЕ СКАЖЕШЬ НЕЧЕГО СКАЗАТЬ)

В статье предложена интерпретация трех идиоматических сочетаний с глаголами *говорить* и *сказать*, которые автор высказывания использует для выражения оценки некоторого объекта или некоторого положения дел: неоднозначной (*что ни говори*) и однозначной (*ничего не скажешь* и *нечего сказать*).

Ключевые слова: идиоматическое сочетание; контекст однозначной оценки; контекст неоднозначной оценки; интерпретация

Русский язык располагает большим количеством языковых выражений, включающих в себя глаголы *говорить* и *сказать* в различных формах.

Ранее нами были описаны сочетания с глаголами речи – *можно сказать, так сказать, скажем так, как говорится*, — которые имеют метаязыковое назначение (о семантике *так сказать* и *как говорится* см. [Шмелева 1987]; см. также [Столетова 2016]). Данные сочетания представляют собой единую группу, поскольку выполняют «оправдывающую» функцию: *можно сказать* оправдывает некоторое преувеличение, *так сказать* – избрание говорящим собственной номинации, *как говорится* – использование говорящим штампа, *скажем так* – выбор некоторого произвольного, неточного обозначения чего-либо.

Особого внимания заслуживают сочетания с глаголами речи, которые используются в репликах-реакциях, – *Не говори!*, *Не скажи!*, *Скажешь тоже!*, *Да что ты говоришь!* Этим единицам стоит посвятить отдельную работу, рассмотрев их в аспекте преподавания РКИ. В частности, иностранцу может показаться уди-

вительным то, что *Не говори!* и *Не скажи!* антонимичны. Действительно, мы используем ***Не говори!*** для выражения согласия с оценкой, данной какому-либо объекту, лицу, ситуации нашим собеседником, а ***Не скажи!***, наоборот, - для выражения несогласия с собеседником.

В настоящей работе мы рассмотрим три идиоматических сочетания с глаголами *говорить* и *сказать*, которые автор высказывания использует для выражения оценки некоторого объекта или некоторого положения дел: *что ни говори* - как призыв избегать однозначной оценки, - с одной стороны, и *ничего не скажешь* и *ничего сказать* — как выражение однозначной оценки, - с другой.

КОНТЕКСТЫ НЕОДНОЗНАЧНОЙ ОЦЕНКИ

ЧТО НИ ГОВОРИ, или ДАВАЙ ПОСМОТРИМ ПО-ДРУГОМУ

Используя конструкцию типа (*Но*) *что ни говори*, ***p*** / *Что ни говори*, а (*все-таки* / *все же*) ***p***, говорящий стремится сообщить слушающему примерно следующее: кто-либо (окружающие, конкретный человек или даже сам говорящий) говорит, что X обладает некоторой характеристикой (***q***), однако говорящий утверждает, что X обладает другой характеристикой — которая каким-то образом заставляет нас пересмотреть свои взгляды на X(-а) (не позволяет признать, что X обладает ***q*** в полной мере / не позволяет оценить X(-а) слишком однозначно, внося коррективы в наши представления о нем).

Проиллюстрируем данную идею на примере текста известной песни:

- (1) *Все могут короли, все могут короли,
И судьбы всей земли вершат они порой,
Но что ни говори, жениться по любви
Не может ни один, ни один король.*

Говорящий знает, что окружающие полагают, что короли *могут все* (***q***), однако говорящий знает, что короли *не могут жениться по любви* (***p***). Таким образом, говорящий не считает возможным согласиться с позицией окружающих (если короли не

могут жениться по любви, значит, они могут не все), считает нужным переоценить ее.

(2) У супругов, вымотанных круглосуточной вахтой, друг для друга не остается ни времени, ни сил. А уж о совместном времяпрепровождении вне дома вообще приходится забыть на несколько лет вперед. Все это, конечно, верно, но лишь отчасти. С бытом сегодня, **что ни говори**, все обстоит намного проще, чем во времена нашего детства, - всевозможные стирально-сушильные машины, памперсы — гениальное изобретение человечества, а микроволновки, позволяющие в считанные минуты приготовить обед... (100% здоровья).

Похожим образом можно описать и пример (2): окружающие говорят, что у современных супругов нет времени и сил друг на друга, однако говорящий полагает, что жизнь современных супругов нельзя назвать слишком сложной благодаря наличию различных изобретений, которые позволяют им сэкономить время и силы. Таким образом, говорящий не может в полной мере согласиться с мнением окружающих. Знание говорящего о том, что X (современные супруги) обладает характеристикой **p** (они имеют в своем распоряжении большое количество полезных изобретений) мешает ему полностью согласиться с тем, что X обладает характеристикой **q** (что у современных супругов совсем не остается времени и сил).

Заметим, что во всех этих случаях говорящий не соглашается с чьим-либо утверждением лишь отчасти (см. в (2): *Все это, конечно, верно, но лишь отчасти*). В (1) для говорящего очевидно, что *короли могут очень многое, почти все, за исключением только одного*, во (2) говорящий вовсе не утверждает, что у современных супругов много времени и сил, а говорит лишь о том, что *их несколько больше, чем у их родителей в молодости*.

Таким образом, используя сочетание *что ни говори*, говорящий не опровергает чьи-либо слова, а лишь указывает на наличие некоторых ограничений, не позволяющих ему принять некоторое утверждение, и на необходимость внести в него коррективы.

Рассмотрим еще пример:

(3) Конечно, летом в Лондоне может быть жарко и душно, а в остальное время года — дождливо, серо, и всегда — многолюдно и дорого. Но в Лондоне — столице самой смелой моды,

самого авангардного кино и театра, самой популярной музыки, никогда не бывает скучно. Да и выбор школ здесь, **что ни говори**, самый большой (Домовой).

В данном случае говорящий знает, что X (Лондон) по многим параметрам плох — **q** (там иногда жарко, душно, иногда дождливо, серо, всегда многолюдно, дорого), однако у X есть характеристика **p** (большой выбор школ), которая не позволяет говорящему принять точку зрения, что Лондон очень плох, а требует согласиться с тем, что он плох не во всем.

(4) Я считала Хмару безумцем – но актер он, **что ни говори**, был великолепный (Л. Лопато).

Пример (4) отличается от рассмотренных выше (1)–(3) в том смысле, что здесь характеристика X-а **p** (то, что X великолепный актер) не оспаривает характеристику **q** (то, что X безумен), но тем не менее вносит существенные коррективы в нашу оценку X-а в целом, предлагая пересмотреть нашу резко отрицательную оценку X-а и признать наличие у X-а положительной характеристики.

Далее предложим интерпретацию сочетания **ЧТО НИ ГОВОРИ**:

- я знаю, что кто-то считает, что X обладает характеристикой **q**
- я утверждаю, что X обладает также характеристикой **p**
- наличие **p** заставляет нас пересмотреть свои взгляды на X(-а) (при этом иногда **p** не позволяет нам полностью принять **q**, частично оспаривает **q**, являясь контраргументом по отношению к **q**, а иногда **p** и **q** могут быть одновременно характеристиками (X-а))

Заметим, что рассматриваемое нами сочетание **что ни говори** может использоваться в тексте вместе с такой единицей, как **все же**, либо заменяться на **все же**.

Ср., например:

*Да и выбор школ здесь, **что ни говори**, все же самый большой.*

*Я считала Хмару безумцем, но актер он, **что ни говори**, все же был великолепный.*

*Да и выбор школ здесь **все же** самый большой.*

*Я считала Хмару безумцем, но актер он **все же** был великолепный.*

Это связано с наличием в семантике данных единиц общего компонента. Авторы монографии «Дискурсивные слова русского языка», предлагая описание *все же*, хаарктеризуют отношения *q* и *p* как «сосуществование при наличии конфликта», выделяя два типа отношений между *q* и *p* в контексте: «*p* оспаривает исходно связанную с *q* <... > оценку» [Дискурсивные слова 1998: 212] и «*p* <...> совмещено с *q* в рамках дискурсивной последовательности» [там же: 213].

Именно такие типы отношений между *q* и *p* мы обнаружили в контекстах с идиоматическим сочетанием *что ни говори*.

КОНТЕКСТЫ ОДНОЗНАЧНОЙ ОЦЕНКИ **НИЧЕГО НЕ СКАЖЕШЬ**, или **НИКАКИХ ВОЗРАЖЕНИЙ**

Идиоматическое сочетание *ничего не скажешь*, напротив, свидетельствует о том, что говорящий уверен, что X(-у) может быть дана однозначная оценка, что данная им X(-у) оценка является безусловно верной и не допускает возражений: об X(-е) ничего не скажешь, кроме *p*.

В «Русско-английском словаре идиом» С. Лубенской для данного сочетания дается следующее толкование: «используется для подтверждения того, что некоторое утверждение верно; нечто является безусловно верным» [Лубенская 1995: 609]¹.

С. Лубенская приводит, в частности, следующие примеры:

(5) *Мне надо выговориться. Не с Лушей же, она тут же перебьет и сама начнет говорить. И друзей у меня как-то нет... То есть есть, и хорошие даже, **ничего не скажешь**, но начнешь с ними говорить, и через минуту, глядишь, мусор какой-то начинается - что кто где написал или сказал, и что было у художников на последнем пленуме, и где достать краски (Некрасов).*

(6) *Несколько дней спустя дошла до нас овая весть: на заседании какой-то высокой инстанции Иванько в пух и прах разгромил готовившийся к печати сборник... Турганова. **Ничего не скажешь**. Друзья познаются в беде (Войнович).*

Используя идиоматическое сочетание *ничего не скажешь*, автор высказывания подчеркивает, что X, безусловно, обладает

1 (used to confirm the truth of what is being stated); that is absolutely true, indeed

свойством **p**: например, в (5) *друзья хорошие*, против этого говорящий не может возразить.

Стоит обратить внимание на то, что *ничего не скажешь* может использоваться как вводная конструкция (см. (5)) или как отдельное предложение (см. (6)).

Рассмотрим другие контексты:

(7) *Николай Федорович поднялся по лестнице, ведущей к входу в кинотеатр, остановился около кассы и закурил. Солнышко приятно грело лицо. Заказчик должен был появиться с минуты на минуту. Осторожный человек, - **ничего не скажешь**. Не первый раз на него работает, а кто он и что он, так и не выяснилось. Дважды на одном месте никогда не встречались* (З. Юрьев).

(8) *С чем же, с какими успехами подошли мы к нашему профессиональному празднику? Надо отдать должное, в последние годы об армии говорят много. Тут тебе и военная реформа, и переход на контракт, и повышение зарплат, и введение альтернативной службы. **Ничего не скажешь** – военные вниманием не обделены* («Солдат удачи», 2004).

В обоих случаях у говорящего не возникает сомнений, что объект или ситуация обладает характеристикой **p**: в (7) *X осторожный человек*), в (8) положение вещей таково, что *военные вниманием не обделены*.

Если в примерах со *что ни говори* в контексте представлены две противоречащие друг другу или чрезвычайно далекие друг от друга характеристики **X**-а **q** и **p**, то здесь в контексте присутствует одна-единственная характеристика **p**, являющаяся, по мнению говорящего однозначной и бесспорной (об **X**-е *ничего не скажешь*, кроме **p**).

Нередко в такого рода контекстах говорящий перечисляет обстоятельства, позволяющие ему дать **X**(-у) определенную оценку (*X не сообщил, кто он, не встречается дважды на одном и том же месте*, следовательно, *X осторожный человек*). В (8) говорящий также приводит аргументы в пользу того, что имеет место некоторое положение дел **p** (*военные не обделены вниманием*): *об армии много говорят в связи с разными аспектами*.

Предложим интерпретацию сочетания **НИЧЕГО НЕ СКАЖЕШЬ**:

- я знаю некоторые обстоятельства
- я утверждаю, что данные обстоятельства говорят о том, что X обладает характеристикой *p*
- я утверждаю, что X обладает характеристикой *p* и что против этого невозможно возразить

НЕЧЕГО СКАЗАТЬ, или **ГОРЬКАЯ ПРАВДА**

Сочетание *нечего сказать* говорящий использует тогда, когда вынужден дать X(-у) негативную характеристику *p* (верность данной характеристики не вызывает сомнений у говорящего, хотя она и является неприятной). Мы имеем в виду здесь ситуации осуждения, насмешки и т.п.

В «Русско-английском словаре идиом» С.Лубенской о сочетании *нечего сказать* написано, в частности, что оно «используется для выражения недовольства, возмущения чем-либо или выражения ироничного отношения к чему-либо [Лубенская 1995: 611]¹».

Рассмотрим пример из данного словаря:

(9) Хорош, нечего сказать! Хорош мальчик!... Отец на одре лежит, а он забавляется, квартального на медведя верхом сажает. Стыдно, батюшка, стыдно! (Толстой).

Контексты с *нечего сказать* — это контексты имплицитного отрицания, ироничные контексты: данное идиоматическое сочетание используется с некоторым языковым выражением, представляющим собой положительную оценку, однако употреблено оно в смысле, прямо противоположном буквальному. Таким образом, говорящий утверждает, что X обладает характеристикой *p*, говоря при этом, что X обладает характеристикой *не-р*.

В (9) автор высказывания, говоря, что X *хорош*, утверждает, что X как раз «не хорош», а, напротив, «плох», поскольку плохо его поведение. Та ситуация, которую говорящий наблюдает (X *забавляется в тот момент, когда его отец на одре лежит*), вынуждает его дать негативную оценку X-у, осудить его. В этом смысле *нечего сказать* указывает на нечто неприятное, чему можно дать однозначную, безусловно, отрицательную, оценку.

Рассмотрим еще примеры:

1 Used to express displeasure with, indignation at, or an ironic attitude toward s.o., s.th.

(10) *Чего доброго, щипцы придется накладывать. Отослать ее разве прямо в город? Да немисливо это! Хорошенький доктор, **нечего сказать**, скажут все! Да и права не имею так сделать. Нет, уж нужно делать самому* (М. Булгаков).

(11) *Вы хотите сжечь дом, погубить всех нас... Ис неописанным выражением твердости духа Мими приказала всем посторониться, большими решительными шагами подошла к рассыпанной дробу и, презирая опасность, могущую произойти от неожиданного взрыва, начала топтать ее ногами. Когда, по ее мнению, опасность уже миновалась, она позвала Михея и приказала выбросить весь этот порох куда-нибудь подальше или, всего лучше, в воду и, гордо встряхивая чепцом, направилась к гостиной.*

*«Очень хорошо за ними смотрят, **нечего сказать**», - проворчала она* (Л. Толстой).

(12) – *Сегодня очень жарко,- завел разговор Ваня Манин.*

- Хорошо, тепло, - сказал Сиверс.

*– **Нечего сказать**, тепло! - захохотал Теткин. - Сорок два градуса, тепло!* (И. Грекова)

В примерах (10)–(11) перед нами контексты осуждения, в (12) – насмешки. В (10) доктор знает, что если он отправит пациентку в город, то все дадут ему однозначную негативную оценку - хорош доктор (что значит доктор плохой); в (11) героиня возмущена тем, как они смотрят за детьми (хорошо смотрят значит плохо смотрят); в (12) говорящий утверждает, что слишком жарко (тепло здесь значит слишком жарко).

Интерпретация НЕЧЕГО СКАЗАТЬ может быть сформулирована следующим образом:

- я знаю некоторое неприятное обстоятельство
- данное обстоятельство вынуждает меня утверждать, что X обладает характеристикой **p** и что против этого невозможно возразить
- **p** — негативная характеристика
- при этом я говорю, что X обладает характеристикой **не-р**, подразумевая, что ты поймешь, что я имею в виду, что X обладает характеристикой **p**

Таким образом, нами была предложена интерпретация значения идиоматических сочетаний с глаголами речи, **выражающими оценку некоторого объекта или некоторого положения дел:** неоднозначную (что ни говори) и однозначную (ничего не скажешь; нечего сказать).

ЛИТЕРАТУРА

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К.Киселевой и Д.Пайара. М., 1998.

Лубенская С. Русско-английский словарь идиом. New-York, 1995.

Столетова Е.К. Семантика метаязыковых выражений с лексемой *сказать* // V Селищевские чтения. Международный сборник научных трудов. Елец, 2016.

Так сказать и как говорится // Служебные слова. Новосибирск, 1987.

Ekaterina Stoletova

PhD, The Pushkin State Russian Language Institute,

Russia, Moscow

ekstoletova@pushkin.institute

ABOUT IDIOMATIC COMBINATIONS WITH THE VERBS EXPRESSING EVALUATION: CONTEXTS OF UNCERTAIN EVALUATION OF AN OBJECT (ЧТО НИ ГОВОРИ) VS CONTEXTS OF CERTAIN EVALUATION OF AN OBJECT (НИЧЕГО НЕ СКАЖЕШЬ, НЕЧЕГО СКАЗАТЬ)

In the article the interpretation of three idiomatic constructions with the verbs *говорить* and *сказать* is given. The author uses them for evaluation of an object or a situation: uncertain or certain.

Key words: idiomatic construction, contexts of certain evaluation, contexts of uncertain evaluation, interpretation.

Хлопьянов Александр Владимирович
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка для иностранных учащихся естественных факультетов
МГУ имени М.В. Ломоносова
runlet@bk.ru

ОПЫТ СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЭМЫ А.С. ПУШКИНА «БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН»

Работа посвящена изучению стилистических особенностей употребления атрибутивных словосочетаний в поэме А.С. Пушкина. Также затрагивается вопрос о их лингвопоэтической функции в составе текста поэмы.

Ключевые слова: Пушкин, «Бахчисарайский фонтан», стилистический анализ, эпитет.

Развитием «восточного слога» в творчестве Пушкина, основы которого наметились в «Кавказском пленнике», явилась поэма «Бахчисарайский фонтан». Восточные образы, наряду с библейской тематикой, впоследствии станут для поэта постоянным источником поэтического вдохновения и лягут в основу религиозно-философской лирики («Подражания Корану», 1824; «Стамбул гяуры нынче славят», 1830). В «Бахчисарайском фонтане» Пушкин развивает новые методы романтического изображения, следуя при этом традиции романтической поэмы: он сохраняет отрывочность формы, намеренную несвязность хода сюжета, неясность содержания (судьба Марии и Заремы).

В поэме наблюдается два плана изображения: план обобщения и план конкретизации. Например, при изображении «бытовых» картин Пушкин намеренно отказывается от высокого стиля, наполняет поэму простыми образами, что отчетливо видно на примерах атрибутивных словосочетаний:

Беспечно ожидая хана,
Вокруг *игривого фонтана*
На *шелковых коврах* оне
Толпою резвою сидели
И с *детской радостью* глядели,
Как рыба в *ясной глубине*

*На мраморном ходила дне.
Нарочно к ней на дно иные
Роняли серьги золотые.
Кругом невольницы меж тем
Шербет носили ароматный
И песню звонкой и приятной
Вдруг огласили весь гарем.*

В описании досуга жен хана Гирея Пушкин использует большое количество атрибутивных словосочетаний прямой номинации, основу которых составляют конкретные существительные: *шелковые ковры, мраморное дно (фонтана), серьги золотые, шербет ароматный*, что способствует «визуальному» восприятию изображаемых картин читателем.

Иную ситуацию мы наблюдаем, например, в обобщающих размышлениях о жизни невольниц:

*Нет, жены робкие Гирея,
Ни думать, ни желать не смея,
Цветут в унылой тишине;
Под стражей бдительной и холодной
На лоне скуки безотрадной
Измен не ведают оне.
В тени хранительной темницы
Утаены их красоты:
Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы.
Для них унылой чередой
Дни, месяцы, лета проходят
И неприметно за собой
И младость и любовь уводят.
Однообразен каждый день,
И медленно часов теченье.
В гареме жизнью правит лень;
Мелькает редко наслажденье.*

Приведенный отрывок наполнен атрибутивными словосочетаниями различных структур, основу которых составляют аб-

страктные существительные: *унылая тишина, стража бдительная и хладная, лоно скуки безотрадной, тень хранительной темницы, унылая череда.*

Практически каждое атрибутивное словосочетание содержит компонент значения «унынье» и «скука», по-разному модифицируемый в них: это может быть прямое указание на это значение (*лоно скуки*) или его эвфемистическая замена (*тень хранительной темницы*).

И в «Руслане и Людмиле», и в «южных» поэмах Пушкина прослеживается индивидуально-авторская интерпретация понятий «неволя», «плен» – эта тема объединяет столь разнящиеся по сюжету, проблематике и языку произведения. В «Руслане и Людмиле» понятия «плен», «пленение» лишены связи с понятием «печаль» (печалится только князь Владимир), поскольку они сопряжены с типичным сказочным сюжетом; и автору, и читателю заранее ясно, что заточению юной княжны рано или поздно придет конец. Более того, слово *плен* и его производные обыгрываются автором в ироническом ключе:

Он только *немогущий мучитель*
Прелестной пленницы своей...
(о Черноморе)

Пред нею, страстью упоенный,
Безмолвным роем окруженный
Ее завистливых подруг,
Стоял я *пленником послушным...*
(о Финне и Наине)

Иль суждено, чтоб чародея
Ты *вечной пленницей* была
И, *скорбной девою* старея,
В темнице мрачной отцвела?
Нет, нет, мой друг бесценный:
Еще при мне мой верный меч,
Еще глава не пала с плеч...
(о Людмиле)

В «Бахчисарайском фонтане», безусловно, сохраняется семантика слова *плен* со значением «чарующий, привлекательный»:

Твои *пленительные очи*
Яснее дня, чернее ночи.

Однако доминирующим становится значение «неволя», которое соотносится только с образом Марии, но никак не с образами жен самого хана Гирея:

Отец в могиле, дочь в *плону*,
Скупой наследник в замке правит
И *тягостным ярмом* бесславит
Опустошенную страну.

Казалось, ангел почивал
И сонный слезы проливал
О бедной пленнице гарема...

Это наводит на мысль о том, что использование многочисленных атрибутивных словосочетаний с оттенком значения «унынье, скука, грусть» при создании собирательного образа невольниц, жен хана – не более чем искусное использование клишированных оборотов с целью соблюдения канонов романтической поэмы и формирования «восточной» фразеологии.

В «Кавказском пленнике» понятия «плен», «тоска» и «скука» получают самое неожиданное толкование: эти понятия в большей степени связаны с образом юной черкешенки, с ее неразделенной любовью, с пленением ее души, с ее грустью, в то время как сам герой предстает перед читателем пленником своего равнодушия, уснувшим *бесчувственной душой*:

Казалось, *пленник безнадежный*
К унылой жизни привыкал.
Тоску неволи, жар мятежный
В душе глубоко он скрывал...
Лежала в сердце, как свинец,
Тоска любви без упования.
Пред юной девой наконец
Он изливал свои страданья...

Особую значимость в поэме получают два женских образа – Марии и Заремы, противопоставление двух типов любви, противоречие между духовным идеалом Мадонны и языческой страстью, в то время как образ хана Гирея, заведомо статичный, не получает в поэме полноценного развития. По мнению В.М. Жирмунского, русская романтическая поэма оказалась под влиянием байроновской типологии женских характеров. В поэмах Байрона «различаются два типа идеальной красавицы: восточная женщина, с черными глазами и темными волосами, и прекрасная христианка, голубоглазая и светловолосая <...> Контраст захватывает не только внешний облик героини, но распространяется на внутренний мир (нежная, кроткая, добродетельная христианка и страстная, необузданная, преступная гаремная красавица <...> Образ героини в южных поэмах Пушкина восходит к этой байронической традиции <...> Противопоставление Марии и Заремы в “Бахчисарайском фонтане” повторяет отношение Гюльнары и Медоры в “Корсаре”: внешнему облику соответствует внутренняя характеристика – кроткая и нежная христианка поставлена рядом с необузданной и страстной восточной женщиной, из-за любви способной на преступление» [Жирмунский 1978:161-164].

Рассмотрим атрибутивные словосочетания как средства создания портретов двух героинь поэмы.

Портрет Марии:

Всё в ней пленяло: *тихий нрав,*
Движенья стройные, живые
И очи томно-голубые.
Природы милые дары
Она искусством украшала

Портрет Заремы:

Но где Зарема,
Звезда любви, краса гарема? —
Увы! печальна и бледна,
Похвал не слушает она.
Как пальма, смятая грозой,
Поникла юной головою

Но кто с тобою,
Грузинка, равен красотою?
Вокруг *лилейного чела*
Ты косу дважды обвила;
Твои *пленительные очи*
Яснее дня, чернее ночи;
Чей голос выразит сильней
Порывы пламенных желаний?
Чей *страстный поцелуй* живеи
Твоих *язвительных лобзаний?*

Марию, в отличие от Заремы, характеризует не враждебность к «миру» и «страстям», а гармония: *движенья стройные, живые и очи томно-голубые*.

Последнее атрибутивное словосочетание требует особенно внимательного рассмотрения. Прилагательное *томный*, одно из самых частотных слов в языке Пушкина, несколько раз встречается в тексте поэмы и приобретает различные оттенки значения в зависимости от определяемого слова, например, при описании Тавриды:

За хором звезд луна восходит;
Она с безоблачных небес
На доли, на холмы, на лес
Сиянье томное наводит...

а также в характеристике поведения гарема хана Гирея:

Насмешки, ненависть, укор,
Обиды шалости нескромной,
Презренье, просьбы, робкий взор,
И тихий вздох, и *ропот томный*.

В приведенных контекстах эпитет *томный* можно толковать как «преисполненный сладкого томления, устало-нежный», а сами словосочетания, в которые он входит, приобретают определенную степень клишированности. Сравним, например, употребление его в «Евгении Онегине»:

И между тем луна сияла
И *томным светом* озаряла
Татьяны бледные красы.

(Евгений Онегин, гл.3:XX)

Тем интереснее становится употребление этого эпитета при описании Марии в плену во дворце Гирея при появлении Заремы:

*И жаром девственного сна
Ее ланиты оживлялись
И, слез являя свежий след,
Улыбкой томной озарялись.
Так озаряет лунный свет
Дождем отягощенный цвет...*

В приведенном отрывке прилагательное *томный* приобретает иное, устаревшее значение – «ослабевший, изнуренный» (Виноградов 1994). В данном контексте употребление этого слова отражает столкновение двух состояний героини – счастливая жизнь с отцом и плен хана Гирея. Во сне Мария возвращалась к мыслям о счастливом детстве, и приятные воспоминания вызывали улыбку, пробивавшуюся сквозь невысохшие слезы (причиной этому было ее заточение), сравнение ее заплаканного лица с цветком, *отягощенным влагой*, а улыбки – *с лунным светом*; следующие один за другим глаголы *озарялись*, *озаряет* возвращают взгляд читателя к атрибутивному словосочетанию *девственный сон*. В Марии угадывается та, другая Мария, озаренная Божьим светом.

ЛИТЕРАТУРА

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 16 т. – М.-Л., 1937–1959.
Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. – Л., 1978.

Aleksandr V. Khlopyanov

*PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
runlet@bk.ru*

STYLISTIC ANALYSIS OF A.S. PUSHKIN'S POEM «THE FOUNTAIN OF BAKHCHISARAI»

The paper discusses some stylistic features of attributive phrases in the poem "The Fountain of Bakhchisarai" written by Pushkin. It also addresses the linguopoetic functions of these phrases.

Key words: Pushkin, «The fountain of Bakhchisarai», stylistic analysis, epithet.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Безяева Мария Геннадьевна

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка филологического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

russlang@philol.msu.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ РУССКОГО **ВООБЩЕ** (МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ)

Статья посвящена выявлению инвариантных коммуникативных параметров русского **вообще**, анализу его реализаций и описанию места этих средств в системе коммуникативного уровня языка, отражающего соотношение позиций говорящего, слушающего и квалифицируемой ими ситуации.

Ключевые слова: коммуникативный уровень, конструкция, средство, инвариант, алгоритм реализации коммуникативных параметров, полифункциональность, коммуникативное поле.

Вообще является одним из коммуникативных средств, функционирующим как в высказываниях с развёрнутым номинативным содержанием, так и в высказываниях, состоящих только из средств коммуникативного уровня языка. Активность функционирования средства в современной разговорной речи заставляет обратить на него самое пристальное внимание.

Под коммуникативным уровнем языка мы понимаем систему, отвечающую за отражение соотношения позиций говорящего, слушающего и квалифицируемой ими ситуации и организуемую такими единицами, как целеустановки, вариативные ряды конструкций, им соответствующие, сформированные средствами, обладающими, как показал анализ, инвариантными параметрами, подчиняющимися особому закону их реализации (подробнее см. [Безяева 2002 и др.]).

Спецификой системы коммуникативных средств является, во-первых, их крайняя **формальная разнородность** – они принадлежат разным традиционным уровням языка. Вторая особенность этих средств – **неосознаваемость** их значений естественными носителями языка, которыми те, тем не менее, пользуются как кодом при продуцировании и восприятии высказываний.

Инструментами же выявления коммуникативных параметров средств являются такие единицы, как **целустановки и вариативные ряды конструкций**, им соответствующие. При этом на первом этапе анализа вариативные ряды конструкций рассматриваются как семантические системы единиц, где каждая структура взаимосвязана со всеми её членами, что позволяет определить присущие ей параметры.

Инвариантные же параметры **средств** выявляются, исходя из параметров конструкции, которые они формируют, и при учёте параметров средств – соседей по конструкции. Это рабочий инвентарь для выявления коммуникативной семантики.

В результате анализа стало очевидным, что каждое из средств коммуникативного уровня (от интонации до грамматических категорий) обладает набором инвариантных параметров, подчиняющихся особому закону, алгоритму их реализации. Он заключается в том, что инвариантные параметры коммуникативных средств имеют антонимическое развёртывание, а также могут относиться только к позиции говорящего, только к позиции слушающего или ситуации либо быть распределёнными между ними. Алгоритм включает варьирование по разным временным планам и реальности – ирреальности. Параметры могут относиться к данной конкретной ситуации или к норме. При этом возможно одновременное сосуществование двух реализаций инвариантных параметров в одной конструкции. Это резко отличает семантические возможности коммуникативных средств от номинативных.

В системе средств можно выделить **две группы**. В первую входят средства **«урождённо» коммуникативные** (интонация, междометия, ряд сегментных средств, не выполняющих фонологическую роль, синтаксические приёмы). Во вторую включаются

средства, которые **могут формировать номинативное содержание, но способны осложняться коммуникативными** параметрами (грамматические категории, базовые члены ЛСГ и т.д.).

Последнюю группу средств часто относили к полифункциональным словам. Однако, как показывает анализ коммуникативной семантики, переход слова в другую часть речи является лингвистической попыткой, в данном случае на морфологическом уровне, отразить включение единицы в коммуникативную систему. Причём единица может не переставать выполнять и номинативную функцию, осложняясь коммуникативными параметрами, а может и терять номинативное содержание, сохраняя те же коммуникативные параметры. Таким образом, часто две разные единицы для исследователя, анализирующего их с точки зрения выполнения ими номинативной функции, являются одной единицей на коммуникативном уровне, так как имеют идентичные коммуникативные параметры. Иначе говоря, две единицы, занимающие разные синтаксические позиции и имеющие разную частеречную принадлежность, могут обладать едиными коммуникативными параметрами. Это во многом объясняет констатацию лингвистами сложности разграничения полнозначных слов и частиц, частиц и вводных слов на уровне морфологии, определить причину чего помогает анализ коммуникативной семантики.

Отметим, что в лексикографической практике семантическая характеристика таких полифункциональных слов часто даётся в одной словарной статье, однако либо при полном разрыве описания номинативных и коммуникативных значений (например, значения наречия, частицы, вводного слова и т.д.) либо при попытке объединить их номинативным значением. Семантический анализ показывает наличие единых коммуникативных параметров во всех случаях функционирования подобных слов.

Обратимся к анализу упомянутого средства.

В понятии и корне **общий** есть мысль о **единстве качественной характеристики ряда объектов при отвлечении, «неучёте» индивидуальных особенностей в их конкретном проявлении.**

Это определение открывает перспективу для ряда семантических шагов, возможностей, которые могут быть использованы на коммуникативном уровне.

Так, **общее** – это качество, характеристика, присущая или приписываемая всем объектам, о которых идёт речь. **Отсюда мысль о норме присущего качества, качественной норме, свойственной говорящему, слушающему, развитию ситуации.**

При этом параметр «неучёта» индивидуальных особенностей в их конкретном проявлении по алгоритму развёртывания коммуникативных параметров может реализовываться как учёт индивидуальных особенностей в их конкретном проявлении, то есть актуализироваться как оппозиция качественной нормы, присущей говорящему, слушающему, развитию ситуации к их конкретному поступку или варианту развития ситуации.

При этом актуализируется оппозиция нормы и наличия – отсутствия допускаемых (либо не допускаемых) частных отклонений в той или иной конкретной реализации. Допускаемые (либо не допускаемые) отклонения от нормы могут получать оценку как допустимые или недопустимые (бенефактивные или небенефактивные).

Кроме того, особенность понятия *общего* позволяет реализовать не только оппозицию нормы к конкретному поступку, который может ей соответствовать или нет. Особенность семантики слова как единой характеристики для ряда объектов позволяет развиваться более сильной реализации, а именно – **уничтожения нормы (единства признака качественной нормы) при отклонении от неё того или иного варианта**, в том числе и поведения, поступка говорящего, слушающего, варианта развития ситуации. Иначе говоря, переставая быть единой характеристикой для всех рассматриваемых объектов, понятие *общего* уничтожается. На коммуникативном уровне это даёт эффект полного разрушения нормы, не просто соответствия – несоответствия конкретного варианта норме, но **уничтожения, разрушения, слома нормы появлением варианта, от неё отклоняющегося.**

Итак, *вообще* появляется тогда, когда речь идёт о норме и допускаемых от неё отклонениях.

Рассмотрим алгоритм развёртывания инвариантных коммуникативных параметров русского *вообще*.

1. Следование норме.

Знание нормы как главной, типичной, «магистральной» характеристики.

Рассмотрим эти реализации более подробно.

Соответствие норме.

1а. Следование норме, присущей данному человеку без допускаемых частных отклонений. Заметим, что само поведение конкретного человека, его норма может быть допущенным отклонением от общей нормы.

²
- Он вообще не пьёт.

Пояснение

⁴ ² ² ³
- О! Это была моя маленькая шутка, / Я вообще / такая проказница.
(м/ф «Здравствуйте, я ваша тётя»)

(Конкретный поступок говорящей соответствует норме её поведения, отклоняясь от общей нормы.)

- Я никак не могу понять, почему, когда я впервые встретилась с доном Педро...

²
- Нда.

- .. Он уверял меня, что не женат.

² ⁶ ⁴ ³ ⁶
- Ну.. Что-что? / Дон Педро? / А вы знаете вообще, / что это был
² ⁷ ² ⁷
за мужчина? / Что это был за мужчина? / О! / Это был жестокий! / Ух! /
²
Коварный дьявол!

(м/ф «Здравствуйте, я ваша тётя»)

(Поступок третьего лица соответствовал норме его поведения, при этом и норма, и поступок рассматриваются как нарушающие общую норму и недопустимые).

³
- ...Вот я вторую корову заведу...

⁴
- А умываться как?

² ² ²
- Надо меньше пачкаться? / И вообще (Ваш :е) / некоторые языком умываются.

(м/ф «Каникулы в Простоквашино»)

(Следование норме говорящего, которая отклоняется от общепринятой нормы)

- А ты как хотела?/ Ты хочешь, чтоб я как ты?/ Чтоб я всех
 разогнала/ и одна осталась?/ Это ты /Это ты можешь жить одна./
 Тебе вообще никто никогда не был нужен./ Никто и никогда.

- Неправда это.

- Да правда, правда.

(к/ф «Родня»)

(О норме поведения матери без допускаемых ею отклонений, что оценивается как недопустимое поведение и отклонение от нормы социума).

16. Норма, присущая данному человеку, от которой допущено отклонение его конкретного, частного поступка, норма развития ситуации, от которой допущено частное отклонение.

Он, вообще, не пьёт.

(Говорящий маркирует соответствие поведения третьего лица норме при фоновой информации о допущенных либо потенциально возможных отклонениях. Часто это норма, присущая данному человеку, от которой допущено отклонение его конкретного, частного поступка).

Для данной реализации типично сочетание *вообще с -то*, что представляет собой пример коммуникативного согласования смыслов соотношения нормы и конкретного поступка, от неё отклоняющегося, присущего *вообще*, что хорошо сочетается со значением представлений (говорящего, слушающего, третьего лица) и реализованного варианта, что вводится параметрами *-то*.

Пояснение

- ... Ой, / бедный ты, бедный/ Чего у ней было-то?/ Врачи сказали хоть?

- Инфаркт микарда./ Вот такой рубец./ Вскрытие показало.

- Закуси.

- Не надо... Завтра/привезут.

- Ой!

- Вообще-то три дня/ держать положено./ Но в морге/ нет_местов.
 1
 Ой!

(к/ф «Любовь и голуби»)

(Норма и отклонение от неё конкретного события).

Пояснение

- 3
 - Лётчик?
 1² 3 2¹
 - Иногда. Вообще-то я индокринолог.

(к/ф «Мимино»)

(Комическое несоответствие двух несовместимых норм, одна из которых трактуется как частный случай).

Безразличие

- 6
 - Одну минуточку, Фёдор Николаевич!
 6 4
 - Опять/ кажется что-то случилось.
 1
 - Вот.
 2
 - Что вот?
 1
 - Слон.
 2 3 3
 - Что слон?/ Сбежал?/ Сбесился?
 2 1
 - Хуже./ Съел квартальный отчёт.
 2¹ 5 \ 6
 - Фу ты боже мой!/ Вот так всё время!/ То одно,/ то
 2 1 6
 другое!/ Нет,/ вы не думайте, Фёдор Николаевич./ Это у нас
 6 3 2
 не каждый день/ и вообще/ ерунда.
 1 2
 - Хорошенькая ерунда!/ Вы подумайте, Фёдор Николаевич,
 5 \ 5 \
 какой отчёт!/ Копейка в копейку.
 -

(к/ф «Укротительница тигров»)

(Данный конкретный вариант развития событий не соответствует норме жизни в цирке).

- 3 2
 - Менты?/ Откуда они взялись вообще?

(т/с «Рублёвка live»)

(Несоответствие конкретного варианта развития событий, случая норме).

Отметим, что анализируемое коммуникативное средство может формировать многослойные коммуникативные смыслы.

(Вечер. Семья ужинает. Входит Раиса Захаровна) .

²
- А вы откуда?

³ ⁴
- Вообще-то я с работы, / с управления.

(к/ф «Любовь и голуби»)

(Соответствие конкретного варианта развития событий норме, в том числе и норме поведения – в этот час все возвращаются с работы, с одной стороны, с другой – прийти в эту семью, если следовать норме, героиня могла только как представитель управления; здесь же – реально допускаемое отклонение поступка, нарушающее норму, – пришла в дом жены любовника, а отнюдь не с деловыми намерениями. Элемент смущения, затруднения, извинения).

3. Введение говорящим информации о норме при вводимой слушающим, собеседником информации об отклонении от неё.

Возражение

¹ ¹
- Ой, / я сейчас чайку поставлю.

¹
- Ой, ни, ни, ни, ни.

² ² ² ²
- Да что вы, / что вы, / Вы кем в управлении-то?

⁶ ¹
- Я работаю / в отделе кадров.

² ² ⁶
- Ой! / Что же так плохо за кадрами-то смотрите? / Бегают куда

¹ ^{3²}
хотят / ваши кадры, / а вам и дела нет.

⁴ ¹
- Вообще-то, знаете, / у нас текучки нет.

(к/ф «Любовь и голуби»)

(Допуская иные, частные случаи, информацию о которых ввела собеседница и которые противоречат представлениям говорящей, она подчёркивает, что общее развитие ситуации следует норме).

Пояснения

- Вы не возражаете?
2
- Что?
6 2 1 1 1
- Это/вино сухое/грузинское./ Мне друг/ прислал из Грузии.
1 1
- Не,/Я цветное не пью.
- Да нет,/ я тоже/ вообще-то/ не очень./И курить бросил./Но
6³ 1 1 6
иногда/ помогает./ Успокаивает.
- Да?/ Тогда/ плесните.
3 6 1
- Вам тоже?
/1 1
- Мг./ Хватит.
3
- За знакомство.
- За знакомство./Ой!, отраву/ Ну и друг у вас!/ М!
1 6 2 5 1 -
- Нет,/вообще он очень хороший человек./ Вообще-то он/ не
2 3 3 1 6
грузин,/а грек,/но живёт в Тбилиси и работает там/ тренером/
1
по теннису.

(к/ф «Родня»)

(Вообще 1. Норма поведения говорящего, от которой он делает допустимое в данной обстановке отклонение).

2. Норма позитивной качественной характеристики, оценки третьего лица, от которой, по мнению слушающего, допущено отклонение, рассматриваемое как недопустимое.

3. Норма характеристики третьего лица, от которой допущено отклонение, причина чего и вводится).

Пояснение, осуждение

- Хъ!/ Загордилась уж,/ не узнаёшь?
2 4 4
- Вань!/ Да что ж тут стоишь мёрзнешь, Вань?
2³ 2 , 2 2
- Я зашёл/ как /Но там же мамаша./ Как начала чугунами грохать.
4 2
- А.
4
- А вообще-то я так,/ мимо./ Случайно зашёл./ Прощай.
3² 2 2 1
- Нет./ Погоди./ Ой,/ Ваня,/Ваня...
1 2 1 2 2
- Ну чего Ваня, Ваня.Ты чего,/девка,что ли?
2 1 3

- А что?²
- Матери/ боишься вообще?⁶
- А!/ Да нет,² Вань,/ не обращай² внимания на неё./ Пойдём,²
пойдём,²/она спит. Председатель!/ Хъ!¹
к/ф («Простая история»)

(Первое *вообще* – соответствие конкретного поступка норме, при том что собеседница могла бы предположить допущенное отклонение от него: пришёл специально, чтобы её увидеть.

Второе *вообще* – это запрос о норме поведения взрослого человека – говорящей и допустимых и допускаемых отклонениях).

4. Норма говорящего, которой он следует, на фоне позиции слушающего, допускающего отклонения.

Гордость, осуждение

- Лена...!/ А Фёдор Николаевич,⁶/ он... он что,² Лена, он нравится тебе?⁶
- (Смех) Фёдор Николаевич?/Конечно./ По крайней мере,³ он меня не⁴
уговаривает уйти из цирка./ А я вот ассистенткой буду работать² 2^^
в его номере./ И уедем ещё!² 2^^
- Ну и пожалуйста./ Я сам сегодня того...¹
- Чего?¹
- За керосином идём./ Вообще дело делаем,⁴ а не то чтобы «Але,²
3 3 2 2 3
Фурш! / Але **Фурш!** / Пуренька, Пурюсенька, а сю-сю...»/ Как дал бы!³
- Ну тихо, тихо, тихо!/ Вот у тебя какие понятия,² да?/ Отсталый³
7
ты всё-таки, Петька, человек.³
- Лена!/ На репетицию...²
- Прощай.²
- Пропади ты пропадом! / Любоед!⁵ 2
к/ф «Укротительница тигров»

(Норма состояния, которая может быть противопоставлена допускаемому конкретному поступку, отклоняющемуся от нормы, например, *но если вы просите, я помогу*).

Сравним с *совсем*.

1
Я вас совсем не знаю.

(Стадия знакомства, не достаточная для необходимой качественной характеристики, для принятия решения).

2. Несоответствие норме.

2.1. Отклонение конкретного варианта от нормы.

Сомнение

6 1 5
- Я прямо не знаю, / как вам сказать. / Всё же у меня двое маленьких
детей.

2 4 4 '
- Господи, Боже мой! / Ну и что? / Ничего! / Он как раз очень
детей любит. / У него домик под Москвой. / Он не пьёт, / не курит, /
не буйнит. / Сроду никому не сказал грубого слова. / Будешь жить,
как у Христа за пазухой. / Решайся!

1 3 3² 2
- Пряма не знаю. / Но если уж честно-то, / конечно, / мне надоела
такая жизнь. / У людей праздник, / а у меня душа загодя болит. /
6
Ему сколько лет-то?

3 1 4
- Тому человеку-то? / Семьдесят пять. / Но он ещё в форме. / Такой
весь седой. / Голову держит гордо. / Красавец. / Он всю жизнь
танцевал в оперетте, / поэтому головку / держать умеет.

1
- **Многова то, вообще-то.**

3 3 7
- Хм! / Семьдесят пять-то? / Да он любого молодого / за пояс за-
ткнёт! / И потом, там же культура. / Через каждое слово "мерси", /
1 4 2
"пардон", / "данкишон". / Ты хоть отдохнёшь / от этих "надьсь" да
1
"чевось".

1
- Да, конечно, охота так пожить.
(к/ф «Печки-лавочки»)

2 7 1
- Танька!// Неси свои корнеплоды/ в свою колымагу.

6
- Вообще-то это твои корнеплоды.
(т/с «Частный детектив»)

3 2 2
- И вам не стыдно?// Вы же сам дедушка.

3
- А если вы меня будете оскорблять/ при исполнении служебных
3 4 1 2
обязанностей,/я вообще уйду./ Я, между прочим, работу бросил,
2
когда у меня дочь родила.
(т/ф «По семейным обстоятельствам»)

1 2^^
- Мам!// Лида пришла.

1
- Хорошо что тебя рано отпустили.
1^2 6 1 1
- Меня ещё вчера отпустили./ И оказывается/вообще/ заменили.
(к/ф «Ребро Адама»)

Непонимание

6 1
- Значит,/ уйду я.

3 1
- Подожди,/ мне надо решить.

2 2 1 1
- Не-не,/ не-не!// Ничего решать не надо./ Я пошёл.

h< 2
- Куда?

1 1
- Куда-нибудь./ Я уже собрался.

2ъ 3
- Как!// Ть.../ что ты намерен вообще?

3
- Ага.

(к/ф «Любовь и голуби»)

(Полное несоответствие конкретного поступка норме с точки зрения говорящей, что расценивается как недопустимое отклонение, в результате чего говорящая хочет знать, действительно ли слушающий хочет реализовать этот вариант).

2.1. Уничтожение, «слом» нормы

Как мы уже говорили в начале статьи, русское *вообще* может выступать в более сильной реализации, когда тот или иной реализованный вариант не просто отклоняется от нормы, а своим существованием уничтожает норму.

Иначе говоря, развитие ситуации или поведение слушающего резко отклоняются от нормы, превосходя всё допустимое, что приводит к уничтожению нормы, и это оценивается как предельно небенефактивное или бенефактивное. При небенефактивном развитии событий типично формирование целеустановок *возмущения, досады, недоумения*. Отметим, что эта реализация коммуникативных параметров русского *вообще* типична для структур современной разговорной речи как при наличии, так и при отсутствии раскрытия номинативного содержания.

Возмущение

- Ну *вообще* [ваш' :е]!

(Конкретный поступок превзошёл все допустимые отклонения от нормы, продемонстрировав полное, недопустимое отклонение от неё, приведшее к её уничтожению).

Возмущение

- Ну ты *вообще* (ваш' :е) ²!

- Ты *вообще* [ваш' :е] ³ представляешь, что ты наделал!
(р/р)

-Вы меня замучили *вообще* ² уже!
(р/р)

(Поведение собеседника есть допускаемое нарушение нормы конкретным поступком, рассматриваемое как недопустимое).

Возмущение

-Что это за няня! / Каблуки сантиметров двадцать, юбка мини, почти ² нет.

-Что вы себе позволяете, *вообще* ²!
(т/н «Суд идёт»)

(Обсуждение свидетельницей внешнего вида и негативная качественная характеристика, оценка говорящей рассматривается допрашиваемой как недопустимое нарушение нормы в обстановке судебного разбирательства).

(Героиня бросается к сотруднику ГАИ, разговаривающему с задержанным, и просит догнать преступника. Милиционер, отталкивая собеседника, бросается в погоню. Брошенный милиционером задержанный):

Возмущение

- Эй! / Эй! / Ги-бе-де-де! / Вообще! [ваш :е]

(т/с «Идеальная пара»)

(Допущенное отклонение от нормы данного поступка милиционера – не стал разговаривать с задержанным и с его документами бросился в погоню, – рассматривается как недопустимое, слом нормы).

(Рассказ милиционера, он стоит в непосредственной близости от страшно изуродованной машины).

- Страшный удар. Ну там вообще!

(В маршрутке. Разговор матери с вымазанным грязью сыном):

Отчитывание

- Это как же надо было влезть, вообще! / Не дотрагивайся до меня!

Испачкаешь!

- Я упал.

(р/р)

(Прапорщик Данилыч пытается всучить Цлаву бочку с огурцами для реализации):

Возмущение

- Нет, / нет, / нет!

- Цлав! / Ты [ваш :е]! / Я же ни с кем больше не договаривался.

(т/с «Солдаты-3»)

(Шеф подписал документ, фактически передающий компанию секретарше. Реакция её друга Зорькина):

Недоумение

- Он это подписал? / Он в своём уме вообще?
(m/c «Не родись красивой»)

Возмущение

- Слышь, / козёл?
- В каком смысле?
- А в том смысле, у тебя совесть вообще есть?
(к/ф «Родня»)

(Поведение слушающего, нарушая норму, превосходит все допускаемые говорящим отклонения от неё и рассматривается как недопустимое).

Возмущение

- А кто это такой Гена, /а?/Нин!
- Мам, / Гена - / это товарищ /по работе./ Мы с ним работаем
вместе, / понимаешь?
- Я вот здесь сижу, / а он здесь./Понятно тебе?
/ \
- ↓Мг.
- Нет, / мне это / вообще нравится./ Один раз / человек позвонил, /
уже кто такой Гена. /Кто-кто, / конь в пальто. /Гена, хъ, / Гена... /
Крокодил. / Чебурашку видала?

(к/ф «Родня»)

(Поведение слушающего полностью разрушает представления о норме жизни в городе и рассматривается как недопустимое).

Досада-отчаяние

- ...Ну как?/Фёдор Николаевич, / привыкаете?
-Привыкаю, Эмми Степановна.
- Ну очень хорошо.
-Вот. / Совсем, было, с мамой/ отговорил от цирка./Так нет, / вы
тут и подвернулись со своим мотоциклом.

² - Что значит:» подвернулся»?/ Ты, знаешь, / ⁴ тоже слова ² выбирай. ¹
² -Да что ж слова ⁵ выбирать! / Просто, считай, под мотоцикл угодила! /
² Ну как же! / ⁴ Артисткой стала. / ² Уедет. / ⁷ Да / ² и вообще!
 (х/ф «Укротительница тигров»)

(Поведение героини и собеседника полностью разрушает норму жизни Мокина и его планы).

Осуждение

¹ - Ух и скукота же! / Ой!
³ - А ты женись! / Вот тебе и скучно не будет. ⁴
³ - Да?
⁷ / \ / \ / ³ Мг-мг. / Я в леспромхозе вот работал: дыра дырой. / ⁷ Сюда при- ⁶
⁷ ехал, тут / ¹ вообще.
⁶ - Ну, / ¹ мы-то, Слава богу, / ² в достатке живём, / ² грех жаловаться.
² -Только и свет в окне, / что своё хозяйство. / А клуба нету. / ³ Радио / ²
³ тоже нету. / ¹ И кино- / ¹ раз / ¹ в месяц.
 (к/ф «Простая история»)

(Резкое отклонение от нормы конкретного развития ситуации в представлении говорящего, на фоне аналогичного отклонения в других местах, – впрочем соответствующее норме в провинциальных городах и деревнях, – рассматриваемое героем как недопустимое).

- Вообще, конечно, ужас, что за машина.

(р/р)

(Качественная характеристика рассматривается как резкое отклонение от нормы. Конечно также отсылает к норме).

При бенефактивном развитии ситуации в данной реализации вообще участвует в формировании целеустановок восхищения, восторга

Восхищение

² -Класс! / ² Ну вообще!

2
- Шикарно.

2
- Вообще!

3 6 6
- Какой пол! / Мне нравится полочки, мне нравится... / шкафчики.

(Обсуждается строительство высотных зданий около дома собеседников, в том числе и на месте бывшей пятиэтажки).

3
- Как быстро строятся.

4
- А пятиэтажка!

2
- Ну это вообще!

(Предельная степень отклонения от нормы на фоне иных допущенных, реализованных отклонений по срокам строительства).

- А потом форель в сметанно-молочном соусе.

2
- Ну это вообще!

(м/с «Солдаты»)

Восхищение. одобрение, удовлетворение

3 3
- Это квартирный вопрос. / Мы перedelывали кухню / для Елены
, 1 , 3
Мироновны Кульковой. / В далёком военном прошлом / она была
6 6
лётчицей. / Ну а сейчас замечательная женщина, / которая за время
1 , 1 6
отсутствия здесь отпраздновала девяностолетний юбилей. /
6 6 6 6 3
Бодрая, / весёлая, / ещё достаточно у неё сил и азарта / участво-
6 1
вать в таком проекте, / как наш..

6 5 \ « х 5 \ 1 2
- Ребята! / Именины сердца! / Ох! / Боже мой! Нет, / сказка /
, 1 2 2 2
венского леса! / Сказка! / Не верю даже, / что это моё.

4 , 4
- Вот она / ваша кухня.

1 1 6 1
- Ой, / ребята! / Спасибо Вам! / не знаю какое!

3 2 6 6
- Видите, потолок-то какой у вас: / ромашки / да бабочки..

6 2 2 2 2
- Ви жу. / Да. / Нет, / ну вообще, конечно. / Надо привыкать! / Такое
2

ещё пока чужое.

3 6 3 6
-Да?/ Дверь вашу переделали./ Вот ваша/ дверь осталась. Отре-
6 4
ставировали просто,/ подновили.

6
-Я смотрю окно...

6
-Окно новое поставили...

5 \ 3² 2¹ 5 \
-Цветы! / Ну / вообще / Ва -а-бще !

(т/п «Квартирный вопрос»)

Возможен и ряд других реализаций.

3. Непонимание говорящим причин допущенного слушающим отклонения от нормы.

Типично используется при формировании целеустановок *вопросов, недоумения*.

2 2 2
-Милая! /А вы чего приехали/ вообще?

2 2 2
Ах! / Вот ты где? / Что случилось? / Что происходит вообще?
(т/с «Бомжиха»)

(Буратино бьёт Арлекино):

2 3
- Ты что? / С ума сошёл?

2 2 2
- А ты что к нему/ пристал? / Что он тебе сделал? / Я тебя спрашиваю!

2
- Да ты кто такой? / Вообще/, откуда ты здесь взялся?
2 ^ ^

- Я вам покажу, какой это театр!

2 2
- Да какой бы ни был!/, тебе-то что?

3 4
- А я вам говорю,/ это плохой театр!.

' 2 2 2
- Да ты кто такой? / Вообще!!/ Откуда ты здесь взялся!

(к/ф «Приключения Буратино»)

(Конкретная реализация ситуации и поступок Буратино является допусаемым отклонением от нормы и недопустимым её нарушением).

(Мать невпопад отвечает дочери).

² ² ³
- Мам! / Ты вообще / слышишь, что я говорю!?

(Отклонение позиции собеседницы от нормы, что рассматривается как недопустимая невнимательность).

4. Ненужность потенциально возможных отклонений от бенефактивной нормы.

Уговаривание

⁶
-Соль рассыпалась.

¹
- Только этого не хватало.

²
-Я/ Я не верю в приметы.

³ ¹ ³ ³
-Я тоже./ И вообще/ чего нам ссориться?

¹ ³ ²³
-Конечно./ Эту соль мы уже отработали.

(т/ф «По семейным обстоятельствам»)

5. Полное изменение нормы, связанное с позицией говорящего.

Вариант, резко отклонившийся от нормы.

³ ⁶ ⁶ ³
-...Я ведь тоже/ был и главным, Маруся,/ и старшим,/ а теперь я,
⁶
Маруся, просто рядовой бухгалтер РСЦ номер семь и я счастлив,/Ма-
² / \ ³
руся, поэтому я ни от кого не завишу, Маруся!/Хочу шляпу натяги-
²ΛΛ \ ³
ваю до самых бровей, хочу перед кем-то снимаю,/перед кем нужно.
³ ³ - - ²
/Понятно, Маруся.../ А через три года, Маруся, я выйду на пенсию,/
² ² ⁶
приеду к тебе в Батурино, в деревню,/ на мотоцикле,/ ты меня
²
вообще не узнаешь.

²
- А что ж ты раньше не собрался?

(к/ф «Родня»)

(Развитие событий в будущем полностью отклонится от нормы.)

Русское *вообще* является одним из важнейших средств поля нормы. Под *коммуникативным полем* мы понимаем совокупность коммуникативных средств, объединённых единым коммуникативным параметром при вариативности других.

Взаимодействуя с другими средствами с инвариантным параметром нормы либо раскрывающимися в реализации по норме, русское *вообще* является одним из ведущих средств при формировании конструкций эмоций в разговорной речи выше мы видели типичность структур *ну вообще*, где *ну* раскрывается в реализации отклонения от *ожидаемой нормы*, а *вообще* маркирует слом нормы.

В ситуации, резко отклоняющейся от нормы, типичны структуры *вообще просто*, передающие и возмущение, и восхищение, в которых *просто* вводит максимально бенефактивный или небенефактивный вариант развития ситуации на фоне всех других вариантов.

. – Вы Миг-25 видели?/ Это такая машина!/ **Вообще просто!**
(т/с «Кадеты»)

– Вот эту!/ Окрас/ **вообще просто!** (р/р)

При рассказе о ситуации, отклоняющейся от нормы, сочетание данных средств может взаимодействовать с конструкцией *это самое*, которая явно не поощряется кодификаторами, но используется как рядовыми, так и высокообразованными естественными носителями языка, элитарными языковыми личностями.

Сравним использование упомянутых средств в одной конструкции в эмоциональной речи жительницы Донбасса, рассказывающей корреспонденту «Вестей» о ситуации в её родном посёлке во время пребывания там правого сектора:

– **Это самое вообще просто!**/ **Просто вообще это самое!**

Несмотря на то, что номинативное содержание остаётся полностью не эксплицированным, оценка понятна любому естественному носителю языка, хотя значения каждого из средств и не осознаются.

Раскроем семантический код:

Это апеллирует к сущностной качественной характеристике ситуации, отклонившейся от нормы. *Самое* в соответствии с инвариантными параметрами говорит о реализации варианта разви-

тия ситуации с такой степенью качества, которой другие варианты, в том числе и соответствующий норме, не обладают. *Вообще* вводит смысл полного слома бенефактивной нормы. *Просто* маркирует максимально небенефактивный вариант в оппозиции к другим вариантам, в том числе и к норме.

Возможны и каскады других согласований. Например, на конкурсе «Голос. Дети» одна из юных участниц получает следующую характеристику члена жюри певицы Пелагеи:

Восхищение

– Это ⁶такое /²ай вообще!

Сущностная качественная характеристика девочки-певицы (*это*) отклоняется от нормы с бенефактивными следствиями – произведённого впечатления на члена жюри, которая не была готова услышать нечто подобное (*такое*) и войти в новую ситуацию потенциальных возможностей детей (*ай*), – при завершающем *вообще* в реализации полного слома нормы в позитивном аспекте.

Возмущение

– М-ву дали ²Тэффи. / Ну это ²вообще!
(Через день).

– Нет, М-ву дали ²Тэффи!

(через день) Ну М-ов, ^{2³}ну! Ну это ²просто! ^{2³}Ну! (p/p)

В данных высказывания *ну* передаёт несоответствие ожидаемой норме, *это* – отклонение от сущностной качественной характеристики, *вообще* – полный слом нормы, *нет* – возвращение к варианту, отклонившемуся от нормы, *просто* – максимально небенефактивный вариант на фоне всех других вариантов, и нормы в том числе, *повтор* (как *ну*, так и самого высказывания) – процесс воздействия ситуации, отклонившейся от нормы в небенефактивную сторону, на говорящего.

Таким образом, входя в коммуникативное поле нормы при всех возможных модификациях этого параметра и семантических

возможностей реализующих его средств, *вообще* играет там важнейшую роль, участвуя в формировании каскада целеустановок и типов текстов. Особо следует подчеркнуть роль этой группы средств при формировании семантической основы русских эмоций, что приобретает особое значение, учитывая открытую эмоциональность коммуникативной стратегии русского речевого поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Брызгунова Е.А.* Интонация и полифункциональные словоформы. // Современный русский язык., М.: Азбуковник, 1997.
- Безяева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М.: Издательство Московского университета, 2002.
- Безяева М.Г.* О номинативной мотивированности коммуникативных значений. Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2005. №4, С.9-41.
- Безяева М.Г.* О номинативном и коммуникативном в значении слова. На примере русского тут. //Язык – Культура– Человек. М.: МАКС Пресс, 2008. С.11-38.
- Безяева М.Г.* Коммуникативное поле как единица языка и текста// Слово. Грамматика. Речь. Вып XV. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 101-118.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2006.

Maria G. Bezyaeva

doct. of Sci, Lomonosov MSU, Russia. Moscow
russlang@philol.msu.ru

This article discusses the possibilities to identify invariant communicative parameters of the Russian language and analyses their realizations; the role of these means in the system of the communicative level of the language, that presents the correlation between positions of the speaker, the interlocutor and the situation that they qualify, is considered.

Key words: communicative level of the language, construction, means, invariant, algorithm for implementing communicative parameters, poly-functionality, communicative field.

Коростёлева Анна Александровна
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка для иностранных учащихся естествен-
ных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
korosteleva.a@gmail.com

**МОТИВ ЗНАНИЯ – НЕЗНАНИЯ:
КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭВОЛЮЦИИ ГЕРОЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ К/Ф «КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК»)**

В работе рассматриваются коммуникативные показатели знания – незнания, компетентности – некомпетентности и их эстетическая нагрузка в фильме «Каменный цветок» (1946). Предлагается анализ звучащих диалогов, предназначенный для изучения семантики коммуникативных средств русского языка в иностранной аудитории. В работе в частности показано, как «малозаметные» для иностранца средства языка (частицы, междометия, интонационные средства и др.) приобретают колоссальную значимость в контексте фильма и отображают эволюцию характера главного героя. Обращение к семантическим параметрам русских коммуникативных средств и их конкретным реализациям позволяет «расшифровать» все лежащие вне номинативного содержания смыслы и оценить то эстетическое послание, которое они в себе несут.

Ключевые слова: коммуникативная семантика, эстетическая нагрузка коммуникативных средств, звучащий кинодиалог, русский язык как иностранный.

Изучение русского звучащего диалога методом семантического коммуникативного анализа [см. об этом: Безяева 2002, 2005, 2006, 2008а, б, 2010а, б, 2012, 2013а, б, 2014, 2015а, б, 2016а, б и др.] позволяет вскрыть пласт семантики, обычно постигаемой и используемой носителями русского языка интуитивно и в силу этого традиционно не подлежащей разъяснению в иностранной аудитории.

Предложенный М.Г. Безяевой метод прежде всего подразумевает выделение и противопоставление в рамках любой языковой системы двух уровней – *коммуникативного* и *номинативного*. Семантика коммуникативного уровня языка связана с соотношением

позиции говорящего, позиции слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации, тогда как семантика единиц номинативного уровня связана с передачей информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего.

Коммуникативный уровень русского языка включает в себя чрезвычайно разнородные единицы – от *собственно коммуникативных* (наклонения, частицы, междометия, интонация, другие средства звучания, синтаксические приемы) до *средств, способных выполнять наряду с коммуникативной и номинативную функцию* (словоформы полнозначных лексических единиц, части речи, грамматические категории). Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия *целеустановки, вариативного ряда конструкций, ее формирующих, и инвариантных параметров средств*, образующих эти конструкции. Целеустановка определяется как *языковой тип воздействия говорящего на слушающего, говорящего на говорящего, говорящего на ситуацию, либо фиксация типа воздействия слушающего или ситуации на говорящего*. Коммуникативная конструкция объединяет в себе конкретные реализации инвариантных параметров единиц, подчиняющиеся особому алгоритму развертывания семантических параметров. Почти все инварианты русских коммуникативных единиц способны к антонимическому развертыванию. Помимо этого, сами параметры и их реализации могут относиться к позиции говорящего, к позиции слушающего или к ситуации, быть распределены между ними и т.д. Возможно также варьирование по отнесенности к различным временным планам и по аспекту реальности-ирреальности¹.

Ниже приведены материалы к киноуроку, рассчитанные на преподавателя РКИ, знакомого с методом семантического коммуникативного анализа. В работе используется описание системы русской интонации, принадлежащее Е.А. Брызгуновой, а

¹ Семантические инвариантные параметры русских вербальных коммуникативных средств содержатся в публикациях [Безяева 2002, 2005а, 2005б, 2008а, б, 2010а, б, 2012, 2013а, б, 2015 а, б, 2016а, б и др.], а также в спецкурсах, читавшихся М.Г. Безяевой на филологическом факультете МГУ в 2006-2016 учебных годах («Инвариантные параметры средств коммуникативного уровня русского языка», «Анализ коммуникативной семантики звучащего текста» и др.). Трактовки кинесических средств принадлежат автору данной работы.

также разработанная ею усложненная интонационная транскрипция [Брызгунова 1980, 1982]¹.

Действие в фильме «Каменный цветок» (1946), снятом по «Уральским сказам» П.П. Бажова, подчинено истории совершенствования Данилы-мастера, с чем связан центральный мотив фильма – легенда о Каменном цветке.

Анализируемые ниже эпизоды отражают три разных этапа становления мастера. С сюжетной точки зрения выбранные сцены содержат три разговора, явившиеся переломными моментами в судьбе Данилы, причем во второй и третьей сценах выражено его кредо.

Понаблюдаем за варьированием в речи Данилы одного крупного коммуникативного параметра: *компетентности – некомпетентности, знания – незнания*. Чем дальше уходит он по пути своих поисков, тем больше теряет самоуверенность. С годами он все дальше продвигается по этой шкале от полюса знания к полюсу незнания, что отражают используемые им коммуникативные средства языка. Одновременно меняется характер воздействия собеседников на Данилу (степень схождения / расхождения его позиции с позицией собеседника и др.): в первой сцене ему приходится давать отпор разгневанному Прокопьючу, то есть утверждать свою компетентность в максимально неблагоприятных условиях; во второй постаревший Прокопьюч заведомо высоко оценивает его мастерство и говорит со своим учеником дружески, на равных; в последнем из эпизодов старые мастера, нарочно собравшиеся для того, чтобы посмотреть на чашу, восхищаются работой Данилы (и в этих максимально благоприятных условиях Данило проявляет максимум неуверенности в себе и крайнюю степень недовольства собой и изделием своих рук). Таким образом, рост мастерства, движение от ремесленничества к искусству сопряжены с нарастанием критического отношения к себе и своему таланту.

Впервые мы узнаем о способностях подпаска Данилы к резьбе по камню из диалога, где он осмеливается вступить в конфронтацию с приютившим его старым мастером Прокопьючем. К этому вре-

¹ Кроме того, Е.А. Брызгуновой принадлежат первые образцы анализа интонационных средств в русском художественном тексте [Брызгунова 1984].

мени зритель уже знает, что Хозяйка Медной горы заметила Данилу и, выбрав его себе в будущее подземные мастера, начала следить за его судьбой и направлять его. В то же время всякий опыт работы по малахиту у мальчика отсутствует, и Прокопчыч только лишь размышляет, брать ли его в подмастерья. Однако степень уверенности сироты-подпaska в себе, в своих словах, в правильности своего представления и чутья крайне высока. При попытке вмешаться в работу Прокопчыча на Данилу обрушивается целый шквал коммуникативных показателей отклонения от нормы.

Прокопчыч: Ты это что? // Кто тебя просил п[о]делку в руки
 3 2
 братъ, / а? // Что тут доглядываш?

Данилко: На мой взгляд, / дедушка, / не с этой стороны /
 1 3 2 2^^
 кромку отбивать надо. // Вишь, / узор тут, / а его и срежут.
 7 2 3/

Прокопчыч: Хе! // Ты кто такой? // Мастер? // У рук не
 6 3^2 2
 бывало, / а судишь? // Что ты понимать можешь?

Данилко: То и понимаю, / что штуку эту... / испортили.
 2 2 1

Прокопчыч: Кто испортил, / а? // Это ты, с[о]пляк, мне, /
 3 6 2 6 2
 первому мастеру на Урале? // У-/бью! // Я тебе такую / порчу
 2 7 2
 покажу - / жив не будешь! // Чтоб... духа твоего в моей избе не
 было!

Прокопчыч: Эй, Недокормыш! // Слышь? // Слезай с лестницы.
 3 2
 // Аль [о]глох?

Данилко: Не слезу. // Убить грозился.
 1 1

Прокопчыч: Не бойся, / не трону.
 3 \

Данилко: Взаправду, дедушка, говоришь?
 1 6

Прокопчыч: Взаправду. // Ну-ка, мастер явленный, / п[о]кажи,
 как по-твоему узор делать-т[о]?

Данилко: Вот тут бы лучше пустить досочку поуже.
 2 6 7

Прокопчыч: Ну-ну, ладно, / поуже, / много ты понимаешь!

Данилко: Поуже, дедушка.
 2

Прокопъич: Заладил одно: / п[о]уже, / п[о]уже. // Сам вижу,
 1 6 1 2
 7 7
 что... / п[о]уже. // (Улыбаются). Ишь ты! // С[о]ветчик.
 6

Данилко: А...

Прокопъич: Языком-то - / не руками, / всяк сработает.
 6

Данилко: По чистому полю / вот тут..
 2 2 2

Прокопъич: Ладно. // Хватит. // Спать пошли. // Ложись вот
 1 1 x
 тут, / на скамеечке. // (Качает головой; сам себе). Вот тебе и
 1 1 6 6 1
 Недокормыш! // Ещё ничем ничего, / а старому мастеру.. / указал.
 2 1²
 // Ну и глазок! // Толк, видать, будет.

Прокопъич развернуто выражает классическое возмущение, с парадом структур, типичных для выражения этой целеустановки в русском языке (Ты это что?^{2³}; Кто тебя просил...?²; Ты кто такой?²; Что ты понимать можешь?³; Это ты.. мне...?), со стечением сегментных и суперсегментных средств в соответствующих реализациях, выстраивающихся в блистательный ряд:

— *это* — ‘недолжная качественная характеристика имеет место: паренек, который должен знать свое место, стоит возле станка с малахитовой досочкой и критически разглядывает работу’;

— *что* — ‘говорящий расценивает поведение слушающего как резко отклоняющееся от известной ему сложившейся нормы ситуации: все прежние ученики у него ходили по струнке’;

— ИК-2³ (Ты это что?) — ‘говорящий требует назвать ту причину (из ряда возможных причин), которая заставила Данилку околачиваться у станка (ИК-2) и при этом маркирует свою неспособность сориентироваться в этой нестандартной ситуации (ИК-3)’;

— инфинитив несовершенного вида (*братъ*) — отклонение от норм социума (инфинитив) и отход от должного (несовершенный вид);

— *а* (³Кто ²тебя просил п[о]делку в руки брать, / ³а?; Кто ис-
портил, / ³а?) – ИК-3 ориентирует слушающего на норму, в то время как *а* вводит его в новую ситуацию, от этой нормы отличающуюся (маркирует ситуацию как новую по сравнению с нормой);

— *тут* – ‘маркируется знание обстоятельств, в которых находится говорящий (Прокопич противопоставляет свое знание незнанию слушающего), а также защита говорящим личной сферы – своего рабочего места от вторжения постороннего с его непрошеным интересом’;

— *хе* – ‘осознание говорящим нарушения нормы при невключенности слушающего в узкий круг посвященных, владеющих этой нормой (здесь: признанных мастеров)’;

— ИК-7 (⁷*хе*) – ‘говорящий маркирует резкое расхождение своей позиции с позицией слушающего (якобы тот лучше знает, как опилить камень, чтобы не испортить узора)’;

— *такой* (в конструкции *кто ты такой*) – ‘визуально воспринимаемая информация (здесь: поведение слушающего) нарушает представления говорящего о норме и имеет небенефактивные для говорящего следствия’;

— ИК-2 (в структурах ²Кто ²тебя просил п[о]делку в руки брать, ²Что ²тут ²доглядывашь?, ²Ты ²кто ²такой?, ²Что ²ты ²понимать ²можешь?) – ‘говорящий требует от слушающего реализовать единственный приемлемый сейчас вариант поведения – дать отчет в своих действиях’ и в то же время ‘говорящий указывает на реализованный единственный вариант, не имеющий никаких оправданий’;

— модальная реализация ИК-3’ с резким подъемом тона – ‘предполагаемое представление слушающего о себе как о великом мастере расценивается говорящим как слом нормы’.

Смелый ответ Данилки сразу же задает идею превосходящей компетентности говорящего в данной ситуации. Вместо оправдания (которого ожидает Прокопич) он начинает с доброжелательного объяснения. Хотя он и говорит «на мой взгляд», за этим не стоит резкого противопоставления своего мнения мнению собеседника (такой эффект был бы достигнут при размещении ИК-2 на *мой*, Данило же использует ИК-6 на конце синтагмы – в значении

указания на неназванную пока информацию, не известную слушающему, но известную говорящему), вводит ласковое обращение *дедушка*.

— порядок слов и размещение интонационных центров (*не с этой стороны / кромку отбивать надо*) – ‘из всех возможных вариантов реализован вариант (ИК-2) с недолжной качественной характеристикой (*эта*) – не той, которой требуют нужды социума (инфинитив несовершенного вида) и минисоциума (*надо*)’, к чему добавляется большая фоновая заинтересованность говорящего в предмете речи (ср. *Кромку отбивать надо не с этой стороны*);

— ИК-2 – настаивание на вводимом варианте, противопоставляемом всем прочим (*не с этой стороны*), либо маркирование вводимого варианта как единственно важного (*узор тут*) при затронутости личных интересов говорящего и слушающего;

— ИК-3 (*вишь*) – ‘говорящий хочет сориентировать слушающего на факт, который слушающий упустил’;

— модальная реализация ИК-2^{^^} с сильными колебаниями тона в постцентре (*...а его и срежут; Вот тут бы лучше пустить досочку поуже*) – ‘учти следствия из вводимой информации, они затрагивают твои личные интересы’ (появление данной реализации, безусловно, должно сочетаться с высоким уровнем компетентности говорящего);

— *а... и* (*а его и срежут*) – ‘говорящий демонстрирует слушающему не новую, но представшую теперь в новом свете ситуацию (*а*), когда в соответствии с предполагаемым, то есть с уже сделанной на малахите засечкой (*и*), дело получит небенефактивное развитие’;

— *по-* (*поуже*) – ‘говорящий предлагает способ переключения ситуации с небенефактивной на бенефактивную’ (что вновь подчеркивает здесь его компетентность);

— *вот* (*Вот тут бы лучше пустить досочку поуже; По чистому полю / вот тут...*) – ‘говорящий указывает на соответствующий целям обоих собеседников вариант, который должен быть реализован’;

— *тут* – на коммуникативном плане маркируется затронутость личной сферы говорящего (Данило мысленно уже глубоко включился в ситуацию, усвоил себе трудности и задачи ремесла и обдумывает их не как посторонний, а изнутри);

— ИК-2 с удлинением гласного (*Поуже, дедушка*) – маркируется желание говорящего произвести нужное впечатление на слушающего, воздействовать на его волю.

Есть в характере Данилки бесстрашие и упрямство, которые проявляются в его возражении: «То и понимаю, / что штуку эту... / испортили». Значение *то* в конструкции *То и понимаю* раскрывается как ‘по моим представлениям, ты реализуешь не ту ситуацию, которая соответствовала бы норме’; единица *и* указывает на аналогию с представлениями самого говорящего (он и раньше заявлял о своей компетентности, и вновь это подтверждает) и в то же время на отсутствие аналогии с представлениями слушающего (‘ты предполагаешь, что я ничего в этом не смыслю, но ситуация не соответствует твоему предположению’). Данилко настаивает на своем понимании, стараясь воздействовать при этом на слушающего и в то же время отмечая, что ситуация производит на него тяжелое впечатление (удлинение гласного). Далее ИК-2 обозначает противопоставление вводимого крайне небенефактивного варианта всем прочим как реализованного в действительности, коммуникативная семантика единицы *этот* обогащает высказывание идеей недолжного качественного признака, который имеет обсуждаемая малахитовая поделка. Затем Данилко использует форму множественного числа глагола *испортили*, деликатно вводя значение дистанцирования, – как слушающий, так и говорящий тем самым как бы дистанцированы от ситуации (ср.: *ты испортил / (штука эта) испорчена*).

После такого ответа (дерзкого как номинативно, так и коммуникативно) конфликт достигает своей кульминации. Очевидно, что эмоциональная реакция старого мастера в первую очередь подогревается именно показателями знания (компетентности) в речи Данилки. Выражение возмущения сменяется конструкциями угрозы:

$\begin{array}{ccccccc} 6 & & 2 & & 6 & & 2 \\ - & \text{У-}/\text{бью!} & // & \text{Я тебе такую} & / & \text{порчу покажу} & - & / & \text{жив не будешь!} \\ 7 & & \downarrow 2 & & & & & & \end{array}$

// Чтоб... духа твоего в моей избе не было!

Как правило, в курсе РКИ ничтожно малое внимание уделяется способам выражения угрозы в языке, между тем как русская угроза глубоко типологична, и большинство структур огромного вариативного ряда угрозы вызывает трудности с интерпретацией у иностранцев. В речи Прокопьяча мы видим пример классической развернутой русской угрозы, где имеет смысл обратить внимание на структуру *Я тебе... покажу* и структуру с начальным

$\begin{array}{ccc} 6 & & 2 \\ \text{чтобы.} & & \end{array}$

Конструкция *У-/бью!* (где будущее время глагола обозначает обязательность реализации действия) с немалой вероятностью имеет аналоги в родном языке учащихся. В высказывании *Я*

$\begin{array}{ccc} 6 & & 2 \\ \text{тебе такую} & / & \text{порчу покажу} & - & / & \text{жив не будешь!} \end{array}$

семантический параметр форм будущего времени разворачивается сходным образом, однако здесь еще присутствует единица *такой* ('воспринятая информация резко контрастирует с представлением говорящего о норме, следствием чего будут небенефактивные для слушающего действия говорящего'), а структура *Я тебе... покажу* + частичный повтор реплики слушающего (*испортили* → *порча*) являет собой пример частотной русской угрозы, «закрытой» для носителей других языков, здесь могут возникать затруднения с определением целеустановки.

Начальное *чтобы* в угрозе, совмещенной с требованием

$\begin{array}{ccc} 7 & & \downarrow 2 \\ (\text{Чтоб... духа твоего в моей избе не было!}), & & \end{array}$

говорит о небенефактивности перспектив для слушающего (которому будет угрожать возмездие), если он не осуществит в срок (немедленно) предписанное действие, а также о нарушении бенефактивной нормы развития ситуации – сначала для говорящего, а теперь и для слуша-

ющего. Здесь присутствует также указание на расхождение позиций собеседников (ИК-7), а твердый приступ гласного (¹д_ух²) вносит оттенок презрения.

Показателями того, что Прокопъич «оттаял», в диалоге становятся единицы *эй*, *ну-ка* и *-то*. Междометие *эй* связано с готовностью изменить положение дел, нарушающее норму развития ситуации (старый мастер отошел от гнева и решил, что пора мириться). Далее мы видим коммуникативные «ступени» перехода от предельно недоброжелательного настроения к доброжелательности, и первой из таких ступеней становится добродушная ирония:

⁶ «Ну-ка, мастер явленный, / п[о]кажи, как по-твоему узор делать-т[о]?» (*ну* – ‘я жду. соответствуй моей норме ожидания’, *-ка* – ‘уровень компетентности слушающего ниже; каузируемое действие не входило до сих пор в намерения слушающего (Данилко опасался, что Прокопъич его убьет)’, *-то* – ‘реализованная ситуация (Данилко ничего не высказал, опасаясь гнева старика) не соответствует представлению говорящего о норме при наличии у говорящего заинтересованности в изменении этой ситуации’.

Следующей ступенькой становится выражение недоверия и насмешки: *ну-ну* – ‘я жду, что жизнь подтвердит твою правоту, но ситуация может не соответствовать моим ожиданиям’, *ладно* – ‘отвлекись от своих интересов (выставить себя знающим) ради истины (ты никакой не мастер и ничего не смыслишь)’; ИК-7

⁷ (*много ты понимаешь*) – ‘маркируется резкое расхождение между представлением слушающего о собственном уровне компетентности и представлением о том же говорящего’.

Вообще, несложно видеть, что весь этот разговор – борьба двух знаний, битва на поле компетентности. Обратим внимание

на комичную реплику Прокопъича ² *Сам вижу, что...* / п[о]уже, с ¹ помощью которой старый мастер, вместо того чтобы просто согласиться с толковым советом приемыша, ворчливо пытается «перехватить инициативу», утверждая, что его исходный взгляд на проблему якобы совпадал с предложенным Данилкой (хотя оба они знают, что это не так).

Наконец приходит черед удивления, одобрения и восхищения. Та же ИК-7, которая только что работала на выражение презрения и насмешки, появляется в другой реализации – ‘расхождение теперешней позиции говорящего и его прежней позиции’:

— Заладил одно: / п[о]уже, / п[о]уже. // Сам вижу, что...
1 2 6 1 2
/ п[о]уже. // (Улыбаются). Ишь ты! // С[о]ветчик.
1 7 7
6 1

Вначале повтор (п[о]уже, / п[о]уже) отображает процесс небенефактивного воздействия собеседника на говорящего. Но затем структура *ишь ты* передает удивление с оттенком восхищения, где *ишь* сообщает о том, что реализуется нечто с большей качественной характеристикой, чем предполагалось, а *ты* маркирует отклонение от личного опыта говорящего.

— *вот* – ‘взамен варианта, не соответствующего целям говорящего, реализован вариант, соответствующий его целям’;

— *тебе* (дательный коммуникативный) – ‘расхождение позиции говорящего с позицией социума, к которой и сам он раньше примыкал (не может паренек-сирота, в жизни не державший в руках малахита, советовать дельное, но тем не менее советует)’;

— и – ‘реализованная ситуация идет вразрез с предполагаемым’;

— смычка голосовых связок (^x*вот*) – ‘теперешняя позиция говорящего резко контрастирует с его собственной прежней позицией’;

— модальная реализация ИК-1^{^^} с сильными колебаниями тона в постцентре (^x*Вот тебе и Недокормыш!*) – ‘я вынужден учесть следствия из введенной информации (я был не прав, а из паренька будет толк)’;

— *ну и* – ‘объект нарушает мою норму ожидания (*ну*) и норму предполагаемого (*и*), резко превосходя по уровню всё, чего я мог ожидать и что мог предполагать’;

— ИК-2 с удлинением гласного (²*Ну и глазок!*) – ‘ситуация / объект производит на меня глубокое впечатление’.

Сама «коммуникативная лесенка», ступени которой рассмотрены выше, представляет интерес для иностранцев даже на самом

базовом, целеустановочном уровне (*возмущение — угроза и презрение — возобновление контакта — ирония — недоверие, насмешка — удивление — восхищение, одобрение*), так как поэтапно отражает разгорание и угасание конфликта в русском диалоге (набор используемых в эпизоде коммуникативных средств, разумеется, крайне неполон, но при этом типичен).

Интересно обратить внимание на средства, возникающие на обоих полюсах (когда Прокопич ругает Данилку и когда он восхищается его способностями) в разных, иногда антонимических реализациях: *ИК-7, тут, ладно, ну*.

Напомним, что ИК-7, в начале служащая Прокопичу для того, чтобы подчеркнуть радикальное расхождение его позиции с позицией собеседника (например: *Хе!* // Ты кто такой? // *Мастер?*), позднее помогает ему выразить доброжелательное удивление (*Ишь ты!* // *С[о]ветчик*) и в этом случае реализует значение ‘приобретенная мною новая позиция разошлась с моей же прежней позицией’.

Тут в начале маркирует охрану говорящим границ своей личной сферы (*Что тут доглядывашь?*), а в конце эпизода — включенность Данилы в личную сферу старика (*Ложись вот тут, / на скамеечке*).

Пока Прокопич ворчит и посмеивается над Данилкой, *ладно* в его речи обозначает ‘отвлекись от своих интересов (тебе хочется выступить в роли великого знатока) во имя реальных обстоятельств (ты не специалист и не можешь указывать специалистам)’, но в конце, когда старик уже признал Данилку своим учеником, на сцену является *ладно* в значении ‘я отвлекаюсь от своих интересов (хочется еще поговорить о своем ремесле) ради тебя и ради нашего общего дела (будет правильным дать пареньку выпастся)’ (*Ладно. // Хватит. // Спать пошли*).

Русское *ну* также поворачивается в диалоге разными гранями — в зависимости от того, что нужно выразить: от значения ‘я жду подтверждения твоей позиции, но действительность может обмануть мои ожидания’ (*Ну-ну, ладно (...) много ты понимаешь!*) до значения

‘талант Данилки к работе по камню резко нарушает мою норму ожидания, далеко превосходя любые ожидания’ (Ну и глазок!).

ЗАДАНИЕ 1. Определите целеустановки в приведенном ниже отрывке из диалога:

Прокопъич: ² Слезай с лестницы. // Аль [о]глох? ³ ²

Данилко: Не слезу. // Убить грозился. ¹ ²

Прокопъич: Не бойся, / не трону. ¹ ³ \

Данилко: Взаправду, дедушка, говоришь? ¹

Прокопъич: Взаправду.

Ключ:

Бытовое требование, выражение нетерпения

Отказ, обоснование отказа

Успокаивание, обещание

Выражение недоверия

Подтверждение

Во втором анализируемом эпизоде взрослого уже Данилу, признанного мастера – резчика по малахиту, получившего заказ от владелицы завода, одолевают заботы, сомнения, и у него давно уже нет той твердой уверенности в том, что он знает как надо. Чаша в виде цветка долгое время не выходит, результат не устраивает его. Это период, когда он принимает решение отодвинуть на неопределенный срок свадьбу, не развивать отношения с Катериной. В этой сцене уже нет такого резкого эмоционального противостояния Данилы и Прокопъича, и тем не менее позиции их несходны, между старым и молодым мастером идет спор:

Данило работает над малахитовой чашей.

Прокопъич: Ох, Данилушка! // Извёлся ты весь. ⁶ ² ²

Данило: Чаша мне покоя не даёт. ¹ ²

Прокопъич: На что так стараешься-то?

3 3
Данило: Охота так сделать, / чтоб полную силу камня самому
3
поглядеть, / и людям показать.

2
Прокопъич: В барских х[о]ромах к[о]му увидеть-то? // Сами
6 1 1
г[о]спода / да их прислужники - / только и всего.
2^^ 6

Данило: Камень - он ведь долгого веку. // Близкие / не увидят
2
- / дальние поглядят.

6 1
Прокопъич: Больно далеко, / парень, загадывашь.
1 6 1

Данило: А так-то, поди, веселее. // Человек - / известно: /
6 4 6
поцветёт, поцветёт, / да и завянет. // А его думка / в поделке
2^^
/ может, навек останется.

Если рассматривать реплики Прокопъича, перед нами проходит спектр целеустановок: сожаление / сочувствие, недоумение, возражение, осуждение. Такое отношение вызывают метания и надежды Данилы даже у человека творческого – другого мастера. Посмотрим, какими средствами формируются эти целеустановки:

— *ох* – ‘говорящий маркирует, что ситуация не соответствует желаемому, что оценивается им отрицательно, а также реагирует эмоционально на ситуацию невыполнимости желаемого при независимости ситуации от его воли, невозможности на нее повлиять и при глубокой затронутости личной сферы говорящего и слушающего’;

2
— *весь* (*Извёлся ты весь*) – ‘вводится представление о небенефактивности исчерпанного варианта развития ситуации на фоне других вариантов-стадий, каузируемого волей слушающего в большей степени, чем ситуацией, причем интересы говорящего и слушающего в данном случае расходятся (Прокопъич предпочел бы, чтобы Данило закончил чашу как-нибудь и не мучался, сидя над ней целыми днями)’;

2
На что так стараешься-то?

— *на что* – ‘нарушена известная говорящему сложившаяся норма ситуации’;

— *так* – ‘поведение слушающего расходится с представлением говорящего о норме и влечет за собой небенефактивные следствия’;

— *то* – ‘реализуемая ситуация не соответствует представлению говорящего о норме при затронутости его личных интересов (ему жаль слушающего, которого он включает в свою личную сферу)’.

— *только и всего* (Сами г[о]спода / да их прислужники – /
только и всего) – ‘реализована небенефактивная ситуация на фоне нереализованной бенефактивной, что нарушает интересы слушающего (*только*), но при этом соответствует норме предполагаемого (испокон веков так было), в то же время не соответствуя предположениям слушающего (*и*), и такое положение дел является собой исчерпанный небенефактивный вариант на фоне других вариантов-стадий, завершая тупиком череду надежд и чаяний слушающего’;

— *больно* (Больно далеко, / парень, загадывашь) – ‘превышен допустимый порог небенефактивного влияния: обычному человеку не положено настолько далеко загадывать’.

Высказывания Данилы утратили юную безапелляционность, из них исчезли показатели превосходящего уровня компетентности говорящего, теперь это спокойное убеждение и размышление.

— ИК-3 (Охота так сделать, / чтоб полную силу камня самому
поглядеть, / и людям показать) – ‘говорящий призывает слушающего сориентироваться на его позицию и на обрисованную им норму, которая должна быть достигнута в будущем’;

— *так* (Охота так сделать...) – ‘маркируется желание говорящего привести ситуацию в соответствие со своими представлениями о норме, что будет иметь мощные бенефактивные следствия’.

Обратим внимание на «спорящие» между собой *так* в речи Прокопьяча и Данилы: собеседники говорят об одном и том же (о работе над чашей), используют одно и то же коммуникативное

средство, но оценивают это действие по-разному: старый мастер актуализирует небенефактивные следствия таких усилий, молодой – бенефактивные.

— *и, инфинитив* (и людям показать)³ – ‘соответствие предполагаемому (не достаточно, чтобы мастер сам видел красоту; если он способен продемонстрировать красоту камня, из этого прямо вытекает необходимость показать ее людям (*и*) в соответствии с нормой социума (инфинитив)’;

— *ведь, ИК-2^{^^}* (Камень – он ведь долгого веку)^{2^^} – ‘апелляция к общей для говорящего и слушающего базе знаний и представлений в сочетании с актуализацией следствий из введенной информации (зная о долгом веке камня, слушающий сам может мысленно развить эту идею и представить себе время, когда не будет никаких бар и барских хором, а созданная руками мастера красота останется’; это средство формирует убеждение, не противопоставляя позиции собеседников, а напротив – подчеркивая общность их знания;

— будущее время глагола с ИК-2 (Близкие / не увидят – /² дальние поглядят)⁶ – ‘подчеркивается обязательность воплощения в жизнь (форма будущего времени) введенного говорящим и противопоставленного всем прочим вариантам (ИК-2)’; за этим стоит спокойная уверенность Данилы, лишенная самоуверенности;

— начальное *а* (в обоих употреблениях) – ‘говорящий вводит слушающего в новую, более бенефактивную ситуацию’;

— *так-то* (так-то, поди, веселее)¹ – ‘ситуация соответствует представлениям говорящего о норме (*так, -то*), в связи с чем он продолжит следовать принятому им поведению как бенефактивному для него (*так*), соблюдая свои личные интересы (*-то*)’;

— ИК-2^{^^} (А его думка / в поделке / может, навек останется)^{6 2^^} – ‘учти следствия из вводимой информации – если замысел мастера сможет жить вовек, это затрагивает нашу с тобой личную сферу и бенефактивно для нас’;

— вводное *может* – ‘говорящий ненастойчиво вводит вариант действия, нарушающего норму развития ситуации, при учете

факторов, препятствующих исполнению желаемого действия (навечно сохранить рукотворную красоту и сделать ее доступной людям)?

Мы видим, что ореол сверхкомпетентности, окружавший Данилу в первой сцене, значительно ослабел: он уже не подчеркивает свое знание, использует показатели сниженной степени уверенности (*поди, может*), исчезает демонстративное противопоставление собственной позиции позиции собеседника; сохраняется лишь тихая убежденность в некоторых непререкаемых истинах и незыблемых ценностях.

В первом эпизоде Данилко твердо знал и *что* нужно сделать, и *как*. Прошло время, и Данило-мастер все еще представляет себе, *что* нужно сделать, но уже не понимает, *как*.

В третьем и последнем из анализируемых фрагментов Данило согласен уже отказаться от идеи оставить память по себе среди людей и готов уйти к Хозяйке Медной горы в ее подземные мастера, то есть он поступился некогда важными для себя ценностями ради достижения вершин в искусстве. Это означает, что он созрел наконец до того, чтобы увидеть скрытый под землей Каменный цветок.

Данило закончил заказанную барыней малахитовую чашу.

6 2

Первый мастер (поднимая чарку): С окончанием / дела!

6 6 1

Второй мастер: Дай Бог... / напередки / не хуже сробить. (Смеется).

6 2 2ΛΛ

Прокопъич: За Данилу-/мастера! // Знай наших! // Не [о]дни

ΛΛ1 2ΛΛ

в заводе пушкари да пр[о]катчики - / и п[о] камню мастера не

2ΛΛ

переводятся. // Где ещё найдёшь таких?

2ΛΛ

Катерина: Как живой цветок-то вышел.

6 2 2

Данило: То и горе, / что вроде живого, / а живой красоты /

6
C

нет.

6 2 2

Прокопъич: Камень - / камень и есть. // Живым его не сделаешь.

Данило: А мне припало / сделать лучше живого. // Вся красоту
 \ 3 4 6
 6 6 1
 живого цветка собрать... / да в камне / её и показать. // Чтоб
 2
 никогда не завяла.

Старик (качает головой): Ой, сынок, / не ходи по этой по-
 7 6 1
 ловице. // А то... / угодишь к Хозяйке Медной горы, в её мастера.
 2 \

Данило: В какие мастера, дедушка?

Старик: Такие, / у Хозяйки в горе живут. // Они красоту камня
 1 6 6 1
 поняли, / потому - / Цветок каменный видели.
 h 2

Данило: Каменный цветок? // Он какой?
 ^ ^ ^ ^ ^

Старик: Не знаю, милый сын. // Видеть его нашему брату не
 1 3 6
 дано. // Кто поглядит, / тому белый свет немил станет.
 6 1

Данило: А я бы / поглядел.

Катерина: Что ты, / Данилушка! // Неужто тебе белый свет
 2 2 2
 наскучил?

Один из мастеров: Сказки, дедка, сказываешь! // Парня с пути
 2 \ 2
 сбиваешь.

Прокопич: Он и без того мудрует, / а ты плетёшь несусветное.
 3 1
 2

Игнат Савельич: Да никакого Каменного цветка нету.
 2

Старик (ударяет ладонью по столу): Есть Каменный цветок! //
 2 2 2 2
 (Кивает) Есть! // Сам / смолоду искал, / да крылья мне обкорнали.
 6

Один из мастеров: † Выживать из ума дедушка стал.

В ответ на поздравления, благое пожелание и похвалу Данило публично изрекает фразу, сбивающую общий радостный настрой и вызывающую к жизни упоминание о Каменном цветке:

«То и горе, / что вроде живого, / а живой красоты / нет». Он
 6 2 2 6

использует структуру с начальным *To u*, уже встречавшуюся однажды в его речи. Здесь значение этих единиц раскрывается как ‘говорящий выражает позицию, соответствующую его (но не слушающего) представлению о норме (*то*), следуя при этом аналогии, предполагаемому (*и*)’². Но если раньше его высказывание (*то*
и понимаю, / что штуку эту... / испортили)^{2 1} кричало о высоком уровне компетентности говорящего, то теперешняя его реплика передает возражение с оттенком разочарования, а главное – к концу высказывания возникает идея *неведомого, скрытого знания на фоне неизвестности*. Данило допускает в свою речь ИК-6

в значении указания на неведомое: «а живой красоты / нет»^{2 6} (‘сам не знаю, почему нет’) и ИК-4 в значении сопоставления, «отталкивания»^{3 4} от живого объекта: «А мне припало / сделать лучше живого» (‘я сопоставляю имеющийся объект – живой цветок – со своей целью и отмечаю стремление дистанцироваться в своей деятельности от этого объекта’). Тем самым обозначается начало движения в сторону мистического знания. При этом он, как и раньше, с помощью *a* вводит слушающих в новую для них ситуацию – менее бенефактивную для них, о которой они и не задумывались.

Стоит Даниле отказаться от всяких претензий на знание, объявить свою компетентность равной нулю, как среди присутствующих, словно по волшебству, обнаруживается подлинный хранитель знания – и это не просто компетентный профессионал или носитель богатого жизненного опыта, а человек, владеющий, в отличие от Данилы, малой частичкой того самого, сакрального знания. Это старейший мастер, рассказывающий легенду о Каменном цветке. Вот как вводится этот таинственный персонаж в сказе у Бажова: «Был тут старичок один. Он еще Прокопчыча и тех – других-то мастеров – учил! Все его дедушкой звали. Вовсе ветхий старичоночко, а тоже этот разговор понял (...))».

Старик (качает головой): Ой, сынок, / не ходи по этой по-
ловице. // А то... / угодишь к Хозяйке Медной горы, в её мастера.^{7 6 1}

Жест *покачать головой* связан здесь с наличием разрыва между позициями, представлениями и уровнями осведомленно-

сти говорящего и слушающего, *ой* говорит о неготовности к восприятию такого отклонения от нормы, ИК-6 передает значение ‘ты не представляешь себе, во что может вылиться твоё желание’, ИК-7 маркирует расхождение позиций говорящего и слушающего. Начальное *а* вводит слушающего в новую для него, небенефактивную ситуацию, *то* означает ‘может реализоваться ситуация, не соответствующая твоему представлению о норме, что глубоко затронет твою личную сферу’. Таким образом, перед нами предостережение.

Данило: В какие мастера, дедушка?

Старик: Такие, / у Хозяйки в горе живут. // Они красоту камня
 поняли, / потому - / Цветок каменный видели.

— *какие* – отсутствие у говорящего представления о качественной характеристике упомянутых загадочных лиц;

— *такие* – ‘говорящий вводит информацию, соответствующую, с его точки зрения, норме, и актуализирует небенефактивные для слушающего следствия из нее (узнав подробности, ты едва ли обрадуешься)’;

— удлинение гласного центра (на слове *такие*) показывает, что, по мнению говорящего, слушающий будет впечатлен, и что на самого говорящего производит сильное впечатление то, что он собирается поведать.

Обратим внимание на то, что фрагменты сакрального знания вводятся говорящим в основном на ИК-1 (...*угодишь к Хозяйке Мед-*

ной горы, в её мастера; Они красоту камня поняли, / потому - / Цветок каменный видели; Видеть его нашему брату не дано).

Параметр ИК-1 – ‘подача информации как находящейся в границах нормы’. Здесь интересно, что даже если вводимая стариком информация и не отклоняется от нормы с точки зрения самого говорящего (он столько повидал и столько знает, что для него уже нет ничего удивительного), она, во всяком случае, находится далеко за пределами нормы в восприятии слушающих, и говорящий не может этого не осознавать.

После попыток осмеять рассказ о Каменном цветке и урезонить рассказчика в речи старейшего из мастеров возникают показатели уверенности в себе и своем знании:

Старик (ударяет ладонью по столу):² Есть Каменный цветок! //
2 2 2 2
(Кивает) Есть! // Сам / смолоду искал, / да крылья мне обкорнали.

— жест *стукнуть (ладонью) по столу* – настаивание на своем варианте;

— *кивок* – полная солидаризация говорящего с его собственной, эксплицитированной ранее позицией;

— ИК-2 – ‘реализован именно введенный мной вариант, и никакой другой’;

2 2 2
Сам / смолоду искал, / да крылья мне обкорнали (деталь биографии персонажа, отсутствующая в тексте Бажова):

— *сам* – ‘указание на максимально активную позицию говорящего, предельно активное участие его в ситуации’;

— *да* – ‘реализовалась ситуация, неадекватная моим стремлениям’.

Мы видим, как отрицательное отношение старика к поискам Каменного цветка, содержавшееся в первой его реплике, на наших глазах меняет знак на противоположный (острое сожаление, высказанное им под конец). Возможно, это и стало для Данилы последним толчком к принятию решения.

Ключевая реплика Данилы в этой сцене, после которой совершается некий перелом и он оказывается отделен невидимой пропастью от своего окружения, от мира живых людей, – это фраза «А я бы / поглядел».

— *а* – ‘ввод слушающих в новую ситуацию’;

— *поглядел бы* – ‘говорящий ориентирован на наличие препятствий при выполнении действия – осуществление желаемого недоступно ему, так как зависит от другого лица (от Хозяйки Медной горы)’; при этом совершенный вид указывает на невозможность совершить действие, а *по-* говорит об отсутствии возможности для героя переключить ситуацию с небенефактивной на бенефактивную.

Вновь, так же, как в речи старейшего мастера, эта информация подана Данилой как норма для говорящего (ИК-1), и в то же

Ключ: *Да* имеет в данном случае значение ‘твоя позиция неадекватна действительности’.

Начальное *так* означало бы здесь ‘происходящее нарушает представления говорящего о норме, следствием чего должно явиться прекращение распространения слухов про Каменный цветок, что будет бенефактивно для говорящего, слушающего и третьих лиц’.

Семантический параметр *и* (и ² *никакого Каменного цветка нету*) был бы реализован как ‘действуя по аналогии, говорящий дополняет замечание, высказанное перед этим Прокопичем (Он ³ и без ¹ *того мудрует, / а ты плетёшь несусветное*)’.

Ведь привнесло бы в высказывание значение апелляции к общей для собеседников базе знаний и представлений, сформировав мягкий упрек; возник бы смысл ‘ты и сам не хуже нас знаешь, что слухи о существовании Каменного цветка – неправда’.

ЛИТЕРАТУРА

Безяева М.Г. Инвариантные коммуникативные параметры русского *вон* (материалы к словарю коммуникативных средств) // Язык, культура, коммуникация. М., 2013а. С. 58-73.

Безяева М.Г. К вопросу о коммуникативных параметрах вводных слов *главное* и *между прочим*// Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 11. М., 2015а. С. 18-41.

Безяева М.Г. Коммуникативная семантика звучащего художественного текста// Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международного конгресса исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2010а. С. 751.

Безяева М.Г. Коммуникативная семантика как объект филологического исследования// Филология вечная и молодая. М., 2012. С. 63-78.

Безяева М.Г. Коммуникативное поле как единица языка и текста// Слово. Грамматика. Речь. Вып. XV. М., 2014. С. 101-118.

Безяева М.Г. О коммуникативных параметрах сакральных единиц русского языка (Господи, Боже). Материалы к словарю коммуникативных средств// Слово, Грамматика Речь. Вып. 10. М., 2008а. С. 10-27.

Безяева М.Г. О номинативном и коммуникативном в значении слова. На примере русского «тут» // Язык, культура, человек. М., 2008б. С. 11-38.

Безяева М.Г. О семантических основаниях коммуникативной моды// Вопросы русского языкознания. Выпуск 13. Фонетика и грамматика. Настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010б. С. 159-170.

- Безяева М.Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. №2, 2013б. С. 19-36.
- Безяева М.Г. Русский повтор как средство коммуникативного уровня языка (материалы к словарю коммуникативных средств) // Stephanos. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. № 6 (20), 2016. С. 83-115.
- Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002. – 752 с.
- Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М., 2005. С. 105-129.
- Безяева М.Г. Слово *правда* как средство коммуникативного уровня русского языка // Stephanos. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. № 6, 2015б. С. 35-59.
- Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1, М., 1980. Т. 2, М., 1982. – 1492 с.
- Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. – 116 с.
- Коростелева А.А. Именования собеседников в китайском диалоге и их коммуникативные аналоги в русском // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XIII. М., 2012а. С. 78-89.
- Коростелева А.А. О введении семантических параметров коммуникативных единиц при обучении РКИ на начальном этапе // Язык, литература, культура. Вып. 8. М., 2012б. С. 221-238.
- Коростелева А.А. О возможностях русских коммуникативных средств при создании принципиально противоположных образов в кино (*коммуникативное противопоставление персонажей в к/с «Небесный суд»*) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XIV. М., 2013. С. 103-121.
- Коростелева А.А. О коммуникативной семантике двух диалогов в кино (*к/ф «Судьба человека» и «Мы из будущего»*) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XVII. М., 2016а. С. 156-170.
- Коростелева А.А. О реализации коммуникативной стратегии актера при создании отдельного образа (*Л. Лемке в к/ф «Обратной дороги нет»*) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XI. М., 2009а. С. 55-75.
- Коростелева А.А. О роли коммуникативных средств в формировании характеристики 'ум – глупость' в кинодиалоге (*на материале ролей Л.И. Лемке*) // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 5. М., 2009б. С. 171-191.
- Коростелева А.А. Об одном из приемов преподавания коммуникативной системы русского языка в иностранной аудитории (переводы зарубежных фильмов) // Язык, литература, культура. Вып. 7. М., 2011.

Коростелева А.А. Тема правды и лжи в «Балладе о солдате» (*материалы к киноуроку*)// Stephanos. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. № 3 (17), 2016б. С. 59-82.

Чалова О.В. Коммуникативные средства создания актерского ансамбля Табакова – Богатырева в к/ф «Несколько дней из жизни Ильи Ильича Обломова» (1979)// Мир русского слова. № 3, 2016. С. 72-79.

Чалова О.В. Функциональная роль средств коммуникативного уровня русского языка при создании образа главного героя в художественном фильме «Михайло Ломоносов» (1955)// Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 10. М., 2014. С. 167-178.

Чалова О.В. Эстетическая нагрузка средств коммуникативного уровня русского языка (на материале классической и современной художественной литературы)// Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Материалы Второй Международной научной конференции. Т. I. Волгоград, 2007. С. 351-357.

Anna A. Korosteleva

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

korosteleva.a@gmail.com

THE “KNOWLEDGE – IGNORANCE” MOTIVE: THE COMMUNICATIVE INDICES OF THE PROTAGONIST’S EVOLUTION (BASED ON “THE STONE FLOWER” MOVIE)

The article describes communication indicators “knowledge – ignorance” and “competence – incompetence”, and its aesthetic charge in “The Stone Flower” (1946) movie. It suggests the analysis of spoken dialogue, designed for studying the semantics of Russian language communicative means in a foreign audience. In particular, the article shows how those “undistinguished” for a not native speaker language means (such as particles, interjections, intonation means etc...) gain a tremendous significance in the context of the movie and reflect the evolution of the protagonist's character. Addressing the semantic parameters of Russian communicative means and its specific implementations allows “to decipher” all the meanings that lay outside the nominative content and to evaluate the aesthetic charge they carry.

Key words: communicative semantics, aesthetic function of communicative means, spoken film dialogue, Russian as a foreign language.

Чалова Ольга Валерьевна
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка для иностранных учащихся
естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, Москва
ovelikoborceva@yandex.ru

РОЛЬ СРЕДСТВ КОММУНИКАТИВНОГО УРОВНЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРАХ ИЗ РОМАНА "ИДИОТ" Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО)

Статья посвящена роли семантики коммуникативного уровня русского языка в тексте Ф.М. Достоевского (на примерах из романа «Идиот»). Коммуникативные средства формируют образы персонажей, типы их взаимоотношений. Русскоязычный читатель понимает коммуникативные смыслы интуитивно; ключом к пониманию текста иностранцами может стать коммуникативный анализ.

Ключевые слова: коммуникативный уровень языка; семантика коммуникативного уровня русского языка; роль коммуникативных средств; средства формирования художественного образа.

Представителями школы семантического анализа коммуникативного уровня языка было написано большое количество работ, рассматривающих роль средств данного уровня в литературном тексте.

Напомним, что в отличие от значений номинативного уровня, предназначенного для отражения в языке представлений говорящего о действительности, *коммуникативный уровень языка отражает соотношение позиции говорящего, позиции слушающего и оцениваемой ими ситуации* [Безяева 2002, 2005].

Хорошим примером значимости коммуникативной семантики представляется творчество Ф.М.Достоевского. Тексты

Ф.М. Достоевского – воплощение драматизма¹, постоянный живой диалог², в котором раскрываются характеры, осуществляется и развивается действие, выражается авторская позиция. Именно коммуникативные смыслы заполняют художественное пространство произведений классика и придают неповторимый колорит идиостилию писателя.

Базовым понятием коммуникативного уровня является целестановка (языковой тип воздействия); целестановки реализуются вариативными рядами конструкций; конструкции формируются средствами коммуникативного уровня: 1) «урождённо» коммуникативными, т.е. предназначенными для передачи коммуникативных значений в первую очередь (это *интонация*³, *междометия*, *ряд сегментных средств, не выполняющих фонологическую роль, порядок слов и другие синтаксические приемы*), и 2) средствами номинативного уровня, способными передавать также коммуникативные значения (это *полнозначные лексические единицы, а также грамматические категории – вид, время, число, падеж*). Каждое средство обладает собственными семантическими инвариантными параметрами⁴, которые подчиняются алгоритму развертывания: способны к антонимическому раскрытию и отнесенности только к позиции говорящего, только к позиции слушающего или ситуации, либо распределению между ними. При этом возможно варьирование по временным планам и по аспекту реальности / ирреальности, а также сосуществование двух и более реализаций в одной конструкции [Безяева 2002, 2012, 2014, 2016аб] и др.)

¹ Вяч.Иванов писал о романах Достоевского как о романах-трагедиях.

² Вспомним знаменитую концепцию М.М.Бахтина о полифоническом построении философских романов Достоевского, в которых сам замысел «требует сплошной диалогизации всех элементов построения» [Бахтин 1994].

³ Семантический анализ коммуникативного уровня опирается на системное описание русской интонации, разработанное Е.А.Брызгуновой [Брызгунова 1980, 1982].

⁴ В данной статье использованы инварианты русских коммуникативных средств по материалам публикаций [Безяева 2002, 2005а, 2005б, 2008а, 2008б, 2012, 2013 и др.] и спецкурсов, прочитанных М.Г. Безяевой на филологическом факультете МГУ в 2006-2016 учебных годах («Инвариантные параметры средств коммуникативного уровня русского языка»), «Анализ коммуникативной семантики звучащего текста» и др.).

Под коммуникативным полем понимается группа средств, объединенных единством коммуникативного параметра, при возможном различии других [Безяева 2014: 103] (например, *поле бенефактивности, поле нормы, поле личной сферы* и др.).

На уроках РКИ уже на начальном этапе необходимо вводить семантическое описание коммуникативного уровня наряду с фактами номинативного уровня, т.к. «только знание и сопоставление семантических параметров конструкций позволяет избавиться студентов-иностранцев от механического заучивания структур, давая нить их использования в звучащей и письменной речи» [Безяева 2005: 126]. Эта «нить» ведет к пониманию смыслов, воспринимаемых носителями языка подсознательно, и позволяет «расшифровывать» такие конструкции, естественные для звучащей речи, о которых в русистике спорят давно).

Приведем несколько примеров из романа «Идиот», в которых коммуникативные средства составляют основную ткань текста и представляют определенные трудности при понимании для иностранцев.

ПРИМЕР 1. (Прощаясь, Настасья Филипповна «завещает» пачку несгоревших денег Гане): *Вон уж и приходит в себя. Генерал, Иван Петрович, Дарья Алексеевна, Катя, Паша, Рогожин, слышали? Пачка его, Ганина. Я отдаю ему в полную собственность, в вознаграждение... ну, там, чего бы то ни было! Скажите ему. Пусть тут подле него и лежит... Рогожин, марш! Прощай, князь, в первый раз человека видела! Прощайте, Афанасий Иванович, merci!*

«...Пачка его, Ганина. Я отдаю ему в полную собственность, в вознаграждение... ну, там, чего бы то ни было!»

— ‘ожиданиям вашим и моим это может соответствовать или не соответствовать (ну), но я НЕ ориентируюсь на слушающих: даже при отсутствии вашего желания или намерения (бы, *сослагательное наклонение*); НЕ знаю, как сложится ситуация (что = *чего*), гипотетически отсекаю возможные варианты (ни), буду действовать в соответствии с моими представлениями (то), дистанцируюсь от происходящего, хотя это и затрагивает мои интересы (там)’.

Не представляется возможным предложить минимально соответствующее переложение высказывания *ну, там, чего бы то ни было!* средствами номинативного уровня.

Русскоязычные читатели художественного текста интуитивно улавливают коммуникативные значения наряду с номинативными, для иностранцев же часть смыслов, заложенных в тексте, оказывается утерянной, вырастает преграда на пути освоения актуальнейших смыслов живой звучащей речи и классики русской психологической прозы.

Коммуникативный анализ предлагает максимально короткий путь от классического текста к его пониманию и трактовке. С нашей точки зрения, этот метод – практически единственный шанс сделать возможным прикосновение к массиву русской литературной классики, представленной объемными («неподъемными») романами, на уроках с иностранными учащимися. (Нельзя не признать пользу качественных адаптаций, однако таковыми можно считать лишь те, в которых сохранены значимые коммуникативные смыслы ткани произведения.)

Кропотливый анализ коммуникативной семантики в нескольких фразах героя художественного произведения позволяет убедительно раскрыть его ценности, характер и отношение к окружающим и ситуации в целом. В коммуникативной дорожке даже небольшого диалога закодирована многоуровневая информация об отношениях персонажей. Проследив ее на примерах нескольких диалогов, можно сделать доказательные выводы о способах создания художественных образов и о линии развития сюжета. Все это вместе представляет собой путь к постижению замысла автора¹.

Продемонстрируем, как работают коммуникативные средства в нескольких диалогах из ключевых сцен романа «Идиот»,

¹ «Коммуникативная семантика позволяет увидеть способность коммуникативных средств формировать коммуникативные композиции разных типов, «литературоведчески» точно акцентировать или вводить главные темы произведения, объяснять коммуникативные способы формирования главной черты характера героя или динамику изменения личности, показывать модификацию отношений собеседников» [Безяева 2013: 21].

красноречиво свидетельствуя в пользу справедливости некоторых замечаний литературоведов и позволяя уточнить другие.

Примером параллельной передачи важных смыслов номинативными и коммуникативными средствами может служить реплика Настасьи Филипповны в ситуации неожиданного скандала в доме Иволгиных.

ПРИМЕР 2.

– *Это меня-то бесстыжею называют! А я-то как дура приехала их к себе на вечер звать! Вот как ваша сестрица меня третирует, Гаврила Ардалионович!*

– ‘недолжное восприятие меня (*это*), не соответствующее моему мнению (*меня-то*), имеет место (*называют бесстыжей*); судите сами (осознайте новую информацию - *а*) – я веду себя в полном соответствии со своими представлениями о норме поведения в данной ситуации и моей личной норме благородного человека (*я-то*), надеюсь на соответствие моей нормы общественной, однако обнаруживаю, что оказываюсь в *дураках* (номинативно обозначено), то есть соответствия нет, реализуется полностью противоположное отношение ко мне (*вот как*)’.

Проведем мысленный эксперимент.

Представим приведенные высказывания Настасьи Филипповны без номинативных средств (*бесстыжая, дура, третировать*): ***Это меня-то <так> называют! / А я-то, <как ...не знаю кто> / <как эта> приехала! / Вот как она меня...!* Как мы видим, с потерей ярких номинативных единиц основной смысл фраз остается совершенно понятным, речь героини абсолютно естественна и похожа на эмоциональные реплики современных носителей языка.

Если же представить те же реплики «очищенными» от коммуникативных средств, мы увидим речь не человека, но робота: ***Меня называют бесстыжей! / А я как дура приехала... / Меня третируют.*

Таким образом, совершенно необходимыми, ведущими являются именно коммуникативные средства.

ПРИМЕР 3. Настасья Филипповна в один и тот же момент (после подтверждения князем готовности взять ее в жены) иронизирует над ним, серьезно признает его истинную сущность и сомневается в его здоровой благожелательности:

– *...Вот еще нашелся! А ведь впрямь от доброго сердца, я его знаю. Благодетеля нашла! А впрочем, правду, может, про него говорят, что... того.*

1) в дополнение к и без того сложной ситуации (*еще*) реализовался вариант, не соответствующий представлениям говорящего о норме (*вот*), расхождение позиций оценивается отрицательно; 2) входя в данную ситуацию (*а*), не соответствующую прецедентной норме и затрагивающую личную сферу говорящего (*впрямь*), героиня признает: ‘я, как мы все, знаю (*ведь*), что князь так ведет себя от доброго сердца’, 3) ‘обдумывая ситуацию (*а впрочем*), предполагаю, что на самом деле реализуется другой вариант развития событий, не связанный с высказанной мной позицией (*правда*), и настоящей причиной его поведения (хотя и возможны препятствия для реализации этого мнения (*может*)) является то, что о нем говорят, - что он *того*, т.е. не соответствует нормам социума, ненормальный объективно, в медицинском плане – больной, идиот’.

На этом примере мы видим, что коммуникативная дорожка усиливает идею сомнения героини в истинной сущности князя, в оценке ситуации, коммуникативные средства позволяют отследить каждый поворот ее мысли и за обилием оговорок разглядеть значимость происходящего для нее лично.

Номинативные средства в силу конкретности своих значений не просто дублируют, но уточняют отношения, обобщенно заданные коммуникативно, о чем свидетельствует следующий пример.

ПРИМЕР 4. Настасья Филипповна четко определяет, чем отношение к ней князя Мышкина отличается от всего, с чем она сталкивалась раньше:

«Спасибо, князь, со мной так никто не говорил до сих пор, - проговорила Настасья Филипповна, - меня всё торговали, а замуж никто еще не сватал из порядочных людей».

Коммуникативное *так* говорит о том, что обращение князя нарушает прецедентную норму отношения к героине, не соответствует сложившейся норме (говорит так, как никто не говорил), но не указывается, бенефактивно ли это, имеет ли какие-то следствия. Номинативно уточняется: все торговали, а князь сватается.

Заметим, что при склонности Достоевского к многократному и разнообразному дублированию смыслов номинативные характеристики и оценки персонажей в тексте возникают далеко не всегда. Психологическое полотно текста Достоевского соткано из тонких нитей понимания-непонимания, согласия-несогласия, протянутых от одного персонажа к другому. Чтобы понять другого и почувствовать близость, духовное родство, героям Достоевского не требуется называть вещи своими именами. Особенно это касается главного, оберегаемого от слов. Приведем пример.

ПРИМЕР 5. (заключительные реплики в эпизоде скандала в доме Иволгиных)

«- А вам и не стыдно! Разве вы такая, какую теперь представлялись. Да может ли это быть! - вскрикнул вдруг князь с глубоким сердечным укором.

- Настасья Филипповна удивилась, усмехнулась, но, как будто что-то пряча под свою улыбку, несколько смешавшись, взглянула на Ганю и пошла из гостиной. Но, не дойдя еще до прихожей, вдруг воротилась, быстро подошла к Нине Александровне, взяла ее руку и поднесла ее к губам своим.

- Я ведь и в самом деле не такая, он угадал, - прошептала она быстро, горячо, вся вдруг вспыхнув и покрасневшись, и, повернувшись, вышла на этот раз так быстро, что никто иобразить не успел, зачем это она возвращалась».

Князь Мышкин: ...А вам и не стыдно! Разве вы такая, какую теперь представлялись. Да может ли это быть!

Реплику князя можно «перевести» следующим образом: ‘осознайте ситуацию (а)! вам должно быть стыдно! ваша качественная характеристика не соответствует той резко отрицательной, какую вы демонстрируете (*такая, какую*), ваше поведение неадекватно вашей норме (*да*), ненормальна сама возможность

(*может, ли, инфинитив быть, ИК-3^{VI}*) реализации такой недолжной сущностной характеристики (*это*) (см. ПРИМЕР 1).

Князь действительно говорит с Настасьей Филипповной не как все – многократно подчеркивая ненормальность ее поведения, он не осуждает, но апеллирует к ее истинной, глубинной человеческой сущности. И попадает в цель. Настасья Филипповна вынуждена признать правоту князя - ‘князь и я знаем (*ведь*), что мои качественные характеристики на самом деле не соответствуют тому, что вы видели сейчас (*такая*), знайте это и вы’:

Настасья Филипповна: ...Я ведь и в самом деле не такая, он угадал.

Номинативные средства в данной ситуации оказываются избыточными и отсутствуют.

Наконец, необходимо отметить еще одну особенность коммуникативного уровня, востребованную в творчестве Достоевского. Это органичная передача противоположных, противоречащих друг другу значений в небольшом по объему тексте (что может быть существенно при выборе текстов для обучения РКИ, например). В самом алгоритме развертывания инвариантных значений средств коммуникативного уровня заложена такая возможность – сосуществование антонимических реализаций.

Мысль автора о противоречивости всего сущего находит воплощение в репликах разных героев¹. Каждый человек в мире Достоевского готов противоречить самому себе, не только *да* и *нет* часто оказываются рядом; в пределах одной реплики часты колебания между противоположными позициями, между антонимичными реализациями.

В ПРИМЕРЕ 3 была продемонстрирована смена друг другом взаимоисключающих целеустановок в речи Настасьи Филипповны (ирония по отношению к князю, признание его истинной

¹ «В поэтике Достоевского цельность личности – тяжелая болезнь, симптомом которой является художественная неубедительность образа» [Вайль, Генис: 236], «У Достоевского только разность потенциалов в человеческой душе – источник повествовательной и идеологической энергии» [Там же: 237]. «Достоевский действительно дает высказаться каждому, но лишь для того, чтобы они себя опровергли» [Там же: 237].

«святой» сущности и отрицание ее со ссылкой на болезнь). Приведем другой пример.

ПРИМЕР 6. Настасья Филипповна и князь Мышкин признают, что одновременно имеют место нарушение норм и соответствие интересам, что происходит нечто существенное и в то же время совершенно незначительное.

Настасья Филипповна: *А как же вы меня узнали, что это я? Где вы меня видели прежде? **Что это, в самом деле, я как будто его где-то видела?** ...*

Князь Мышкин: ***Я вас тоже будто видел где-то.***

- Где? Где?

*- **Я ваши глаза точно где-то видел... да этого быть не может! Это я так...** Я здесь никогда и не был. Может быть, во сне...*

*- **Что это, в самом деле, я как будто его где-то видела?**... -* ‘не ориентируюсь в ситуации, не знаю, соответствует ли все происходящее норме’ (*что*), происходит нечто недолжное’ (*это*), ‘но ситуация соответствует моим знаниям и затрагивает мои интересы’ (*то*) – этот смысл не прописан номинативно, таким образом подчеркивается то, что примиряет героиню со сломом норм – соответствие личным интересам;

- Я ваши глаза точно где-то видел... да этого быть не может! Это я так... – ‘констатирую недолжную сущностную характеристику сказанного выше (*это*), неадекватность своего предположения реальной ситуации (*да*), препятствия для реализации (*может*); не соответствую норме (*так*), но это недолжное (*это*) не должно иметь никаких значимых следствий (*так*)’.

Именно коммуникативное **-то** вносит идею глубинной личностной значимости встречи князя Мышкина и Настасьи Филипповны для каждого из них.

Одно языковое средство (**-то** в ПРИМЕРЕ 6, **такая** в ПРИМЕРЕ 5), возникая в речи одного персонажа, часто подхватывается другим, позволяя противопоставить позиции, отношения к происходящему. Повтор на всех уровнях (лексемы, отдельные коммуникативные средства, структуры и целые высказывания;

упомянутое дублирование коммуникативных смыслов номинативными; в речи одного героя и в речи собеседников в масштабе диалога и т.п.) является одной из самых ярких особенностей текста Достоевского. С помощью разных видов повтора происходит осмысление и переосмысление ситуации.

Русский повтор является активным коммуникативным средством и имеет собственные инвариантные параметры, подчиняющиеся алгоритму развертывания, это процесс воздействия, соответствия / несоответствия норме и бенефактивность [Безяева 2016 б: 85].

Подводя итоги, отметим, что в диалоге Достоевского активизируются средства практически всех коммуникативных полей; в частности, приведенные примеры иллюстрировали следующее:

Каждый герой является носителем того или иного **знания**, часто диалог как основное пространство развития сюжета демонстрирует движение от одной позиции к другой, незнание может сменяться знанием (примеры 1, 6).

Понятие **норм** (социума, общечеловеческих и как сложившейся основы каждой личности) – значимое явление в мире героев Достоевского. Частотны ситуации противопоставления норм, иногда в ходе диалога выясняется, что нормы нарушены или, наоборот, казалось, что они нарушены, тогда как это не так (примеры 2, 3, 4, 5, 6).

Сквозным мотивом проходит затронутость **личной сферы** собеседников (примеры 1, 2, 6).

Своеобразно реализуется в диалоге Достоевского поле **бенефактивности**: оценка ситуации и собеседников с точки зрения бенефактивности присутствует, но часто для героев (для князя Мышкина или Настасьи Филипповны) и для развития сюжета оказывается не столь важным, как именно оценены события: как благоприятные или наоборот (примеры 4,).

Приведем еще один пример того, как перечисленные смыслы и приемы Достоевского органично сплетаются в единое целое.

ПРИМЕР 7.

(Настасья Филипповна) *Чем жить-то будешь, коли уж так влюблен, что рогожинскую берешь, за себя-то, за князя-то?..*

(незнание ситуации, непосредственно затрагивающей интересы князя и гипотетически – самой героини (*то*), не соответствует нормам общества; влюблен князь в такой степени, которая не соответствует нормам и представлениям о нормах (он их не учитывает - *уж*), что оценивается как небенефактивное обстоятельство и предполагает небенефактивные следствия (*так*); несоответствие реализующейся ситуации представлениям о норме поведения князя как представителя своего сословия противоречит его интересам (*то*))

- Я вас честную беру, Настасья Филипповна, а не рогожинскую, - сказал князь.

- Это я-то честная?

(‘недолжная сущностная характеристика меня имеет место (*это*), мои представления о норме - я далеко не честная - контрастируют с реализовавшимся вариантом (*то*, предполагаемая модальная ИК-3) и это затрагивает мою личную сферу (*я*)’)

- Вы.

- Ну, это там... из романов!

(‘не ожидала (*ну*) такой недолжной сущностной характеристики себя (*это*), дистанцируюсь от столь бенефактивного отношения, это меня на самом деле не касается, это не имеет отношения к моим интересам (*там*), это не из жизни, а из романов’).

Итак, без коммуникативных смыслов текст Достоевского не существует. В его диалоге коммуникативное первичнее номинативного. Это не удивительно, ведь «Достоевский, говоря парадоксально, мыслил не мыслями, а точками зрения, сознаниями, голосами» [Бахтин 1994]. Именно поэтому здесь оказываются востребованными разные возможности коммуникативных средств: антонимическое развертывание инвариантных параметров и распределение их по позициям собеседников и третьих лиц (алгоритм), коммуникативное дублирование, активизация единиц различных коммуникативных полей (в приведенных примерах работают *то, так, а, и, ведь, это, же, да, тут, еще, правда*, такое русское коммуникативное средство, как *повтор* и др.). В живых

диалогах Достоевского все построено на отношениях, чувствах, намеках, предположениях. Говоря словами М.М.Бахтина, «те "глубины души человеческой", изображение которых Достоевский считал главной задачей своего реализма "в высшем смысле", раскрываются только в напряженном общении» [Там же].

С нашей точки зрения, даже при вынужденном использовании сокращенных вариантов и адаптаций текстов Достоевского на уроках РКИ возможно хотя бы эпизодическое обращение к авторскому тексту. Ключом к его пониманию может стать коммуникативный анализ. Аутентичные диалоги позволяют почувствовать интонацию автора, его посыл.

Следующим шагом на пути знакомства с классикой может стать подключение материала экранизаций произведения. Сравнение нескольких звучащих коммуникативных интерпретаций образов и отношений выводит на новый уровень понимания смыслов литературного текста, а также расширяет человеческий опыт, кругозор и социокультурную компетенцию учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Проблемы творчества Ф.М.Достоевского (1929). Киев, Next, 1994.

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып.7. М., 2005.

Безяева М.Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. №2, 2013.

Безяева М.Г. Коммуникативное поле как единица языка и текста // Слово. Грамматика. Речь. Вып.15. М., 2014. С.101-118.

Безяева М.Г. Инварианты коммуникативных параметров русского «нет» // Слово. Грамматика. Речь. Вып.17. М., 2016а. С.128-155.

Безяева М.Г. Русский повтор как средство коммуникативного уровня языка (материалы к словарю коммуникативных средств) // Stephanos. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. Электронный проект филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2016б, с.83-115.

Брызгунова Е.А. Русская грамматика. Т.1. - М., 1980. Т.2 – М., 1982.

Вайль П., Генис А. Страшный суд. Достоевский. // Вайль П., Генис А. Родная речь: Уроки изящной словесности. М., 1999.

Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 6. Л., «Наука», 1989.

Достоевский Ф.М. Идиот. Роман в четырех частях (адаптация). СПб., «Златоуст», 2013.

Olga V. Chalova

PhD, Lomonosov MSU, Russia Moscow

ovelikoborceva@yandex.ru

**THE FUNCTIONAL ROLE OF RUSSIAN COMMUNICATIVE MEANS
IN THE WORKS OF FICTION
(IN “THE IDIOT” BY FYODOR DOSTOEVSKY)**

This article focuses on the functional role of Russian communicative semantics (such means as **что, как, какой, так, такой, это, -то, а, и, да, ведь, это, ещё, правда, repetition** and others) in “The Idiot” by F. Dostoyevsky. The Russian language communicative level means perform different functions in the works of fiction: they form the characters and reflect the type of their relationships. What the native Russian readers feel intuitively can be shown to the foreign readers by the means of a semantic communicative analysis.

Key words: communicative language level; a semantic communicative analysis; the language means functions in the works of fiction.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ковалевская Татьяна Вячеславовна
профессор кафедры иностранных языков факультета
международных отношений и зарубежного регионоведения Ис-
торико-архивного института Российского государственного
гуманитарного университета, Россия, Москва
tkowalewska@yandex.ru

«СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ» АНДРЕЯ БЕЛОГО: ПОЭТ В ПРОЗЕ

В данной статье рассматриваются стилистические, аллюзивные и идейные особенности романа Андрея Белого «Серебряный голубь», своеобразии языка и формы романа. «Серебряный голубь» трактуется в рамках трансгуманистического и мифологического поиска Серебряного века. Совмещение характерных для поэтических текстов идейных установок и взаимоотношений между «я» героя и «я» читателя и одновременно прозаической формы, требующей иных установок и отношений, представляется основной характерной чертой романа, дополненной сугубо реминисцентным построением текста, что приводит к трудности восприятия текста и к телеологической неудаче героя, а также, возможно, и автора.

Ключевые слова: трансгуманизм, поэт как культурный герой, аллюзивная структура, Серебряный век, мифотворчество

Интерес к русскому языку стимулируется у иностранных учащихся разными мотивами, как прагматическими, начиная от ведения бизнеса и до изучения геополитического противника, так и более идеалистическими, например, желанием читать и, возможно, в будущем профессионально исследовать русскую литературу. При этом даже на стадии изучения язык студенты часто выбирают для чтения тексты, которые могут показаться преподавателям неожиданными, например, предпочесть поэзию В. Хлебникова, нелегкую для восприятия даже носителями языка, гораздо более прозрачной и внятной поэзии Н. Гумилева или А. Ахматовой. Поэтому анализ художественных произведений следует считать неотъемлемой частью процесса изучения русского языка,

прежде всего на продвинутых стадиях, и нужно обращаться к самому широкому спектру текстов, особенно к текстам сложным с чисто языковой точки зрения. Особый интерес для учащихся могут представлять словотворчество (Хлебников), поэзия абсурда (обериуты), а также ошибки, как намеренно, так и случайно сделанные автором (всем памятен диалог переводчика Бузыкина и его датского коллеги в фильме «Осенний марафон», где датчанин порывается исправить «облизьяну зеленую» у Достоевского). Отдельную проблему в понимании любого текста составляет его аллюзивный план, задача сопоставления горизонтов ожидания [Хализев 2002: 115–117] читателя и писателя¹, и в этом отношении возможно включать в план работы со студентами наиболее аллюзивно насыщенные тексты русской культуры.

В данной статье будет рассмотрен роман Андрея Белого «Серебряный голубь». Он соответствует множеству заданных нами критериев. Он настолько переполнен аллюзиями, что реминисценции становятся его смыслом, как мы увидим далее, и в силу этого он не всегда внятно прочитываем на обычном текстовом уровне. В нем есть забавные авторские ошибки. Но, главное, он посвящен ключевым темам русской и, шире, европейской культуры – телеологии человеческого бытия и телеологии поэтического бытия. «Серебряный голубь» дает возможность начать с базового уровня текста, его проработки на словарном уровне, перейти к рассмотрению тенденций языкового развития, а затем выйти на уровень проблематики русской и европейской культуры в целом.

Характерной чертой текста романа является совмещение поэтической задачи и прозаической формы ее решения, т.е. вопрос телеологии бытия поэта решается в прозаическом тексте, и это

¹ Читателю эпохи постмодернизма (или постпостмодернизма, если угодно) хорошо знакома задача сложить головоломку из авторских аллюзий, что часто является единственным смыслом произведения, прочитав которое, читатель может удовлетворенно констатировать, что и он столь же умен и начитан, как и автор. Однако применительно к началу XX в. аллюзивность не только играла роль загадываемой читателю загадки, но и имела глубинный художественный смысл, создавая множественность контекстов, подтекстов и пересекающихся точек зрения. Поэтому прочтение подобной аллюзивности также может стать предметом обучения.

обуславливает особенности развязки романа. Если поэзия эгоцентрична, прежде всего замкнута на «я» поэта по молчаливому договору между автором и читателем, то прозаический текст возвращается к конкретному социально–политическому хронотопу жизни в России. Но с другой стороны, данный прозаический текст, как мы увидим, выстроен по поэтическим принципам, где слово первично, а носитель слова – вторичен, если не третичен. Текст Белого построен на цитатах, аллюзиях и заимствованиях, которые важны сами по себе, часто в отрыве от конкретного персонажа. По сути, прозаический текст строится в значительной степени как поэтический.

Кроме общих проблем бытия человека в целом и бытия поэта в частности, в романе Белого также происходит возвращение к одному из ключевых (и часто абстрактно решаемых) вопросов русской литературы XIX в. – взаимоотношения дворянства/интеллигенции и абстрактно понимаемого «народа». Лучше всего на эту тему высказался Достоевский в «Записках из Мертвого дома», соприкоснувшись с народом не теоретически, а весьма практически, в омском остроге. Благородные, говорит его рассказчик Горянчиков,

разделены с простонародьем глубочайшею бездной, и это замечается вполне только тогда, когда благородный вдруг сам, силою внешних обстоятельств, действительно, на деле лишится прежних прав своих и обратится в простонародье. Не то хоть всю жизнь свою знайте с народом, хоть сорок лет сряду каждый день сходитесь с ним, по службе, например, в условно-административных формах, или даже так, просто по-дружески, в виде благодетеля и в некотором смысле отца, - никогда самой сущности не узнает. Все будет только оптический обман, и ничего больше. Я ведь знаю, что все, решительно все, читая мое замечание, скажут, что я преувеличиваю. Но я убежден, что оно верно. Я убедился не книжно, не умозрительно, а в действительности и имел очень довольно времени, чтобы проверить мои убеждения. Может быть, впоследствии все узнают, до какой степени это справедливо... (Достоевский 1972–1990, IV: 198–199)

XX век наследует от XIX две противоположных традиции – традицию возлагания на народ всех чаяний и упований интеллигенции («от народа спасение Руси» [Достоевский 1972–1990,

XIV: 285]) и традицию опасения и страха («не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [Пушкин 1981: 338]), которые и прежде иногда причудливо переплетались в творчестве одного и того же писателя, и роман Белого здесь – очередной прекрасный пример. Здесь ключом к доминанте одной из этих точек зрения становилось восприятие насилия и кровопролития каждым отдельным писателем, складывавшееся под влиянием множества факторов. К рубежу XIX-XX вв. возник новый фактор – мифотворчество¹. Мифология превратилась из дополнительного выразительного средства (когда Пушкин пишет об Авроре, он просто находит еще один синоним к слову «заря», не имея в виду никаких далеко идущих мифологических аллюзий) в новый способ постижения и осмысления мира. Однако мифология – стихия immoralная. Вернее, мифология – это мир, в котором нравственность или безнравственность определяется не столько поступком, сколько функцией совершающего поступок персонажа. Поэтому попытка Бабы-Яги сделать из героя жаркое

¹ Мифологию можно трактовать множеством различных способов. Например, можно воспользоваться определением А.Ф. Лосева: «Миф есть в словах данная чудесная личностная история» [Лосев 1990: 397], но это – не классическая мифология. В сочетании с даваемым Лосевым определением чуда («Чудо – диалектический синтез двух планов личности, когда она целиком и насковзь выполняет на себе лежащее в глубине ее исторического развития задание первообраза» [Лосев 1990: 550]) становится ясно, что Лосев пытается, изящно говоря, ввести, а попросту контрабандой протасить в атеистический советский научно-философский оборот христианский понятийный аппарат, прикрыв его соусом мифологии. Определения Лосева – суть определения деяния Христа, но никоим образом не явлений или сути традиционной мифологии, которая не только не личностна, но и во многом принципиально внеличностна что и обуславливает ее универсальность. Ближе к духу Серебряного века определение Вяч. Иванова, для которого «миф - объективная правда о сущем. Миф есть чистейшая форма озаменованной поэзии. <...> Новый же миф есть новое откровение тех же реальностей; и как не может случиться, чтобы кем-либо втайне обретенное постижение некоторой безусловной истины не сделалось всеобщим, как только это постижение возведено хотя бы немногим, так невозможно, чтобы адекватное озаменованное раскрывшейся познающему духу объективной правды о вещах, не было принято всеми, как нечто важное, вернее необходимое, и не стало бы истинным мифом, в смысле общепринятой формы эстетического и мистического восприятия этой новой правды» [Иванов 1971: 554–555]. Можно просто пользоваться традиционным пониманием мифологии, начинающейся с космогонии и заканчивающейся эсхатологией и выстраивающей отношения человека со вселенной в этих рамках. Именно на это понимание мы и будем ориентироваться.

– зло, а аналогичный поступок героя, увенчавшийся успехом, – добро. В мире, насыщенном мифологическими категориями, насилие и кровопролитие могут восприниматься исключительно в связи с тем, *кто именно* проливает кровь. Поэтому Блок вполне может сказать в «Двенадцати»:

Мировой пожар в крови –
Господи, благослови!

Впрочем, ирония здесь прежде всего в том, что, в отличие от мифологии, Блок здесь скорее возвращается к знаменитой формуле иезуитов “цель оправдывает средства”. Хотя для героя волшебной сказки, запекающего ведьму в печке, как, впрочем, и для самой ведьмы, мотивации не выходят за пределы их собственного существования, но взгляд извне, взгляд исследователя или художника (а Блок был как художником, так и исследователем) видит то, что скрыто от героев – их поступки объясняются внеличностной причиной, и они действуют так, как действуют, потому что их поступки – магическое действие, направленное в конечном итоге на продолжение существования человечества в целом и рода героя в частности. Но для самого героя это объяснение – почти по Фрейдю – глубоко в бессознательном. Для поэта XX века цель – прежде всего цель надличностная, спасение всего человечества безотносительно конкретного существования отдельного человека. То, что находится вне стихии нравственности в волшебной сказке, оказывается безнравственным для интеллектуала-интеллигента XX века, живущего в ином мире, нежели мифологический герой, ставший поэту примером для подражания.

Рубеж веков – также время бурных экспериментов с формой, зачастую мало обусловленных содержанием. «Серебряный голубь» – это текст, страдающий как противоречивым идейным посланием, так и сложной экспериментальной формой, мало оправдывающей себя в процессе попыток разобраться в романе. В значительной степени роман губит именно уникальный эксперимент, который поставил Белый над текстом – отрыв текста от произносящего его персонажа. Текст оказывается самодостаточной единицей, которая может быть легко оторвана от произносящего ее человека и от действий, производимых этим человеком. Именно это и приводит к разрыву между текстом и фабулой, потому что для убедительности фабулы поступки героев должны

находиться в таких отношениях со словом героев и рассказчика, которые можно понять. Но у Белого иногда вообще трудно понять, где чье слово, но легко увидеть, что это слово – почти всегда чужое. В этом он находится, впрочем, вполне в русле традиционной символистской поэтики: «...одной из характерных черт имплицитной поэтики символизма <...> оказывается направленность литературы на самое себя (ср. цитатность сюжетов, литературных образов, принципов организации художественного текста и т.д. – вплоть до уровня мифов, идей) – черта, присущая еще эстетике немецкого романтизма» [Пустьгина 1975: 143]. Однако Белый доводит цитатность до предела, до абсурда, и в этом-то и состоит проблема «Серебряного голубя».

Роман Белого можно прочесть как попытку говорить с читателем цитатами, надеясь, что опыт читателя равен опыту Белого и что читатель сможет сделать выводы не на основе самого романа, но на основе его подтекстов. Сам текст «Серебряного голубя» – это механизм активации в сознании читателя нужных Белому реминисценций. «Символистский прозаический текст-‘миф’ <...> строится на взаимодействии двух основных смысловых рядов: а) изображения современной автору действительности, б) ориентации при этом повествования на различные литературные традиции» [Данилевский 1991: 597].

Писательская родословная Белого становится очевидной с первых же строк романа, равно как и притязания, которые Белый отчетливо видел в романе три года спустя после его окончания. «Многие приняли *секту голубей* за хлыстов; согласен, что есть в этой секте признаки, роднящие ее с хлыстовством, но хлыстовство как один из ферментов религиозного брожения не адекватно существующим кристаллизованным формам у хлыстов; оно – в процессе развития; и в этом смысле *голубей*, изображенных мною, как секты не существует; но они – возможны со всеми своими безумными уклонами; в этом смысле *голуби* мои вполне реальные» [Белый 2001: 158] Нельзя не узнать в этом предисловии Белого вариацию предисловия к «Запискам из подполья»: «И автор записок и самые «Записки», разумеется, вымышлены. Тем не менее такие лица, как сочинитель таких записок, не только могут, но даже должны существовать в нашем обществе, взяв в соображение те обстоятельства, при которых вообще складывалось

наше общество» (Достоевский 1972–1990, V: 99). Далее Достоевский продолжает: «Я хотел вывести перед лицо публики, повиднее обыкновенного, один из характеров протекшего недавно времени. Это – один из представителей еще доживающего поколения». В некотором смысле можно сказать, что Достоевский в «Записках из подполья» заинтересован в *прошлом*, в том, чтобы показать начало тех героев, которых он будет переводить из романа в роман, тогда как Белого интересует *будущее*, развитие того, что уже есть. Но обоих интересует прежде всего развитие общества, а не интимная история из жизни узкого круга лиц. Этим роман Белого резко отличается, например, от готического романа или романа-рассказа ужасов, которому он многим обязан. Даже мотив вампиризма переосмысливается в социальном ключе:

Другую же половину занимал сам «кровопивец», Евстигнеев Яков, с пухлой супругой, дававшей приплод чуть ли не два раза в год, и с белобрысыми детишками, кровопивчиками, свежесть, младость и кровь которых, откровенно говоря, принадлежали скромным гробикам, не обитым глазетом, вывозимым из Гуголева на целебеевский погост: недаром же Евстигнеев Яков уже пять лет у нас тут присосался, как пиявка, к народу – пил запекшимися устами его кровь и прослыл колдуном [Белый 2001: 234].

Это уже не «Упырь» или «Семья вурдалака» А.К.Толстого и не «Дракула» Брэма Стокера. Это социальный памфлет, в духе времени смешанный с готическими ужасами. Социальное у Белого неотделимо от мистического. Но, в отличие от Достоевского, редко делавшего сочинителей героями своих произведений (а если и так, то еще реже они занимались собственно художественным сочинительством, в основном трудились над вопросами церковными, как Василий Ордынов из «Хозяйки» и Иван Карамазов), Белый делает Дарьяльского поэтом, таким образом вводя его в круг литературных героев и реальных людей, стремившихся к той или иной форме *трансгуманизма*. Именно трансгуманизм оказывается телосом человечества в целом, о чем писал Н. Бостром, прослеживая зачатки трансгуманизма к истории Гильгамеша [Bostrom]. Однако мифологический трансгуманизм Серебряного века имеет особую христианизированную форму, и здесь поэт оказывается изначально трансгуманным существом,

культурным героем или героем/героиней близнечного мифа, призванным способствовать преобразованию мира, но, в христианском духе, также несущим ответственность за падение мира и долженствующим также совершить и самопожертвенный акт искупления.

Хлыстовство и другие секты, видимо, интересуют Белого не просто как форма духовного поиска, но как форма поиска трансгуманизма: А.Эткинд писал, в частности, о том, что в акте кастрации скопцы полагали достичь бессмертия (т.е. обрести божественное свойство) при жизни:

По-видимому, именно обещание физического бессмертия и было тайной невероятного успеха, которым сопровождался прозелитизм скопцов. <...> Похоже, что в отличие от большинства мировых религий, окончательное вознаграждение ожидалось скопцами не на том свете, а непосредственно на этом. Живыми в этом секте называли скопцов, а мертвыми – всех остальных. <...> Поскольку Второе пришествие уже произошло и Христом является Селиванов, - постольку люди уже живут в апокалиптическом мире. И рай, и ад соседствуют на этой земле; оскопленные оказываются в раю с самой минуты оскпления. Следовательно, оскпление делает людей не только блаженными, но и бессмертными на этой земле. [Эткинд 1995: 151]

В хлыстовстве Белого прежде всего интересует почитание хлыстовских богородиц, христов и перверсивные сексуальные практики, накладывавшиеся на мотивы священной проституции, известные мифологам серебряного века по книге Дж. Фрейзера «Золотая ветвь». Кроме того, как отмечалось в критике, в хлыстовских радениях интеллигенция с некоторым умилением обнаружила свой давний идеал единения, чуть ли не соборности. Впрочем, еще внимательному читателю Достоевского становилось ясно, что в своей жажде соборности человек был готов принять за нее что угодно, пусть даже человеческий муравейник, лишь бы испытывать чувство локтя ближнего своего.

Когда Белый говорит, что его голуби – не хлысты, он совершенно прав, потому что голубей Белого отличают от хлыстов две черты – их попытки создать божество средствами евгеники, совокупление заранее предназначенных друг другу людей для произведения на свет эдакого сверхчеловека (вообще не отмеченное

в русском сектанстве), а также мирный, торжественный характер их молений. Белый избавляется от дионисийского, безумного характера кружений, хлыстовских радений, даже продолжая называть их радениями:

Уже они кружатся, взявшись за руки, вокруг столяра хороводом; *тихо, строго и чинно ходят*: не пляшут, – им плясать не дозволено; бедствие может великое приключиться от пляса: - не пляшут, а ходят, хоровод водят, тихую такую песенку заводят. <...> А между ними тихохонько, в золотом, в голубом воздухе поворачивается с чашечкой масла молитвенник <...> С ними – блаженное усупение и вечный покой [Белый 2001: 207]; (курсив мой – Т.К.).

В критике, разумеется, отмечалась двойственность «Серебряного голубя», и она получает свое истолкование: «Идеи “С[еребряного] г[олубя]” колеблются между двумя авторскими позициями. Одна отражена в лирических отступлениях “С[еребряного] г[олубя]”, и ее можно характеризовать как про-народническую. Другая позиция заключена в фабуле “С[еребряного] г[олубя]” и особенно в финальных его событиях, в разочаровании его героя и его отвратительном убийстве» [Белый 2001, 399]. Эткин, вслед за Ивановым-Разумником в его анализе «Петербурга», считает, что это происходит оттого, что «по мере того, как писался текст, интенции менялись; но они сохранились в нем, образуя своего сюжетные складки и эмоциональные несогласованности. В этом внутреннем пространстве текста разворачиваются его противоречия, главная его динамика, для одних читателей разрушительная, для других продуктивная» [Эткин 1998: 397].

Однако текст «Серебряного голубя» гораздо меньше текста «Петербурга», и переработка этого сравнительно небольшого текста не должна была бы вызвать у Белого особых трудностей. Написанное в 1912 году предисловие показывает, что Белый возвращался к роману в течение достаточного времени, чтобы убрать наиболее очевидные, стилистические «огрехи». Но в tomto и дело, что противоречия в романе можно отметить не только при сравнении разных фрагментов текста, но и в сравнении отрывков в рамках одного и того же фрагмента.

Язык романа – это тема отдельного разбора, но необходимо отметить, что целое романа меньше суммы своих частей. Тщательно стилизованное повествование, полагающееся не столько

на знания реальной жизни, сколько на «интуицию поэта» [Эткинд 1998: 416], не только претенциозно и утомительно, но даже несколько смешно. «Крестьянская» звукопись очень часто представляет собой просто фонетическую запись речи: «Ты уж миня не учи: я еще умней сибя не встречал; уж ты мне паверь <...> уж это я тебе аткрываю по дружбе» [Белый 2001: 367]; использование диалектных слов выдает их незнание или отсутствие интереса к тому, что они действительно значат: «Ядреная баба: из-под баски красной полные бабьины заходили груди» [Белый 2001: 229]. У Матрены не только странные верования, но и более чем странная анатомия или же странная манера одеваться, если груди у нее находятся под воланом, пришиваемым к поясу юбки. Давая простонародную форму слова «клирос», Белый вместо «крылос» (см. Гоголь, «Ночь перед Рождеством») пишет «клырос» [Белый 2001: 262]. Еще труднее списать эти ошибки на рассказчика, который за столько лет жизни в деревне мог бы узнать, что такое баска и как народ произносит слово «клирос».

Стоит отметить, что неверное словоупотребление уже использовалось в качестве приема в «Господине Прохарчине» Достоевского. Заглавный герой рассказа постоянно говорит, что ему надо содержать свою золовку, и никто из многочисленных жильцов, вместе с ним снимающих комнаты, не ловит его на ошибке. Золовка – сестра мужа, и у господина Прохарчина ее никак быть не может. В Словаре В.И. Даля фиксируется значение «братнина жена» для Олонецкой губернии [Даль 1955: 691], но вряд ли жильцы петербургской квартиры были осведомлены о таких диалектных тонкостях. Любопытно, что Национальный корпус русского языка фиксирует употребление слова «золовка» для XIX в. только женщинами в отношении родственниц по браку, но в XX в. это слово употребляется и мужчинами в отношении своих родственниц по браку. Вполне вероятно, что Достоевский использовал это слово, чтобы подчеркнуть распадение человеческих связей – соседи Прохарчина либо просто не слушают, что он говорит, т.е. люди живут рядом, не обращая друг на друга внимания, либо вообще не представляют структуру большой семьи и наименования разных форм родства. Однако маловероятно, что ошибочное употребление слова «баска» в «Серебряном голубе» представляет собой аналогичный художественный прием.

При всей тщательности стилизации в отдельных кусках романа, в целом она все время нарушается, и иногда рассказчик говорит совершенно разными стилями. Его стиль ломает не только язык и анатомию людей, но и отношения между предметами, и не пружина вонзается в человека, а человек – в пружину: посреди дивана «торчала сломанная пружина, так что неопытный гость мог вонзиться в нее» [Белый 2001: 179]. Иногда слова не только фигурируют сразу в нескольких значениях, так что читателю вообще не ясно, какое выбрать, но слова просто не равны самим себе. Как, например, понимать следующий отрывок: «Слова Дарьяльского в людских отдавались ушах что ни на есть ненужным ломаньем <...> еще более чем выламыванье из себя *простака*, потому что *простак* в нем уживался с уму непостижимой простотою, глухотою и слепотою к что ни на есть всему» [Белый 2001: 231]. «Выламыванье» может означать как «манерность», так и «искоренение»; что делать с «простакон», который в Дарьяльском уживается сам с собой, т.е. с «простотою», хотя логика требует уживания с чем-то хоть сколько-нибудь противоположным? Впрочем, с противоположностями дела у рассказчика, на первый взгляд, обстоят особенно плохо: «Степан Иванов был буйного нрава; наоборот: родитель его, Иван Степанов, был нрава крутого» [Белый 2001: 262]. «Буйный» и «крутой» не синонимы в полном смысле слова, но уж никак и не антонимы. Какое же здесь, казалось бы, «наоборот»?

Это происходит потому, что слова, каждое в отдельности и даже в их словосочетаниях, не так важны, как история их употребления. Слова имеют смысл не сами по себе, а как отсылка к понятиям русской культуры и западноевропейской культуры. Это становится особенно очевидно при рассмотрении двух ключевых понятий романа: слов «голубь» и «быть в духе». На протяжении самого текста они используются как в мистическом, так и совершенно привычном смыслах. О Дарьяльском говорится однажды, что он «не в духе», прежде всего имея в виду его скверное настроение, а описание Матрены и Дарьяльского в конце романа напоминает о том, что «голубками» издавна и без всякого сектантского подтекста называли влюбленных. И важно здесь прежде всего то, что слова «в виде холубине» и «святодух» могут быть связаны не только сектами, но с куда более близким Белому

источником – «Братьями Карамазовыми» Достоевского. Именно там отец Ферапонт, вечный противник старца Зосимы, имеет постоянное общение с некоей сущностью, которую он именует святодухом, резко отличая от Святого Духа:

– Правда ли, <...> будто со Святым Духом непрерывное общение имеете?

– Слетает. Бывает. <...>

– Святой Дух в виде голубине?

– То Святой Дух, а то Святодух. Святодух иное, тот может и другою птицею снизойти: ино ласточкой, ино щеглом, а ино и синицею. [Достоевский 1972-1990, XIV: 154].

Роман настолько насыщен, и даже перенасыщен, аллюзиями на предшествующие тексты, что им мог бы гордиться самый закоренелый постмодернист XX в. Он словно бы составлен из фрагментов предшествующей эпохи, тем самым воплощая в себе ключевую проблему романтической литературы века XIX – жизнь, проживаемую не в жизни, а в тексте. «Я вступил в эту жизнь, уже пережив ее мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге» [Лермонтов 1976: 138]. Белый переживает проблему своего героя, проблему поиска своего места и воплощения своего предназначения в мире, в контексте ранее созданных текстов, и без них понять его роман невозможно. Ссылкой на Достоевского дух «голубей» выводится за пределы христианского духа более определенно, чем это могли бы сделать любые рассуждения рассказчика, совершенно запутавшегося в происходящем.

Более или менее четко можно только определить только основные узлы и группы действующих лиц, но отношения между ними описываются не напрямую, а через сложную систему отсылок к предшествующим текстам, так что позиция читателя определяется не столько его отношением к тексту Белого, сколько его отношением к текстам, на которые Белый опирается.

Тогда становится понятным, почему диалог зачастую выстроен и записан так, что совершенно непонятно, кому принадлежат отдельные реплики. Их индивидуальная принадлежность в рамках «Серебряного голубя» неважна, потому что понимание

романа строится не на них, а на тех текстах, к которым они отсылают. Это становится видно из следующего, например, отрывка, явно ориентированного на Достоевского:

[С] - Видит Бох, што ефатат твой с купцом паступак церкви нашей дело угодное.

[К] - А ты зубы-то не заговаривай: как там церква!

Прилетела желтая муха и села на нос к столяру.

[С] - Да ведь тах-га ано, без церкви, хрех...

[К] - Коли так, без церкви, оно грех, то оно и по-всякому выходит, что грех...

Столяр согнал муху: она описала круг и мертвенно уселась на скатерть, обтирая ножками поганое желтое брюшко.

[С] - Ну вот, нашел с чем равнять: са смертаубивством.

[К] - А то разве не убивство? Да ты не дыхай: греха-то ведь нет.

[С] - Как нет?

[К] - Да так: все ведь то адна бабья рассказня; а муху-то ты придави; ана – трупная...

[С] - Да што же есть, кали хреха нет?

Трупная муха снялась и улетела.

[К] - Да ничаво нет.

[С] - А Он, праведно судящий на небеси?

[К] - Чего-сь?

Муха села на палец Дарьяльскому.

[С] - Ты уж миня не учи: я еще умней себя не встречал; уж ты мне паверь: ежели грех есть, то касательно Луки Силыча травления ты, почитай, супостат явный; уж я это тебе открываю по дружбе: и церковью ты не накрывайся; только – греха нет: ничаво нет – ни церкви, ни судящего на небеси.

[К] - Да пастой!..

[С] - А чаво мне стаять: как я ему всыпал, так вот и понял, што и нет ничаво; хоть шаром покати; адна пустота; што курятина, што человеческое естество – плоть единая, непрекословная... [Белый 2001: 366–367].

В этом разговоре участвуют медник Сухоруков и столяр Кудяров; Дарьяльский сидит в другом углу с Евсеичем. Но он вдруг словно бы оказывается участником разговора благодаря

трупной мухе; распределение реплик между Кудеяровым и Сухоруковым становится возможным ближе к концу отрывка: фраза «ты уж меня не учи: я еще умней себя не встречал» позволяет приписать соответствующую реплику меднику Сухорукову. Если считать, что беседующие чередуют реплики, как и положено в диалоге, и соответственно распределить между ними реплики (помечено буквами С – Сухоруков и К – Кудеяров в квадратных скобках в начале каждой фразы), то получится, что один и тот же персонаж то задает вопрос, то дает на него ответ, то снова задает тот же вопрос. Так, вначале Кудеяров говорит, что греха нет, а с ним вроде бы спорит Сухоруков, а потом то же самое утверждает Сухоруков, а с ним уже спорит Кудеяров. Кроме того, отравил Луку Силыча не непосредственно медник, а Аннушка Голубятня, от которой он требовал всыпать яд, но все эти попытки распределения действий и мнений по персонажам не имеют значения, потому что читатель немедленно узнает двойной литературный источник этого спора – беседу Ивана Карамазова с Федором Павловичем, при которой присутствует Смердяков, и диалог, который подслушивает Раскольников в трактире, из которого он узнает про старуху, Лизавету и слышит повторение собственных мыслей о допустимости убийства. Только последовательность действия и мысли в «Серебряном голубе» иная, чем в «Братьях Карамазовых» и «Преступлении и наказании»: Иван, как и Раскольников, как и другие герои Достоевского, идет от мысли к делу, и это его губит. Акт убийства и его воздействие на душу человека подрывают мысль, теоретически разрешавшую убийство. Это связывается с традиционной рефлексивностью героев-интеллигентов и их неспособностью действовать. В «Серебряном голубе» развитие идет от действия к мысли и, таким образом, нет душевной необходимости отказываться от теории из-за ее противоречия реальной жизни души. Это также вполне укладывается в представление о народе как источнике действия, в отличие от бесплодной рефлексии интеллигенции. Белый снова отталкивается от Достоевского, одновременно продолжая его традицию, а читатель обретает для себя более четкую точку отсчета, чем размытые построения рассказчика «Серебряного голубя». Определен один из полюсов романа – святотатственное самообожение

человека, взявшего на себя дело Бога – отмерять длину человеческой жизни. Но как неважно, кто именно из беседующих стоит за Бога, а кто – за самообожение человека, и они свободно обмениваются взглядами на протяжении одной сцены, так и на большей шкале романа неважно, кто говорит что, потому что сущность сказанного остается неизменной.

Поэтому иногда герои доходят от того, что отвечают на реплики рассказчика. Например:

Ласточка, как нетопырь, крыльями расстригает террасу и туда, и сюда, бьется она и тут, и там, и вот уже она там: улетела:

- Вовсе это не ласточка, а стриж, - удивляется Катя. [Белый 2001: 229]

Им все равно, с кем говорить, и рассказчик оказывается таким же героем, как и все остальные, и Белый нарушает все литературные условности, заставляя персонажей беседовать с ним непосредственно. Возможно, технику Белого можно возвести к диалогизму Достоевского, который далеко не так радикален, как разговоры персонажей с рассказчиком, который, собственно говоря, даже не присутствует в саду, но все же прослеживается нечто общее в желании вступить в диалог с отсутствующим, но подразумеваемым человеком.

Многие реплики вообще не имеют смысла, как и присутствие в романе огромного количества персонажей. Таковы генерал Чижиков, поп Вукол, попадья, попята, помещик Уткин и его дочери, дьячок Александр Иванович, Иван Степанов и Степан Иванов.¹ Их участие в сюжете минимально, и их исключение убавило бы роману загадочности и колоритности (попробуйте с ходу узнать в слове «бегогоговенький» генерала Чижикова слово «белоголовенький»!), но не отняло бы от развития основного для Белого сюжета. Они необходимы лишь затем, чтобы ввести в роман новые аллюзии, новые и новые пласты чужого слова.

¹ Современному читателю кажется странным то, что Белый предпочитает называть Степана Иванова не по фамилии или прозвищу, а по отчеству. О возникновении фамилий в России см.: Б.А. Успенский. Социальная жизнь русских фамилий. // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 203-205.

Отсюда постоянно цитируемые песни, от городского романа до революционных песен, и отсюда необходимость цитировать духовные стихи, чтобы дать голос и самим сектантам. Но у духовных стихов и распевцов нет той узнаваемости, как у аллюзий на Гоголя, Толстого, Достоевского и даже Эдгара По¹. Белый несколько раз дает двустилишие, непосредственно указывающее на суть поисков и ожиданий сектантов:

Светел, ой светел воздух холубой,

В воздухе том светел дух дорогой. [Белый 2001: 207].

Однажды Белый делает нечто более интересное – для Дарьяльского распевец голубей связывается со стихотворением Блока «Милый брат! Завечерело...»:

Был я Богом посещен

От младенческих пелен...

Господи, помилуй!

Мы, оставя всех родных,

Заключась в полях пустых,

Господи, помилуй!..

В бесконечных временах

Нам радость в небесах,

Господи, помилуй! [Белый 2001: 324].

Небо – в зареве лиловом,

Свет лиловый на снегах,

Словно мы – в пространстве новом,

Словно – в новых временах. <...>

Возвратясь, уютно ляжем

Перед печкой на ковре

И тихонько перескажем

Все, что видели, сестре...

Кончим. Тихо встанет с кресел,

Молчалива и строга.

Скажет каждому: «Будь весел.

За окном лежат снега» [Блок 1968: 205–206].

¹ В числе подтекстов романа – русские сказки, русские легенды, изданные Афанасьевым, Эдгар По, Шарль Перро, собраты-символисты, например, Сологуб, Тютчев, но прежде всего – Гоголь и Достоевский.

Вот так (*sapientī sat*) отношения Дарьяльского с Матреной и Кудеяровым проецируются на отношения самого Белого с Блоком и Любовью Менделеевой-Блок, которую в этом стихотворении называют сестрой, и поиски Дарьяльского оказываются мотивированными не только внутренней логикой происходящего и гипнотическими способностями Кудеярова, столько литературной логикой происходящего, но и событиями, находящимися на пересечении литературы и реальности – поисками Блока, его попыткой воплотить в жизнь легенду о Прекрасной даме, и тем, как это затронуло Белого.

Разумеется, для литературного воплощения литературно-биографических метаний Белого и его героя существовали и иные причины. Традиционная интеллигентская фронда приводила к тому, что Белый неизбежно испытывал стремление обоготворить народ и увидеть в нем свершение богоискательских и богостроительских чаяний интеллигенции. С другой стороны, литература XIX в. оставила достаточно предостережений, чтобы не бросаться в омут головой. В итоге Белый не видит для своего героя (и, скорее всего, для себя тоже) никакого выхода.

В конце концов прием Белого, а также попытка создать в прозе поэтически цитатный текст, бьет по самому роману. Во-первых, чужое и в силу этого иногда чужеродно звучащее слово создает странное впечатление в прозаическом тексте. За выстроенностью и сложностью стиля, за теми требованиями, которые такой стиль предъявляет читателю, которому даже не всегда понятно, читать его как прозу или как стихи, сложнее разглядеть тот факт, что основной посыл романа распадается, и хотя понятно, в чем дело, потому что в романе узнаваемы знакомые голоса и идеи прошлого, но совершенно непонятно, как эти голоса и идеи сочетаются в новом тексте. Происходит это потому, что Белый пытается выстроить текст на двух противоречивых предпосылках – на текстах писателей XIX в., Достоевского, Гоголя, Толстого и других, и представлениях рубежа веков – XX в., использовавших мифологические категории, чтобы переосмыслить и ввести в рамки приемлемости то, что ранее считалось неприемлемым.

Начиная с Нового времени, с трагедий Шекспира и даже с «Дон-Кихота» Сервантеса, и вплоть до пятикнижия Достоев-

ского, проблема поиска трансгуманистического, сверхчеловеческого, божественного состояния человека представлялась теоматическим телосом человека, обреченного на провал в попытках его достижения. Попытки объявить себя тем «я» (или даже «Я»), которое определяет ход бытия или, по крайней мере ход жизни или длину жизни людей, окружающих это «я», неизменно проваливались, упираясь прежде всего во множество иных «я», равных «я», вовлеченному в трансгуманистический поиск.

Прорыв в этом поиске наступил с переводом его в формат лирической поэзии. Новые попытки осуществлялись в стихах и совершались в рамках поэтических текстах, в рамках единого сознания лирического героя, которое занимало собой все пространство текста и его смыслов. Когда поэтическое сознание становится центром всего текста и его смыслов, между ним и другими сознаниями выстраиваются особенные отношения. Проблема соотношения «я» - «другой», в которую упирались как прозаические, так и драматические произведения Нового времени, ставившие в центр внимания проблему трансгуманизма в любом проявлении, приобретает совершенно иные очертания применительно к поэтическому тексту. В поэтическом тексте формата лирического стихотворения практически неизменно есть место только одному сознанию и одной субъективности – сознанию поэта, и «другое» сознание, сознание читателя, признает за субъективностью поэта право на доминантное положение в силу установившихся особенностей самого жанра лирической поэзии, по определению сосредоточенного на одной субъективности. Поэтому представления о поэте как трансгуманном культурном герое у других поэтов Серебряного века (например, у Цветаевой, Гумилева, Мандельштама и Хлебникова) вполне удачны. Однако при возвращении проблематики трансгуманизма в сферу прозаического текста своего рода «металитературный договор» о согласии на признание за субъективностью поэта права на безусловное доминирование оказывается расторгнутым. Поэтический в своем стиле, но написанный в прозе роман Белого снова сталкивается с проблемой того, что за героем больше не признается автоматического права на господство в реальности, пусть даже в реальности художественного произведения.

Поэт Дарьяльский, живущий и действующий в рамках прозаического текста, пытается решить ту же поэтическую задачу, которую решали лирические герои в поэтических текстах – стать основанием некоего нового мироустройства. Но если сознание лирического героя определяет свое положение в отношении мироздания, герой прозаического романа вначале должен определить свое положение в (условно) исторической реальности романа. В этом состоит одна из проблем Дарьяльского. В романе существуют несколько групп действующих лиц, а также большое количество персонажей, ангажированность которых определить достаточно сложно: 1) Гуголево и его обитатели: баронесса Тодрабе-Граабен, Катенька, Евсеич и барон Тодрабе-Граабен; 2) голуби – столяр Кудеяров, медник Сухоруков, Матрена, Фекла Матвеевна, Аннушка Голубятня; 3) поп Вукол, попадья, попята, дьячок Александр Николаевич и помещик Уткин со своими дочерьми; особняком в романе стоят Лука Силыч и Иван Степанов со Степаном Ивановым, генерал Чижиков, отец Николай и другие проходные персонажи. Дарьяльский, со своей сверхлитературной фамилией, отсылающей к «Демону», и именем, отсылающим к истории церкви (апостол Петр), к «Бесам» (Петр Степанович Верховенский), к «Вечеру накануне Ивана Купалы» (Петрусь), к «Страшной мести» (иуда Петро), к истории России (снова перед нами Петр и Екатерина), к теме самозванчества (следует учесть немалое количество лже-Петров III, расплодившихся в России в XVIII в., в числе которых были и Пугачев, и основатель скопчества Кондратий Селиванов), стоит особняком, потому что смысл романа в том, чтобы Дарьяльский нашел свое место среди одной из этих групп.

Потребность Дарьяльского в обретении связи с другими людьми задана всем ходом литературы, на которой основывается «Серебряный голубь», потому что русская литература XIX века – это поиск общности, соборности, единения людей в некоем идеале, либо духовном, либо социальном, и суть поиска литературы была в определении истинного единства, потому что вариантов было немало, но только один – истинный. «Записки из подполья», «Записки из Мертвого дома», «Бесы», «Братья Карамазовы»,

«Война и мир», «Анна Каренина» – все эти произведения проигрывают одну и ту же ситуацию обретения общности человеком, который всегда стоял особняком.

Дарьяльский должен сделать выбор между тремя группами, и выбор перед ним стоит тоже вполне традиционный – или невинная невеста, или мистическая сектантка, корни веры которой надо искать не столько в хлыстовстве, сколько в мистицизме XIX в. Есть еще отец Вукол, представитель стоящей особняком традиционной веры, православия; и самый интересный персонаж в романе вовсе не Дарьяльский, судьба которого понятна еще до того, как роман дошел до середины, а неожиданно появляющийся барон Павел Павлович Тодрабе-Граабен, *deus ex machina*, возвращающий разорившейся матери ее деньги, зрящий в корень и мгновенно определяющий, что именно генерал Чижиков¹ украл баронессины бриллианты (можно подумать, что все присутствие генерала Чижикова требовалось исключительно для того, чтобы привезти в усадьбу Луку Силыча и украсть бриллианты, показав тем самым в самом выгодном свете проницательность барона). «Узнав о бегстве “мужлана” [Дарьяльского – Т.К.] из гуголевской усадьбы, об увлеченье какой-то бабой, сектанткой, и о позорных для Катина жениха баронессиных подозреньях, Павел Павлович Тодрабе-Граабен, барон, по ему одному ведомым причинам составил вдруг заключение, что этот “мужлан” - порядочный человек, как раз подходящий Кате» [Белый 2001, 316]. Решение Павла Павловича противоречит здравому смыслу во всем, кроме того, что Павел Павлович – герой русского романа о духовных поисках тех, кого Достоевский назвал «русскими мальчиками», хотя лет мальчикам не так уж и мало, и как проницательный герой такого романа, Павел Павлович немедленно опознал в Дарьяльском родственную душу, чудака и искателя, которого надо направить на путь истинный, к его невесте Кате. Павлу Павловичу принадлежат самые странные в своей нормальности слова:

Все теперь молодые люди немые; они говорят о чреватом молчании, потому что не умеют членораздельно выражаться. Когда

¹ Возможно, фамилия «Чижиков» - еще одна отсылка к Достоевскому, к его многочисленным «птичьим» фамилиям, и особенно к генералу Иволгину из «Идиота», который уже потерял способность отличать свои выдумки от правды.

говорят о несказанном, это опасный симптом; это доказывает лишь то, что человечество впадает в скотоподобное состояние <...> Вот вы, молодой человек, по-видимому, принадлежите к интеллигенции, а посмотришь на вас – мужик мужиком: это потому, что подлинная культура вам не под силу; оттого-то вы и чудачите; вы заставляете себя видеть сны: проснитесь... [Белый 2001: 326].

В эпоху всеобщей тяги к опрощению, уходу, бродяжничеству и поиску истины где угодно, только бы подальше от всего знакомого и привычного, Павел Павлович выступает в защиту традиционной культуры, для которой тоже нужны силы и мужество. Связь Павла Павловича с этой культурой подчеркивается его маниакальным книгособирательством и архаичной ролью салонного остролова, вызывающей одновременно насмешки и за гипнотизированное внимание со стороны слушающих. И в усадьбе Тодрабе-Граабенов можно найти такое же братство духа, как и в самых диких раденьях. В полудостоевском-полугоголевском мире «Серебряного голубя» плаксивый, плачущий голос Павла Павловича напоминает, может быть, еще одного гоголевского героя, который не сразу ассоциируется с бароном и сенатором – Акакия Акакиевича, в голосе которого «слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек <...> остановился, как будто пронзенный, и с тех пор как будто все переменилось перед ним и показалось в другом виде. <...> ...в этих проникающих словах звенели другие слова: “Я брат твой”» [Гоголь 1984: 123–124].

Странным подтверждением ценности возврата к тому, что Дарьяльский бросил, оказывается последний чуть ли не героический поступок отца Вукола. Отец Вукол со всеми своими странностями, пьянством и игрой во взятие Карса, а также отец Николай возникли в романе не потому, что они играют существенно необходимую для движения сюжета роль (отец Николай даже играет бóльшую роль в сюжете, но особое внимание уделяется не ему, а отцу Вуколу) – но потому, что по каким бы то ни было причинам Белому нужно было иметь в романе представителей православия. В той или иной форме противостояние между православием и расколом и сектантством возникало как у Лескова, так и у А.Мельникова (П.Печерского). Как представляется, роль отца Вукола в романе заключается в том, чтобы, несмотря на всю

свою нелепость своих потешных баталей, несмотря на пьяного битого дьячихой дьячка и хихикающих в кустах не то прихожан, не то бесенят, в конце романа, в белом, словно сливаясь в чем-то с голубыми, выйти на дон-кихотскую борьбу с пожаром, с крестом против огня; но крест здесь возникает потому, что он сражается не с физическим, а с метафизическим огнем.

В этот миг неожиданно осветился луг, будто вспыхнул, да так, что и стоящим вдаль стало жарко, а люди, суетившиеся у огня, с криком бросились прочь, закрывая руками закоптелые лица; у смородинника тогда увидели тощенькую фигурку, всю в белом; издали показалась молящаяся фигурка с высоко на огонь воздвигнутым запрестольным крестом; это попик Вукол с развевающимися кудрями вступал теперь в единоборство с огнем Христовой молитвою; его глаза не видели красного ада; Бог весть что видели эти глаза, вознесенные горé.

Лишь на миг осветилась так ясно окрестность, и потом все стало снова темнеть; и опять в ночь погрузился смородинник; погрузились в ночь и протянутый крест, и попа тощенькая фигурка; ясный язык, на минуту подкинутый в небо, быстро стал опадать; и упал; село отстояли; отстояли и лавку.

Гоголем выступал расторопный лавочник: борода кустом, ворот расстегнут, в глазах – *у, какие огни!* Его обступали сельчане; полутрезвый урядник составлял протокол.

В народе ходили слухи, что поджигатели – из Кобыльей Лужи; указывали на одного молодца; но лавочник усмехался; и, странное дело: разговор о поджоге он старался замять [Белый 2001: 374]; (курсив мой – Т.К.).

Пожар обретает мистический характер: «Будто там не люди, а бесы» [Белый 2001, 373], напоминая цветок папоротника, похожий на уголь, но не обжигающий рук Петрусю в «Вечере накануне Ивана Купалы». Читатель так и не узнает, что, собственно, горело в этой деревеньке и какое отношение к этому имеет лавочник, кроме того, что в деревне, кроме домов, находится и его лавка. И хотя основная заслуга приписывается помещику Уткину («и кабы не Уткин, прискакавший с кишкой да крючьями из соседней деревни, скоро торчали ли бы из золы одни черные трубы вместо села» [Белый 2001: 373–374]), угасание пожара странным образом связывается с безумным выступлением отца Вукола,

словно огонь отступил перед крестом. После угасания огня он остается только в глазах лавочника, который, таким образом, оказывается «бесом», пустившим по селу «красного петуха».

Жителям села Целебеево и города Лихова (гоголевского Глухова, щедринского Глупова) особенно деваться некуда. В церкви – пьяньенкий священник, вне церкви – голуби с их оккультным стремлением создать астральное дитя. Но все же именно отец Вукол показывает некий пример поведения, встав на борьбу с нечистым после своего падения, выразившегося вполне буквально в том, что поп залез в колодец, откуда его еле уговорили вылезти.

Да и сама гибель Дарьяльского определяется тоже вполне достоевской чертой. Он неожиданно оказывается обвиненным в том же грехе, который считал самым страшным Иван Карамазов – в жестокости по отношению к ребенку. Белый долго и упорно подчеркивает, что Катя – ребенок, и Дарьяльский горько обидел ребенка:

Ему, ему отдала она свое детское сердце! Нет преступленья такого, которого было бы нельзя простить! Но как простить преступленье такое, которое ранит детское сердце? Детское сердце берегите – остановится детское сердце, и ничто уже его не заставит биться, ничто. [Белый 2001: 214].

Это уже почти детоубийство, а уж слезинок Катей было пролито – не счесть, хватит, чтобы погубить не одну несправедно основанную гармонию. Белый явно колебался, оставить Дарьяльского в живых или нет. Его попытка уехать в Москву напоминает как сестер Прозоровых, так в Москву и не уехавших, так и Ивана Карамазова, тоже уехавшего в Москву от всех своих нерешенных вопросов и прежде всего – от черта и скопца Смердякова, уже задумавшего убийство Федора Павловича. И сама его смерть, когда его вытаскивают из угла сектанты, напоминает самоубийство Кириллова, забившегося в угол. Дарьяльский жил и умер прежде всего литературным героем, а не героем романа о нем самом.

В путанице литературных аллюзий только в сравнении с текстами и мифологией других поэтов выявляется и лежащий в основе «Серебряного голубя» миф о поэте как божестве, долженствующем способствовать продолжению существования мира. Романная форма «Серебряного голубя», в отличие от лирической формы, в которой этот миф воплощался у большей части других

поэтов, дает возможность показать мир, не условно, а вполне реально находящийся на грани катастрофы. Но как только субъективность поэта снова включается в мир, полный других субъективностей, мир превращается в антимиф, и то, что должно способствовать возрождению мира, снова способствует его разрушению.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрей Белый. Серебряный голубь. Москва, Лаком-книга, 2001.
- Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Театр. Москва: Художественная литература, 1968.
- Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 8-ми тт. Москва, Правда, 1984. Т. 3.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1955. Т. 1.
- Данилевский А.А. О дореволюционных «романах» А.М. Ремизова. // А.М. Ремизов. Избранное. Л., 1991.
- Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме. // Иванов Вяч. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. Брюссель, 1971.
- Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х тт. М., Художественная литература, 1976. Т. 4.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа // А.Ф. Лосев. Из ранних произведений. М., «Правда», 1990.
- Пустыгина Н. К изучению эволюции русского символизма // Творчество А. Блока и русская культура XX века. Тезисы I Всесоюзной (III) конференции. Тарту, 1975.
- Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти тт. Москва, Правда, 1981. Т. 5.
- Успенский Б.А. Социальная жизнь русских фамилий. // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Хализев В.Е. Теория литературы. М., 2002.
- Эткинд А. Хлыст. Секты. Литература и революция. Москва, Новое литературное обозрение, 1998.
- Эткинд А.М. Русские скопцы: опыт истории. // Звезда, 1995 (4).

Bostrom N. A History of Transhumanist Thought. URL <http://www.nick-bostrom.com/papers/history.pdf>

Tatiana V. Kovalevskaya

Doct. Of Sci., RSUH, Russia, Moscow
tkowalewska@yandex.ru

ANDREY BELY'S NOVEL «THE SILVER DOVE»: THE POET IN PROSE.

The article considers the stylistic, allusive, and ideational peculiarities of Andrey Bely's novel *The Silver Dove*. The novel is treated within the transhumanist and mythological questing paradigms of the Silver Age. *The Silver Dove's* distinctive feature is seen in the fact that ideational principles and relationships between the author's and the reader's "selves" typical for poetic texts are expressed in a prose form that requires a different set of principles and a different type of relationships. That combination is supplemented by a heavily allusive structure of the text, which makes the novel challenging to read, leads to the hero's failure, and possibly to the authorial failure as well.

Key words: transhumanism, poet as a cultural hero, allusive structure, the Silver Age, mythaking

Наполитано Мартина
аспирант по лингвистике и литературоведению,
университеты Удине и Триесте, Италия, Удине
martinapo92@hotmail.it

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОЭМЕ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА
«МОСКВА – ПЕТУШКИ». ПОЭМА ИГРЫ СВОЕГО – ЧУЖОГО.**
Статья первая

В статье рассматривается интертекстуальность поэмы Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки», ее источники в художественной и научной литературе, фольклоре. Говорится о значении образов поезда и лестницы в поэме, об отражении в ней творчества Достоевского.

Ключевые слова: Ерофеев, «Москва – Петушки», интертекстуальность, центон, поезд, лестница.

Поэму «Москва-Петушки» можно рассматривать как «переходный мостик от духовного учительства русской классики к безудержной игре постмодернизма» [Липовецкий 1997: 168]. В самом деле, эстетика данного произведения (сочетание смешного и серьезного, соединение классической литературной традиции с авангардистскими веяниями) сближает его с русским постмодернизмом последующих десятилетий. Если в других произведениях того периода, имеющих похожую проблематику, стилистической доминантой кажутся структура текста и шутливая роль автора-повествователя (например, в «Пушкинском доме» Битова или «Школе для дураков» Соколова), то в поэме Венедикта Ерофеева такая доминанта – интертекстуальность. Это не просто орнаментальный, поэтический прием, а один из функциональных способов выражения смысла и построения самого текста. Из мемуаров [Шмелькова 1999; Несколько монологов 1991], документальных фильмов [Pawlikowski 1991], записных книжек мы узнаем, что сам Венедикт Ерофеев обладал необычайной памятью, знал наизусть множество произведений мировой литературы, соревновался с друзьями-пьяницами в декламациях стихов и в повседневной речи употреблял крылатые выражения, скрытые цитаты, которые многим оставались непонятными, а ему, скорее всего,

доставляли удовольствие. Он не мог выражать себя полностью, не используя смыслообразующую, функциональную способность слов, которые литература «освятила». Более того, из своих литературных и лингвистических познаний он себе строил «свободный дом», собственное место жительства, куда он мог прятаться и где ему было хорошо, так как там, среди книг, он наконец-то чувствовал себя не чужим, а вполне понятным. Мир его не понимал, и, как бы он ни старался, он тоже не находил в мире своего места; однако он не страдал от этого, а испытывал разочарование и оставался равнодушным, будучи уверенным в том, что литература (Достоевский бы сказал «красота») его спасет. Об этом говорит его герой: «Умру, так и не приняв этого мира, постигнув его вблизи и издали, снаружи и изнутри, но не приняв» (из главы «Петушки. Вокзальная площадь»).

Тон повествования – это тон человека, который все более пьянеет и, следовательно, не раз повторяется, произносит бестолковые фразы, преобразует события. Но словами персонажа Венички мастерски управляет писатель Венедикт, который функционально использует мотив алкоголя, чтобы довести повествование до конца. Повторения, которые учащаются к концу поэмы, оказываются «само-цитатами»; они создают кольцевую структуру текста. Бестолковые фразы и преобразование событий часто намекают на какие-то смыслы, рождают аллегории.

Даже на первый взгляд случайные слова, например сказанные о еде, могут искаженно выражать физическое чувство голода у пьяного персонажа. Так, Веничка, рассказывая о своих невозможных путешествиях за границей, говорит, что фамилия у директора Британского музея «какая-то звучная и дурацкая, вроде сэр Комби Корм». Это говорящее имя, которое вызывает ассоциации с «комбинатом» и «кормлением». Кроме того, в поэме собрано множество выражений, связанных с темой алкоголя, – от самых просторечных и распространенных до самых креативных и даже изысканных. Вместе с бесконечным списком крепких напитков писатель употребляет фразеологизмы, такие, как «быть пьяным в дымину» или «в лоскут пьян»; вместо того чтобы прямо описывать рвоту, выражается почти поэтически: «Было бы некрасиво возвращать природе ее дары» (из главы «Карачарово – Чухлинка»); «Все штрафы за безбилетный проезд хлынули у него из

чрева, растекаясь по перрону» (из главы «Орехово-Зуево»). Все виды алкоголя имеют в поэме четкие наименования. Перечислим их по порядку появления в тексте: зубровка (5 раз в тексте), кориандровая (6 раз), жигулевское пиво (4 раза), альб-де-дессерт (3 раза), охотничья (6 раз), херес (21 раз), кубанская (16 раз), российская (12 раз), красное вино, или «красненькое» (9 раз), розовое крепкое вино (5 раз), портвейн (7 раз), лимонная (2 раза), столичная (6 раз), ерш (2 раза), белая водка (2 раза), старка (1 раз), зверобой (6 раз), денатурат (5 раз), бархатное пиво (2 раза), останкинское пиво (1 раз), пиво Сенатор (1 раз), политура (4 раза), перцовка, или перцовая (3 раза), самогон (1 раз), сивуха (1 раз), можжевельная (3 раза), тминная (1 раз). Его персонаж, однако, не простой бездомный пьяница, а интеллигент, который разбирается в литературе, всемирной истории, политике, спорит об этом в вагоне с другими не совсем трезвыми пассажирами и даже дает уроки контролеру в поезде и своим подчиненным в бригаде. Его знание не дает ему повода для высокомерия, и он остается скромным человеком, речевая стилистика которого, однако, это неизменное присутствие «литературности» и в стиле, и в тоне, и в сюжете, которая, несомненно, передает ощущение резкого противопоставления окружающим низким обстоятельствам.

Речь Веночки строится как полифонический «центон», для нее характерен «плюрализм языков, моделей, методов» [Айзенберг 1994: 218]. С начала до конца в словах героя проявляются чужие тексты, более или менее скрытые, а иногда совсем очевидные, и в этом смысле поэма представляет собой центон. В ней смешивается множество кодов и дискурсов, которые влияют на стиль, сюжет, темы, символику. Среди них, например, код исповеди, который роднит поэму с житийной литературой, код литературного путешествия, который в некоторых случаях связан с романтической традицией («Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, произведения Стерна и т.д.), код путевых очерков или более философских романов о путешествии как о правдоискательстве (например, «Чевенгур» Платонова), код фольклорных былин, код бюрократического и публицистического языка, код нецензурной речи и просторечия, код юродствования, код иронии и пародии и многие другие.

Для обнаружения скрытых цитат необходимо определить прежде всего источники, затем их реализацию в тексте, их роль и производимый ими эффект. В данном произведении и с т о ч н и к и заимствования – русская и зарубежная литература (включая античную мифологию), Библия, русский фольклор и популярные фразеологизмы, реалии советской жизни и советская пропаганда (публицистика, агитационные клише, работы классиков марксизма-ленинизма, официальные выражения), культура в широком смысле (особенно музыкальные намеки). Что касается реализации интертекстуальности в тексте, то цитаты в поэме или сопровождаются прямыми указаниями автора-повествователя, его подсказкой (например, при помощи знаменитых формул, употребленных автором-источником), или существуют в скрытом виде (о них догадывается тогда только внимательный и начитанный читатель).

Рассмотрим более подробно основные источники цитирования в поэме.

Л и т е р а т у р а п у т е ш е с т в и я. Поэма «Москва-Петушки», даже если говорить только о ее паратекстуальной структуре, не может не напоминать литературу путешествия. И ее заглавие, и названия ее глав указывают на движение персонажа от одного города к другому. Данное произведение разделено на главы, названия которых совпадают с названиями станций, где поезд останавливается на пути к Петушкам. Точнее, все названия глав – это обозначения перегонов между станциями. Исключения составляют те главы, где Веничка находится не в поезде, а в Москве или в «Петушках» (на самом деле в Москве), и глава «Орехово-Зуево», обманчивое (как нам кажется, не случайно) название которой, несмотря на то, что его составляют практически два слова, является названием одной только станции. В самом деле, станция Орехово-Зуево крупнее других, там поезд стоит дольше, и, может быть, поэтому ее название стало названием главы. Кроме того, здесь Веничка выходит из поезда, и отсюда можно определить начало его фиктивного, вымышленного возвращения в Москву, как если бы он здесь сел в другой поезд, направляющийся обратно в Москву [Левин 1996: 75]. Похожая структура повествования обнаруживается в «Путешествии из Пе-

тербурга в Москву» Радищева, тоже разделенном на главы-станции. Однако у Ерофеева движение развернуто в обратную сторону, так как в поэме Москва – не цель, а адское место, откуда надо убежать, но оно обладает такой страшной центростремительной силой, что спасение невозможно.

Радищев в своем фиктивном путешествии описывал и негативно оценивал положение крестьян в Российской империи; Ерофеев тоже описывает современную жизнь, окружающую его реальность. Нам кажется, что «Москву-Петушки» можно назвать «энциклопедией советской жизни», подобно тому как Белинский назвал «Евгения Онегина» «энциклопедией русской жизни».

Радищев, скрывая свое полемическое намерение, использовал каноны жанра сентиментального путешествия, популярного в Европе конца XVIII века; его основой могло послужить прежде всего «Сентиментальное путешествие» Стерна, так как произведение английского писателя тоже содержало некую сатиру и представляло собой пародию на жанр и моду *grand tour*. Ерофеев перерабатывает жанр, и в этом смысле поэма продолжает традицию путевых очерков в русской литературе. После Радищева многие авторы работали в этом жанре, перенося его на русскую почву и используя мотив путешествия для реализации философской, духовной, полностью русской идеи правдоискательства [Муравьев 1990]. Само «Путешествие...» Радищева имело уже эти черты, так как книгу можно читать в свете учения масонов: повествование открывается посвящением другу, в котором автор подчеркивает, что его путешествие представляет собой прежде всего духовный поиск. Радищев пишет: «Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы» [Радищев 1981: 37].

Путешествие у Радищева напоминает обряд инициации в масонстве, цель которого – духовное обновление, развитие, постижение высших знаний. Путешествие Венички, наоборот, целиком пародийно, его значение снижено (в традициях карнавальской культуры), в нем нет никакой высокой цели, нет благородного сюжета или героя. Веничка один едет на поезде, на обычной электричке, по обычному маршруту до совсем неизвестного городка Петушки, для того чтобы встретить женщину (она с одной

стороны ангел, с другой – искусительница) и сына. Он совершает нетрадиционное бегство из Москвы-ада, но движение его не реально. Веничка физически никуда не движется – движется его душа, раскрывая нам свои тайны, пока он делает последнюю попытку убежать из Москвы, из фатального для него подъезда.

Москва – это inferнальный лабиринт, лишенный географических координат, в котором герой теряется, только случайно попадая на Курский вокзал, на Красную площадь или в «неведомый подъезд». Описание города во многом мифологично: стены лабиринта образуют «странно высокие дома» на Садовом кольце (из главы «Петушки. Садовое кольцо»); сияющий «во всем великолепии» Кремль – это проклятое сокровище (из главы «Петушки. Кремль. Памятник Минину и Пожарскому»); единственное место, где возможно спасение, – Курский вокзал (он Веничке «нужнее всего на свете»). В сознании героя возникают даже кошмарные видения чудовищных фигур: «... а оттуда, издали, где туман, выплыли двое этих верзил со скульптуры Мухиной – рабочий с молотом и крестьянка с серпом, и приблизились ко мне вплотную, и ухмыльнулись оба. И рабочий ударил меня молотом по голове, а потом крестьянка – серпом по яйцам» (из главы «Петушки. Перрон»). Появление смертоносной четверки в конце повествования тоже носит символический характер.

В ряду мифологических элементов, обнаруживаемых в тексте, которые придают повествованию особые оттенки и акцентируют смешение высокого и низкого, выделяется фигура Сфинкса, появляющегося еще в поезде. Этот персонаж, разумеется, тоже пародируется. Согласно древней мифологии, Сфинкс стоит у входа в город (здесь «Петушки»/Москва) и задает вопросы тем, кто хочет войти. В поэме, однако, речь Сфинкса целиком снижена, как снижено и парадоксальное, противоречивое описание его внешности. Веничка заметил его присутствие, когда кто-то ударил его «хвостом по спине» (из главы «105-й километр – Покров»), но как только он «вздрогнул и обернулся», он увидел, что перед ним «некто без ног, без хвоста и без головы». Чуть позже «сфинкс рассмеялся и встал на обе ноги» и «обмахнулся хвостом». Загадки и речь Сфинкса содержат тонкие и иронические намеки на события, рассказанные Веничкой в поэме. Этот прием также участвует в создании кольцевой структуры повествования,

которое как бы постоянно вращается вокруг своей оси. Перед тем как представиться, Сфинкс повторяет слова Венички о Петушках, сказанные в начале поэмы.

Веничка:

- Петушки – это место, где не умолкают птицы, ни днем, ни ночью, где ни зимой, ни летом не отцветает жасмин» (из главы «Реутово – Никольское»).

Сфинкс:

- Ты едешь в Петушки? В город, где ни зимой, ни летом не отцветает и так далее? <...>Где твоя паскуда валяется в жасмине и виссоне и птички порхают над ней и лобзают ее куда им вздумается?» (из главы «105-й километр – Покров»)

Как предсказывает Сфинкс в своей последней загадке, «поездка» Венички заканчивается в Москве, и заканчивается именно смертью самого героя-повествователя. Такой конец ставит под сомнение все повествование, заставляет усомниться в реальности поездки Венички и таким образом напоминает читателю о «фиктивности» любого литературного произведения.

Заглавие поэмы содержит указание на мотив движения, но по прочтении ее у читателя остается общее чувство «неподвижности», поэма воспринимается как холодная, тяжелая, горькая пародия на литературу путешествия, которая в каком-то отношении отражает статичность советского периода в жизни России. Можно допустить, что невозможность движения в мире Венички символически отражает общий политический, общественный, культурный «застой» конца 60-х годов [Remonato 2015: 199].

Произведение В. Ерофеева обнаруживает связь с литературными источниками, в которых встречаются известные символические образы и мотивы, такие, как, например, путешествие на поезде или движение по лестнице.

По е з д. Персонажи русской литературы ездят на поезде уже с самого появления в Российской империи этого вида транспорта. Географическая широта и особенности территории способствовали его распространению и популярности. Если до середины XIX века в литературе Чичиков и Голядкин передвигались по городу и по деревням на лошадях, то Анна Каренина едет к брату

уже на поезде, в поезде знакомится с Вронским и под поездом находит смерть. Князь Мышкин, возвращаясь в Россию, встречается в вагоне «черноволосого» Рогожина. Неслучайно, конечно, что в поезде Веничка встречается именно «черноусого» человека; это тоже является интертекстуальным намеком.

Поезд в русской литературе всегда оказывается местом фатальных встреч, где решается судьба персонажей, – мистическим, inferнальным, смертоносным местом. Показателен в этом отношении образ поезда в «Докторе Живаго» Бориса Пастернака. Поезд, в котором едет Стрельников – воплощение стихийной силы революции – почти метонимически как бы приобретает черты этого противоречивого персонажа, который, с одной стороны, жесток и беспощаден, а с другой – остается интеллигентом, способным понимать и любить другого человека.

Железная дорога – мистический символ страны [Курицын 1992]. В поезде, особенно в электричке, встречается весь русский «народ», здесь можно наблюдать разные человеческие типы и физиономии. Эти люди часто изображаются в литературе как бесформенная толпа, иногда отмеченная чертами безумия, «юродства», как, например, в рассказе Зощенко «Приятная встреча», а иногда просто бедная, грязная, неухоженная.

Образ народа часто встречается и в тексте Ерофеева. Вот пример: «Мне нравится, что у народа моей страны глаза такие пустые и выпуклые. Это вселяет в меня чувство законной гордости. Можно себе представить, какие глаза там, где все продается и все покупается <...> ...Глубоко спрятанные, притаившиеся, хищные и перепуганные глаза... Девальвация, безработица, пауперизм... Смотрят исподлобья, с неутихающей заботой и мукой – вот какие глаза в мире чистогана... <...> Зато у моего народа – какие глаза! Они постоянно навывкате, но – никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла – но зато какая мощь! (какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят. Что бы ни случилось с моей страной, во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, в минуту любых испытаний и бедствий – эти глаза не сморгнут. Им все божья роса... <...> Мне нравится мой народ. Я счастлив, что родился, и возмужал под взглядами этих глаз» (из главы «Карачарово – Чухлинка»).

Уже в одном этом отрывке мы видим много интересного. Если железная дорога символизирует страну и ее будущее, то народ, по ней катающийся, – бесформенная, плоская куча, обладатели «пустых», невнимательных, ничего не требующих, незначительных глаз. В описании Венички заметно карнавальное снижение, он использует советские пропагандистские клише («у народа моей страны», «чувство законной гордости», «там, где все продается и все покупается», «девальвация, безработица, пауперизм», «в мире чистогана»), литературные цитаты («во дни сомнений, во дни тягостных раздумий» – прямая цитата из стихотворения в прозе «Русский язык» Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины...»), просторечные фразеологизмы («Им все божья роса»). Через семантическое снижение всем этим элементам придается парадоксальная коннотация. Смех в поэме, однако, не чистый, народный, победительный – в этом смехе чувствуется гоголевский трагизм («смех сквозь слезы») «чудовищно-гротескной», «спившейся страны» [Зорин 1989: 257].

Л е с т н и ц а. В начале поэмы Веничка просыпается утром «в чьем-то неведомом подъезде: «Оказывается, сел я вчера на ступеньку в подъезде, по счету снизу сороковую, прижал к сердцу чемоданчик – и так и уснул» (из главы «Москва. На пути к Курскому вокзалу»). В конце поэмы он снова оказывается в том же подъезде, совершив таким образом круговое движение, определившее кольцевую структуру повествования. Топос лестницы, с которой, кажется, Веничка как бы физически совсем не уходил, типичен в мировой культуре и литературе. Ерофеев, безусловно, хранил в памяти множество примеров его употребления в литературе и по-своему переработал этот древний мотив.

Уже в «Книге Бытия» встречается лестница Иакова, которая соединяет землю и небо, но в даже дохристианских традициях, например, в Древнем Египте, движение вверх по лестнице (или превращение этого движения в здания, как, например, пирамиды или зиккураты) ассоциировалось с духовным восхождением, с союзом Божественного и Земного. Христианство активно переработало представление о лестнице и вознесении, соединяя его со

Страстями Христовыми (крест и снятие с креста); особенно четкое описание символической лестницы дал Иоанн Лествичник (греч. Ἰωάννης τῆς Κλίμακος), игумен Синайского монастыря V века, автор «Лествицы райской», в котором лестница Иакова преобразуется в лестницу в 30 ступеней, ведущую к сути христианского мистического экстаза. Христианское влияние на культуру всех европейских стран бесспорно, и образ лестницы в рай оставил свой след во многих литературных и философских произведениях (например, в пути Данте к Раю в «Божественной комедии»). В алхимии он также приобретал смысл в связи с превращением и очищением души.

В русской литературе топос лестницы чаще всего ассоциируется с творчеством Достоевского, так как во многих его произведениях важные события происходят как раз в этом месте. Однако высокое символическое значение лестница приобрела уже у Гоголя. Лестница – место, где соединяются внутреннее и внешнее, светлое и темное, открытое и замкнутое пространство. Лестница – также и социальное понятие, по ней можно (и хочется) двигаться вверх, чтобы получить высшие титулы и награды. Голядкин в «Двойнике», например, «голоден», о чем говорит его имя, ему хочется двигаться вверх по социальной лестнице, но физически он часто остается на лестнице перед входом в чужое жилище, где его не принимают, или тайно спрятанным на «черной» лестнице.

Ерофеев описывает своего героя спящим, просыпающимся и в конце поэмы умирающим на лестнице, точнее на сороковой ступеньке¹, через «распятие» шилом, и это происходит в пятницу. Многое здесь не может не напоминать смерть Христа в Страстную Пятницу (число 40, день недели, распятие, даже разделение глав на станциях напоминает католическую Via Crucis, состоявшуюся в Страстную Пятницу²), и в этом смысле определение по-

¹ Точнее, Веничка просыпается в начале поэмы на сороковой ступеньке, а в последней главе мы узнаем только то, что он вбегает «в неизвестный подъезд и [доползает] до самой верхней площадки». Кстати, добавим, что подъезд, где он умер, не обязательно тот же самый подъезд, в котором он проснулся.

² На самом деле Венедикт Ерофеев мог быть знаком с этой католической традицией, так как в 1987 году он принял католическое крещение.

эмы «Москва-Петушки» как *parodia sacra* имеет основание [Верховцева-Друбек 1991]. Кроме того, нахождение Венички на высшей ступеньке лестницы (он «вбежал в неизвестный подъезд и дополз до самой верхней площадки» (из главы «Москва–Петушки. Неизвестный подъезд») отражает духовную чистоту, благородство персонажа, который с начала до конца не двигается ни вверх, ни вниз и на сороковой ступеньке как бы находится душой ближе к небу. Таким образом подчеркиваются символическая высота того места, где находится Веничка, и его готовность к духовному возвышению. В этом подъезде Веничка встречает смерть, которая в таком контексте, полном библеизмов, воспринимается как освобождение души и как бы освящение ее, а не проклятие ада.

Поэма В. Ерофеева обнаруживает связь не только с литературными источниками, но также с фольклором и научными текстами.

Ф о л ь к л о р н ы е б ы л и н ы. Выйдя из подъезда, Веничка решает, куда отправиться, чтобы попасть на Курский вокзал. Его движение в Москве-лабиринте, однако, почти не осознанно, он передвигается по городу без всякой заботы о том, куда ему действительно нужно попасть, он ведь знает, что судьба приведет его всегда на одно и то же место – на Курский вокзал. «А потом я пошел в центр, потому что это у меня всегда так: когда я ишу Кремль, я неизменно попадаю на Курский вокзал. Мне ведь, собственно, и надо было идти на Курский вокзал, а не в центр, а я все-таки пошел в центр, чтобы на Кремль хоть раз посмотреть: все равно ведь, думаю, никакого Кремля я не увижу, а попаду прямо на Курский вокзал» (из главы «Москва. На пути к Курскому вокзалу»).

Вопрос, в какую сторону идти, для героя не имеет особенного значения (к Курскому вокзалу «не вышел вчера – выйду сегодня»), все равно «все дороги ведут в Рим». Здесь многое напоминает (снижая ее) традиционную фольклорную ситуацию «витязя на распутье» [Власов 2015]: герой древнерусского былинного эпоса богатырь Илья Муромец (родившийся, согласно мифу, именно в селе Карачарово, где поезд Венички имеет остановку) оказывается на распутье, и в зависимости от выбранной им дороги его судьба может решиться по-разному. В поэме ситуация

«нашего богатыря» Венички повторяется дважды – в начале (при выходе из подъезда) и в конце (при выходе из здания вокзала в Петушках/Москве), и таким образом акцентируется кольцевая структура текста:

«Если хочешь идти налево, Веничка, иди налево, я тебя не принуждаю ни к чему. Если хочешь идти направо – иди направо. Я пошел направо, чуть покачиваясь от холода и от горя, да, от холода и от горя» (из главы «Москва. На пути к Курскому вокзалу»).

«Если хочешь идти налево, Веничка, – иди налево. Если хочешь направо – иди направо. Все равно тебе некуда идти. Так что уж лучше иди вперед, куда глаза глядят...» (Из главы «Петушки. Вокзальная площадь»).

В начале повествования Веничка решает идти направо, в конце – вперед. Если сопоставлять выбор Венички с судьбами-дорогами былинной истории, получается интересная картина вторичных интерпретаций поэмы. В самом деле, как бы в соответствии с одной версией былины¹ («как пряму ехати – живу не бывати; направу ехати – женату быти; налеву ехати – богату быти»), в начале поэмы Веничка больше всего хочет еще раз встретиться с возлюбленной («женату быти»), в конце он просто идет по своему последнему пути к смерти («живу не бывати»).

Существуют, однако, еще другие версии данной былины, в которых надписи на камне были другие, например: «Налево поедешь – богатым будешь, прямо поедешь – женатым будешь, направо поедешь – убитым будешь»². В соответствии с этой версией, решение Венички пойти направо уже с начала повествования предопределяет его смерть (убитым будешь).

Возвращаясь к вопросу о литературных реминисценциях, рассмотрим еще ряд источников, послуживших В. Ерофееву материалом для переосмысления.

¹ Это вариант былины, изображенный на картине художника Виктора Васнецова «Витязь на распутье» (1882).

² Источник – сайт byliny.ru

Л ю б о в н а я п о э з и я. Главной целью поездки Венички в Петушки, как известно, является любимая женщина. Рассудок и сердце ему кричат: «в Петушках твое спасение и радость твоя»; там каждую пятницу, ровно в одиннадцать, на вокзальном перроне его встречает девушка с глазами белого цвета – «белого, переходящего в белесый – эта любимейшая из потаскух, эта белобрысая дьяволица» (из главы «Реутово – Никольское»).

Первое описание девушки в поэме потрясает своей противоречивостью. Ее характеризует белый цвет, но странно, что это цвет ее глаз и волос, бровей и ресниц; это очевидное преувеличение (скорее всего, у нее просто очень светлые глаза и волосы). Прилагательное «любимейшая» удивительным образом соседствует с грубым словом «потаскуха» и наименованием «дьяволица». Дальше Веничка называет ее «белесой»; прилагательные «белёсый-белый» напоминают итальянское-испанское *bellezza-belleza*, то есть красавица. Она «бесстыжая царица с глазами, как облака», и еще «Эта девушка – вовсе не девушка! Эта искусительница – не девушка, а баллада ля бемоль мажор! Эта женщина, эта рыжая стервоза – не женщина, а волхвование! Вы спросите: да где ты, Веничка, ее откопал, и откуда она взялась, эта рыжая сука? И может ли в Петушках быть что-нибудь путное? <...>О рыжие ресницы, длиннее чем волосы на ваших головах! О невинные бельмы! О эта белизна, переходящая в белесость! О колдовские и голубиные крылья!.. <...>Это – женщина, у которой до сегодняшнего дня грудь стискивали только предчувствия. Это – женщина, у которой никто до меня даже пульса не щупал. <...>Играй, Клеопатра! Играй, пышнотелая блядь, истомившая сердце поэта! Все, что есть у меня, все, что, может быть, есть – все швыряю сегодня на белый алтарь Афродиты!

Так думал я. А она смеялась. А она – подошла к столу и выпила залпом еще сто пятьдесят, ибо она была совершенна, а совершенству нет предела...» (из главы «Салтыковская-Кучино»)

Белый цвет царствует во всем описании (глаза как облака, то есть белые, бельмы, белизна, белесость, голубиные крылья – белые; рыжий – цвет, промежуточный между красным и желтым, во

всяком случае, очень светлый, яркий). Можно отметить еще одну положительную коннотацию: несколько выражений в контексте связаны с понятием невинности, чистоты, даже девственности, и в этом смысле они имеют то же значение, что и белый цвет (прилагательное «невинный»; образ голубя; утверждения, что ее грудь «стискивали только предчувствия» и что «никто ... даже пульса не щупал»; слово «совершенство»). На противоположном конце семантической оси находят место более или менее грубые, пренебрежительные, оскорбительные слова, связанные, наоборот, с образом проститутки, распущенной женщины или inferнального существа (искусительница, стервоза, волхование, сука, пышнотелая блядь; словосочетание «баллада ля бемоль мажор» скрывает ассонанс со словом «блядь»).

Такое описание женщины – дьяволицы, царицы продолжает, перерабатывает и снижает традицию любовной поэзии в русской (и не только) литературе. Белый цвет и прозвище «царица» сразу напоминают читателю о Прекрасной Даме Александра Блока, и многое другое связано с поэтикой поэта-символиста. Символизм сочетал традицию поэтов-гуманистов XIV века Петрарки и Данте, создавших образ женщины-ангела, и мистицизм, неомифологизм, новое мировоззрение, сложившееся у поэтов-символистов под влиянием философии Владимира Соловьева. У Петрарки, у Данте женщина – небесное, чистое и прекрасное создание, которого нельзя даже коснуться («Это – женщина, у которой до сегодняшнего дня грудь стискивали только предчувствия. Это – женщина, у которой никто до меня даже пульса не щупал»). Блок – поэт-теург, которому приходится создавать новый мистический мир, делать природу «красивее» своим талантом художника. Его Прекрасная Дама становится мифологемой женщины, красоты, жизни и даже смерти, она приобретает религиозные¹, вечные черты, она – Вечная Жена, Хранительница-Дева, чья красота непостижима.

¹ Религиозные мотивы, и особенно намек на фигуру и историю Христа, между прочим, тоже связываются с поэтикой русского символизма (достаточно вспомнить о преображенном образе Христа в «Двенадцати» Блока).

В описаниях женщины Веничка всегда использует преувеличения, прилагательные в превосходной степени, гиперболические выражения, дающие ощущение уникальности, необыкновенности этой женщины, которой присущи и отрицательные качества, но парадоксально способные для Венички возвышать ее еще больше. Она – стихия, природная, естественная сила, она (и здесь еще влияние Блока), несмотря на разрушительную ее силу, единственная несет спасение и возможность возрождения.

Н а у ч н а я л и т е р а т у р а. Веничка – интеллигент, начитанный человек, никогда не выражается просто, небрежно, неточно, он выстраивает свою речь в соответствии с каждым контекстом, темой, стилевым регистром. В разговоре с директором Британского музея он говорит: «Я хочу у вас ангажироваться. Вернее, чтобы вы меня ангажировали, вот чего я хочу...» (из главы «Дрезна–85-й километр»). Вместо слова «перерыв», он свободно употребляет слово из мира театра – «антракт»: «Я в их годы пил с большими антрактами – попью-попью – перестану, попью-попью – опять перестану» (из главы «Купавна – 33-й километр»). Представляя читателю написанную им песню, он повторяет стандартные выражения конференсье: «Музыка отца и слова его же. «Та-та-кие милые, смешные чер-тенят-ки цапали-царапали-кусали мне жи-во-тик...» (из главы «Салтыковская – Кучино»). Веничка все воспринимает серьезно (и в этом его способность привлекать и развлекать читателя), поэтому каждое событие в его рассказе достойно подходящих высоких выражений, и это также касается научных опытов, экспериментов, теорий, содержащихся в повествовании.

Первый пример – «внедрение порочной системы индивидуальных графиков», из-за которой Веничку уже через месяц уволили с бригадирского поста. В этих графиках, которые являются прямым пародийным намеком на висевшие на стенах любого советского учреждения диаграммы и графики успехов трудового коллектива, герой записывал «количество выпитых [каждым работником] граммов в перерасчете на чистый алкоголь». [Левин 1996: 44] В описании графиков много пародийного, хотя повествователь все время сохраняет тон научного исследователя, кото-

рый не стесняется на глазах у читателя перенести на бумагу разработанные им графики. «На веленовой бумаге черной тушью рисуются две оси – одна ось горизонтальная, другая вертикальная. На горизонтальной откладываются последовательно все рабочие дни истекшего месяца, а на вертикальной – количество выпитых граммов в перерасчете на чистый алкоголь. Учитывалось, конечно, только выпитое на производстве и до него, поскольку выпитое вечером – величина для всех более или менее постоянная и для серьезного исследователя не может представить интереса».

После индуктивной фазы опыта (сбор и просмотр данных), начинается дедуктивная фаза (наблюдения и теоретического обобщения):

«Ведь правда, интересные линии? Даже для самого поверхностного взгляда – интересные? У одного – Гималаи, Тироль, бакинские промыслы или даже верх кремлевской стены, которую я, впрочем, никогда не видел. У другого: предрассветный бриз на реке Кама, тихий всплеск и бисер фонарной ряби. У третьего – биение гордого сердца, песня о буревестнике и девятый вал. И все это – если видеть только внешнюю форму линии. А тому, кто пытлив (ну, мне, например) эти линии выбалтывали все, что только можно выболтать о человеке и о человеческом сердце: все его качества, от сексуальных до деловых, все его ущербы, деловые и сексуальные. И степень его уравновешенности, и способность к предательству, и все тайны подсознательного, если только были эти тайны».

Веничка рассматривает эти линии, наделяя их особым смыслом, и делает свои заключения. Эти заключения полны иронии и содержат цитаты разного происхождения.

Первая линия (комсомольца Тотошкина) ассоциируется с высотными объектами – географическими и архитектурными, приводится «автоцитата» о том, что герой никогда не видел Кремль.

Форма второй линии (члена КПСС Блиндяева) комментируется с отсылкой к стихотворению Пастернака «На пароходе» («Под

Пермь, на бризе, в быстром бисере / Фонарной ряби Кама шла»). В осмыслении третьей линии (самого Венички) смешива-

ются пропагандистский лозунг «гордости» (или законной гордости), название произведения Горького («Песня о Буревестнике») и название картины Айвазовского («Девятый вал»), что можно рассматривать как указание на источники реминисценций по всей поэме (советская пропаганда, литература и культура в широком смысле).

Творчество Достоевского. Когда речь заходит о более точных ссылках на творчество знаменитых русских писателей, важным источником для плодотворных художественных исканий Венедикта Ерофеева оказываются произведения Ф.М. Достоевского¹. Повторяется, обычно в преобразенной форме, множество мотивов, типичных ситуаций, стилем. Достоевский, конечно, оказывал (и оказывает) большое влияние на русскую культуру, и интерес Ерофеева к его творчеству отражает в этом смысле «дух» русского общества, которое умело полностью «погружаться» в литературу и черпать оттуда главные мотивы и некоторые цитаты (можно говорить о них как о крылатых выражениях).

Произведения Достоевского представляют собой отличный пример психологического анализа внутреннего мира персонажей, чьи мысли передаются почти как «поток сознания», который был кодифицирован в мировой литературе позже. Без прямого описания героев, характеризуя их отдельными четкими чертами характера, Достоевский умел дать читателю представление о них, принуждая его отождествляться с ними и вместе с ними думать, размышлять, даже если они по своему психическому складу далеко выходят за рамки нормы, склонны к крайностям (в этом можно видеть, в каком-то смысле, наследие Гоголя в творчестве Достоевского). Люди, окружающие Веничку, тоже не совсем нормальны, это маргиналы, но в своей гиперболичности они вполне реальны и действительно близки к окружению автора поэмы Венедикта Ерофеева. Не нова для читателя Достоевского ситуация,

¹ Интересно, что само имя Достоевского, в отличие от имен многих других авторов, отсутствует в поэме; Веничка и все остальные персонажи его никогда не цитируют.

в которой пьяницы разговаривают между собой, употребляя высокий стиль, обсуждая высокие темы (яркий пример – Мармеладов)¹; у Ерофеева вся поэма с начала до конца строится на таких ситуациях, в которых изысканный стиль речи контрастирует с низким окружающим контекстом. Кроме того, в поэме можно найти и другие черты сходства с творчеством Достоевского. На такие черты указал Ю.И. Левин [Левин 1996]. В первой же главе поэмы встречается утверждение, которое можно считать ключевым для всего произведения: «Все на свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян».

Мотив гордости человека часто встречается в литературе; уже у Пушкина он играет важную роль в «Цыганах». У Достоевского он приобретает еще более значительные черты и отчасти связан с мотивами позора и унижения/самоунижения человека, которые также появляются в поэме Ерофеева.

«Все трое подхватили меня под руки и через весь зал – о, боль такого позора! – через весь зал провели меня и вытолкнули на воздух» (из главы «Москва. Ресторан Курского вокзала»).

«Ты Манфред, ты Каин, а мы, как плевки у тебя под ногами...» (из главы «Чухлинка – Кусково»)

Эти реминисценции имеют пародийный характер; такие намеки принижают глубокое значение, которым они наделены у Достоевского. В первом случае контекст «позора» – это момент, когда Веничку «вытолкнули» из ресторана из-за того, что он, желая опохмелиться, попросил еще алкоголя. Второй контекст – это спор с соседями, утверждающими, что они никогда не видели, чтобы он ходил в туалет.

Как и у Достоевского, у Ерофеева персонажи живут в «мире пошлости», и часто они охарактеризованы как «люди-подлецы»: «Ну конечно, все они считают меня дурным человеком. По утрам и с перепоею я сам о себе такого же мнения. Но ведь нельзя же доверять мнению человека, который не успел похмелиться! Зато

¹ Более того, роман «Преступление и наказание», перед тем как получить это заглавие, должен был называться «Пьяненькие».

по вечерам – какие во мне бездны! – если, конечно, хорошо набраться за день – какие бездны во мне по вечерам! <...> Но – пусть. Пусть я дурной человек. Я вообще замечаю: если человеку по утрам бывает скверно, а вечером он полон замыслов, и грез, и усилий – он очень дурной, этот человек. Утром плохо, вечером хорошо – верный признак дурного человека. Вот уж если наоборот – если по утрам человек бодрится и весь в надеждах, а к вечеру его одолевает изнеможение – это уж точно человек дрянь, деляга и посредственность. Гадок мне этот человек. Не знаю, как вам, а мне гадок <...> Конечно, бывают и такие, кому одинаково любо и утром, и вечером, и восходу они рады, и заходу тоже рады – так это уж просто мерзавцы, о них и говорить-то противно. Ну, уж, а если кому одинаково скверно – и утром, и вечером, – тут уж я не знаю, что и сказать, это уж конченный подонок и мудозвон».

В данном отрывке можно обнаружить неслучайное употребление одного из любимых Достоевским слов «бездна», которое дальше повторяется в развитии идеи Раскольникова стать «сверх-человеком», но в противоположном контексте: «Потому что магазины у нас работают до девяти, а елисеевский – тот даже до одиннадцати, и если ты не подонок, ты всегда сумеешь к вечеру подняться до чего-нибудь, до какой-нибудь пустяшной бездны...».

В электричке Веничке встречаются особенные попутчики, которые представлены парами, например: «Вон – справа, у окошка – сидят двое. Один такой тупой-тупой и в телогрейке. А другой такой умный-умный и в коверкотовом пальто».

Мотив двойников заимствован из творчества Достоевского (прежде всего из петербургской поэмы «Двойник»). Образ Венички тоже имеет своего «двойника», так как он постоянно сам с собой разговаривает. В этом «расстройстве личности» героя можно найти много похожего на диалог Ивана Карамазова с дьяволом [Zappi 2003: 4].

Кроме того, в масштабе всей поэмы можно провести параллель с «Записками из подполья» Достоевского или «Записками сумасшедшего» Гоголя, чье влияние в поэме также четко прослеживается: по структуре и форме произведение Ерофеева оказывается почти «записками». Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА

- Айзенберг М. Возможность высказывания // Знамя. – 1994. – №6. С. 218.
- Васюшкин А. Петушки как второй Рим? // Звезда. – 1995. – №12. С. 201-209.
- Верховцева-Друбек Н. «Москва-Петушки» как *parodia sacra* // Соло. – 1991. – № 8. – С. 88–95.
- Власов Э. Бессмертная поэма Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки». Спутник писателя. Предисловие и комментарии к поэме. – СПб.: Азбука, 2015.
- Ерофеев В. В. Москва-Петушки. Текстологическая редакция Владимира Муравьева. – М.: Интербук, 1990.
- Ерофеев В. В. Записки психопата. – СПб.: Азбука, 2014.
- Зорин А. Л. Пригородный поезд дальнего следования // Новый Мир. – 1989. – № 5. – С. 256-258.
- Илюшин Е. А. Пушкинская тема в художественном мире Венедикта Ерофеева // Слово. Грамматика. Речь. – 1999. – № 2. – С. 19-35.
- Курицын В. Мы поедим с тобою на «А» и на «Ю» // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 296-304.
- Левин Юрий Иосифович. Комментарий к поэме «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева. – Грац: Изд. Хайнриха Пфандля, Institut für Slawistik, 1996.
- Липовецкий Марк. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. – Екатеринбург: Урал. Гос. Пед. Ун-т., 1997.
- Липовецкий Марк. Кто убил Веничку Ерофеева? // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 78. – С. 210-221.
- Несколько монологов о Венедикте Ерофееве // Театр. – 1991. – № 9. – С. 74-122.
- Паперно Ирина, Гаспаров Борис. Встань и иди // *Slavica Hierosolymitana*. – 1981. – № 5-6. – С. 387-400.
- Радищев Александр Николаевич. Путешествие из Петербурга в Москву. – М.: Сов. Россия, 1981.
- Смирнова Елена. Венедикт Ерофеев глазами гоголеведа // Русская литература. – 1990. – № 3. – С. 58-66
- Шмелькова Наталья. Во чреве махечи. СПб.: Лимбус пресс, 1999.
- Эпштейн Михаил Наумович. После карнавала, или вечный Веничка // Ерофеев В. В.

Оставьте мою душу в покое (Почти все). – М.: Изд-во АО «Х.Г.С.», 1995.

Pawlikowski Paweł. From Moscow to Pietushki. [документальный фильм] – UK, BBC, 1991.

Remonato Ilaria. Tra movimento e stasi. Polisemia del viaggio nell'opera di V. Erofeev. – Saarbrücken, Edizioni Accademiche Italiane, 2015.

Zappi Gario. Il Vangelo apocrifo di Venička Erofeev // Slavia. – 2003. – N° 4. – С. 3-10.

Martina Napolitano

PhD student in Linguistics and Literary Studies

University of Udine – Trieste, Italy

martinapo92@hotmail.it

THE INTERTEXTUALITY OF VENEDIKT EROFEEV'S POEM «MOSCOW – PETUSHKI». THE POEM OF FRIEND OR FOE GAME. PART ONE

The article examines the intertextuality of the poem by Venedikt Erofeev "Moscow – Petushki", its sources in fiction, folklore and scientific literature. It deals with the role of images of train and stairs in the poem, the reflection of Dostoevsky's works in it.

Key words: Erofeev, «Moscow – Petushki», intertextuality, centon, train, stairs.

Октябрьская Ольга Святославовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры истории
нашей русской литературы и современного литературного
процесса филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
svyatoolga@yandex.ru

ЖАНР ПОУЧЕНИЯ В ЛИРИКЕ В. МАЯКОВСКОГО ДЛЯ ДЕТЕЙ

В статье выявляются жанровые признаки древнерусского поучения и реализация этого жанра в лирике В.В. Маяковского для детей. Дидактическая, эстетическая и идеологическая наполненность поучений Маяковского и их воспитательное значение для ребёнка.

Ключевые слова: детская литература, жанр поучения, лирика Маяковского, оригинальная метафора.

Жанр поучения весьма органичен для детской литературы, которая соединяет в себе эстетическую, познавательную и дидактическую функцию. Детская литература XIX века весьма дидактична. Литература XX века оказывает не меньшее воспитательное воздействие на своего адресата-ребёнка и читателя – как ребёнка, так и взрослого. Однако жанровые признаки поучения характерны далеко не для всех произведений литературы для детей. И только эксперименты со словом, жанровыми формами, стилем позволили писателям и поэтам XX века привнести этот жанр в современную им литературу.

Жанр поучения берет своё начало в античной литературе, а позже реализуется в византийской культуре. В русской словесности жанр поучения активно проявляет себя в так называемой «учительной литературе», начиная с XI в. Авторы излагают свои взгляды на политические, государственные, военные вопросы, а также выстраивают ценностную нравственную шкалу. Исследователь древнерусской литературы И.П. Ерёмин чётко разделяет древнерусское красноречие на дидактическое и эпидиктическое или торжественное. «Красноречие дидактическое обычно преследовало чисто практические цели непосредственного назидания, информации, полемики» [Ерёмин 1987: 65]. Учёный опре-

деляет жанровую специфику древнерусского поучения или беседы: «невелики по объёму, часто лишены каких-либо риторических украшений, писались или произносились на общедоступном, почти живом и разговорном древнерусском языке» [Ерёмин 1987: 65].

В.В. Кусков отмечает и другие особенности жанра поучения – постановка и решение задач «общегосударственного порядка» [Кусков 2008: 77]. Стилистическое своеобразие поучения учёный видит в соединении книжного языка с элементами живого разговорного языка, «наличии отточенных, ярких, легко запоминающихся афористических выражений» [Кусков 2008: 81].

Современные исследователи жанра древнерусского поучения делают акцент на личности автора, которая выявляется в стиле произведения, нравственной составляющей поучения: «проповедь, поучение как дидактический жанр, несомненно, имеет коммуникативную направленность, предполагая акт общения проповедника, учителя и его паствы» [Никищенкова 2010: 16]. Если Никищенкова не разделяет жанры поучения и проповеди, то Е.И. Сарин отделяет один от другого, доказывая, что жанр поучения создавался «не для устного произнесения в церкви во время богослужений <...> а для индивидуального душеполезного чтения» [Сарин 2010: 72].

Таким образом, жанр поучения имеет дидактическую направленность, широкую доказательную базу автора в защиту своей «учительной» концепции, высокую рецептивность за счёт чётко оформленной авторской позиции, адресацию определённой целевой аудитории и тропеическому стилю.

В начале 1920-х годов многие писатели и поэты были увлечены идеей переустройства мира и формирования нового человека, выстраивали свою систему нравственных ценностей и определяли приоритеты. Так, В.В. Маяковский был одержим идеей строительства нового мира и всячески приветствовал происходящие общественные изменения. Именно в конце 1910-х годов он обратился к адресату-ребёнку и начал создавать произведения «для детков».

Маяковский активно опирается на жанр поучения в своих детских произведениях и создаёт четыре стихотворения–поучения: «Что такое хорошо и что такое плохо?», «История Власа –

лентяя и лоботряса», «Товарищу подростку», «Эта книжечка моя про моря и про маяк». Все эти произведения отличает динамизм повествования. Каждое из этих стихотворений адресовано читателю определённой возрастной категории. С этим адресатом автор вступает в своеобразный диалог, высказывая свою позицию. Наиболее ярко это выявляется в стихотворении «Что такое хорошо и что такое плохо?», где воспроизведена беседа мудрого взрослого и его «крошки сына». В остальных произведениях тоже видна менторская составляющая, но роль наставника берёт на себя поэт.

В каждом произведении заявлены – прямо или косвенно – две модели поведения – пример и антипример. Маяковский играет на контрастах, чётко выявляя идеал и антиидеал. Таким образом, нравственная составляющая выходит на передний план и становится очевидной.

В стихотворении «*Что такое хорошо и что такое плохо?*» (1925) Маяковский оперирует абстрактными понятиями, но наполняет их конкретным содержанием, демонстрируя свои приоритеты благодаря подбору понятных маленькому читателю примеров. Кроме того, поэт представляет целую цепь ассоциаций, выстраивая положительные и отрицательные нравственные вершины. Так, индивидуальные положительные человеческие качества – аккуратность, трудолюбие, смелость – гармонируют с ясным солнечным днём («солнце в целом свете» [Маяковский 1978: 200]). Неряшливость, драчливость, трусость ассоциируются с непогодой. Примечательно, что каждому отрицательному явлению в стихотворении противостоит положительное. Ребёнку необходимо дать ясные представления не только о том, что нельзя делать, какие качества характера негативные, но и противопоставлять всему этому позитив и правильный тип поведения.

Маяковский в один ряд выстраивает конкретику (ребёнок, у которого «грязь лежит на рожице», [Маяковский 1978: 201]; драчун и чистюля, маленький смельчак), абстрактные явления (ветер, град, «солнце в целом свете») и социальные аспекты (осуждаемый октябрятами неряха и трудолюбивый прилежный ученик). Таким образом, на самых разных уровнях решается одна из важных философских проблем и преподносится ребёнку в виде познавательной и поучительной беседы отца с сыном.

В центре повествования может быть запечатлен конкретный процесс, на примере которого решается важная нравственная задача. К примеру, работа маяка (*«Эта книжечка моя про моря и про маяк», 1926*). Детально, подробно описано строение прибора:

Наверху фонарище –
Яркий,
 как пожарище...
Чтобы всем заметиться,
Он ещё и вертится...
Чтобы пламя не погасло,
Подливает в лампу масло.
И чистит

 исключительное

Стекло увеличительное... [Маяковский 1978: 211].

Останавливается автор и на важности и актуальности работы на маяке – темнота и плохая видимость способны привести к страшным последствиям – кораблекрушению и катастрофе. Именно работающий маяк спасает положение:

Вдруг обрадован моряк:
Загорается маяк...

Всем показывает свет –

Здесь опасно или нет... [Маяковский 1978: 210-211].

В жанре стихотворного поучения представлен не только рассказ о маяке, дано описание механизма его работы, но и расставлены конкретные нравственно-дидактические акценты. Вся жизнь человека должна напоминать работающий маяк, помогающий другим ориентироваться в сложном мире. Оригинальная метафора (свет маяка – деятельность человека) воспринимается читателем-ребёнком живо и образно и становится во многом руководством к действию.

В сюжете может быть запечатлено взросление человека, когда поэтапно прослежена деградация героя (*«История Власа – лентяя и лоботряса», 1926*), а может быть заявлена конкретная программа жизни (*«Товарищу подростку», 1930*). Используя антонимический ряд, Маяковский противопоставляет асоциальное поведение Власа Прогулкина и идеал – трудовую жизнь человека:

У людей –
 работы гул,
У Прогулкина –
 прогул... [Маяковский 1978: 216].

Автору важно показать не только асоциальное поведение человека, но и сообщить читателю непреложную истину – неправильный образ жизни не возникает внезапно, а прививается с детства. Наглядно и поэтапно прослежен тупиковый путь жизни Власа. Всё начинается с малого – нарушения режима дня, невыполненного домашнего задания, прогулов в школе и т.д. Всё это приводит к необратимым последствиям – азартным играм, пьянству, увольнению с работы и т.д.

На таком же контрасте и дидактике выстроено и послание-поучение «*Товарищу подростку*». Смирение и умение приспособиться к любым обстоятельствам противостоят призыву к активной деятельности. Поднята в этих двух произведениях Маяковского и проблема ответственности взрослых за воспитание и конкретного чада, и целого поколения. Родители Прогулкина готовы прикрыть лень и прогулы сына письмом к «мучителю-учителю» [Маяковский 1978: 215], оправдывающим Власа, а служители культа из стихотворения «Товарищу подростку» призывают терпеть любые унижения и примириться с реальностью. Такое воспитание подвергается острой критике со стороны автора, который расставляет все акценты.

Эти два произведения написаны ярким тропеическим языком и использованием восклицаний, оригинальных метафор, эллипса:

Отец
 орёт ему:
 - Пора! –

Он –
 одеяло на уши... [Маяковский 1978: 213].

Особый смысл обретают игра слов и игра рифмой и ритмом. Маяковский активно использует увеличительные суффиксы («фонарище – пожарище», 211), синтаксический параллелизм: «Дуют ветры яростные, // гонят лодки парусные» [Маяковский 1978: 210], подхваты («Всё покрыто скалами, // Скалами немальми», [Маяковский 1978:210]), оперирует сложными понятиями, знакомя читателя с новыми явлениями: «Закружит волна

круженье. // Вот // и кораблекрушенье» [Маяковский 1978: 210], «И чистит исключительное // Стекло увеличительное» [Маяковский 1978: 211]. Рифму поэт чаще всего использует ассонансную парную или перекрёстную:

Капитан берёт бинокль,
Но бинокль помочь не мог... [Маяковский 1978:210] – рифма парная.

Пусть мрак беспросветен,
Пусть выкрики боли –
Растите, дети,
Резвитесь на воле... [Маяковский 1978: 242] – рифма перекрёстная.

Каждое из произведений этого жанра завершается ёмким и лаконичным выводом-моралью, содержащим итог всего поучения. Этот итог оформлен в виде обращения-призыва к читателю. Так, идея стихотворения «Что такое хорошо...» выражена предельно ясно: силы добра и справедливости, новые положительные явления действительности должны победить, но воспитывать эти качества необходимо с детства, поэтому голос автора так дидактичен: «Помни // это // каждый сын. // Знай // любой ребёнок: // вырастет // из сына // свин, // если сын – // свинёнок» [Маяковский 1978: 203]. Не случайно ключевые слова – «помни», «знай», «вырастет», «свин», «свинёнок» – вынесены в отдельные строки.

Безделие в детстве влечёт за собой мелкие грехи – прогулы в школе, обман родителей, но во взрослом состоянии – это гибель для человека. Зафиксированная в стихотворении «История Власа...» деградация человека по сути ставит крест на его жизни. Выросший Влас превращается в грязного и оборванного борова. Таким образом, не только происхождение, но и воспитание и общественное поведение может погубить человека. Но эта поучительная история требует не столько выводов, сколько наставления подрастающего поколения, которое необходимо оградить от ошибок Власа: «Дети, // не будьте // такими, как Влас! // Радостно

// книгу возьмите // и – в класс! // Вооружись // учебником-книгой! // С детства // мозги // развивай и двигай!» [Маяковский 1978: 216–217].

Автор призывает ребёнка, особенно подростка, с детства принимать активное участие в строительстве новой жизни, которая провоцирует раннее вовлечение человека в решение общественных проблем, помогает с детства выбрать соответствующий требованиям времени путь («Товарищу подростку»). Призыв к выработке активной жизненной позиции содержится и в стихотворении «Эта книжечка моя...» и носит аллегорический характер, содержит метафорически-обобщённый смысл: «Дети, // будьте как маяк! // Всем, // кто ночью плыть не могут, // освещай огнём дорогу...» [Маяковский 1978: 212].

Таким образом, жанр древнерусского красноречия – поучение – находит оригинальное воплощение в творчестве Маяковского для детей. Дидактический вектор жанра поучения совпадает со спецификой детской литературы и необходимостью сориентировать и наставить подрастающее поколение 1920-х годов в новой социокультурной ситуации. При этом новое содержание произведений Маяковского оказывается органичным форме поучения-беседы о важных проблемах современной жизни. Доверительная беседа поэта с ребёнком оформлена в виде рассказа о положительных и/ или отрицательных явлениях жизни и поучительных выводов, которые по сути являются призывом к читателю.

ЛИТЕРАТУРА

- Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древнерусской литературы. – Л., 1987.
- Кусков В.В. История древнерусской литературы: Учеб. для филол. спец. вузов / В.В. Кусков. – 8-е изд. – М.: Высшая школа, 2008. – 336 с.
- Маяковский В.В. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 6. М.: Правда, 1978.
- Никищенкова Г.В. Послания и поучения Феодосия Печерского. – Автореферат дисс... канд. филолог. наук. – Орёл, 2010.
- Сарин Е.И. Автобиографический дискурс в литературе Древней Руси XI – XIII веков (жития, поучения, послания). – Дисс... канд. филолог. наук. – Брянск, 2014.

Olga S. Oktyabrskaya
PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
svyatoolga@yandex.ru

**A GENRE OF TEACHINGS IN VLADIMIR MAYAKOVSKY'S LYRICS
FOR CHILDREN**

The article identifies genre characteristics of ancient teachings and the realization of this genre in the poetry of Vladimir Mayakovsky for kids. Didactic, aesthetic and ideological fullness of the teachings of the poet and their educational value for the child.

Key words: children's literature, a genre of teachings, the lyrics of Mayakovsky, the original metaphor.

Цзинь Тяньхао (Китай)
магистрант филологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
lukrezia 1994@gmail.com

ОБРАЗ ГОЛУБЯ В РАННЕЙ ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ

В данной статье рассматривается образ голубя в ранней поэзии Анны Ахматовой. Образ голубя — один из «предметов», через который Ахматова описывает чувство и настроение лирической героини. Статья представляет собой расширенный комментарий образа «голубь», а также описание ассоциативных связей и художественной функции этого образа в ранних стихотворениях Ахматовой.

Ключевые слова: идиостиль, образ голубя, предмет, специфика поэтического слова, эпитет, ассоциативные связи

По мнению Виноградова, особенность стиля ранней поэзии Ахматовой — своеобразная «бедность словаря». Простые слова «становятся центрами семантических сфер», «на которые, как на психический фон, наслаиваются... ряды символов, связанных крепко один с другим нитями ассоциаций» [Виноградов 1922: 281]. Благодаря этим цепочкам ассоциаций слова «простые» приобретают в поэзии Ахматовой «эмоциональный вес и значительность необыкновенную» [Виноградов 1922: 282]. «Для первого периода, — утверждает Л. Гинзбург, — характерна предметность, слово, не перестроенное метафорой, но резко преображенное контекстом. Вещь в стихе остается вещью, конкретностью, но получает обобщенный, расширенный смысл», через связь с контекстом культуры. [Гинзбург 1991: 127].

Художественная функция этих «простых» слов в ранних стихах Ахматовой служит «приметами» («уликами») душевного состояния лирической героини. [Жирмунский 1973].

Когда речь идёт о символах ранней поэзии Ахматовой, её ключевых темах, то в качестве «постоянных символов» Виноградов анализирует те, что «располагаются вокруг главных тем творчества Ахматовой — любви, молитвы и песни» [Виноградов 1925: 283]. Наиболее тесно связаны с тем «нимбом представлений, который окружает в сознании Ахматовой слова — «петь,

песня» — слова, обозначающие птиц» [Виноградов 1922: 293]. Мир поэзии Ахматовой – это поющий мир. Орнитоморфные образы широко представлены в её поэзии. Это и реально существующие птицы, такие, как: *голубь*, орёл, лебедь, ворон, ворона, кукушка, журавль, сова, ласточка, соловей, чиж, иволга и ястреб, и мифические птицы, такие, как: сирин, алконост и гамаюн. В данной статье рассматривается образ *голубя* в ранней поэзии Ахматовой.

Голубь – относится к числу типичных русских мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться при описании ситуации или как обращение [Лингвокультурологический словарь 2004: 73].

Как показывают материалы «Словаря поэтических образов», образ голубя – традиционен для русской поэзии. В русской поэзии голубь может быть символом раба, ангела, стрелы, ноты, связывающийся со снегами, жемчугом и кипением; голубь – «Эмблема кротости, любимый житель неба» [Словарь Поэтических образов 1999: 138]. У Пушкина *“Взгляни, — сказал, — с подругой голубок/ Там обнялись под тенью лип густою”* [Пушкин 1959]! У Петра Якубовича *“О голубь, бедный раб, тебя ль не презирать?”* У Бунина *“Воркующих, кипящих/ Сизых голубей”* [Бунин 1913]. У Хлебникова *“Там голубь... Полет на облаке чертил”* [Хлебников 1913]. У Кушнера *“Взметнутся голуби гирляндой черных нот. Как почерк осени на пушкинский похож”!* У Виктора Александровича Сосноры *“На всех ветвях сидят, как на веках, толстая, голубицы с голубями”* [Словарь Поэтических образов 1999: 138 - 153]. А у В. Я. Брюсова *“Голуби реяли смутно сквозь прозрачный снег”* [Брюсов 1981]. Ахматова продолжает эту традицию. Но в её поэзии образ голубя приобретает свою свежесть и новизну.

В народных представлениях голубь «чистая, святая, Божья птица. Противопоставлена хищным, черным птицам и нечистым животным (змее, козе) как воплощение добра и кротости» [Гура 1995: 515]. В русской народной поэзии голубь также обладает «любовно-брачной символикой». Например, «ворковать» (как голубки) значит «ласково, нежно, тихо говорить с кем-либо (как правило, о влюбленных)»; производные от слова голубь (голубок, голуба, голубчик, голубушка) используются «при ласковом обра-

щении к близкому человеку» [Лингвокультурологический словарь 2004: 73–74; Сергеева 2016]. Согласно народным представлениям голубь может быть почтовым вестником.

Кроме того, образ голубя тесно связан с библейской традицией. Согласно «Библии», в виде голубя сошел с небес Святой Дух во время крещения Христа (Мф.3: 16).

В ранних сборниках Ахматовой («Вечер», «Четки», « Белая стая», «Подорожник», «ANNO DOMINI») образ голубя встречается в следующих стихах: «Любовь» (“*То змейкой, свернувшись клубком, У самого сердца колдует, То целые дни голубком/ На белом окошке воркует*”), «Венеция» (“*Золотая голубятня у воды, Ласковой и млеюще-зеленой; Замечает ветерок соленый/ Черных лодок узкие следы*”), «Уединение» (“*И часто в окна комнаты моей/ Влетают ветры северных морей, И голубь ест из рук моих пшеницу... А не дописанную мной страницу — Божественно спокойна и легка, Допишет Музы смуглая рука*”), «Муза ушла по дороге...» (“*Я голубку ей дать хотела, Ту, что всех в голубятне белей, Но птица сама полетела/ За стройной гостьей моей*”), «Милому» (“*Голубя ко мне не присылай, Писем беспокойных не пиши, Ветром мартовским в лицо не вей*”), «Рахиль» (“*... Весёлые взоры Рахилиных глаз / И голос её голубиный: Иаков, не ты ли меня целовал/ И чёрной голубкой меня называл*”), «Другой голос» (“*Ты кроткою голубкой не прильнула / К моей груди, но коршуном когтила*”) [Ахматова 2014: 44, 55, 92, 118, 130, 193, 194].

Анна Ахматова вводит в языковую ткань стихов слово “голубь” и производные от него “голубок, голубка, голубь, голубятня”. При этом поэт использует эпитеты: “*белая голубка*”, “*золотая голубятня*” и “*черная голубка*”. Цвет в этих словосочетаниях, с одной стороны, конкретная изобразительная деталь, с другой стороны, цвет ассоциативно связан с традицией культуры, с символикой цвета в культуре. Как известно, цвет — один из элементов, при помощи которых создаётся модель мира поэта, в которой он приобретает символические характеристики. Ахматова продолжает данную традицию. «Чтобы дать образ переживания, не обязательно описывать самую эмоцию, достаточно описать реалии, которые запечатлевают сознание в момент сердечных потрясений. Предмет - цвет - чувство — так варьруется формула

архетипа в «акмеистически» предметной поэтике Ахматовой» [Кихней 1997].

Обращает на себя внимание тот факт, что в ранней поэзии Анны Ахматовой образ голубя почти всегда ассоциативно связан с белым цветом. И “*То целые дни голубком/ На белом окошке воркует*”, и “*Я голубку ей дать хотела, Ту, что всех в голубятне белей*”.

Лексема “**белый**” является постоянным эпитетом славянской народной поэзии, восходящей к эпохе доисторической и содержащей в том или ином виде явные признаки своего мифологического происхождения; «в художественном контексте эпитет белый приобретает значения «красивый, прекрасный», «лучший», «славный, достойный», «богатырский», «милый, любимый», «святой, священный», «удалой». Эти значения передают концептуально значимые ценностные характеристики, где отчетливо выделяются эстетический, этический, эмоциональный уровни» [Кипиани 2009: 12-18].

В стихотворении «Любовь» “**белый**” – символ чистоты, непорочности и атрибут высшей красоты. Для лирической героини, любовь — это чистота, покой, радость, нежное и приятное воркование голубей. [Виноградов 1922: 296]. В стихотворении «Муза ушла по дороге...» Ахматова опять связывает образ голубя с белым цветом. Образ белой голубки представляет собой воплощение чистоты и красоты самой Музы, самой поэзии и самого творчества.

В стихотворении «Венеция» Ахматова сравнивает Венецию с голубятней — “*Золотая голубятня у воды*”. Золотой цвет – цвет солнца. Он является символом тепла, солнечного света, роскоши, славы, красоты, мудрости, сияния, победы и опыта. Голубь на Площади Сан-Марко представляется одним из самых известных предметных и символических образов Венеции, как лодка и лев.

В стихотворении «Рахиль» (“*И чёрной голубкой меня называл*”) – цветовой эпитет “**черный**” скорее всего просто изобразительная деталь. у Рахили — черные волосы; голубка — ласковое обращение к женщине.

В стихотворении «Муза» (“*Муза ушла по дороге, Осенней, узкой, крутой, И были смуглые ноги*” и “*Я голубку ей дать хотела, Ту, что всех в голубятне белей*”) контрастно противопоставлены друг другу два эпитета **смуглый и белый**. Смуглый цвет

– темный, темноватой окраски (о коже лица, тела). Эпитет “смуглый” – повторяющийся в поэзии Ахматовой; кажется, что он нравится юной Ахматовой – “смуглый отрок” (о молодом Пушкине), “смуглая рука” и “смуглые ноги” (Музы), и “смуглая девчонка” (приморская). Смуглый – это цвет загорелого тела, белый – символическое изображение духовной чистоты. Смуглый (темный) цвет тела противопоставлен белому цвету голубя (души, поэзии, любви).

Слово *голубь* и его производные вступают в различные ассоциативные связи в стихах Ахматовой и являются выражением различных чувств, настроений и состояний. Так, в стихотворении «Любовь», слово *голубь* входит в лексико-тематическую группу «любовь». В этом стихотворении само слово «любовь» ни разу не названо, оно вынесено только в заглавие. Образ любви представлен через ряд внешних «предметов» и символических образов: змея и голубь. Это традиционные библейские образы. Змея – символ греха. В «Библии» именно змея соблазнила Еву запретным плодом (яблоком). А голубь – чистая, святая, Божья птица, служит символом непорочности, приметой чувства, а также уликой любви. Воркующие голубь с голубкой — символ влюбленных и ухаживания. Перед глазами читателей развернуты два лица любви при помощи антитезы. В данном стихотворении мы замечаем словесную четкость и строгость Ахматовой. С одной стороны, «Сама любовь, покоряющая обманно, напевом простым, неискусным, облекается в метафорический образ голубка» [Виноградов 1922: 296]. С другой, в эту голубиную «кротость» добавлена желчь змеиного яда.

Мы разбирали поэтические образы, традиционные как для поэзии Ахматовой, так и для русской поэзии и культуры. Но Ахматова не только продолжает традицию. В её поэзии образ голубя получает своеобразие и оригинальность. В индивидуально-авторской интерпретации Ахматовой образ голубя связан с темой творчества, голубка — атрибут Музы.

Лирическая ситуация стихотворения «Муза ушла по дороге...»: Муза ушла по дороге, и не оглянувшись на лирическую героиню, которая так верно ей служила, и отказалась от дара голубя, который “*всех в голубятне белей*”. Романтический образ

«белой голубки» символизирует душу автора, лирическая героиня хочет пожертвовать собой во имя творчества. Но жертва не востребована: белая голубка сама полетела за Музой. Муза – богиня творчества, богиня поэзии. Ж.Н. Колчина интерпретирует эти строки следующим образом: «Голубь, летящий вслед за Музой, является символом Святого Духа, которым лирическая героиня наделяет жительницу своего Парнаса» [Колчина 2006]. Муза ушла. И голубка улетела за ней. Конкретная деталь намекает, что душа Поэтессы всегда связана с поэзией. Стихотворение «Муза ушла по дороге» построено как простое, конкретное сюжетное повествование, но цепочка словесных ассоциаций: голубка – белая голубка – голубь – образ Святого духа – душа – Муза – актуализирует в сознании читателя весь комплекс историко-культурных связей. Голубь — символ Святого Духа, Святой Дух — это животворящая энергия. Поэтическое слово, поэзия, Муза — тоже духовная энергия, сила, преображающая мир.

В стихотворении «Уединение» Ахматова опять выстраивает ассоциативный ряд: голубь - Муза. Поэт сочиняет конкретно-образительную деталь — голубь ест пшеницу из рук лирической героини. Эта «примета», обозначение внутренней близости, связи лирической героини и музыки. Голубь поэтессе любит. Здесь голубь как символ Духа одновременно является и символом Музы. Кроме того, в данном стихотворении создается ассоциативный ряд: голубь – ветер. Ветер похож на голубя, также, как и голубь, ветер является предвестником и верным спутником творчества. “Смуглыми руками Музы” поэтесса превращает ветер и голубя в поэзию, камни в высокую Башню. В Башне творчества, с голубем и Музой, поэтесса пишет стихи. Она не знает об обыденности и не помнит об обиде.

Образ голубя в поэзии Ахматовой вступает в разнообразные контекстные связи. Интересно, что в стихотворении «Венеция» Ахматова сравнивает Венецию с голубятней. Это сравнение больше, чем простое изображение пейзажа, словосочетание “золотая голубятня” передаёт чувство и представление поэта о Венеции. Золотой — солнечный цвет. «Город, освещенный солнцем, кажется кротким, как голуби» [Вожакова 2016: 25].

Голубь в древности часто использовался для передачи писем, сообщений (почтовый голубь, голубиная почта). Ахматова актуализирует этот образ в своих стихах. Стихотворение «Милому» начинается со слов *“Голубя ко мне не присылай, Писем беспокойных не пиши, Ветром мартовским в лицо не вей”*. Стихотворение начинается с ряда отрицаний, которые являются «намеком», «уликой» главной темы стихотворения — “смерть невесты”. Как и в других стихотворениях, душевное состояние обозначается у Ахматовой внешним признаком, который делает его индивидуальным и конкретным. Слово *голубь* в этом стихотворении является «предметом», через которое показано настроение лирического героя – тоска и печаль. Через ряд отрицаний (“не присылай, не пиши, не вей”), выстраивается ассоциативный ряд: голубь – ветер. Эта ассоциация характерна для ранних стихов Ахматовой («Уединение»). Ахматовский ветер переносит любовь, как голубь переносит любовные письма. Конкретный эпитет «мартовский ветер» создаёт образ нежного весеннего ветра. Перед нами предстает изобразительная картина, которая в то же время является внешним изображением внутреннего состояния лирических героев стихотворения.

Таким образом, мы видим, что одной из характерных особенностей идиостиля Ахматовой является прием «непрямого» названия чувств и эмоций. Ахматова указывает на внешние проявления чувств или называет «приметы», сопутствующие чувствам или ассоциативно с ними связанные. Образ голубя — одна из таких «примет» чувств и настроений лирической героини. С одной стороны, слово голубь и его контекстные синонимы (голубок, голубка), слова, мотивированные словом голубь, (голубятня...), а также слова, вступающие с ним в контекстные связи, обозначают «простые» явления природы, простые предметные зрительные образы (голубок на окне, голубка в голубятне, голубком ворковать на белом окне — ворковать, как голубок; кормить голубя пшеницей, голубка полетела вслед, черная голубка – всё это конкретные зрительные образы, сюжетные детали и пр.). Но, с другой стороны, эти слова встроены в поэтическую, фольклорную и библейскую культурную традицию. Они вызывают целый комплекс образных ассоциаций, а также становятся «приметами» сложных и противоречивых чувств.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова А.А.* Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М.: Русский язык. Москва, 2014.
- Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В.* Лингвокультурологический словарь. Москва, 2004.
- Брюсов В.В.* Стихотворения. Москва, 1981.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. Петроград, 1922.
- Виноградов В.В.* “О поэзии Анны Ахматовой: (Стилистические наброски)” // Поэтика русской литературы. Ленинград, 1925.
- Вожакова В.* Образ Венеции в Русской Поэзии XX–XXI века. Пермь, 2016.
- Гинзбург Л.* Воспоминания об Анне Ахматовой. Ленинград, 1991.
- Гура А.В.* Голубь // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Москва, 1995.
- Жирмунский В.М.* Творчество Анны Ахматовой. Ленинград, 1970.
- Кипиани Н.А.* “Этноконнотации как путь к осмыслению феномена человека” // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Тбилиси, 2009.
- Кихней Л.Г.* Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. Москва, 1997.
- Колчина Ж.Н.* “Образ-мотив голубя в поэтическом контексте Ахматовой” // Художественный текст и культура. Владимир, 2006.
- Павлович Н.В.* Словарь поэтических образов. Том 1. СПб, 1999.
- Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10 томах. Том 1. Москва, 1959–1962.
- Сергеева О.М.* “Орнитологизмы в русской лексике” // Слово. Грамматика Речь. Выпуск XVII. М., 2016.

Jin Tianhao

Master of Science student, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
[*lukrezia.1994@gmail.com*](mailto:lukrezia.1994@gmail.com)

THE IMAGE OF DOVE IN THE EARLY POETRY OF ANNA AKHMATOVA

The article refers to the image of dove in the early poetry of Anna Akhmatova. The image of dove is one of the "objects" through which Akhmatova indicates feeling and mood. The article is an extended commentary on the image of dove, its different meanings and roles in Akhmatova's poems.

Key words: the image of dove, object, the specificity of the poetic word, epithet, associative connections

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Добровольская Валерия Васильевна
доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся
естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова
rkinature@cs.msu.su

ТЕКСТ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

В статье рассматривается вопрос о роли и месте текста в курсе РКИ, о текстовой деятельности учащихся, текстотеке курса РКИ, операционной основе работы с текстом и роли текста на конкретном занятии по РКИ.

Ключевые слова: восприятие, восстановление и построение текста, текстовая деятельность учащихся, текстотека курса РКИ, операционная основа работы с текстом, роль текста на занятии, текст как единица обучения.

Что делают наши учащиеся на уроках РКИ? Они усваивают языковые единицы и законы их употребления в речи, учатся строить правильное русское предложение. Они формируют свою информативную компетенцию, расширяют свои знания о российской действительности и дают свою оценку полученным сведениям. Они учатся строить свою речь в соответствии с целями высказывания и с учётом времени, места и характеристик адресата высказывания, адекватно общаться с носителями языка. В результате всего этого они могут воспринимать, воссоздавать и строить русский текст, обеспечивающий им адекватность общения с носителями языка в рамках известного им информативного поля.

В сущности процесс обучения РКИ можно с определённых позиций рассматривать как процесс текстовой деятельности учащихся. Можно без преувеличения утверждать, что учебная коммуникативная программа различных курсов РКИ отграничивается от коммуникации вообще именно совокупностью текстов,

которые учащийся может воспринимать, воспроизводить и продуцировать в рамках коммуникативно значимого для него информативного поля. Другие составляющие содержания обучения в курсе РКИ, как то: языковой материал на всех уровнях, система заданий по развитию навыков и умений в четырёх видах речевой деятельности и речь преподавателя, – призваны обеспечить возможность текстовой деятельности учащихся.

Рассмотрим несколько подробнее вопрос о том, из каких частей, точнее сказать, стадий (ступеней) состоит текстовая деятельность учащихся-иностранцев в ходе учебного процесса. Таких стадий можно выделить три:

- текстопонимание, то есть восприятие информативного содержания текста на базе его смыслового и структурного анализа;
- текстовоспроизведение, то есть восстановление информативного содержания текста с различными видами опор в полном, сжатом или трансформированном в другой заданный жанр виде;
- текстопостроение, то есть создание собственного авторского текста, синтезирование его из смысловых частей (абзацев, предложений, фрагментов предложений, словосочетаний, отдельных слов) с использованием различных средств и способов объединения информации и организации внутритекстовых связей.

Дополнительным этапом этого процесса является рассмотрение типологии текстов, коммуникативно значимых для учащихся конкретной категории. При этом типология изучаемых текстов может быть представлена более полно для сильных учащихся или выборочно для более слабого контингента.

Подчеркнём сразу, что описанное выше понимание целей и процесса обучения РКИ требует от преподавателя, вводящего на занятии любой языковой материал курса, обязательной адресации материала в текст, поскольку учащийся должен отчётливо понимать, в какой реальной ситуации, в каком контексте он может использовать впоследствии то или иное изучаемое языковое явление.

Принимая текстовое обоснование учебного процесса как его базу и цель, мы, естественно, должны прежде всего рассмотреть

вопрос о подборе текстов, о текстотеке курса РКИ. Текстотека курса РКИ в современном понимании этого термина – это не иллюстрация изучаемых в курсе языковых явлений текстовыми примерами (хотя такая частная задача существует и реализуется) и не просто перечень используемых на занятиях текстов, а заранее определённая и продуманная последовательность текстов заданного содержания, вида и жанра, которые составляют основу обучения и в силу этого являются базовой единицей содержания курса обучения РКИ. Все остальные составляющие содержания курса, как уже об этом говорилось выше, должны обеспечить текстовую деятельность учащихся как в ходе учебного процесса, так и после его окончания в реальном общении на изучаемом языке.

Отметим, что в современной текстотеке курса РКИ должны быть достаточно чётко определены ведущие характеристики составляющих её текстов, как то: информативное содержание текста, на базе которого, как известно, формируются информативные единицы, составляющие содержательную программу курса РКИ в целом; вид речевой деятельности, в которую адресуется текст и которая определяет его типологию; сфера коммуникативного подключения, к которой относится текст, диктующая его жанровые особенности; последовательность формирования навыков и умений в операциях с текстом, обеспечивающих возможность воспринимать, воспроизводить и продуцировать текст заданного жанра; частотность употребления используемых в них лексико-грамматических средств и степень их активизации при работе с данным текстом; стилистические характеристики текста; его объём и т.п.

Другая сторона подготовки текстового обоснования курса РКИ до его начала – просчёт и анализ операций с текстом-источником и текстом построения, создаваемым учащимися, которые будут отрабатываться в ходе курса обучения. Некоторые из этих операций важны на всех трёх этапах работы с текстом (например, смысловой и структурный анализ текста), некоторые являются принадлежностью одного из этапов (например, использование связующих средств для построения текста). Но и в том, и в другом случае их основой является оперирование информативным содержанием текста с учётом использования соответствующих

этим операциям действий с языковым материалом текста. Смысловой и структурный анализ текста, извлечение из текста основной или целевой информации, компрессия или контаминация информативного содержания текста, комментирование информативного содержания текста, трансформация текста в текст заданного жанра (аннотирование, конспектирование, реферирование, тезирование и др.), построение авторского текста – вот приблизительный перечень операций с текстом-источником, который, естественно, в каждом конкретном случае корректируется учебным планом реальной категории обучающихся.

При этом задача преподавателя заключается в том, чтобы, объяснив учащимся суть, назначение и методику проведения названных операций, передать механизм их использования в руки учащихся, чтобы они, например, получив задание «Составьте тезисы текста», отчётливо представляли себе, что должны последовательно произвести деление текста на смысловые части, сброс избыточной информации, постановку вопроса к каждой смысловой части, выбор основной информации для ответа и перекодирование информации в стандартную форму тезиса. Только владея операционной основой необходимых действий с языковым и информативным материалом текста-источника, учащийся сможет адекватно понять текст и построить на его основе (или примере) текст заданного жанра.

Теперь следует более детально рассмотреть вопрос о том, какую роль играет текст на конкретном занятии по РКИ. Этот вопрос включает в себя два подвопроса: в каком соотношении находится текст и информативная тема занятия (или цикла занятий); в каком соотношении находится текст с конкретным языковым материалом, который в большинстве случаев отрабатывается на занятии на уровне предложения.

Прежде всего будем иметь в виду, что текст может играть на уроке разную роль, и выбор того или иного типа и жанра текста в качестве материала занятия определяется именно его целевой направленностью. Рассмотрим некоторые наиболее частотные функции текста на уроке.

Прежде всего следует отметить, что в большей части современных курсов РКИ существует понятие так называемого основного текста, главного, основополагающего с точки зрения представления ведущей информативной темы занятия или цикла занятий. Его информативное содержание и реализующий его языковой состав тесно связаны с содержанием цикла занятий и информативным полем курса в целом. По существу, такой текст является базой языкового прочтения этой темы. На основании анализа последовательности работы с основным текстом может быть предложена классификация занятий внутри цикла. Так, например, Е.И. Пассов различает в составе цикла: уроки предтекстового этапа, где, в основном, отрабатывается лексический и грамматический материал до предъявления его в тексте, основополагающем по теме; уроки текстового этапа – обучение комбинированию речевого материала текста и его репродукции; уроки послетекстового этапа – обучение продуктивному использованию языкового материала по данной теме в новых ситуациях и, наконец, уроки творческого этапа – развитие неподготовленной речи на материале изученных тем. [Пассов 1977]. В предлагаемой Е.И. Пассовым классификации ясно просматривается связь: тема – текст – языковой материал, и в то же время она подчёркивает роль основного (основополагающего) текста в учебном процессе. При любом варианте организации цикла занятий основной текст занимает в них важное место: в репродуктивных видах речевой деятельности он выступает как источник информации, в продуктивных – как авторский текст, реализующий цели, заданные программой конкретного курса.

Вторая важная роль текста на занятии состоит в том, что он выступает как основа языковой работы, то есть включает в себя или представляет собой языковой образец изучаемого материала, который в ходе занятия подлежит объяснению и тренировке. Текст также может фигурировать в составе самих языковых заданий, хотя их основной единицей является предложение как минимальная языковая единица, в рамках которой можно достаточно чётко определить границы и характер зависимости смыслов определённой ситуации.

Приведём несколько примеров, как в задание включаются фрагменты, характеризующие связи «предложение – текст». Так, в задании, обобщающем различные формы выражения категории времени в русском языке, объединяет материал фамилия известного русского учёного, и все предложения, взятые в совокупности, организуют текст о жизни и деятельности этого учёного. Так, в другом задании, тренирующем владение языковыми средствами оценки информации, учащимся предлагается провести как бы обратную операцию: разделить текст на фрагменты (предложения) и оценить информацию каждого из них с помощью предложенных языковых средств. Обратим внимание и на достаточно частотную формулировку заданий, в которой используются смысловые ориентиры типа «сделайте вывод», «сопоставьте факты», «укажите причинно-следственную зависимость между фактами» и т.п., которые сами по себе носят текстообразующий характер, направляя мысль учащихся на общее смысловое содержание высказывания. Подобные соотношения можно наблюдать и в обучающих, и в контрольных материалах курса РКИ.

Кроме того, в рамках занятия может строиться авторский монологический текст заданного жанра в устной или письменной форме, который продуцируется учащимися с опорой на определённую лексико-грамматическую базу или путём комбинации языкового материала других текстов.

В рамках занятия может быть представлено вопросно-ответное единство, строящееся в ходе обсуждения какой-либо темы, беседы или дискуссии, которое также можно рассматривать как основу продуцирования авторского текста.

Наконец, в состав занятия как его подчасть входит чтение и анализ текстов научного стиля речи, связанных со специальностью учащихся, художественные тексты русских писателей, страноведческие тексты, используемые как источник формирования информативной и коммуникативной компетенции учащихся в области их специальности и культурно-исторической сфере общения. Иногда такие тексты выступают на занятии в качестве основных и являются, как об этом уже говорилось выше, базой ин-

формативного и языкового прочтения темы цикла занятий. Иногда они, взятые в совокупности, образуют самостоятельный аспект занятия со своей, кстати сказать, хорошо разработанной частной методикой для каждого из названных типов текста.

Есть и ещё одна роль текста на занятии. Существует такое понятие, как контекст самого занятия, который составляет последовательность всех реплик и высказываний преподавателя, ведущего урок. Цель введения такого контекста очевидна: это создание и поддержка рабочей атмосферы на протяжении всего урока, создание максимально благоприятных условий для осуществления речевых действий учащихся. Контекст занятия читается параллельно в репликах преподавателя и деятельности учащихся на протяжении урока.

Обобщая сказанное, ещё раз подчеркнём, что роль текста на занятии многогранна и многопланова, и типология текстов курса и их соотношение в цикле занятий и в курсе в целом диктуется целями обучения конкретной категории учащихся.

В заключение вспомним вечный вопрос, касающийся проблемы текста на занятии: в каком смысле можно назвать текст единицей обучения?

Думается, что ответ, вытекающий из наших предыдущих рассуждений, может звучать так: если учащийся иностранец может воспринимать, воспроизводить и создавать текст определённого информативного содержания, лексико-грамматического наполнения и коммуникативно значимого для него жанра, то именно это умение является базой формирования его языковой, речевой, информативной и коммуникативной компетенции. Текстовая база курса РКИ – это его основа.

ЛИТЕРАТУРА

Безяева М.Г. Коммуникативное поле как единица языка и текста // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XV. М., 2014.

Добровольская В.В. Текстотека курса РКИ (новое понимание термина) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XV. М., 2014.

Добровольская В.В. Урок в системе обучения русскому как иностранному // Сборник методических статей. М., МАКС Пресс, 2015.

Пассов Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам. М., 1977.

Рогова К.А. Типы текста как явления глубинного литературно-языкового уровня // *Язык. Литература. Культура.* Вып. 9. М., МАКС Пресс, 2013.

Valeriia V. Dobrovolskaya
Lomonosov MSU, Russia, Moscow
rknature@cs.msu.su

TEXT IN THE COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

This article discusses the role of the text in the course of Russian as a foreign language, the students interaction with the text, the text corpus of Russian as a foreign language, the operational basis for the work with texts and the role of the text during class time.

Key words: text perception, text reconstruction, text construction, students interaction with the text, text corpus of Russian as a foreign language, operational basis for the text activities, role of the text at the lesson, text as an essential component of studies.

Маширапова Гайнель-Хаят Кудайбергеновна
магистрант Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ло-
моносова, Республика Казахстан, Астана
gainelhayat93@mail.ru

АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ УЧАЩИХСЯ РАЗНОГО ПОЛА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье приведены данные о тестирования студентов на предмет выявления склонности к определенному когнитивному стилю на основе опросника VARK. Автор предпринимает попытку установления взаимосвязи между предпочитаемым когнитивным стилем и гендерной принадлежностью. Практическая значимость этого исследования заключается в возможности применения результатов исследования в методике русского языка как иностранного

Ключевые слова: гендер, когнитивный стиль, сенсорный режим, методика, русский язык как иностранный.

При отборе содержательной стороны обучающего процесса важно учитывать психофизиологические особенности учащихся. Это позволит максимально удовлетворить их учебные потребности, выстроить учебный процесс соответственно конкретным целям студентов, стимулировать их интерес к познанию, мотивировать к освоению коммуникативной деятельности. Разумеется, не существует такой методики, которая могла бы учесть индивидуальные потребности каждого студента, но в наших силах подходить к разработке методических приемов, дифференцируя их по тем или иным групповым особенностям.

В рамках нашего исследования принципом для выделения таких групп стал гендерный признак.

Как известно, гендер – это социально-психологический пол человека, совокупность его психологических характеристик и особенностей социального поведения, проявляющихся в общении и взаимодействии. Под гендерным подходом в обучении традиционно понимается учет гендерно-типологических особенностей развития учащихся в процессе обучения и создание условий,

направленных на максимальную реализацию личностного потенциала представителей разных групп [Штылева 2004].

Для определения различий в обучении между юношами и девушками мы решили установить связь между гендерной принадлежностью и предпочитаемым когнитивным стилем. На сегодняшний день в педагогическом процессе применяются различные опросники, позволяющие установить индивидуальный когнитивный стиль: Майерс-Бриггс, NEO PI-R, VARK и др. Мы выбрали в качестве базы своего исследования опросник VARK по ряду причин: простота прохождения (16 вопросов с вариантами ответов), свободный доступ онлайн [<http://www.vark-learn.com>], конкретные рекомендации по обучению в конце прохождения теста. По результатам тестирования определяется склонность к тому или иному сенсорному (когнитивному) режиму. В системе VARK предусмотрено четыре режима: визуальный (V), аудиальный (A), вербальный (R) и кинестетический (K).

Визуальный режим подразумевает обращение в ходе урока к графикам, таблицам и схемам, всем возможным наглядным средствам обучения. В ходе работы со студентами-аудиалами акцент ставится на слуховое восприятие лекций, прослушивание аудиозаписей, обучение по аудиоурокам. Кинестетический режим предполагает обучение на практическом опыте, научные эксперименты, в которых задействованы осязание, слух, обоняние, зрение и вкус. Вербальный включает в себя все виды работы с текстовой информацией, активную речевую деятельность (чтение, письмо). Таким образом, VARK – это система по дифференциации учащихся, в основе которой личностные образовательные склонности индивидуума [Fleming 1995].

Мы провели опрос среди студентов в возрасте от 18 до 22 лет. Всего в нашем исследовании приняло участие 104 респондента: 50 человек мужского пола и 54 – женского. Опрос проводился онлайн, в виде письма с просьбой перейти по ссылке, пройти опрос и прислать результаты в форме скриншота (снимка экрана) с указанием пола респондента. После получения результатов тестирования нами был проведен анализ соотношения гендерной принадлежности и предпочитаемого когнитивного стиля. Полученные результаты представлены в таблицах 1-2.

Таблица 1. Результаты тестирования VARK респондентов мужского пола.

Сенсорный режим	Количество респондентов	Процент, %
V	6	13
A	30	60
R	4	8
K	19	39

Таблица 2. Результаты тестирования VARK респондентов женского пола.

Сенсорный режим	Количество респондентов	Процент, %
V	8	14
A	17	31
R	14	25
K	28	51

Как видно из данных таблиц, девушки и юноши ориентированы на разные когнитивные стили в процессе обучения. Тестирование показало, что 60% респондентов мужского пола предпочитает аудиальный тип обучения, 39% - кинестетический (то есть опытно-экспериментальный), 13% - визуальный и всего 8% - вербальный. Что касается респондентов женского пола, то среди них преобладает кинестетический сенсорный режим – 51%, на втором месте – аудиальный (31%), затем вербальный – 25%, и наименее предпочтительным является визуальный – 14%. Кроме того, у 34 респондентов мужского пола (69,5%) и у 30 – женского пола (55,5%) выявлена мультимодальность когнитивного процесса. Это означает, что учащийся может получать и усваивать новую информацию с помощью двух или более сенсорных режимов с незначительным преобладанием какого-то одного, либо в равной степени. Унимодальность, то есть значительное преобладание одного определенного режима и рецессия остальных стилей прослеживается у 30,5% респондентов мужского и 44,5% женского пола.

Если обобщить полученные результаты, то мы видим, что для юношей более характерно слуховое восприятие новой информации. Среди предпочтительных методик преподавания будет внедрение в ход урока элемента дискуссии, во время которой учащиеся смогут обмениваться мнениями, повторять и закреплять в памяти пройденный материал. В этом случае запоминанию информации способствует не только восприятие ее на слух, но и самостоятельное проговаривание в ходе обсуждения с другими студентами и преподавателем. Что касается девушек, то для них чрезвычайно важно закрепление новой информации на практике, опытным путем. Каждое новое грамматическое правило следует подкреплять примерами и отработкой упражнений и заданий по новой теме. На эффективное обучение влияет взаимодействие преподавателя с учащимся: эмоциональная речь, примеры из жизни. Вся информация должна быть наглядна, имеет место задействование визуальной памяти (рисунки, схемы, таблицы). Полезно время от времени применять метод самостоятельной работы над ошибками.

Из всего вышесказанного следует вывод, что юноши и девушки нуждаются в разных, выработанных специально с учетом гендерных особенностей, моделях обучения. Этот аспект необходимо принять во внимание как разработчикам учебных пособий, так и преподавателям.

ЛИТЕРАТУРА

Опросник по стратегиям обучения VARK [Электронный ресурс]. <http://www.vark-learn.com>

Штылева, Л.В. Гендерный подход в образовании: Учебная программа и методические рекомендации к курсу / Л.В. Штылева. – Мурманск: МПГУ, 2004.

Fleming ND. I'm different; not dumb. Modes of presentation (VARK) in the tertiary classroom. // Research and Development in Higher Education, edited by Zelmer A. Proceedings of the 1995 Annual Conference of the Higher Education and Research Development Society of Australasia 18: 308–313, 1995.

Mashrapova Gainel-Khayat
Master of Science student, Lomonosov MSU
(Kazakhstan branch), Kazakhstan, Astana
gainelhayat93@mail.ru

**ANALYSIS OF COGNITIVE STYLES AMONG DIFFERENT GENDER
STUDENTS IN THE ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN
LANGUAGE**

The article presents data on students' testing for revealing their propensity for a certain cognitive style based on the VARK questionnaire. The author attempts to establish the relationship between the preferred cognitive style and gender. The practical importance of this study lies in the possibility of applying the results of research in the methodology of the Russian language as a foreign language.

Key words: gender, cognitive style, touch mode, methodology, Russian as a foreign language.

Потёмкина Екатерина Владимировна
кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры
русского языка для иностранных учащихся филологического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
Kpisareva@yandex.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ КАК МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассмотрены результаты эксперимента, проведенного в иностранной аудитории и основанного на понятии «ассоциативное поле»; продемонстрировано влияние реконструкции фрагментов ассоциативно-вербальной сети на экспликацию процесса формирования билингвальной личности учащихся.

Ключевые слова: лингводидактика; билингвальная личность; ассоциативное поле; Русский ассоциативный словарь.

Всё чаще объектом изучения современной лингводидактики становится «языковая личность» учащегося, которая также обозначается термином «билингвальная личность» [Ружицкий, Потёмкина 2013]. Причину пристального рассмотрения данного понятия объясняет высказанная А.Н. Леонтьевым мысль о том, что одним из факторов, влияющих на процесс овладения вторым языком, является то, какое место занимает изучаемый язык не только в системе ценностей, но и в реальной жизнедеятельности личности, т. е. деятельности в ее психологическом значении [Леонтьев 1971].

В настоящее время считается ошибочным определять цель изучения иностранного языка как способность отдельного человека или группы людей общаться на двух языках, так как такое определение отражает лишь одну из граней данного процесса. Двужычие – это сложное, многоплановое явление, результатом которого является формирование отличной от родной языковой личности (далее ЯЛ). Подтверждением данной идеи являются многочисленные экспериментальные исследования, в результате которых выясняется, что в зависимости от использования в жизни того или иного языка говорящие по-разному воспринимают информацию. Так, например, Сюзан Эрвин-Трипп из Калифорнийского университета в Беркли в 60-х гг. XX в. провела

исследование с участием англо-японских билингвов, которым она предлагала дополнить одинаковые по смыслу незавершенные предложения на каждом из двух языков. Оказалось, что респонденты в зависимости от используемого языка выбирали разные концовки. Фраза «Настоящие друзья должны...» на японском языке заканчивалась словами «помогать друг другу», а на английском – «быть искренними». В каждом случае ответы испытуемых были схожи с соответствующими ответами монолингвов. Согласно другому исследованию у англо-греческих билингвов в зависимости от языка меняется эмоциональное восприятие одного и того же рассказа. Эрвин-Трипп предположила, что билингвы пользуются двумя ментальными каналами, т. е. в их голове уживаются две личности [Деланж 2012].

Человек не столько общается на иностранном языке, сколько осознает себя, рефлектирует в рамках новой ЯЛ – т. е. тех знаний, стереотипов, интенций, образов и ассоциаций, которые усвоены им из новой языковой картины мира. Такое понимание процесса овладения иностранным языком требует новых лингводидактических методов, которые максимально активизируют рефлексивную деятельность учащихся – формируют навыки и умения, которые позволяют им самостоятельно выявлять различия, существующие на всех уровнях их родной и русской ЯЛ и, соответственно, обеспечивают диалогичность этих структур внутри билингвальной личности. В соответствии с концепцией ЯЛ Ю.Н. Караулова на уровне лексикона эти навыки и умения будут заключаться в способности учащихся сопоставлять синтагматические и парадигматические отношения между лексическими единицами двух языков (омонимами, паронимами, архаизмами, а также безэквивалентной лексикой и др.); на когнитивном уровне – в способности систематизировать, иерархизировать такие структурные единицы ЯЛ, как слова-концепты, слова-символы, фреймы [Потёмкина 2011], мнемы [Ружицкий 2015], идиомы, прецедентные тексты [Потёмкина 2013] и др., а также выявлять их функцию в речи; на прагматическом уровне – в способности воспринимать и правильно употреблять в речи эмоционально-экспрессивную лексику, междометия и модальные частицы [Ружицкий 2001] и др., понимать интенциональную сторону высказывания и, соответственно, адекватно интерпретировать содержание и смысл целого текста.

Не менее важно учитывать в процессе рефлексии относительно единиц на разных уровнях ЯЛ, какая взаимосвязь существует между ними, т. е. учитывать структуру всей ассоциативно-вербальной сети ЯЛ, порядок распределения единиц языка по разным ассоциативным полям [Караулов 2002]. Формирование перечисленных навыков и умений предполагает разработку в методике преподавания иностранных языков новых типов заданий, материалом для которых служат все названные структурные единицы русской ЯЛ, а также типы их объединений. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать потенциал такой лингводидактической единицы, как ассоциативное поле, и возможности использования на занятии материалов ассоциативных словарей.

Ассоциативное поле (далее АП) рассматривается нами как упорядоченный фрагмент ассоциативно-вербальной сети, или по-другому – «ассоциативного словаря» ЯЛ, т. е. такого словаря, структура и единицы которого могут быть выявлены путем проведения массового ассоциативного эксперимента. Материалом, от которого мы отталкиваемся в своей работе, является ассоциативный словарь русской ЯЛ Ю.Н. Караулова (далее РАС), который был создан по результатам проведения в России массового ассоциативного эксперимента в 1988–1997 гг. [РАС 2002]: задачей каждого респондента было назвать первые ассоциации (слова-реакции), которые пришли ему в голову, когда он услышал то или иное слово-стимул. Результаты эксперимента показали, что одно слово-реакция (ассоциат) может относиться к разным словам-стимулам и включаться одновременно во множество статей словаря. Соответственно, каждый ассоциат может, во-первых, быть напрямую или через несколько шагов связан с любой другой единицей одной словарной статьи (формируя ассоциативные цепочки внутри одного АП) и, во-вторых, – являться связующим звеном по отношению к другой словарной статье (выявляя цепочки самих АП.) Приведём пример представленного в РАС ассоциативного поля КОТ. Среди наиболее частотных реакций представлены единицы *черный, собака, Бегемот, животное, пушистый*. Среди одиночных реакций представлены ассоциаты: *Вася, Баюн, Матроскин*. При этом слово-стимул *ВАСЯ* имеет реакцию *кот* в качестве наиболее частотной. Этот простой пример

помогает представить сложность внутренней организации «ассоциативного словаря» ЯЛ, системы его прямого и обратного поиска, которая асимметрична.

Анализ материалов, полученных в результате проведения массового ассоциативного эксперимента, позволяют сделать важный для лингводидактики вывод о том, что отношения внутри РАС и, уже – АП, охватывают всю совокупность грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических связей, а также фоновых и прагматических компонентов в структуре русской ЯЛ; это проявляется посредством включения в АП слов-реакций именно в той форме, в которой они были представлены в анкетах респондентов, то есть спонтанно возникших в речи (анализ показывает, что грамматикализованным оказывается около 75% единиц словаря). Так среди слов-реакций к слову КОТ выступают: собака, Бегемот, не люблю, в мешке, наплакал, выбежал, мой и др. Это говорит о таком свойстве АП как его предречевая готовность. Имея в своей основе ядро – слово-стимул, АП в любой момент может развернуться из этой точки в текст, как устный, так и письменный. Именно это свойство обеспечивает лингводидактический потенциал АП при формировании у иностранных учащихся навыков и умений конструировать словосочетания и предложения и продуцировать текст в соответствии с коммуникативной ситуацией. Как отмечает Ю.Н. Караулов, «любое слово в нашем сознании, в памяти не существует в отдельности: оно десятками, сотнями нитей тянется к другим словам, ищет пару, хочет превратиться в модель. При этом каждая пара стимул-реакция – это еще не законченное высказывание, но уже необходимая его составляющая» [Караулов 2002: 751].

Кроме того, что особенно важно для лингводидактики, проведенный эксперимент выявил коллективную и индивидуальную составляющую РАС, а также его национальную специфичность.

Отметим, что сам Ю.Н. Караулов выделяет следующие характеристики АП как единицы обучения: 1) каждое словосочетание, образуемое соединением стимула и реакции, может рассматриваться как речевая модель, и значит, каждое АП может служить источником составления учебных заданий, упражнений на словосочетания; 2) модели двух слов представляют собой строительный материал для полных предложений; 3) богатство информации, со-

держась в совокупности единиц АП, позволяет продемонстрировать реализацию всех значений многозначного стимула, рассмотреть его синонимические, антонимические, паронимические и омонимические и др. отношения; 4) поскольку ассоциативно-вербальная сеть содержит не только лексическую и грамматическую, но также и когнитивную и прагматическую информацию, то структура АП, выделение в ней ядра и периферии, дает материал для изучения русской ЯЛ [Караулов 2002].

Итак, результат анализа лингводидактического потенциала категории «ассоциативное поле» стал основанием для проведения нами в иностранной аудитории опытного обучения с целью проверки гипотезы о том, что использование в практике преподавания иностранного языка понятия «ассоциативное поле» и материалов РАС может в значительной степени способствовать формированию билингвальной личности.

Описываемое в работе опытное обучение проводилось в группе иностранных учащихся, владеющих русским языком в объеме первого сертификационного уровня. В качестве учебного материала для занятий по чтению было выбрано пособие «Непропавшие сюжеты». Для иллюстрации структуры ассоциативного словаря русского языка было неслучайно выбрано слово-стимул КОТ, поскольку самым первым художественным текстом, прочитанным в группе иностранных учащихся, был рассказ К.Г. Паустовского «Кот-ворюга», в котором описывается процесс перевоспитания кота-хулигана в кота-милиционера. В дополнение к представленным в пособии послетекстовым упражнениям, была разработана система заданий, направленная на интерпретацию названия этого и других рассказов из учебного пособия, в основе которой лежало понятие «ассоциативное поле». Основным методом его реконструкции стал свободный ассоциативный эксперимент. Отметим, что реконструкцию АП мы понимаем, во-первых, как процесс воспроизведения фрагментов ассоциативно-вербальной сети, сформированных в прошлом и хранящихся в языковом сознании иностранных учащихся, и, во-вторых, как процесс их изменения, модификации в условиях формирования билингвальной личности.

Следует подчеркнуть, что студентам впервые было предложено принять участие в ассоциативном эксперименте: они ничего

не знали ни о методике его проведения, ни о его целях, – однако результаты данного эксперимента можно признать успешными. Представим ход его выполнения.

После выполнения предложенного в пособии послетекстового задания («Расскажите, какой был кот, вспоминая содержание рассказа»¹), иностранные учащиеся получили анкеты, в которые надо было вписать 5–7 слов, связанных, в их понимании, со словом *кот*². Представим результаты эксперимента, полученные в группе студентов из Японии, КНР, Тайваня и Республики Южная Корея (всего приняли участие 6 человек). На заданное слово-стимул были даны реакции, в разных анкетах количество варьировалось от 3 до 8. Мы разделили реакции студентов на две группы: национально немаркированную и национально маркированную.

КОТ¹ → маленький (3), милый (2), красивый (2), рыба (2), быстро бегать, высокое и узкое место, женственный, зверь, капризный, любит играть в мяч, мягкий, самостоятельный, соня, часто <...> вещи;

КОТ² → ночной рынок, японский писатель Нацуме Сосэки³, Эрмитаж, зима, мандарин, котацу⁴.

После заполнения анкет следовало обсуждение выбранных студентами слов: «Почему вы выбрали это слово? Как оно связано со словом *кот*? Какие из слов можно связать с котом из рассказа Паустовского?» Студенты аргументировали свой выбор. Например:

«Соня, потому что коты часто спят»; «Узкое место, потому что коты часто сидят за диваном или под шкафом»; «Эрмитаж, потому что я знаю,

¹ Возможные варианты ответа: бродяга, бандит, бессовестный, тощий, голодный, грязный и др.

² Перед этим произошло короткое обсуждение слов, которые связаны, например, со словом *Москва* (это *Красная площадь*, *Россия*, *МГУ*, *фотографировать*, *столица* и т. д.), а также объяснение основных правил выполнения эксперимента: можно писать отдельные слова любой части речи и словосочетания, использовать названия, имена, цитаты, но в результате не должен получиться текст.

³ Нацумэ Сосэки – (1867–1916) японский писатель, один из основоположников современной японской литературы; в возрасте 38 лет написал свой первый роман «Ваш покорный слуга кот».

⁴ Котацу (яп. 炬燵) — традиционный японский предмет мебели, низкий деревянный каркас стола, накрытый японским матрасом футоном, на который сверху положена столешница; под котацу часто прячутся кошки, любящие тепло.

что в Эрмитаже живет много кошек, но это не связано с текстом Паустовского»; «В Японии слова кот, котуцу и мандарин символизируют зиму» и др.

Особое внимание привлекает слово *котуцу*, которое обозначает традиционный японский предмет мебели: низкий деревянный стол, под столешницей которого располагается электрическая батарея (а раньше лежали тлеющие угли), и который накрывается сверху толстым одеялом; считается, что *котуцу* олицетворяет японский дом, домашнее тепло; довольно яркий образ представляет семья, собравшаяся под одним одеялом; кроме того, под *котуцу* часто прячутся кошки. Есть ли аналог *котуцу* в русской культуре? Вероятно, это не *чугунные батареи под окном в квартирах*, а *русская печка*, но связана ли она в нашем сознании со словом *кот*? Все эти вопросы сами собой возникают в процессе обсуждения результатов ассоциативного эксперимента.

Следующим этапом было обсуждение некоторых слов-реакций на слово *кот*, представленных в РАС. В данном случае были выбраны реакции: *Васька*, *Бегемот*, *сметана*, *черный кот перешел дорогу*. Задание заключалось в том, чтобы доказать, почему данные реакции можно считать национально специфическими, частотными в среде носителей языка и невозможными среди иностранных учащихся. Один из вариантов ответа: «*Бегемот*, потому что роман “*Мастер и Маргарита*”». Отметим, что студент, который смог эксплицировать ассоциативную связь слов «*кот-Бегемот*», не включил данную реакцию в свою анкету, но при этом указал имя японского писателя *Нацуме Сосэки*, что, очевидно, свидетельствует о некоторой системности внутри его индивидуальной ассоциативно-вербальной сети.

Следующим этапом эксперимента было составление цепочки предложений с использованием максимального количества выделенных слов. Приведем примеры таких высказываний, с уже исправленными грамматическими погрешностями:

Милый кот спит в котуцу; Нацуме Сосэки написал роман, который называется «Я кот»; Кот украл рыбу и быстро убежал и др.

Наконец, завершающим этапом было задание на интерпретацию названия в виде свободной беседы. Предупреждая вопросы о том, что рассказ называется не «Кот», а «Кот-ворюга», хочется подчерк-

нуть, что задачей проведения этого первого для учащихся эксперимента было его максимальное упрощение. С этой же целью было использовано много наводящих вопросов. Кроме того, *кот* представляется настолько понятным объектом, что исключает, например, случаи отказа от заполнения анкеты или невозможности выполнения предложенных заданий. Очень важным оказывается игровой момент, мотивирующий учащихся к рефлексии, и в перспективе развития методики реконструкции АП, которое можно понимать и как реконструкцию текстового АП, слова, входящие в название художественного текста, как правило, могут выступать в качестве слов-стимулов, что подтверждается дальнейшей работой в этой группе учащихся с такими текстами из пособия «Непропавшие сюжеты», как рассказ «Снег» К.Г. Паустовского, «Куст сирени» А.И. Куприна, «На даче» А.П. Чехова и др.

Итак, целью данной работы было показать лингводидактический потенциал ассоциативного эксперимента; продемонстрировать, как на практике задания, основанные на понятии «ассоциативное поле» помогают эксплицировать процесс формирования билингвальной личности посредством реконструкции фрагментов ее ассоциативно-вербальной сети.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова А.С., Кузьмич И.П., Меленьева Т.И. Непропавшие сюжеты. Пособие по чтению для иностранцев, изучающих русский язык. М.: Русский язык. Курсы, 2005.

Деланж К. Мой второй мозг // *New Scientist* № 7–8 (19) июль-август 2012. С. 90–94.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // *Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасова Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Русский ассоциативный словарь. М.: АСТ-Астрель, 2002. С. 751–782.

Конкина (Ахметшина) Н.Р. Возможность использования текстового ассоциативного поля в лингводидактике // *Международный научный журнал "Philology"*. 2016. № 3. С. 10–12.

Красильникова Л.В., Ружицкий И.В., Ружицкая Э.А. О возможностях использования ассоциативного словаря в практике преподавания русского языка как иностранного // *Вопросы психолингвистики* 2 (24). М., 2015. С. 204–209.

Леонтьев А.Н. Некоторые вопросы психологии обучения речи на иностранном языке // Вопросы психолингвистики и преподавание русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. с. 7–16.

Потемкина Е.В. Прецедентный текст как единица формирования когнитивного уровня вторичной языковой личности // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Воронеж, 2013. № 9. С. 61–67.

Потемкина (Писарева) Е.В. Фреймовый подход в методике работы с художественным текстом в иностранной аудитории // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сб. науч. и науч.-методич. статей / Ред. коллегия: Л.П. Клобукова и др. Вып. 7. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 173–179.

РАС: Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II. От стимула к реакции. М.: АСТ-Астрель, 2002.

Ружицкий И.В. Использование категории мнемы в преподавании русского языка как иностранного // Русский язык – язык науки, культуры, коммуникации. Т. 2. Москва, 2015. С. 141–147.

Ружицкий И.В. Модальные частицы как один из способов реализации прагматического уровня языковой личности // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 16. Москва, 2001. С. 13–20.

Ружицкий И.В., Потёмкина Е.В. Проблема формирования билингвальной личности // Мир русского слова. 2013. № 2. С. 81–90.

Ekaterina V. Potemkina
Phd, Lomonosov MSU,
Russia, Moscow
Kpisareva@yandex.ru

ASSOCIATIVE FIELD'S RECONSTRUCTION AS A METHOD OF FORMATION OF A BILINGUAL PERSONALITY

The article presents the results of an experiment in a foreign audience. It is based on the concept of "associative field". Also is demonstrated the impact of the reconstruction of the associative-verbal network fragments on the explication of the process of formation of bilingual personality of students .

Key words: linguodidactics; bilingual personality; associative field; Russian associative dictionary.

Савосина Людмила Михайловна
кандидат филологических наук, доцент Московского государственного лингвистического университета, Россия, Москва
lsavosina1@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ОБЪЕКТНОСТИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье рассматривается один из методов использования лингвистических исследований в области функциональной грамматики в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Делается попытка адаптировать лингвистический материал к практике изучения и преподавания РКИ. Предлагается методическая разработка урока, где рассматривается сегмент «Поля с предметным (субъектно-объектным) ядром».

Ключевые слова: лингвистические исследования, функциональная грамматика, методическая разработка, функционально-семантическое поле.

В настоящее время функциональная лингвистика является одним из наиболее актуальных и перспективных направлений в изучении русского языка. Она рассматривает язык с точки зрения его целевого назначения, тех функций, которые языковые единицы выполняют в системе самого языка и в речи

Цель данной статьи – показать возможности использования лингвистических исследований в области функциональной грамматики в практике преподавания РКИ.

Для современной грамматики РКИ характерен функциональный подход к языку, при котором описание языковых единиц осуществляется на основе как ономаσιологического, так и семаσιологического направлений, при приоритете первого из них, когда язык изучается как система универсальных категорий (смыслов) и образуемых ими функционально-семантических полей (ФСП).

Мы уже неоднократно отмечали, что современные описания функционально-семантических полей (в научных статьях, диссертационных исследованиях) характеризуются теоретической

сложностью, многообразием интерпретаций и подходов, что создает определенные трудности при преподавании РКИ. Немногочисленные учебники и учебные пособия носят больше теоретический, нежели практический характер. Неслучайно во многих лингвистических исследованиях почти в каждой главе при описании научного материала добавляется – «...это уже дело лингводидактики» или «...это проблема во многом методическая», или «...нужны дидактически эффективные приемы...» и т.д.

Наши исследования и опыт работы с инофонами позволяют прийти к выводу о том, что обучение русскому языку с опорой на «полевые исследования», в частности, на понятие ФСП, весьма эффективно, поскольку:

1. Понятие ФСП позволяет организовать языковой материал, сближая изофункциональные средства разных уровней. Так, в представленном ниже случае :

1) при обучении выражению субъектно-объектно-предикатных отношений объектом изучения оказываются: а) существительные и их разряды; б) формы косвенных падежей существительных, местоимений-существительных, субстантивированных слов; в) атрибутивные и именные словосочетания; г) переходные/непереходные глаголы; инфинитив; д) признаковые слова разных частей речи; е) модели предложений, выражающих субъектно-объектно-предикатные отношения: сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными и объектными, бессоюзные предложения с аналогичной семантикой, активные/пассивные конструкции и т.д. При этом процесс усвоения языка приобретает креативный характер.

2) Изучение структуры и семантики Поля (центр, где находятся основные средства выражения субъектно-объектно-предикатных отношений; периферия, которую составляют языковые единицы, совмещающие основное значение с другими значениями) позволяет инофонам не только выбрать нужные в данной ситуации наиболее эффективные способы передачи мысли, но и позволяет им осознанно передавать их в акте общения, используя для этого разные языковые средства.

Отметим, что лингводидактическая деятельность преподавателя РКИ, включающая когнитивно-тезаурусный, мотивационно-

прагматический, социокультурный и лингводидактический компоненты, строится на интегративной основе, что позволяет преподавателю самостоятельно ставить и решать проблемы методики преподавания РКИ в различных условиях обучения на уровне теоретических, материальных и процессуальных умений.

Как известно, модели обучения материализуются в традиционных дидактических жанрах, относимых к средствам обучения – это учебные программы, учебник (учебное пособие) и план-конспект учебного занятия.

Как показывает практика, к лингводидактическим средствам профессиональной деятельности преподавателя следует отнести и методическую разработку урока, которую мы рассматриваем как важный компонент профессионально-педагогического совершенствования преподавателя, эффективный способ улучшения качества обучения.

Отметим важные для нас требования, предъявляемые к методической разработке:

- 1) неукоснительно соблюдать принцип научности;
- 2) материал должен быть систематизирован, изложен максимально просто и четко; язык должен быть лаконичным и убедительным; где возможно, использовать один из дидактических приемов: *«упрощённо, до карикатуры, излагай сложное и досконально излагай простое»;*
- 3) методическая разработка должна раскрыть вопрос «Как обучать?», который, как мы полагаем, является следствием вопроса *«как видеть объект?»* - в этом и проявляется гибкость научного мышления и педагогического мастерства преподавателя.

Известно, что лингвистические исследования расширяют и уточняют наши знания о языке. Несомненно, эти исследования представляют собой базу совершенствования практических занятий. На наш взгляд, хорошая методическая разработка, опирающаяся на современные лингвистические исследования, позволит сделать современный урок более эффективным. поскольку новый, не включаемый ранее языковой материал может оказаться более ценным для реализации коммуникативных задач обучения, чем привычные, традиционно незаменимые фрагменты урока.

Этот ценный языковой материал будет способствовать более эффективному развитию языковой компетенции обучающихся.

Итак, проиллюстрируем сказанное выше, представив методическую разработку на тему *«Поле объектности в русском языке»*.

Тема **ПОЛЕ ОБЪЕКТНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**
(выражение субъектно-объектно-предикатных отношений)

Грамматическая тема *«Поле объектности в русском языке»*, или *«Выражение субъектно-объектно-предикатных отношений в русском языке»*, изучается на этапе вузовской подготовки (основные курсы) в условиях языковой среды (II Сертификационный уровень). Предлагаемая методическая разработка предполагает изучение данной грамматической темы в группах 1-го курса.

Методический комментарий

Настоящая разработка базируется на теории функциональной грамматики, разработанной в Институте лингвистических исследований Российской академии наук под руководством члена-корреспондента РАН А.В. Бондарко. Рассматривается сегмент «Поля с предметным (субъектно-объектным) ядром», в частности, поле, передающее субъектно-объектно-предикатные отношения между участниками ситуации. Изложение материала идет в направлении от значения языковых единиц (что значат?) к их форме (как выражены?) и функции (какую роль играют?). Именно так реализуются коммуникативные потребности говорящего/пишущего: изучение идет от содержания речи, от необходимости выразить определенное значение.

Цель:

- формирование знаний по синтаксису русского языка;
- формирование сведений об особенностях выражения субъектно-объектно-предикатных отношений в русском языке;
- выявление существенных признаков изучаемых синтаксических конструкций, условий и закономерностей их функционирования в речи.

- умение ориентироваться в структуре простого/сложного предложения, в характере субъектно-объектно-предикатных отношений;
- развитие и коррекция навыков и умений активной текстовой деятельности на базе изучаемого грамматического материала;
- формирование навыков активного и правильного использования грамматического материала в речи;

Воспитательная цель: формирование вторичной культурно-языковой личности.

Формируемые компетенции:

- *языковая:* лексическая, грамматическая: овладение синтаксическими конструкциями, выражающими субъектно-объектно-предикатные отношения в русском языке;
- *речевая:* взаимосвязанное формирование навыков и умений аудирования, говорения, чтения, письма.
- *компенсаторная:* восполнение пробелов в грамматических и лексических навыках;
- *лингвистическая:* развитие навыков и умений работы с текстами разных типов с опорой на изучаемые синтаксические конструкции;
- *лингвопрагматическая:* дальнейшее овладение системой русского языка на синтаксическом (лексико-грамматическом) уровне для осуществления речевой деятельности.
- *коммуникативная:* формирование навыков и умений активного использования грамматического материала в речевой коммуникации.

Коммуникативные задачи.

На базе сформированных на этапе довузовской подготовки грамматических навыков и умений развивать и формировать новые, соответствующие II Сертификационному уровню, знания по синтаксису русского языка, в частности, знания об особенностях выражения субъектно-объектно-предикатных отношений в русском языке.

Преподаватель знакомит обучающихся с темой урока, учебными вопросами и литературой. Рекомендуется применять грамматические таблицы и схемы.

Коммуникативные задачи

1. Как вы понимаете тему урока «Поле объектности»? О чем пойдет речь на уроке?

(Учеными открыты такие явления природы, как физические поля, электромагнитные поля, гравитационные поля... . Познание мира тесно связано с языком, и это отражается на структуре самого языка. Поэтому язык, будучи объективным явлением природы, также характеризуется полевой структурой и отображает полевую устроенность мироздания. Так, в языке лингвисты выделяют лексические поля, лексико-тематические поля, грамматические поля, функционально-семантические поля, например, *Поле количественности*, *Поле атрибутивности (признака)*, *Поле темпоральности (времени)*, *Поле причинности*, *Поле сравнения* и др.)¹

Поле объектности – это семантическое пространство языка, включающее основные средства выражения значения объектности на всех языковых уровнях: лексики, словообразования, морфологии, синтаксиса, фразеологии.

2. Как вы думаете, имеет ли поле какие-то свои особенности, характеристики?

[Характеристики поля: а) наличие центра (ядра) и периферии; б) наличие в структуре поля микрополей; в) поля могут пересекаться, т.е. наличие участков, которые входят одновременно в два или несколько полей (например, причастия и прилагательные входят одновременно и в *Поле акциональности* (действия) и в *Поле атрибутивности* (признака)].

3. Почему важно изучать структуру поля?

(Потому что важно увидеть главные, центральные единицы, передающие значение объектности, и второстепенные (неглавные), периферийные.

Методический комментарий

Прежде всего, преподавателю необходимо обратить внимание обучающихся на некоторые понятия и термины, которые бу-

¹ Здесь и далее в скобках дается примерный ответ на вопрос. Преподаватель сначала должен выслушать ответы студентов, затем, при необходимости, дать правильный (предложить свое понимание) ответ на данный вопрос.

дуг встречаться при объяснении изучаемой темы. Например, такие понятия, как *поле (центр – периферия), микрополе; семантика поля, структура поля*; термины: *субъект, предикат, объект; морфология (морфологический центр), синтаксис (синтаксический центр)*.

Ход урока

1. Фонетическая зарядка.

Цель: формирование навыков правильного произнесения слов-терминов.

Поле, семантика, семантика поля, структура, структура поля, центр, центр поля, периферия, периферия поля, микрополе; субъект, предикат, объект, прямой объект, косвенный объект; морфология, морфологический, морфологический центр; синтаксис, синтаксический, синтаксический центр.

2. Речевая разминка.

Цель: формирование навыков грамматического оформления речевых высказываний.

1) Без грамматики не выучишь и математики. 2) Не бойся первой ошибки, избегай второй. 3) Грамоте учиться всегда пригодится. 4) Грамота – к мудрости ступенька. 5) Хорошую речь хорошо и слушать.

Методический комментарий

При функциональном подходе изучаемые отношения целесобразно представить в виде функционально-семантического поля объектности (дается рисунок поля – круг, внутри которого располагаются два микрополя: прямого и косвенного объекта).

Далее дается общая семантико-синтаксическая характеристика изучаемой грамматической категории.

3. Семантико-синтаксическая характеристика поля

Объяснение преподавателя

О семантике поля. С помощью разных средств поля объектности указывается предмет (конкретный или абстрактный), на который распространяется действие, или лицо, с которым связано состояние или отношение субъекта передаваемой ситуации.

Дети смотрят мультфильм. Сын любит отца. Спортсмен уверен в победе. Инженер работает над проектом.

Поскольку понятие объекта тесно связано с предикатом, по отношению к которому выявляются объектные отношения, и с субъектом, т.к. действие субъекта распространяется именно на объект, то правильнее говорить о субъектно-объектно-предикатных отношениях. Слово, стоящее в позиции объекта, отвечает на вопросы косвенных падежей: *кого?/чего?*; *кому?/чему?*; *кого?/что?*; *кем?/чем?*; *о ком?/о чем?*.

В Поле объектности можно выделить два микрополя: прямого объекта и косвенного объекта.

Методический комментарий

Целесообразно вспомнить (на примерах) уже известные грамматические термины *имя существительное, имя прилагательное, косвенные падежи, глагол (переходный/непереходный), местоимение, субстантивированные слова; подлежащее, сказуемое*; затем (на примерах, если не изучали раньше) термины *сложные предложения с придаточной частью – изъяснительной/объектной, бессоюзные сложные предложения*.

Объяснение преподавателя

О структуре поля. Данное поле имеет два центра: морфологический и синтаксический.

Морфологический центр включает формы косвенных падежей существительных, местоимений-существительных, субстантивированных слов: *заниматься спортом, встретиться с ним, думать о родине, заказать первое, узнать прошлое*.

Синтаксический центр включает сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными (*Студенты знали, что завтра будет экскурсия; Отец хотел, чтобы я поступил в университет*) и объектными (*Купи, что хочешь; Что скажете, то и споем*); бессоюзные предложения с аналогичной семантикой: *Слышу: кто-то идет; Студенты говорят, наша группа дружная; Друг спросил: «Куда мы пойдем?»*

На периферии находятся следующие морфологические и синтаксические средства:

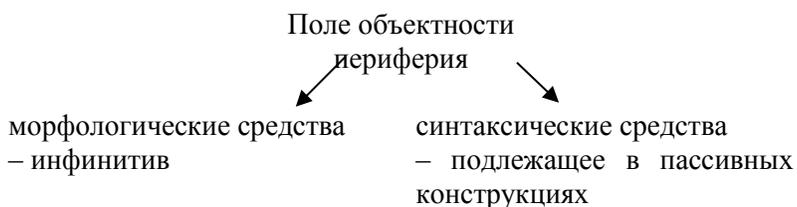
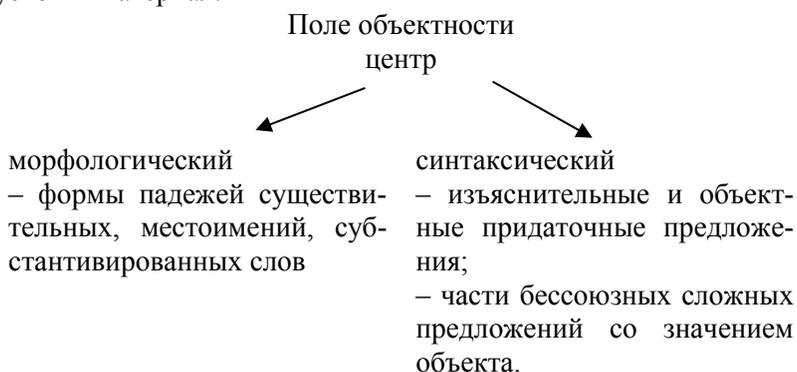
– инфинитив при словах с ментальной семантикой (глаголе, существительном, кратком прилагательном): *приказал сделать*,

надежда участвовать (в Олимпиаде), готов рассказать, рад встретиться.

– объект в пассивных конструкциях, выполняющий синтаксическую функцию подлежащего (Диплом написан студентом; Стихи прочитаны поэтом).

Методический комментарий

Описание структуры и семантики поля средств выражения значения объектности желательно закрепить схематическим изображением структуры поля, что поможет быстрее и лучше усвоить материал.

Объяснение преподавателя.

Вспомним: выделяются переходные и непереходные глаголы. В зависимости от переходности или непереходности глаголов различают два типа объектов: прямой и косвенный. Переходные глаголы называют действие, направленное на прямой объект, который может создаваться или разрушаться в результате действия (строить мост – сломать мост), подвергаться действию со стороны субъекта (закрывать дверь, дрессировать собаку). Непереходные глаголы требуют косвенного объекта в

форме косвенного падежа (*заботиться о брате, звонить другу*).
 Переходные глаголы могут сочетаться с косвенным объектом, тогда они имеют непереходное значение (*играть мелодию – играть на скрипке; танцевать польку – танцевать с девушкой*).

Кроме того, в зависимости от принадлежности слова, с которым связан объект в предложении, к определенной части речи, выделяют следующие типы объектов: приименной, приаъективный, приглагольный.

Далее дается характеристика микрополя прямого объекта (его семантика и структура), а затем Задания. Микрополе прямого объекта

Объяснение преподавателя

О семантике микрополя. Прямой объект стоит при переходном глаголе и называется создаваемый, изменяемый или разрушаемый предмет или лицо, на которое распространено действие, а также предмет или лицо, по отношению к которому характеризуется предикативный признак: *писать письмо, перестраивать дом, ломать мост, любить брата, встретить друга*.

О структуре микрополя. Прямой объект выражается определенными языковыми средствами. Укажем способы выражения прямого объекта.

1) морфологические средства: винительный падеж без предлога при переходном глаголе: *слушать музыку, готовить ужин*; родительный падеж при отрицании: *не смотреть фильма, не ждать звонка*; родительный падеж со значением части целого: *купить хлеба, выпить воды*.

2) синтаксические средства: в сложноподчиненном предложении позицию объекта занимает придаточная часть при переходном глаголе: *Расскажу то, что увидел*; *Прочитай, что написал*; часть бессоюзного сложного предложения, раскрывающая значение объекта при переходном глаголе: *Скажи: написал ли он рапорт?* *Знаю: экзамены сдам*.

Методический комментарий

Описание структуры и семантики микрополя и средств выражения значения объектности желательно закрепить схематическим изображением структуры микрополя.

М и к р о п о л е п р я м о г о о б ъ е к т а

↓
морфологические средства

– винительный падеж без предлога;

– родительный падеж при отрицании;

– родительный падеж со значением части целого.

↓
синтаксические средства

– объектные и изъяснительные придаточные предложения;

– части бессоюзных сложных предложений со значением объекта.

Методический комментарий

Далее следуют задания для наблюдений над значением и употреблением единиц микрополя. Если выполнение заданий вызывает у студентов затруднения, то целесообразно перед каждым заданием дать небольшой комментарий или образец выполнения.

З а д а н и я (с комментариями, далее – комм.)¹

Комм. 1: Вы уже знаете основные значения прямого объекта: объект (создаваемый, изменяемый или разрушаемый); лицо как объект воздействия, предмет (или лицо), на который направлено действие.

Задание 1. Определите семантику прямого объекта в следующих предложениях.

¹ Поскольку рамки статьи не позволяют показать разные типы упражнений, ограничимся некоторыми из них. Преподаватель может предложить свои задания и комментарии к ним.

1. *Композитор написал новую песню.* 2. *Я вижу самолет.* 3. *Спортсмены уважали своего тренера.* 4. *Командир подписал новый приказ.* 5. *Дети съели всю кашу.*

Комм.2: Вы знаете, что прямой объект при переходном глаголе может быть выражен винительным падежом без предлога, родительным падежом при отрицании и родительным со значением части целого.

Задание 2. С данными переходными глаголами составьте словосочетания (глагол+ сущ./мест.), поставив существительное или местоимение в нужной форме.

Слушать, купить, не встретить, собирать, узнавать, не любить, съесть, находить.

Комм.3: Вспомните, что при отрицании в русском языке возможно употребление прямого объекта в родительном и винительном падежах. Винительный падеж называет конкретный, определенный объект, а родительный выражает неопределенность или обобщенность объекта.

Задание 3. Сравните высказывания, установите семантические различия.

а) 1) *Он не любил пустых разговоров.* – *Он не любил рыбу.* 2) *Никто не заметил её отсутствия.* – *Она не заметила лодку.* 3) *Мы не планировали поездку в Европу.* – *Директор не планировал увеличения зарплаты.*

б) 1) *Командир не получил приказ.* – *Командир не получал приказа.* 2) *Курсант не взял карту.* – *Курсант не брал карты.* 3) *Мы не выполнили задание.* – *Мы не выполняли задания.*

Комм. 4: Вы уже знаете, что позицию прямого объекта может занимать придаточное изъяснительное предложение или часть бессоюзного сложного предложения с объектным значением.

Задание 4. Замените сложные предложения простыми с прямым объектом, сравните их между собой.

Образец: *Отец знал, что это правда.* – *Отец знал правду.*

1. *Виджу, что по морю плывет корабль.* 2. *Люблю, когда играет хорошая музыка.* 3. *Сын чувствовал: отец волнуется.* 4. *Друзья заметили: Андрей изменился после поездки.* 5. *Родители вспомнили: они обещали сыну купить игрушку.* 6. *Он понимал, в какой ситуации оказался его друг.*

Комм.5: Вы знаете, что активная и пассивная конструкции различаются формами выражения объекта и субъекта. В активной конструкции действие субъекта, названное переходным глаголом, направлено на прямой объект. В пассивной конструкции субъект назван формой творительного падежа со значением производителя действия. Предикат выражен возвратным глаголом несовершенного вида со страдательным значением или страдательным причастием совершенного вида. Позицию подлежащего занимает объект, на который воздействует субъект.

Задание 5. Сравните активные и пассивные конструкции, установите различия в семантике и формах выражения.

1. *Командир разрабатывает новую тактику.* – *Командиром разрабатывается новая тактика.* 2. *Брат купил планшет.* – *Братом куплен планшет.* 3. *Студенты изучают русский язык.* – *Студентами изучается русский язык.* 4. *Художник нарисовал морской пейзаж.* – *Художником нарисован морской пейзаж.*

АНАЛИЗ ТЕКСТОВ

Методический комментарий

Для изучения функционирования элементов микрополя в речевых произведениях предлагаются небольшие по объему тексты, можно короткие тексты-шутки или исторические анекдоты, затем более сложные тексты (тексты по специальности).

Задание. Найдите языковые средства, относящиеся к данному микрополю, укажите их значение и функцию.

– *Однажды профессор читал доклад. Доклад был длинный, непонятный и скучный. Когда профессор прочитал доклад, он спросил. – У кого есть вопросы? – Один человек встал и спросил. – Скажите, пожалуйста, о чем был ваш доклад?*

– *Учитель спросил ученика. – Почему ты по-арабски пишешь лучше, чем по-русски? – Ученик ответил. – Потому что моя бабушка знает русский хуже, чем арабский.*

– *Вечером зазвонил телефон. – Алло? – Никто не отвечает. – Алло? – Опять никто не отвечает. В комнате все посмотрели друг на друга. Моя сестра подумала, что звонит ее знакомый Витя. Мой старший брат, студент, подумал, что звонит его но-*

вая подруга Люда. Моя мама подумала, что звонит её первая любовь, физик Михаил Петрович. Отец подумал, что это его секретарша Олечка. Бабушка подумала, что это её старый знакомый Егор Иванович. Дедушка подумал, что это его старая знакомая, балерина Дульская. А это звонил я, чтобы все подумали о хорошем.

– Шерлок Холмс и доктор Ватсон путешествуют пешком. Когда они шли по лесу, настала ночь. Они поставили палатку и легли спать. Ночью оба просыпаются, Холмс спрашивает: – Ватсон, о чем вам говорят эти звёзды над нами? – Они мне говорят о том, что завтра будет прекрасная погода. А вам? – А мне они говорят о том, что у нас украли палатку.

Микрополе косвенного объекта

Объяснение преподавателя

О семантике микрополя. Косвенный объект выражает разные значения. Выделяется несколько семантических типов косвенного объекта¹. В словосочетании косвенный объект – это словоформа со значением:

- 1) предмета, на который направлено или по отношению к которому проявляется действие или состояние: смотреть за детьми, ударить о камень, беспокоиться о родителях, обидеться на друга, любовь к брату, бороться с терроризмом; выступить против санкций.
- 2) присоединения/включения или отделения/исключения: присоединиться к дискуссии, включиться в обсуждение, добавить к рассказу, зачислить в институт, отклониться от разговора;
- 3) источника сведений, знаний, получения предмета: узнать от друга, слышать из разговора, играть с листа, взять у преподавателя, копия лекции;

¹ В рамках данной статьи укажем только некоторые из семантических типов косвенного объекта.

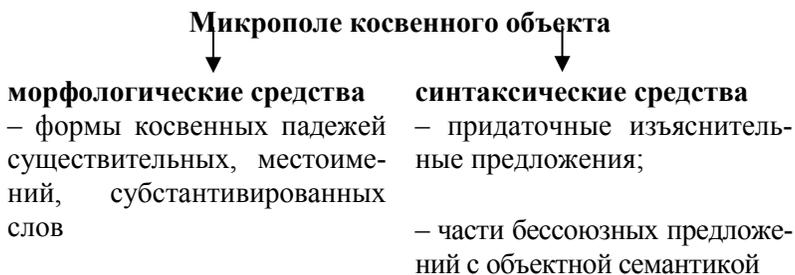
- 4) совместности/несовместности одного предмета с другим: *говорить с подругой, песня без слов, вступление к опере, ссора между друзьями;*
- 5) сравнения, сходства, подобия, отличия: *сравнивать между собой родной и русский языки, превосходство перед братом, похож на деда, по сравнению с отцом, в отличие от других.* и др.

О структуре поля. Косвенный объект выражается морфологическими и синтаксическими средствами.

- 1) морфологические средства: формы косвенных падежей с предлогами или без предлогов: *интересоваться музыкой; гулять с собакой, купить для детей, заботиться о сестре;*
- 2) синтаксические средства:
 - придаточная изъяснительная часть в составе сложного предложения: *Он верил в то, что это принесёт удачу;*
 - часть бессоюзных сложных предложений с объектной семантикой: *Он верил: «Это принесёт удачу».*

Методический комментарий

Описание семантики и структуры микрополя, средств выражения значения объектности желательно закрепить схематическим изображением структуры микрополя.

Методический комментарий

Далее следуют задания для наблюдений над значением и употреблением единиц микрополя. Если выполнение заданий вызывает у студентов затруднения, то целесообразно перед каждым

заданием дать небольшой комментарий или образец выполнения¹.

Задания (с комментариями, далее – комм.)

Задание 1. Укажите прямой и косвенный объект. Объясните разницу в семантике и формах падежей.

Рассказать фильм, рассказать о выставке, рассказать про нового друга; доложить обстановку, доложить командиру, доложить о запуске ракеты; думать об экзамене, думать над курсовой работой; радоваться успехам, радоваться приезду друга.

Комм.2: Вспомните русскую падежную систему. Вы уже знаете, что русские падежи могут иметь не одно, а несколько значений.

Задание 2. Укажите падежи, которые передают объектные отношения.

Изучение языка, писать брату, подарок другу, помогать матери, верить в успех, наградить орденом, спорить о будущем; воспитывать словом; разбираться в интернете.

Задание 3. Поставьте слова в скобках в нужной форме. Определите значение падежа и тип объекта.

Песня (родина), сообщение (газеты), встретиться (брат), объявление (конкурс), согласен (мнение), просьба (помощь), уверенный (успех), интересоваться (экономика), надеяться (удача); мечтающий (карьера).

Комм. 4: Вы знаете, что инфинитив в сочетании со словами ментальной семантики выражает значение объекта мысли, предмета речи или волеизъявления.

Задание 4. Составьте сочетания с инфинитивом в объектном значении.

Приказ..., требование..., обещание..., надежда...; готов..., рад...; попросил..., рекомендовали..., разрешил..., советуют... .

Комм. 5: Объектные значения могут передаваться в синонимических высказываниях, представленных разными моделями предложений.

Задание 5. Укажите семантические различия в выражении объектных значений.

¹ Преподаватель может предложить свои задания и комментарии к ним.

Нам сообщили о Конкурсе чтецов. – Мы получили сообщение о Конкурсе чтецов. – Поступило сообщение о том, что Конкурс чтецов состоится. – Сообщили о том, что Конкурс чтецов состоится. – Сообщено, что Конкурс чтецов состоится.

Задание 6. Объясните, как выражена объектная семантика в близких по значению простых и сложных предложениях.

1. Врач спросил о здоровье брата. – Врач спросил, здоров ли брат. – Врач спросил, как здоровье брата. – Врач спросил: «Как чувствует себя брат?». 2. Меня попросили о помощи. – Меня попросили помочь. – Меня попросили, чтобы я помог. – Меня попросили: «Помоги!».

Задание 7. Дайте возможные варианты синонимической замены объекта.

1. Мы надеемся на понимание. 2. Президент сказал о своем решении. 3. Космонавту рекомендовали отдых. 4. Спортсмены уверены в победе. 5. Ему советуют заниматься спортом. и др.

Анализ текстов

Методический комментарий

Для изучения функционирования элементов микрополя в речевых произведениях также предлагаются небольшие по объему тексты, можно короткие тексты-шутки или исторические анекдоты, затем более сложные тексты.

Задание. Найдите языковые средства, относящиеся к данному микрополю, укажите их значение и функцию.

Профессор спрашивает студента: – Почему вы волнуетесь? Вы боитесь моих вопросов? Студент отвечает: – Совсем нет. Я боюсь своих ответов.

Однажды Бернард Шоу обедал в ресторане. Во время обеда очень громко играл оркестр. Бернард Шоу позвал официанта и спросил его: – Скажите, пожалуйста, оркестр может играть по заказу посетителя? – Конечно, – ответил официант. – А что вы хотите, чтобы оркестр сыграл? – Попросите их сыграть в покер, пока я обедаю.

Виктор Гюго хотел узнать, как покупают его новую книгу. Он послал издателю открытку, на которой стоял только знак вопроса «?». Издатель тоже был остроумным человеком. Он послал писателю письмо, в котором сообщал не менее коротко: «!».

Методический комментарий

Изучив грамматическую тему «Поле объектности», целесообразно выполнить заключительные (проверочные) задания, обобщающие знания о «Поле объектности в русском языке» (его микрополях) и позволяющие проверить усвоение материала.

Проверочные задания¹

1. Укажите падеж и значение объектных конструкций.

дать ему конспект; знать русский язык; не смотреть фильмов; давать советы людям; не договориться с другом о встрече.

2. Определите, как выражен объект в русских пословицах

1) Без труда не вынешь и рыбку из пруда. 2) За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. 3) Готовь сани летом, а телегу зимой. 4) Не хвались началом, хвались концом. 5) Что посеешь, то и пожнешь.

3. Найдите в названиях русских литературных произведений средства выражения объектной семантики, охарактеризуйте их; если знаете, укажите авторов данных произведений.

1) «Дама с собачкой». 2) «Горе от ума». 3) «Песня про царя Ивана Васильевича». 4) «Повесть о настоящем человеке». 5) «Батальоны просят огня». и др.

Подведение итогов (достигнута ли цель урока? /Что узнали? – ответы инофонов).

1) в русском языке функционирует семантическое поле объектности, которое включает два микрополя: микрополе прямого объекта и микрополе косвенного объекта;

2) каждое микрополе имеет свои морфологические и синтаксические средства выражения S-O отношений;

¹ Укажем только некоторые из них. Преподаватель может предложить свои проверочные упражнения.

- 3) среди синтаксических средств выделяются разные модели (виды) предложений, выражающих S-O отношения;
- 4) в зависимости от переходности или непереходности глаголов выделяются два типа объектов: *прямой и косвенный*;
- 5) в зависимости от принадлежности слова, с которым связан объект в предложении, к определенной части речи, выделяют: *применный, приадективный, приглагольный объекты*;
- 6) косвенный объект выражает много значений; выделяется несколько *семантических типов* косвенного объекта.

Домашнее задание

Цели домашнего задания:

- закрепление изученного грамматического материала и проверка степени его усвоенности обучающимися;
- активное использование изученного грамматического материала в целях адекватного воспроизведения текста, а также продуктивной речевой коммуникации.

Методический комментарий

Если данная грамматическая тема изучается в уроке, где, например, лексическая тема «Великий ученый-энциклопедист» (о М.В. Ломоносове), то д/з выполняется с опорой на данный текст.

Задание 1. Найдите в тексте предложения, в которых выражены субъектно-объектные отношения, и установите семантику прямого /косвенного объекта.

Задание 2. Найдите в тексте активные и пассивные конструкции, установите различия в семантике и формах выражения.

Задание 3. В предложениях с причастными оборотами найдите субъект и объект, определите тип субъектно-объектных отношений.

Задание 4. Найдите в тексте сложные предложения и замените их простыми с прямым объектом, сравните их между собой.

Выводы

Таким образом, предложенный способ введения изучаемых инофонами субъектно-объектно-предикатных отношений на примере функционально-семантической категории объектности в современном русском языке позволяет показать специфику выражения субъектно-объектно- предикатных отношений в простом и сложном русском предложении, а также активизировать и расширить языковые знания инофонов, необходимые для формирования речевых навыков и умений в различных видах речевой деятельности.

Liudmila. M. Savosina

PhD, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Lsavosina1@yandex.ru

FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORY OF OBJECTNESS IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article deals with one of the methods of the use of linguistic research in the field of functional grammar in the practice of teaching Russian as a foreign language. Proposed methodological development lesson, which examines the segment "Field with the subject (subject-object) for nucleus". Attempts to adapt linguistic material to practice, study and teaching of Russian as a foreign language.

Key words: linguistic research, functional grammar, methodological development, functional-semantic field.

Сергеева Ольга Михайловна
кандидат филологических наук, преподаватель кафедры
русского языка для иностранных учащихся филологического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
barsom@bk.ru

«УБИТЬ ДВУХ ЗАЙЦЕВ»: К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИИ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Рассматриваются возможности расширения методической базы для преподавания русской фразеологии в иностранной аудитории, утверждается необходимость учета фразеологической активности лексических единиц при изучении однокоренных приставочных глаголов.

Ключевые слова: методический прием, глагол *бить*, фразеологическая активность, ассоциативная связь лексики и фразеологии.

Современный подход к обучению иностранному языку, в том числе русскому языку как иностранному, во многом определяется известной формулой Е.И. Пассова «культура через язык, язык через культуру». [Пассов, Кузовлева 2010] Согласно этому подходу, изучение языка осуществляется в тесной взаимосвязи с культурой его носителей.

Русская фразеология.

Отнесение фразеологии к прецедентным явлениям в языке – вопрос спорный в современной лингвистике; так, например, В.В. Красных не рассматривает их как прецедентные феномены на том основании, что источник их неизвестен. [Красных 2003] Однако, оставляя в стороне полемику вокруг прецедентных явлений, можем с уверенностью утверждать, что во фразеологии находит отражение национальная картина мира.

Изучение фразеологии в иностранной аудитории необходимо, потому что тенденция к росту экспрессивности речи в наше время проявляется весьма и весьма определенно (это обусловлено рядом экстралингвистических факторов), она сочетается с тенденцией к упрощению и стандартизации речи. Фразеология в наше время пополняется новыми элементами и широко исполь-

зуется в средствах массовой информации, которым в современном мире отводится ведущая роль. При этом предпочтение отдается разговорным и просторечным фразеологическим единицам; книжные фразеологизмы сейчас менее употребительны.

Фразеологизмы, прежде всего разговорно-бытовые, – на редкость живучие языковые явления, которые носители языка регулярно воспроизводят в своей речи, даже не всегда зная значение некоторых входящих в них слов (яркие примеры – *бить баклуши* или *сбить с панталыку*).

К достоинствам фразеологии как учебного материала относится ее выразительность, способствующая развитию у учащихся разнообразных ассоциаций, а следовательно, лучшему запоминанию.

Изучение русских фразеологизмов позволяет представителям разных культур проводить сопоставления с родным языком, вести параллели, создающие ассоциативные связи в их сознании.

Таким образом, полезность фразеологии при изучении иностранного языка ни у кого не вызывает сомнений.

Нерешенным остается вопрос: как изучать фразеологизмы?

Можно посвящать фразеологии отдельные уроки, разрабатывать системы упражнений. Такие разработки уже есть. Создаются тексты, включающие фразеологию. Дальнейшее расширение методической базы преподавания фразеологии в иностранной аудитории – дело ближайшего будущего.

Нам представляется полезным изучение соответствующей фразеологии в ходе систематической работы с однокоренными приставочными глаголами.

При изучении однокоренных глаголов с различными приставками обычно акцентируется словообразовательная способность основного бесприставочного глагола, но практически не затрагивается вопрос о фразеологической активности основного глагола и его дериватов.

Между тем фразеологическая активность – важная характеристика многих глаголов. В качестве примера возьмем глагол *бить* с приставками и без приставки. Эта глагольная группа образует более 50 фразеологизмов. Такая фразеологическая актив-

ность объясняется еще и высокой словообразовательной способностью глагола *бить* – он соединяется почти со всеми глагольными приставками.

Выражения с глаголами группы *бить* демонстрируют яркую экспрессивность («разбиться в лепешку», «Богом убитый», «отбиваться руками и ногами», «хоть головой о стену бейся» и т.п.). В стилистическом отношении эти выражения более или менее однородны – почти все они носят разговорно-бытовой характер.

Отметим, что глагол *бить* и многие его приставочные дериваты обозначают резкое, интенсивное и нередко негативное воздействие на объект; такая семантика еще усиливает экспрессивность рассматриваемых фразеологизмов.

Фразеологизмы с глаголом *бить* тематически разнообразны, могут использоваться в различных ситуациях общения.

Зададимся вопросом: можно ли использовать соответствующие фразеологизмы на занятиях по лексике?

При систематическом изучении группы однокоренных глаголов с приставками фразеологизмы могут быть использованы как средство закрепления пройденного материала. Это можно рассматривать как отдельный методический прием.

Фразеологизмы полезно вводить как дополнительный материал на последнем этапе изучения приставочных глаголов. Экспрессивность этих языковых единиц способствует лучшему запоминанию изученной лексики. Проиллюстрируем нашу мысль примерами.

Выберем среди фразеологизмов с глаголами группы «бить» те, в которых глаголы выступают в своем прямом значении. Эти прямые значения глаголов уже изучены иностранцами. Знакомство с фразеологизмами дает им возможность вспомнить эти значения и потренировать свою способность к языковой догадке. Предложим им, к примеру, такое задание.

Задание 1. А. Прочитайте следующие фразеологизмы:

выбить почву из-под ног (чьих, у кого); *клин клином выбивать*; *выбиваться из колеи*; *забивать себе голову* (чем); *набивать карман*; *набить кубышку*; *отбивать хлеб* (у кого); *отбиваться руками и ногами* (от

чего); *перебиваться с хлеба на квас; смотрит как побитая собака; пробил час; разбить лёд; разбиться в лепешку; сбиться с пути; убить двух зайцев; спит как убитый*.

Б. Определите, в каком значении выступают в этих фразеологизмах содержащиеся в них глаголы группы «бить».

В некоторых случаях следует пояснить отдельные незнакомые слова, например, *кубышка, колея* и т.п.

Такого рода повторение пройденного материала преследует две цели: закрепление значений изученных глаголов и ознакомление с соответствующей фразеологией.

Задание 2. Как вы думаете, что могут означать данные выражения? (см. список задания 1).

Из этого задания можно исключить выражение *разбиться в лепешку*, т.к. истолковать его правильно учащиеся самостоятельно не смогут, а можно оставить его в списке и сделать предметом небольшой дискуссии, привлекая таким образом внимание к этой языковой единице. Выражение *разбиться в лепешку* широко употребляется носителями языка, так что, узнав настоящее значение его, учащиеся смогут успешно применять его в речи.

Связывая изучение глаголов с приставками и фразеологизмов с этими глаголами, можем составить следующее упражнение:

Задание 3. Восстановите фразеологизмы, вставив вместо точек нужные глаголы группы «бить» в соответствующей форме.

... из колеи; ... карман; ... руками и ногами; ... с пути; ... почву из-под ног; ... в лепешку; ... двух зайцев; клин клином ...; ... хлеб; ... как убитый.

Задание 4. Замените фразеологизмами следующие словосочетания (предложения):

причинять убыток кому-либо; очень долго; утратить привычный образ жизни; очень устать; нечестно обогатиться; очень надоесть; важничать перед другими людьми; сделать все возможное; пришло время для чего-либо; сделать сразу два важных дела.

Для справок: бить по карману; битый час; выбиться из колеи; выбиться из сил; набить карман; набить оскомину; набивать себе цену; пробил час; разбиться в лепешку; убить двух зайцев.

Количество вводимых фразеологических единиц можно широко варьировать в зависимости от поставленных преподавателем задач.

Выбирать для изучения иностранными учащимися нужно наиболее употребительные фразеологические единицы, по возможности сопровождая объяснение лингвострановедческим комментарием.

Важными для иностранной аудитории характеристиками являются эмоциональная окраска и характерная ситуация употребления выбранных фразеологизмов.

Подобные упражнения рассчитаны на усвоение прежде всего собственно однокоренных глаголов с приставками, но при этом несут дополнительную нагрузку, способствуя закреплению в памяти иностранных учащихся фразеологизмов, содержащих эти приставочные глаголы. Ассоциативная связь лексики и фразеологии в сознании обучаемого – фактор, работающий на запоминание фразеологических единиц, экспрессивность которых, в свою очередь, способствует закреплению в памяти лексических единиц, содержащихся в этих фразеологизмах.

При работе над заданиями такого рода у учащихся не только происходит обогащение лексического запаса, но и закладываются связи между лексическими единицами и фоновой информацией. Таким образом, расширяются коммуникативные возможности изучающих русский язык.

При комплексном изучении лексики и фразеологии происходит развитие разносторонней коммуникативной компетенции иностранных учащихся, усвоение норм речевого поведения в условиях современной российской действительности.

Такого рода упражнения позволяют, можно сказать, «убить сразу двух зайцев».

ЛИТЕРАТУРА

- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДК «Гнозис», 2003.
Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: Метод. пособие для преподавателей русского языка как иностр. – М.: Русский язык. Курсы, 2010.

Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1987.

Olga M. Sergeeva

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

barsom@bk.ru

**«TO KILL TWO BIRDS WITH ONE STONE»:
TO THE QUESTION OF TEACHING PHRASEOLOGY IN
FOREIGN AUDIENCE**

In the article potentials for expansion of methodical base for studying Russian idioms by foreigners are considered, need to take into account phraseological activities of verbs and their prefixal derivatives is argued.

Key words: teaching technique, phraseological activities, the verb *бить*, associative link of lexis and phraseology.

Хомякова Елена Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка для иностранных учащихся естественных
факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова
khomjakov.sergey@mail.ru

Хомяков Сергей Александрович
кандидат филологических наук,
старший преподаватель МГМСУ им. А.И. Евдокимова,
Москва, Россия
khomjakov.sergey@mail.ru

**ОТБОР ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА, ПРЕДНАЗНАЧЕННОГО ДЛЯ
ВЫРАБОТКИ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ И УМЕНИЙ
УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИКИ ПО ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ И
РЕПРЕЗЕНТИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛА НА УРОКЕ**

В статье приводятся методические рекомендации по отбору языкового материала по языку специальности (химия) для учащихся начального этапа обучения, предлагается последовательная инструкция по систематизации и введению лексического материала, необходимого для понимания текстов ознакомительного характера и требующегося для решения задач по химии. В конце статьи предложен языковой минимум по языку химии, который будет полезен начинающим преподавателям при подготовке к уроку или при написании упражнений по русскому языку (на материале по химии) в системе преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, химические термины, урок как часть обучения, язык специальности, методика преподавания, отбор лексического минимума.

По методике преподавания русского языка как иностранного за последние несколько десятилетий опубликовано большое количество работ (например, [Добровольская 2015: 17-24], [Моргунова 2016: 239-243], [Байчорова 2015: 40-44], [Платонова 2012: 404-412], [Авдеева 2004: 113-123]), которые можно свести к ряду методических рекомендаций и в которых легко определяется последовательность шагов преподавателя при обучении русскому

языку как иностранному для достижения поставленных коммуникативных задач. Однако у той или иной категории учащихся эти задачи могут существенно отличаться (ознакомительный, короткий или продолжительный курс; подготовительное отделение или стажеры и магистранты, изучавшие язык ранее и владеющие им на соответствующем уровне и т.д.). В данной статье речь пойдет о начальном этапе обучения и отборе самой востребованной лексики – химического понятийного аппарата, необходимого учащимся для выполнения минимальных профессиональных задач, – языку специальности.

На всех этапах обучения русскому языку как иностранному большое внимание должно уделяться работе над лексикой, так как без овладения словарным составом языка невозможно ни понимание речи других людей, ни выражение собственных мыслей. Но это связано со значительными трудностями, во-первых, это большой объем словарного состава русского языка, во-вторых, сложность каждой лексической единицы, а, в-третьих, разница в значении слов русского и родного языка учащихся.

Подача отобранного для усвоения лексического материала реализуется через речевые модели на уровне предложения. Необходимые модели с разным лексическим наполнением вводятся через текст. Для этой цели используются адаптированные или специально созданные тексты, в которых отобранные для усвоения модели многократно повторяются.

Говоря о специальности, нужно отметить принципиальную разницу в содержании обучения химии на родном языке учащихся и на русском. Если на занятиях по неязыковым предметам основу содержания обучения составляют, в первую очередь, знания и понятия, то на занятиях по русскому языку, – речевые навыки и умения.

Как показывает практика, отбор текстов обычно проводится по принципу тематической значимости для данной дисциплины, то есть с позиций возможности этого содержания для преподавателя-предметника. «Преподаватель-русист в этих условиях превращается в репетитора по данной дисциплине, занимается формированием предметной компетенции, что вовсе не входит в его функции» [Найфельд 1995: 35].

Обычно выделяется 4 компонента содержания обучения: 1) материал обучения (как языковой, так и речевой) должен быть достаточным для овладения языком специальности в рамках поставленной цели, посильным и доступным учащимся для усвоения; 2) знания, навыки умения; 3) темы; 4) тексты. Содержание обучения не является величиной постоянной: оно зависит в первую очередь от цели и этапа обучения.

Урок иностранного языка – это всегда последовательное включение в программу (учитываются цели и этап обучения, возраст учащихся, их общеобразовательная, общезыковая подготовка, родной язык, условия обучения – то есть количество часов в неделю и продолжительность обучения, последовательность, общий уровень группы и т.д.), в системе которой урок является главным звеном, и творческая работа преподавателя (умение доходчиво донести материал, установить контакт с учащимися, мотивировать их к выполнению заданий и т.д.), играет огромную роль при отборе языкового материала. Во-первых, преподаватель должен представлять объем и количество лексического материала, а также лексико-грамматических конструкций, необходимых для развития тех или иных коммуникативных навыков и умений (в нашем случае – чтения, письма, аудирования и говорения, что обусловлено потребностями учащихся). Во-вторых, вводимый преподавателем материал не должен создавать трудностей ни на фонетическом, ни на грамматическом, ни на лексическом уровне. Хотелось бы отметить, что на начальном этапе незнакомая лексика не должна передавать главную информацию текста. Кроме того, следует помнить, что абстрактные длинные слова, расположенные далеко друг от друга, даже если они связаны по смыслу, увеличивают трудности понимания текста.

Частый критерий отбора лексического минимума по специальности для занятий по русскому языку сводится к принципу частотности, однако целесообразнее прибегать к принципу нужности той или иной языковой единицы в минимальном словаре иностранного учащегося для данного этапа обучения. В связи с этим, говоря о языке специальности и первичном знакомстве иностранцев с ним, необходимо учитывать не только многозначность слов, но и их словообразовательные возможности. При необхо-

димости следует давать, например, не только глагол, но однокоренные слова (окисляться – окислиться, окисление, окислительная реакция).

При отборе лексики для занятий по языку специальности могут быть задействованы следующие критерии отбора:

1. Однозначность слова: *строка, столбик, темнота* и т.д.

2. Химические термины: *колба, замещать, замещение, одноосновная кислота, щелочь, смесь, примесь, ковкий, электроды, оксиды* и т.д. Благодаря своей специфике (однозначность, прикреплённость к определенной области научного знания, которые, к тому же, поддерживаются интернациональной основой и частой повторяемостью), термины, соответственно, усваиваются сравнительно легко. Кроме того, в каждой области науки количество специальных терминов не превышает 10-15%, а для узкой специальности – 150-200 лексических единиц.

3. Межнаучные термины: *удобрение, атом, доля, объём, плотность, сосуд* и т.д. В лексический минимум включается нейтральная научная лексика, которая используется в физике, химии, математике, а возможно, и еще в некоторых естественнонаучных специальностях.

4. Омонимичные слова (в общелитературном языке и языке химии): *среда* (условие, при котором протекает реакция), *рост* (повышение, изменение). Заимствуя слова из состава общелитературного языка, язык науки приспособливает их к своим специфическим задачам. «Анализ позволяет утверждать, что для облика этой функционально-речевой разновидности гораздо значимее другая функционально-стилевая тенденция, которая выражается в систематическом отборе и терминовании самых «обыкновенных» слов, заимствованных из общелитературного языка и составляющих в языке науки его большую часть» [Митрофанова 1976: 34].

5. Слова, имеющие аналоги в других языках или являющиеся кальками: *принцип, атом, пластичный, электрон, органический ≠ неорганический* и т.д. Обычно преподаватели не уделяют внимания интернациональной лексике, так как считается, что она не вызывает трудностей у учащихся. Но это кажущаяся легкость для учащихся начального этапа: узнавание знакомого слова, написанного кириллицей, то есть в русской графической форме, нужно

вырабатывать, а часто – отрабатывать фонетически (например, слово *атом* учащиеся часто читают как [этом]).

6. Метафоричный перенос наименования, например: *ре- шётка* (кристаллическая), *облако* (электронное), *кольцо* (бен- зольное).

7. Слова, требующие особого внимания: лексика с ложной этимологизацией, например: *прокаливать*. Учащийся, который владеет продуктивными моделями словообразования, может предположить, что слово образовано от названия химического элемента «калий».

8. Синонимические грамматические конструкции: *взаимо- действовать, вступать в реакцию с; входить в состав, состо- ять из, составлять; располагаться, находиться; увеличивать – увеличить, повышать – повысить; использовать, применять – применить, являться, представлять собой, служить* и т.д. Пре- подавателю необходимо не только показать заменимость кон- струкций, но и отработать их, довести до автоматизма, так как для иностранных учащихся часто представляет трудности не столько запоминание терминов и слов, связанных с языком спе- циальности, сколько осознание их точного значения и умение употреблять.

9. Номинативность научного стиля речи – преобладание наминативных конструкций над глагольными. Это обусловлено тем, что научная мысль должна быть выражена с максимальной точностью, однозначностью, а глаголам свойственна многознач- ность. Глагольно-именные сочетания не допускают этого и при- дают высказыванию точность, четкость и однозначность. Напри- мер, *сообщить заряд – зарядить, вступать в реакцию – реагиро- вать, приходить в соприкосновение – соприкоснуться, иметь от- личие – отличаться, подвергаться распаду – распадаться*.

10. Предикативность. «Предикативные слова – это слова, с глагольными или неглагольными морфемами, обладающие пер- вичной функцией глагола – функцией предиката, выраженной эксплицитно или имплицитно» [Метс 1979: 11]. Это краткие при- частия и прилагательные, предикативные наречия, существи- тельные и прилагательные, являющиеся составной частью сказу-

емого, отглагольные существительные действия (*измерение, развитие, получение* и т.д.), отглагольные существительные в роли предлогов, причастия, деепричастия и т.д.

При непосредственном изучении словарного состава языка может происходить интуитивное овладение им, однако к этому способу лучше прибегать при самостоятельном обучении учащегося (например, при самостоятельном чтении). Если учащийся ставит своей целью научиться читать и понимать литературу по специальности, то интернациональные термины облегчат ему понимание. Говоря о языке специальности и не забывая о временных ограничениях, нужно отобразить тот минимум, который будет, во-первых, эффективен и востребован, а, во-вторых, необходим для дальнейшего обучения (знакомство со специальностью, решение – в нашем случае – химических задач). При введении новых лексических единиц необходимо помнить о некоторых факторах: уровень и потенциал учащихся, их мотивация, сложность в усвоении конкретного слова. Введение новой группы слов возможно (общий алгоритм использования), если предыдущие языковые единицы были усвоены, отработаны на уроке и в результате легко воспроизводимы учащимися. Часто в группе присутствуют учащиеся из разных стран и опираться на их родной язык или язык посредник не представляется возможным, поэтому на уроке могут быть использованы иллюстрации, картинки, ввиду чего должно произойти понимание не только нового слова как единицы, но и закрепиться именно то понятие, которое соответствует ему в родном языке учащегося (например, в персидском языке присутствует словосочетание *очень спасибо, что невозможно в русском). Необходимо отметить, что не только лексический, но и фонетический уровни овладения лексическим материалом важны при обучении как общелитературному языку, так и языку специальности.

Принципы систематизации лексики просты: главное, по возможности, – избегать языка-посредника, так как у учащихся уже имеется определенный словарный запас, к которому можно обращаться. Существуют следующие принципы подачи материала на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному.

Самый простой способ объяснения слова – *принцип перевода* его на русский язык, однако не все слова в русском языке имеют

эквиваленты (например, *ковкий*) или в полной мере передают оттенки значения исходных слов. Однако этот способ подачи материала при всех своих недостатках имеет положительные стороны: во-первых, это экономит время, во-вторых, адекватный перевод может быть точнее иных способов подачи материала, но злоупотреблять им все-таки не стоит. Хотя данный принцип является одним из самых эффективных и экономных способов семантизации лексики, нужно учитывать, что перевод часто приводит к интерференции, так как объем русского и родного слова чаще всего не совпадает.

Принцип наглядности. Наиболее эффективно с помощью различных видов наглядности семантизируются конкретные предметы, пространственные понятия, а также геометрические формы. Иллюстрируемое слово лучше давать не изолировано, а в составе предложения. Преподавателю важно подготовить для лексического минимума иллюстрирующий материал (рисунки, фотографии, короткие обучающие видео-ролики), который позволит добиться точного понимания.

Принцип аналогии позволяет учащимся видеть, как функционирует язык (*человек идёт, время идёт, реакция идёт*).

Принцип синонимии слов поможет учащемуся увидеть, как выражаются близкие лексические значения не только на уровне одной части речи (*превращаться-меняться*), но и на уровне слово – словосочетание (*реагировать – вступить в реакцию*). Семантизация с помощью синонимов всегда бывает приблизительной, так как в языке практически нет слов, полностью совпадающих по всем трем элементам значения (абсолютность, относительность и сочетаемость). Если различия в значении являются важными, они обязательно должны комментироваться преподавателем.

Противоположным вышеуказанному принципу является *принцип антонимии*, но, прибегая к этому способу, необходимо помнить, что, например, глаголы с зависимым словом могут иметь совершенно иное значение (*входить, входить в состав*), поэтому для объяснения часто требуется контекст. Эффективность этого приема определяется тем, что слова, связанные антонимическими отношениями, обладают сходными сочетательными свойствами.

Принцип словообразовательной последовательности, во-первых, позволит, учащемуся узнавать слова, видеть их общий корень, во-вторых, облегчит работу с неадаптированными текстами – текстами по языку специальности, бóльшая часть которых читается дома, вне урока, на котором есть помощник – преподаватель. «Уже на подготовительном факультете иностранные учащиеся должны читать оригинальные материалы учебной литературы, аналогичные тем, которые включают учебники и учебные пособия, предназначенные для студентов первого курса» [Красильникова 1995: 13]. Это один из основополагающих приемов в методике преподавания, при котором следует давать словообразовательную цепочку (*обнаруживать – обнаружить, обнаружение, обнаруженный*) – таким образом формируется словообразовательная модель.

Если слово не имеет эквивалента в родном языке, то можно прибегать к *описательному принципу*, который допустим при хорошем понимании устной речи, кроме этого могут быть задействованы другие принципы подачи материала для точного его закрепления.

На выбор способа семантизации лексики влияет и уровень знаний учащихся по русскому языку и предмету-специальности, и количество учащихся в группе, и уровень владения русским языком, и продолжительность курса, и, конечно, значение и употребление конкретного слова. Каждый преподаватель выбирает в каждом конкретном случае наиболее эффективный и оптимальный способ подачи материала, а также может совмещать несколько разных типов вместе.

Ниже представлен минимум по языку химии, необходимый в самом начале введения в язык специальности – важного инструментария для дальнейшего роста учащегося как ученого или исследователя. Необходимо сразу оговориться, что представленные ниже слова и словосочетания, значения которых, с определенной долей вероятности, вызовут затруднения у учащихся, отобраны по принципу частотности, однако большое количество слов – существительных – мы включать не будем. Такие лексические единицы, как *углерод, кислород, номер* и т.д., учащийся сможет сам

встретить в Периодической таблице химических элементов, прочитать их, а затем выучить и узнавать во встречающихся текстах и заданиях.

Лексика, необходимая для понимания предлагаемого преподавателем материала.

Существительные: вещество; кислота; щелочь; смесь, примесь; соединение; основание; оксид; условие; удобрение, моль (мольный), масса (массовая), атом, молекула, доля, соотношение; порошок; тип; величина; свойство; избыток (в избытке); объем; отношение + чего? (2Р.) + к чему? (3Д.); образец; плотность; соотношение; степень; колба; сходство; среда; принцип; давление; сосуд; сплав; равновесие; заряд; направление; проводник; непроводник; тип и т.д.

Прилагательные: одноосновная; ковкий; устойчивый; летучий; различный; исходный; избыточный; плотный; жидкий, газообразный, твердый; необходимый; сходный; сильный; слабый; пластичный; хрупкий; положительный; отрицательный; органический; неорганический и т.д.

Глаголы:

Взаимодействовать + с чем? (5Т.); лить – влить, слить + что? (4В.); принадлежать + к чему? (3Д.); расходовать – израсходовать + что? (4В.); происходить – произойти; протекать + при каком условии?; располагаться (находится) + где? (6П.); протекать; добавлять – добавить + что? (4В.) + к чему? (3Д.); прибавлять – прибавить + что? (4В.) + к чему? (3Д.); увеличивать(ся) – увеличить(ся), уменьшать(ся)-уменьшить(ся); повышать(ся) – повысить(ся); понижать(ся) – понизить(ся); расти; существовать; служить + чем? (5Т.); составлять – составить + что? (4В.); добиваться – добиться + чего? (2Р.); требоваться; отличаться + чем? (5Т.) + от чего? (2Р.); отличать – отличить + что? (4В.) + от чего (2Р.)?; добавлять – добавить + что? (4В.) + к чему? (3Д.); проявлять(ся) – проявить(ся); вызывать – вызвать + что? (4В.); следует + инф. (следует = нужно); диссоциировать; указывать – указать + на что?/ что? (4В.); разбавлять – разбавить + что? (4В.) + чем? (5Т.);

опускать – опустить + что?/куда? (4В.); кипятить – вскипятить + что? (4В.); соединять – соединить + что? (4В.) + с чем? (5Т.); вытеснять – вытеснить + что? (4В.) + откуда? (2Р.); отличаться + от чего? (2Р.) и т.д.

Словообразовательные цепочки: окисляться – окислиться, окисление, окислительная реакция; восстанавливать – восстановить, восстановление, восстановительная реакция; присоединять – присоединить, присоединение; соединять – соединить, соединение, соединенный; расщеплять – расщепить, расщепление; насыщать – насытить, насыщение, насыщенный, ненасыщенный; замещать, замещение; соответствовать, соответствие, соответствующий; основывать – основать, основанный, основано, основание; использовать, использование; давать – дать, дано, данный; греть – нагреть, нагретый, нагревание; охлаждать – охладить, охлажденный, охлаждение; влиять – повлиять, влияние; соответствовать, соответствие; различать – различить, различаться, различие; брать – взять, взятый; уравнивать – уравнивать + что? (4В), уравнение; превращать(ся) – превратить(ся), превращение; проявлять – проявить + что? (4В.), проявление; сокращать – сократить + что? (4В.), сокращенный, сокращение; содержать(ся), содержание; проводить – провести + что? (4В.), проводник(и), полупроводник(и); применять – применить, применение; смещать – сместить + что? + куда? (4В.); обрабатывать – обработать, обработанный, обработка; осаживаться – осесть, осаждение; отщепляться – отщепиться + от чего? (2Р), отщепление и т.д.

Словосочетания: вступать в реакцию; устойчивость к чему? (3Д); полярная ковалентная связь; спаренные электроны; входить в состав чего?; состоять из чего?; протекание реакции; оказывать влияние на что? (4В); кристаллическая решетка; массовая доля вещества; электронное облако и т.д.

Служебные части речи: при помощи + чего? (2Р.); в виде + чего? (2Р.)

Слова, необходимые для решения задач.

Существительные: тип; сведения; раствор; колба; строка; столбик; темнота; свет; пробирка.

Прилагательные: исходный.

Глаголы: Выражать – выразить + что? (4В.); составлять – составлять + что? (4В.); рассчитывать – рассчитать + что? (4В.); определять – определить + что? (4В.); находить – найти + что? (4В.); соотноситься + с чем? (5Т.); обладать + чем? (5Т.); писать – написать, записать, переписать + что? (4В.); растворять – растворить + что? (4В.) + где/ в чём? (6П.);

растворяться – раствориться где?/в чём? (6П.); различаться + чем? (5Т.); составлять – составить + что? (4В.); образовывать – образовать + что? (4В.); образовываться – образоваться; основываться + на чём? (6П.); представлять собой + что? (4В.); повышать – повысить + что? (4В.); понижать – понизить + что? (4В.); увеличивать – увеличить + что? (4В.); вычислять – вычислить + что? (4В.); прибавлять – прибавить + что? (4В.) + к чему? (3Д.); отнимать – отнять + что? (4В.) + от чего? (2Р.); умножать – умножить + что? (4В.) + на что? (4В.); делить – разделить + что? (4В.) + на что? (4В.); рассчитывать – рассчитать + что? (4В.); определять – определить + что? (4В.); устанавливать – установить + что? (4В.); выделять – выделить + что? (4В.); указывать – указать + на что? (4В.); означать + что? (4В.); помещать – поместить + что? (4В.) + куда? (4В.); описывать – описать + что? (4В.); выписывать – выписать + что? (4В.); заполнять – заполнить + что? (4В.) + чем? (5Т.); сравнивать – сравнить + что? (4В.) + с чем? (5Т.); расставлять – расставить + что? (4В.) + где? (6П); изображать – изобразить + что? (4В.) и т.д.

Словообразовательные цепочки: перечислять – перечислить; перечисление, перечисленный; растворять – растворить + что? (4В), растворимый, нерастворимый, растворитель, растворение; проводить – провести + что? (4В.), проведение (2Р), нагревать – нагреть + что? (4В.), нагревание (2Р), нагретый; смешивать – смешать + что? (4В.) + с чем? (5Т.), смешанный, смесь, смешивание; прокаливать – прокалить + что? (4В.), прокаливание (2Р); обрабатывать – обработать + что? (4В.) + чем? (4В.), обработка (2Р); сжигать – сжечь + что? (4В.), сжигание (2Р), сожженный; замещать – заместить + что? (4В.) + чем? (5Т.), замещение (2Р),

замещённый; воздействовать + чем? (5Т.) + на что? (4В.), воздействие на что?(4В) + чем? (5Т); изображать – изобразить + что? (4В.), изображение (2Р); пояснять – пояснить + что? (4В.), ясный, ясно, пояснение (2Р); раскладывать – разложить + что? (4В.) + на что?(4В.), разложение чего? (2Р) + на что? (4В); пропускать – пропустить + что? (4В) + через что? (4В.), пропускание+ чего? (2Р) + через что? (4В.), подтверждать – подтвердить + что? (4В) + чем? (5Т), подтверждение + чего? (2Р), подтвержденный, обнаруживать – обнаружить + что? (4В.), обнаружение + чего? (2Р), обнаруженный и т.д.

Словосочетания: наибольшее количество; насыщено/богато/наполнено + чем? (5Т); представлять собой + что? (4В); содержит больше/меньше + чего? (2Р.); массовая доля вещества; выпадение осадка; приводить – привести пример + чего? (2Р.); выступать в качестве + чего? (2Р.); изображать – изобразить + что? (4В), изображение и т.д.

Служебные части речи: при; при условии, по причине, вследствие + чего? (2Р.); в отличие от + чего? (2Р.); благодаря, вопреки + чему? (3Д.); подобно + чему? (3Д.); с целью + инф.; для того чтобы.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеева И.Б. Три компонента инженерной коммуникации // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VI: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. М., 2004.

Байчорова А. О. К вопросу о методике изучения русского языка как неродного // Сборник статей: "Русский язык как неродной: Новое в теории и методике". М., 2015.

Власова Н.С., Алексеева Н.Н., Барабанова Н.Р. и др. Практическая методика преподавания русского языка на начальном этапе. М., 1990.

Володина Г.И. Характер отражения в лексическом значении предиката семантической структуры предложения // Слово. Грамматика. Речь. Сборник статей. М., 1999.

Вопросы обучения русскому языку иностранцев на начальном этапе // Сборник статей. М., 1975.

Вопросы обучения русскому языку иностранцев на начальном этапе // Сборник статей. М., 1971.

Вопросы практической методики преподавания русского языка как иностранного // под ред. Щукина А.Н. М., 1995

В помощь преподавателям русского языка как иностранного // Сборник. М., 1965.

Добровольская В.В. Урок в системе обучения русскому языку как иностранному. М., 2015.

Леонтьев А.А. Методика. М., 1998.

Метс Н.А. Особенности синтаксиса научного стиля речи и проблемы обучения иностранных учащихся. М., 1979.

Методика преподавания русского языка как иностранного // под ред. А.Н. Щукина. М., 1990.

Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. М., 1976.

Моргунова Е.В. Мини-игры как одна из форм обучения грамматике иностранных учащихся // Слово. Грамматика. Речь. Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. Вып. XVII. М., 2016.

Найфельд М.Н. Работа с текстом по специальности // в сборнике «Вопросы практической методики преподавания русского языка как иностранного». М., 1995.

Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М., 1989.

Платонова Е. Н. Особенности методики преподавания русского языка как иностранного в машиностроительном вузе (на примере языка специальности) // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. №2 (14), 2012. Т. 3.

Русский язык как иностранный и методика его преподавания // Межвузовский сборник. Ленинград, 1983.

Рябокоть А.В. Методическое обеспечение самообучения иностранным языкам: теоретические основы конструирования оптимального самоучителя, практические рекомендации авторам самоучителей. Винница, 1998.

Sergei A. Khomyakov
PhD, Evdokimov MSMSU, Russia, Moscow
khomjakov.sergey@mail.ru

Elena Yu. Khomyakova
PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
khomjakov.sergey@mail.ru

SELECTION OF LANGUAGE MEANS INTENDED FOR SPEECH SKILLS TRAINING OF VOCABULARY FOR SPECIAL PURPOSES AND IT'S REPRESENTATION ON THE LESSON

This article contains methodical recommendations how to select the language material for chemistry speciality for students (basic level), successive instruction is offered on systematization and introduction of lexical material necessary for understanding of texts of acquainting character and required for the decision of tasks on chemistry. At the end of the article a language chemical minimum that will be useful to the beginning teachers at preparation to the lesson or at writing of exercises on chemistry in the system of teaching of Russian language as foreign language.

Key words: Russian as foreign language, chemistry words, lesson as the part of the education, professional language, teaching methods, the language of the specialty, the selection of language at least.

СТРАНОВЕДЕНИЕ

Добровольская Валерия Васильевна
доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся
естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова
rkinature@cs.msu.su

ОРГАНИЗАЦИЯ СТРАНОВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА КУРСА РКИ

В статье говорится о методической организации страноведческого материала курса РКИ, о процессе формирования информативных единиц страноведческого плана (ИЕС), об их составляющих (тексты, лексический минимум курса, наглядная составляющая, комментирующая составляющая, контролирующая составляющая); даётся общее представление о формировании страноведческой компетенции учащихся.

Ключевые слова: страноведческий аспект учебного процесса; информативная единица страноведческого плана (ИЕС); текстотека курса обучения; иллюстрирующие, комментирующие и контрольные составляющие ИЕС.

При организации учебного процесса по русскому языку как иностранному мы исходим из того положения, что информативная и, в частности, страноведческая компетенция обучаемых является важным фактором, обеспечивающим адекватность общения на изучаемом языке. Наряду с прагматической задачей обеспечения профессионального и бытового общения учащихся существует не менее важная задача формирования в сознании учащихся страноведческого минимума, некоей суммы и последовательности страноведческих сведений, которые в совокупности давали бы нам представление о глубине и широте знакомства учащихся с реалиями русской действительности, с жизнью современной России и в определённой степени с её историей. Если учащийся имеет минимум фоновых знаний о стране изучаемого языка, обеспечивающих адекватность общения, и знаком с нормативной оценкой изучаемых единиц информации носителями

языка (в нашем случае русского), если вследствие этого обмен информацией с носителями языка происходит достаточно свободно, то мы говорим, что он обладает информативной (и, в частности, страноведческой) компетенцией. И языковой портрет каждого обучаемого включает в себя описание уровня сформированности его страноведческой компетенции, то есть показывает нам объём и характер его фоновых знаний и понимание им оценки этой информации носителями языка (русскими).

Напомним, что страноведческая насыщенность учебного процесса напрямую связана с принципом активной коммуникативности, который не может быть реализован в полной мере без наличия у учащихся определённого социально-культурного минимума знаний о российской действительности. При этом естественно, что объём и формы организации этого минимума не ограничены жёсткими рамками прагматических потребностей и вследствие этого могут варьироваться в разных курсах обучения. Можно сказать, что они диктуются задачами познавательного и воспитательного характера, которые в общем виде можно сформулировать как задачи всестороннего развития языковой личности учащегося.

Обратимся теперь к учебному плану конкретного курса обучения РКИ и рассмотрим, каким образом составляется и организуется его страноведческий аспект.

Прежде всего следует договориться, что в качестве основной формы конденсации страноведческого материала по определённой теме (проблеме) мы будем рассматривать так называемую информативную единицу страноведческого плана [Добровольская 2008:] (в дальнейшем тексте статьи – ИЕС). Взятые в определённой последовательности, эти единицы в совокупности и составляют страноведческий минимум курса и информативную основу страноведческой компетенции обучаемых. Исходя из этого, учебный план курса обучения (точнее, его страноведческий аспект) мы будем рассматривать в общем виде как перечень ИЕС, расположенных в последовательности, заданной целями обучения.

Остановимся несколько подробнее на характеристике некоторых особенностей ИЕС и на требованиях, предъявляемых к ней в организационном плане.

Здесь прежде всего следует обратить внимание на внутреннюю структуру каждой ИЕС, которая представляет собой как бы три круга работы с информативным и языковым материалами. Первый, самый широкий круг включает в себя весь материал презентации ИЕС, заключённый в учебниках, учебных пособиях всех видов и речи преподавателя, сообщающего и комментирующего страноведческую информацию. Этот достаточно обширный круг страноведческих сведений рассчитан, как было сказано выше, на восприятие и эмоциональное воздействие на учащихся именно в период его предъявления. Этот материал, достаточно обширный и разнообразный по своему составу, включает в себя информацию, которую учащийся получает в границах данной темы. Внутри этого материала можно выделить круг сведений, которые учащийся запоминает и усваивает, и который, естественно, намного меньше по объёму материала презентации. Сами по себе знания этого уровня структуры ИЕС важны для культурного и идеологического воспитания учащихся, для удовлетворения их познавательных потребностей, и поэтому учащиеся должны их понять, осмыслить и, по возможности, запомнить. Однако, на наш взгляд, они не обязательно должны впоследствии воспроизводиться в речи учащихся на русском языке и использоваться в продуктивных видах речевой деятельности. Наконец, можно выделить третью составляющую ИЕС, находящуюся как бы внутри двух первых, а именно единицу выдачи и обратной связи. Объём информативного материала этой части ИЕС, в свою очередь, меньше объёма его второй составляющей. Она включает в себя ту часть информации по затронутой теме (проблеме), которая должна быть реализована учащимся в говорении и письменной речи. При этом следует обратить внимание на необходимость языкового обеспечения именно этой части ИЕС, выводимой в продуктивную речь. Речь учащихся при воспроизведении изученной информации, её интерпретации и оценке должна строиться на лексике и структурах, заранее специально отобранных преподавателем и активизированных затем в речи учащихся.

Что касается общих требований, которые предъявляются к процессу формирования ИЕС в целом и учитываются при составлении учебного плана, то в качестве первого из них мы назовём

представление о системе ИЕС конкретного курса РКИ как о замкнутом, конечном ряде. Состав этого ряда и расположение ИЕС относительно друг друга определяются заранее, до начала занятий по данному курсу, и может в ходе обучения дополняться текущей актуальной информацией по затронутым в курсе проблемам. При этом каждая ИЕС, входящая в состав курса, должна отвечать требованиям информативной достаточности и строиться с учётом направленности предлагаемой информации на формирование у учащихся не только определённых знаний о русских реалиях, но и определённого отношения к изучаемой в ходе занятий страноведческой информации.

Представляется важным обратить внимание на этапы, стадии формирования ИЕС в ходе учебного процесса, которые выделяются на основе учёта языковых возможностей учащихся и заранее распределяются по всей программе обучения. Существенное значение при формировании ИЕС имеет также разработка вариантов наполнения ИЕС для разных категорий учащихся: возрастных, национальных и даже – возможно и такое – психологических, поскольку все эти факторы влияют на объём и состав информации, включаемой в ту или иную ИЕС.

И, наконец, важно, чтобы каждая ИЕС была снабжена достаточным информативным и языковым материалом для адекватного представления русских реалий.

Итак, современный целевой коммуникативно ориентированный курс обучения РКИ строится на точном предварительном расчёте страноведческого поля курса, то есть на отборе и расположении в определённой последовательности ИЕС, на их постепенном формировании в сознании учащихся. Отбор ИЕС с учётом их презентативной, мировоззренческой и культурно-исторической ценности, членение (деление) ИЕС в ходе учебного процесса с учётом языковых возможностей учащихся на каждом этапе обучения и определение соотношения страноведческого материала с общей программой конкретного курса РКИ – важный момент в организации учебного процесса в целом.

Рассмотрим теперь более подробно конкретные составляющие ИЕС, образующие материальную базу этой части курса. В

качестве первой такой составляющей с нашей точки зрения следует назвать текст как чисто страноведческой направленности, так и включающий в себя отдельные языковые единицы, требующие страноведческого комментария. Важность текста в учебном процессе по обучению РКИ вообще и в страноведческом аспекте этой работы в частности трудно переоценить. Во-первых, не подлежит сомнению тот факт, что при выходе за рамки учебной коммуникации в естественных условиях свободного общения учащийся имеет дело преимущественно именно с этой единицей содержания обучения. И сама учебная коммуникация в различных курсах РКИ отграничивается от коммуникации вообще именно совокупностью текстов с определёнными характеристиками, которые учащийся может воспринимать, воспроизводить и продуцировать в рамках значимого для него коммуникативного поля общения.

Текстотека курса РКИ в современном понимании этого термина представляет собой продуманную последовательность текстов определённого содержания, вида и жанра, которая по существу и составляет информативную и языковую основу курса обучения. Все остальные составляющие содержания курса РКИ призваны обеспечить возможность текстовой деятельности учащихся как в ходе учебного процесса, так и после его окончания в реальном общении на изучаемом языке.

Сказанное в полной мере относится к текстам страноведческой ориентации, тем более что их ценность для учебного процесса определяется преимущественно их насыщенностью информацией, коммуникативно значимой для учащихся.

Использование текста в страноведческом аспекте занятий многопланово. При предъявлении текст, являясь основным источником страноведческой информации, служит для учащихся источником её извлечения, восприятия и осмысления. Значимая для учащихся страноведческая информация широко представлена и в страноведческих комментариях к тексту (сноски, введе-

ние, приложения, речь преподавателя и т.п.). Цель этих комментариев, как известно, двоякая. С одной стороны, они способствуют полному адекватному пониманию учащимися излагаемой в тексте информации. С другой стороны, они должны дать учащимся возможность познакомиться с приоритетами носителей языка, с их оценкой информации, изложенной в тексте. Возможен также и такой вариант работы с текстом, как представление текста для самостоятельного страноведческого анализа после прочтения его учащимися и языковой работы над ним. Учащийся в этом случае как бы отвечает на вопрос: что он узнал о России в результате работы с изучаемым текстом. Наконец, очевидно, что именно совокупность текстов, изученных в ходе учебного процесса, являет собой материал для паспортизации русских реалий, то есть для обобщения, сведения воедино знаний о каком-либо страноведчески значимом лице, предмете, месте, событии, времени и т.п., которые, естественно, дополняются материалом обсуждений, бесед и дискуссий, периодически происходящих на занятии.

Мы перечислили выше далеко не все роли и возможности использования страноведческого текста на занятии, но и сказанного, как нам кажется, достаточно, чтобы сделать вывод о важности отбора и системной организации страноведческого текстового материала курса РКИ.

В качестве второй составляющей материала ИЕС следует назвать лексический минимум курса в его, если можно так сказать, страноведческой части. В этот минимум включается собственно страноведческая линия, знание которой обеспечивает возможность адекватного понимания именно страноведческой информации и проведения обсуждений, бесед и дискуссий на её основе. Кроме того, вся лексика курса обучения, каждое слово, входящее в его состав, взвешивается с точки зрения его страноведческого потенциала и снабжается (там, где это нужно) необходимым комментарием.

Большую роль в страноведческом лексическом минимуме курса РКИ играют, наряду с лексикой, обеспечивающей текстовую деятельность учащихся, языковые средства, обслуживающие различные формы этикетного общения и типичные случаи прогнозируемых бытовых контактов учащихся, таких, например, как: обращение, приветствие, прощание, просьба, согласие, отказ, благодарность, извинение, сомнение и т.п. Здесь, как нам кажется, преподавателю представляется широкое поле для анализа и сравнения тех или иных форм языкового контакта в русском языке и в языке учащихся, что в свою очередь позволяет привлечь на занятия интересный для учащихся материал на стыке двух культур.

Отметим, что при составлении страноведческого лексического минимума учитывается также такая возможность, как включение в него некоторого избыточного материала. Речь идёт о речевых средствах, употребляемых русскими в пословицах, поговорках, афоризмах, сказках и о лексике, встречающейся в высказываниях русских писателей, учёных, общественных деятелей и т.п. Этот материал, который достаточно часто используется на занятиях по РКИ, значим для познавательной деятельности иностранных учащихся, для расширения их знаний об обычаях и привычках, традициях и характере русского народа. Такая лексика может быть помечена в минимуме особым значком.

Включения в минимум заслуживает и та лексика, на которой строится сам страноведческий комментарий русских реалий, поскольку такой комментарий должен, с одной стороны, точно раскрывать смысл объясняемой языковой единицы, а с другой стороны, должен быть доступен иностранному учащемуся по своему лексическому и структурному составу. Естественно, что такой комментарий не может создаваться спонтанно и что его разработка, равно как и разработка системы вопросов и сценариев бесед и дискуссий, проводимых на занятиях, представляет собой важную часть процесса построения ИЕС.

В качестве частного, но, на наш взгляд, важного примечания к организации языкового материала страноведческого минимума обратим внимание на необходимость формирования в речи учащихся не только умения ставить вопрос в ходе обсуждения информации, беседы и дискуссии. Полноценная беседа и дискуссия, особенно итоговое собеседование по страноведческому материалу, полностью адекватно своему назначению только тогда, когда оба её участника (и учащийся, и преподаватель) выступают в её ходе как контакт-партнёры с равной степенью инициативы высказывания. Поэтому языковые средства, оформляющие вопрос с учётом его типологии, также должны найти своё место в лексическом минимуме.

В качестве третьей составляющей ИЕС назовём материал зрительного ряда, относящийся к так называемой сфере наглядности, иллюстрирующий предлагаемую информацию в составе ИЕС. Соотношение материала зрительного ряда с другими составляющими ИЕС можно охарактеризовать как отношения взаимопроникновения и взаимодополнения, а непосредственно для учащихся они обеспечивают полноту и конкретность восприятия информации через зрительные образы. Работа с различными видами наглядного материала в ходе учебного процесса широко освещена в методической литературе по преподаванию РКИ. Нам остаётся лишь обратить внимание на задачу определения правильного места привлечения наглядных материалов в ходе формирования каждой конкретной ИЕС. Задача преподавателя в этой области состоит в том, чтобы определить, где именно, на каком этапе учебного процесса привлекается тот или иной наглядный материал и как его следует презентовать и комментировать, чтобы лучше раскрыть его страноведческий потенциал.

В заключение мы хотим остановиться на роли и месте страноведческого материала в контролирующей стороне процесса обучения. Здесь представляется полезным проследить соотношение процесса формирования ИЕС курса обучения с характеристикой занятий, проводимой с позиций учёта места занятий в рамках

конкретного курса. Известно, что с точки зрения места занятия в ходе учебного процесса выделяется три типа занятий. Это уроки стартового периода, на которых происходит процесс организации коллектива группы и определяется стратегия работы в ней. Это уроки основного этапа обучения, на которых реализуется задача обеспечения возможности для учащихся решать поведенческие задачи реального общения языковыми средствами изучаемого языка. Это, наконец, уроки предфинишного периода, обобщающего предэкзаменационного этапа обучения. Конечно, работа по изучению страноведческого материала происходит на всех этапах учебного процесса. Однако его последняя, заключительная фаза, то есть уроки третьего типа, напрямую связана с завершением формирования ИЕС. Главная цель этого этапа обучения – активизация в речи учащихся смыслового информативного поля пройденного курса, то есть повторение и обобщение материала ИЕС, материала тем и проблем, затронутых в процессе обучения, и параллельная активизация языковых форм их оптимального прочтения. Основная направленность работы в этот период – обмен информацией между участниками обсуждения той или иной проблемы, между преподавателем и учениками. Информационное поле каждой ИЕС, сложившееся в процессе обучения, едино для всех участников обсуждения, и в их речи, естественно, большую роль играет так называемая оценочная информация, обрисовывающая их личные позиции и приоритеты в отношении обсуждаемой проблемы. Можно сказать, что именно этот период обучения является завершающим этапом формирования ИЕС курса, обобщающим все знания учащихся по той или иной проблеме в единое целое. В качестве основных форм проверки уровня владения материалом ИЕС в устной речи выступают, как правило, или беседа, которая строится на известном фактическом материале с включением в неё спонтанных оценочных высказываний учащихся, или (и) воспроизведение целевой или основной информации текста, также с включением одиночных высказываний. В письменной речи наиболее распространённой формой

контроля является написание реферата, эссе, сочинения – рассуждения на заданную тему и т.п. Отметим, что на контроле как в устной, так и в письменной речи широко используется информация, привлекаемая по принципу сравнения и аналогии, поскольку проверяющему важно знать, что может сказать учащийся о состоянии и методах решения обсуждаемых страноведческих проблем не только в России, но и в его родной стране, и в мире в целом.

Подводя итоги сказанному, подчеркнём, что если процесс работы по формированию ИЕС курса организован методически правильно, с учётом их особенностей и закономерностей их построения, то при анализе любого конкретного занятия мы можем выделить в каждой его части страноведческий компонент и определить, в состав какой ИЕС направляется отрабатываемый на занятии материал. Понимание сущности этого процесса даёт нам представление о том, каким образом формируется страноведческая компетенция учащихся, как складывается в их сознании система ИЕС, обеспечивающая полноту, осознанность, адекватность и языковую правильность общения на изучаемом языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Безяева М.Г.* Коммуникативное поле как единица языка и текста // Слово. Грамматика. Речь. Вып. V. М., 2014.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., Русский язык, 1990.
- Добровольская В.В.* Информативная составляющая интегрированной дидактической среды обучения // Слово. Грамматика. Речь. Вып. X. М., МАКС Пресс, 2008.
- Добровольская В.В.* Характеристика урока по его месту в учебном процессе. Stephanos, 2014, # 5, <http://stephanos.ru>.
- Добровольская В.В.* Готовимся к занятию // Сборник методических статей. М., МАКС Пресс, 2015.
- Добровольская В.В.* Текстогека курса РКИ (новое прочтение термина) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 15. М., МАКС Пресс, 2014.

Добровольская В.В. Вопрос как средство анализа, воспроизведения и построения текста // Язык. Литература. Культура. Вып. 17. М., МАКС Пресс, 2015.

Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие. М., Издательский центр Академии наук, 2009.

Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. 2 изд. // М., Флинта; Наука,

Шукин А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном. Учебно-методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. // М., Русский язык, 2015.

Valeriya V. Dobrovolskaya

Lomonosov MSU, Russia, Moscow

rkinature@cs.msu.su

ORGANIZATION OF THE COUNTRY STUDIES MATERIAL IN THE COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

This article discusses the methodological organization of the country studies material in the course of Russian as a foreign language, the processes of formation of so-called informative units of the country studies plan and their components (texts, lexical minimum of the course, visual component, commentary component, supervision); the general idea of the formation of the country studies competence of students is presented.

Key words: country studies, informative units of the country studies plan, text corpus, visual component, commentary component and supervision as elements of informative units of the country studies plan.

Бордюговский Михаил Юрьевич
*кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры
русского языка для иностранных учащихся филологического фа-
культета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва*
yamato41@mail.ru

МОСКВА И САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – ДВА ГОРОДА, ДВА СИМВОЛА (ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ УЧЕБНОГО ЗАНЯТИЯ)

В статье приводится сравнительный анализ двух российских столиц, Москвы и Санкт-Петербурга, в плане их семиотического содержания; на основании данного анализа и выявленных отличий предлагается схема проведения учебного занятия с целью формирования у иностранных учащихся адекватного представления как об этих двух важнейших городах России, так и об истории и культуре страны в целом.

Ключевые слова: Москва, Санкт-Петербург, сравнительный анализ, антитеза, семиотика, учебное занятие

Москва и Санкт-Петербург – не просто два крупнейших города России. На протяжении последних трёхсот лет их судьбы самым тесным образом переплетались между собой и, в свою очередь, во многом определяли судьбы России, её движение в историческом времени. Это города, которые в самой своей истории, планировке, архитектурном облике включают важнейшие “смыслы” и “послания”, необходимые для правильного понимания русской истории, её скрытых и явных механизмов, а также представлений русского народа об историческом, историософском, метафизическом предназначении России. Кроме того, нет на территории России двух других городов, которые, будучи так или иначе средоточием и центрами русской политической, культурной, духовной жизни, тем не менее столь резко бы отличались друг от друга. Наконец, именно с Москвой и Санкт-Петербургом в первую очередь ассоциируется образ России при её восприятии извне, с точки зрения иных культур и народов.

Таким образом, раскрытие и интерпретация тех образов и символов, которыми столь насыщены культурно-исторические пространства обеих российских столиц, открывает возможность

понимания России как особой цивилизации и русского народа как её носителя, соответствующего общепринятым культурным и историческим реалиям.

В статье предполагается на основе сравнительного анализа двух российских столиц в плане их истории и культуры предложить схему проведения учебного занятия в иностранной аудитории, посвящённого рассказу об этих “государство- и системообразующих” центрах России (либо серии занятий, учитывая обширность и сложный характер материала).

Для начала установим значимые линии сопоставления и противопоставления Москвы и Санкт-Петербурга, которые могут стать объектом изучения и анализа в рамках предлагаемой схемы учебного занятия, что позволит охватить и представить в достаточно сжатой форме характерные черты обеих столиц и на данной основе сформировать у иностранной аудитории более адекватное представление как об этих двух важнейших городах России, так и о стране в целом. Изложение носит упрощённый характер, адаптированный к целям занятия.

1) Основание городов. Как известно, первое летописное упоминание о Москве относится к 1147 году (Ипатьевская летопись). В Тверской же летописи утверждается, что в 1156 г. князь Юрий Долгорукий воздвиг вокруг поселения стены, тем самым официально придав Москве статус “города”. Очевидно, что люди на территории Москвы более или менее организованно жили и до 1147 г. – как минимум, несколько десятков, возможно, и сотен лет. Одним словом, начало истории Москвы теряется “во тьме веков”. Определённо можно сказать лишь одно: Москва – (достаточно) старый город, официально насчитывающий более 850-ти лет своей истории.

Личность основателя Москвы также едва ли может быть указана со всей определённостью: князю Юрию Долгорукому Москва обязана скорее не основанием, а, как уже сказано, обретением официального статуса города.

Точная дата основания Петербурга – 16 мая (по новому стилю – 27 мая) 1703 г. Основатель Петербурга – первый русский император Пётр Первый (до этого на Руси были великие князья и цари). Петербург – город молодой; его история исчисляется лишь немногим более чем тремя столетиями.

2) Происхождение названий городов. Этимология ойконима “Москва” доподлинно неясна. Насчитывается несколько гипотез, предлагающих объяснение и толкования слова “Москва – от славянской (в основе слова лежит корень “-mosk-”, означающий “вязкий, топкий”) и финно-угорской (Маска (“медведь”) + Ава (“мать”) = Медведица) до откровенно экзотических, увязывающих название города с именем библейского персонажа Мосоха, шестого сына Яфета (Иафета) и внука легендарного Ноя.

Петербург – это город Петра (Петра как христианского апостола и Петра как императора России, основателя города; более подробно см. ниже).

3) Антитеза “Природное” (Москва) vs. “Искусственное” (Петербург). Как и многие древнерусские города, Москва начиналась с крепости, построенной на левом, высоком берегу Москвы-реки. Москва строилась и развивалась примерно так же, как и многие древнерусские / средневековые города: сначала воздвигали крепость и на её территории православный храм. Затем рядом с крепостью появлялись дома, в которых жили воины и их семьи, ремесленники, слуги и прочий люд, обслуживавший князя (военачальника), воинов, священников и т.д. Эта часть города, прилегающая к крепости, к оборонительным стенам, именовалась “посадом”. Территория города увеличивалась, тогда строился второй ряд крепостных стен (в Москве это были стены Белого города), далее около этих стен появлялись новые дома ремесленников, торговцев и т.д.; затем возникал третий ряд крепостных стен, земляных валов и т.д. То есть древнерусский город, как правило, имел концентрическую структуру (что особенно заметно в Москве); город рос и развивался примерно так же, как растёт дерево в лесу: каждый прожитый год добавляет ещё одно годовое кольцо на срезе дерева. Поэтому вполне имеет право на существование метафора “Москва – дерево – лес”.

И мы, конечно, никогда не узнаем, кто, так сказать, был “главным архитектором города Москвы”, кто разрабатывал “генеральный план” её развития на много лет вперёд, потому что ничего подобного не существовало; всё происходило вполне неорганизованно и стихийно.

Основные улицы были направлены к тем городам, которые находились в относительной близости. Постепенно оборонительные сооружения утрачивали своё прямое назначение, и тогда вместо них появлялись кольцевые дороги. Кольцевые дороги и главные улицы, ведущие к городам-соседям, создавали структуру, “скелет” города. Но внутри этой структуры царил настоящий хаос; городские пространства между основными улицами развивались неупорядоченно, без какого-либо плана: “Улицы спутаны, вырастают одна из другой, как ветви могучего дерева, вливаются одна в другую или в площади, как реки...” (Анциферов 1922: 24) Итак, Москва растёт и развивается подобно лесу, “стихийному” природному объекту; в результате возникает весьма сложная и, на первый взгляд, запутанная, хаотичная “конструкция”.

И, конечно, место для города выбирали так, чтобы его можно было более или менее удобно строить (место должно быть возвышенным и сухим, а основания под фундаменты зданий – достаточно прочными) и относительно “комфортно” проживать в нём, то есть учитывались климатические факторы, близость торговых путей, затруднённость подхода для вражеских сил и т.д.

Одним словом, Москва – е с т е с т в е н н ы й, “природный” город.

В этом отношении Петербург, как, впрочем, и во многих других – полная противоположность Москве. Вопреки традиции, Петербург начали строить в устье реки Невы, в низине, причём в месте болотистом. И “главный архитектор”, разработчик “генерального плана” развития Петербурга, без преувеличения, “демиург” новой столицы доподлинно известен – Пётр Первый. И с самого начала город строился по строгому и чёткому плану – об этом говорит его стройная, геометрическая планировка. И если снова прибегать к метафорам из мира флоры, то в отличие от Москвы-леса Петербург как “искусственно” созданный город представляет собой “регулярный” французский парк. И Петербург – гораздо более “неудобный для жизни” город, чем Москва. Ужасный климат – холодный, сырой, влажный, едва ли не постоянный сильный ветер со стороны Балтийского моря; небо, которое почти всегда покрыто тучами и облаками, в лучшем случае, 3–4 солнечных дня в месяц, дождь, снег, сырость,

туманы и т.п. Жить в этом городе, действительно, тяжело. И, что немаловажно, подобный климат в какой-то мере формирует и определённый тип творческой личности: “В душе художника вечная, беспросветная осень”; “Живою тяжестью давят читателя его (Достоевского – М.Б.) туманы, сумраки и морозящие дожди” (Вересаев 1961: 269). И не только художника, но и личности горожанина – разумеется, не всех и каждого, но некой представительной для писателя группы, её, личности, преломление в художественном сознании автора: “Мелкие рассказы Достоевского. Основа всех их одна: в мрачной, безлюдной пустыне, именуемой Петербургом, в угрюмой комнате-скорлупе ютится бесконечно одинокий человек и в одиночку живёт напряжённо-фантастической, сосредоточенною в себе жизнью” (Вересаев 1961: 274).

Таким образом, Петербург – и с к у с т в е н н ы й, “анти-природный” город.

4) Антитеза “постепенность” (Москва) vs. “стремительность”. (Петербург). – Как гласит пословица, “Москва не сразу строилась”, то есть, действительно, Москва строилась очень долго, на протяжении многих веков, неспешно прорастая из тьмы прошлого, из глубины веков.

А вот Петербург “строился сразу”, стремительно, рос “не постепенно”, а “очень быстро”, и данный факт свидетельствует о том, что Пётр и его соратники, сподвижники, совершенно по-иному ощущали и переживали течение времени – и своей индивидуальной жизни (за свою короткую жизнь они стремились сделать как можно больше), и времени исторического. Высочайший темп строительства Петербурга – символ того ускорения, которое Пётр желал придать развитию России.

5) Антитеза “Замкнутость, изолированность” (Москва) vs. “Открытость миру” (Санкт-Петербург).

Если посмотреть на карту Москвы конца 17-го – начала 18-го века, то сразу же обращает на себя внимание “концентрическая структура” города, то есть некое “ядро” в центре, а затем, по мере развития города, вокруг этого “ядра” появляются всё новые и новые “кольца” – в общем, как уже было сказано, Москва похожа на спиленный ствол дерева, точнее, на его срез.

С точки зрения семиотики, такая “композиция” свидетельствует о закрытости, замкнутости, изолированности города. (Лотман 1993; Лотман, Успенский 1993) Но Москва является столицей Московского царства. То есть город, его композицию можно рассматривать как это символ закрытости, замкнутости, изолированности страны от внешнего мира в целом. Действительно, контакты Московского царства с внешним миром, с другими странами были весьма ограниченными, Московия во многом являла собой пример автаркии и с большой настороженностью относилась ко всем иноземцам. В этом, кстати, Пётр видел одну из главных причин того, что Московское царство в своём развитии так сильно отстало от передовых стран Европы.

А что предстаёт взору наблюдателя, находящегося на окраине Москвы? – Глухой, густой, тёмный лес. С точки зрения семиотики, это также говорит о замкнутости, изолированности города и всей страны в целом.

А Петербург на карте выглядит совершенно по-другому. Он имеет, как утверждают семиотики, “эксцентрическую” структуру. И эта структура говорит совсем о другом – что город широко открыт навстречу внешнему миру, открыт для внешнего влияния – в сфере технологий, новых знаний, идей и культуры. Следовательно, так же открыта и страна, поскольку Петербург – её новая столица.

И какая картина открывается наблюдателю, стоящему на берегу Балтийского моря? – Огромное, бесконечное пространство, бескрайний морской горизонт. Это также символ открытости страны для внешнего мира (Лихачёв 2006 (в): 229), её готовности к любым контактам – экономическим, торговым, “технологическим”, духовным, культурным: “Все флаги будут в гости к нам” (А.С. Пушкин).

б) Антитеза “Гармония с природой” (Москва) vs. “Вызов природе”. (Петербург). Выше говорилось (см. пункт 3), что Москва – город, органически вырастающий из окружающей её природы, город, существующий в гармонии с природой, в связи с чем метафора “Москва = Лес” удачно иллюстрирует естественность, органичность процесса развития Москвы – и в средние века, и позднее, вплоть до пожара 1812-го года.

Напротив, Петербург – это вызов природе. Это город, возникший вопреки природным стихиям, природным силам (как уже было отмечено, место для строительства нового города можно считать крайне неблагоприятным: болота, сырость, туманы и т.п.) и обречённый на вечную борьбу с ними. Например, в поэме “Медный всадник” Пушкин описывает катастрофическое петербургское наводнение 1824-го года. Но это если вести речь о материальной проекции города. А в плане метафизическом, символическом Петербург, как пишет Н. Анциферов, это “город великой борьбы” (Анциферов 1922: 34), причём не только и не столько с силами природы. Москва – столица Московского царства, Петербург – столица Российской империи. Империя – гораздо более сложная форма государственной организации, чем царство. Задачи, которые стоят перед империей, неизмеримо сложнее и ответственнее. Это воистину грандиозные задачи. Чтобы достичь цели, которые ставит перед собой империя, требуется колоссальное напряжение всех сил – и политической элиты, и подвластного ей народа. И исход этой титанической борьбы Империи за достижение своих целей, за своё будущее неясен. Победа возможна, но возможна и катастрофа (какая случилась, например, в 1917 году). И Петербург как столица Российской империи во многом является символом этой трагической борьбы – с природой, с могущественными силами истории в лице враждебных соседей, с неуловимым роком.

7) Антитеза “Город с неясной этимологией названия” (Москва) vs. “Город Святого Петра” (С.-Петербург). – Здесь и далее мы в основном опираемся на работы Ю.М. Лотмана (Лотман 1993) и Б.А. Успенского (Лотман, Успенский 1993).

Выше уже отмечалась неясность происхождения названия “Москва”. В противоположность первой столице ойконим “Санкт-Петербург” имеет хотя и разноплановое, но вполне определённое толкование: “Город святого Петра”. Далее в этой сложной номинации могут быть выделены следующие уровни смыслов. Во-первых, Петербург – (а) город, основанный в честь апостола Петра; (б) город, небесным покровителем и защитником которого является апостол Пётр. Во-вторых, Петербург – это город, который основал Пётр Первый.

В христианском вероучении апостол Пётр являет собой камень, заложенный в фундамент христианской церкви как всемирной, соборной общности верующих, во главе которой стоит сам Иисус Христос. Одновременно апостол выступает небесным покровителем и защитником города, названного в его честь. И далее очевидно просматривается такая символика: апостол Пётр заложил первый камень в фундамент христианской церкви; он – первый Папа Римский, он основатель христианской церкви на Земле. Подобно апостолу-первооснователю, Пётр Первый создаёт российское государство нового типа, и Петербург – первый и самый главный, краеугольный камень в основании новой России.

Наконец, уже при жизни Петра Первого начинается кампания по его сакрализации с целью представить императора святым человеком, равным христианским святым и апостолам. В апологетической литературе того периода рождается и такой образ: Пётр – скульптор, который из Древней Руси, как из глыбы камня, ваяет “Новую Россию”, государство нового, европейского типа и вдобавок империю, объединяющую в своём составе многие народы. Следовательно, название города обретает ещё один смысл: Петербург – город святого императора Петра Первого.

И здесь наблюдаем очередную и не менее важную линию контраста между Москвой и Петербургом, противопоставления этих двух важнейших русских городов. Петербург и в прямом, и метафорическом смысле каменный город. В переносном, в символическом смысле “каменный” – поскольку является основным, краеугольным камнем в основании Новой России, Российской Империи. А в прямом смысле, Петербург – первый город в России, который строился из камня; основным материалом для его построек служил камень. До Петербурга едва ли не единственным строительным материалом на Руси было дерево. Почти вся Русь была деревянной. Из камня возводились только самые главные здания – крепостные стены (причём далеко не всегда), княжеские дома, православные храмы. Но таких зданий было очень мало. Москва как столица Московского царства почти вся была деревянная (каменным был только Кремль). И в 1714-ом году Пётр своим указом строжайше запрещает возводить каменные здания в любом месте России, кроме Петербурга. Тем самым

Пётр ещё более усиливает, подчёркивает различия между Петербургом как новой столицей России и Москвой как её прежней столицей. Каменный Петербург – это будущее России как европейского государства. Деревянная Москва – это прошлое России, отсталой, нецивилизованной, “некультурной” страны.

Как видим, в названии города “Санкт-Петербург” содержится глубокий и многоплановый символический смысл. В названии Москвы подобной либо иной символики не прослеживается.

8) “Москва – Третий Рим” vs. “Святой город Петра”.

После падения Константинополя в 1453 г. Москва на весь мир объявляет себя наследницей традиций Византийской империи и центром истинного христианства; зарождается концепция “Москва – Третий Рим”. Эти её претензии на лидерство в христианском мире подкрепляются, в частности, женитьбой в 1472 году царя Иоанна (Ивана) III на Софии Палеолог, племяннице и наследнице последнего византийского императора.

Сущность этой концепции находит выражение в краткой формуле “Первые два Рима погибли, третий не погибнет, а четвёртому не бывать”. Со второй половины 15-го века Москва настойчиво позиционирует себя в качестве центра Православия, главного православного города на земле.

Петербург представляет собой антитезу, противоположность Москве и в этом, метафизико-религиозном плане.

Безусловно, Пётр создаёт свой Петербург прежде всего как имперский город, как столицу империи. В этом он ориентируется на первый Рим как столицу могущественной Римской империи. Поэтому в некотором смысле Петербург = Новый Рим, то есть столица такой же великой и могущественной империи, какой была Римская империя. Внешнее выражение – это переосмысление роли столицы как центра создаваемой империи находит хотя бы в широком распространении античного декора в облике Северной Пальмиры. Но у новой столицы империи обязательно должен был быть и некий религиозный аспект. И в символике СПб он также наличествовал – но совершенно в иной форме, нежели в Москве.

В такой стране, как Русь–Россия, которая постоянно подчёркивает свою приверженность православию, столица является ещё

и центром, средоточием святости. Здесь столица – это всегда святой город: здесь, в столице, мы наблюдаем максимальную концентрацию святости – и в виде многочисленных храмов, церквей, соборов, и в том, что касается таких неопределённых, но явно ощущаемых “субстанций”, как “атмосфера”, “дух” и т.п.

Однако Пётр всей своей титанической деятельностью стремился создать и утвердить в России новый тип святости. И сам император, и его сподвижники часто говорили и называли Петербург “парадизом”, то есть раем, и ещё “святой землёй”. И в этих их словах содержалась не только экзальтированная похвала Петербургу, но указание именно на святость, на сакральный характер этого места. В конце концов, возможно и такое понимание названия “Санкт-Петербург”: это “святой город Петра”.

Пётр понимал святость совсем не так, как московские цари и церковные иерархи. Для Петра государство нового типа, которое он создавал в России, было Храмом, а служение государству – служением Богу. Для императора Петра Первого служение Богу было равнозначно выполнению им своих “императорских функций” самодержца; это гигантская работа по созданию государства “нового”, европейского типа, по укреплению и развитию государства. То есть Пётр фактически обожествлял государство и государственность, идею и практику сильного российского государства, наделял государство, государственные структуры и институты божественным, сакральным характером. Здесь вновь может быть использована метафора «Петербург как “регулярный” французский парк» и её дальнейшее развитие в виде параллели «“Регулярный” город – столица “регулярной” империи западного типа».

И в Петербурге, в этом Новом Риме, святость не главенствует, как в “старой” Москве, а подчинена государственности. Государственная служба превращается в служение Отечеству, это своеобразное поклонение Богу, которое открывает путь к спасению души. Государственная служба – вот, как считал Пётр, подлинная молитва, которая ведёт человека прямо к Богу.

И святость Петербурга – в его государственности; в том, что Петербург – краеугольный камень могущественной империи, которая наследует традиции Римской империи. Таким образом, ви-

дим, что Петербург как центр “новой”, “государственной” святости вновь противостоит Москве как центру “старой”, “религиозной” святости.

9) “Экспансия на Восток” (Москва) vs. “Экспансия на Запад” (Петербург)

Москва как столица Московского царства выступает инициатором, актором экспансии на Восток и преуспевает в этом. К примеру, первая половина царствования Ивана Грозного ознаменовалась присоединением Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Здесь же важно отметить, что попытка экспансии в западном направлении закончилась поражением Московии в Ливонской войне (1558–1583).

Петербург знаменует разворот экспансии в противоположную сторону, на Запад. Наиболее зримым её воплощением становится Северная война со Швецией за выход к Балтийскому морю (1700–1721). (Хотя по итогам и сама Россия в известном смысле становится объектом западной экспансии, если в качестве её проявлений рассматривать наличие большого количества (вар.: “засилье”) иностранцев в среде высшего государственного руководства, широкое заимствование и распространение западных технологий и т.д.).

10) Возможно, на наш взгляд, символическое противопоставление двух столиц ещё и в таком отношении: Москва – это женское начало, это женская сущность, Москва – это Мать – добрая, радушная, гостеприимная, хлебосольная, неторопливая, ласковая, заботливая и т.д. Собственно, подобные черты старой столицы и отражены в известном выражении “Москва-матушка”. (Пыляев 2007 (б)) Уточним ещё раз, что речь идёт о Москве Средневековья и эпохи перехода “от Руси к России” (Л. Гумилёв). Впрочем, славу радушной, хлебосольной, гостеприимной и неторопливой, патриархально(!)-консервативной Москвы-матушки бывшая столица сохраняла за собой на протяжении всего 19-го века.

В свою очередь, Петербург – это мужское начало, это сила, энергия, воля, решимость и решительность, это жёсткость и даже (нередко) жестокость в достижении поставленных целей и т.д. – в общем, Петербург – это воплощение мужских качеств характера. (А вот Отцом Петербург назвать невозможно – вероятно, по

той причине, что город ещё слишком “молод”). Имперский Петербург – сильный, смелый, решительный, энергичный, напористый, дерзкий, жёсткий, временами жестокий мужчина-воин, мужчина-первопроходец, первооткрыватель новых горизонтов, весьма схожий характером с его основателем.

Данный символические компоненты в семиотическом содержании понятий Москва и Санкт-Петербург и их взаимодействие в стиле дуалистических сущностей “Инь” и “Ян”, очевидно, может оказаться близким и понятным в первую очередь студентам из Юго-Восточной Азии.

11) “Метафизика Москвы” vs. «“Петербургский текст” русской литературы».

Безусловно, в контексте сопоставления двух столиц непременно должно быть названо и такое понятие, как “Петербургский текст русской литературы”, введённое в научный обиход В.Н. Топоровым. (Топоров 2003) Понятие “Московский текст” не получило столь же широкого распространения в гуманитарной литературе. Однако с основополагающим трудом В.Н. Топорова вполне может быть соотнесена, при всех её существенных отличиях в подходах и исследовательских методах, фундаментальная работа Р. Рахматуллина “Две Москвы, или Метафизика столицы” (Рахматуллин 2009). Знакомство с этими источниками может быть рекомендовано студентам, обнаружившим особый интерес к изучению данной тематики.

Список отличий двух столиц друг от друга едва ли может быть исчерпывающим образом завершён, однако для заявленных целей он, на наш взгляд, представляется вполне достаточным.

Теперь попытаемся представить структуру и последовательность предъявления данных материалов в рамках учебного занятия (серии занятий) для учащихся среднего и более продвинутого уровня владения языком.

Основная форма ведения занятия – вопросно-ответная беседа преподавателя со студентами в направлении от общего к частному; по мере овладения студентами материалом она всё более носит эвристический характер.

Первичные шаги – активизация фоновых знаний учащихся, тех их фрагментов, которые имеют непосредственное отношение к изучаемому материалу (“Вам уже доводилось бывать в Москве?”

/ в Петербурге?"; "Могли бы вы сравнить два этих города?"; "Какой город вам понравился больше?"; "Как вы полагаете, в чём основное отличие Москвы от Петербурга?" и т.д.).

Далее движение осуществляется вдоль уже намеченных контрастных линий, оттеняющих кардинальные отличия двух российских столиц друг от друга. (Необходимая для построения самостоятельных высказываний лексика и речевые модели даются списком и обрабатываются предварительно).

1) "Основание Москвы" vs. "Основание Петербурга".

Москва	Санкт-Петербург
<p>.....* – первое упоминание Москвы в летописи 1156 г. – Москва становится городом (вокруг неё возводятся крепостные стены)</p> <p>Основатель Москвы – Дюподлинно неизвестен.</p> <p>* Пропуски заполняются студентами в качестве домашнего задания</p>	<p>..... – официальная дата основания Санкт-Петербурга.</p> <p>1712 г. – город официально становится новой столицей Российской империи.</p> <p>Основатель Петербурга –</p>

С целью сокращения изложения не будем останавливаться на всех ключевых моментах; приведём лишь отдельные примеры.

Антитезы "Природное" (Москва) vs. "Искусственное" (Петербург); "Замкнутость, изолированность" (Москва) vs. "Открытость миру" (Санкт-Петербург)

Чем и как отличаются друг от друга архитектурные планы Москвы и Санкт-Петербурга? О чём может свидетельствовать подобная планировка городов? Какой символический, "знаковый" смысл могут носить различия в местоположении и в организации городского пространства двух российских столиц? По-

сле вступительного слова и беседы, организованной и проведённой преподавателем, студенты самостоятельно заполняют таблицу.

Москва	Санкт-Петербург
1)	1)
2)	2)
3)	3)

Антитеза “Москва – Третий Рим” vs. “Святой город Петра”

Москва	Санкт-Петербург
1) В чём состоит сущность концепции “Москва – Третий Рим”? –	1) Возможно ли, и если да, то в каком смысле назвать Санкт-Петербург святым городом? –
2) Какое влияние оказала эта концепция на внешнюю политику Московского царства? –	2) В Пётр Первый видел божественный, сакральный характер города, им основанного и названного его именем? –
3) И как она отразилась на внешнем облике Москвы? –	3) Какое отражение во внешнем облике Петербурга находит

	подобное понимание Петром “религиозной святости”? –
--	--

Антитеза «Москва как “женское” начало» vs. «Петербург как “мужское” начало».

С каким городом может быть условно соотнесено понятие “женское начало” и с каким – понятие “мужское начало”?

Заключительным этапом в работе над данной темой может стать написание студентами эссе “Москва и Санкт-Петербург: гармония в противостоянии” либо на сходную тему.

ЛИТЕРАТУРА

Анциферов Н.П. Душа Петербурга. – Ленинград: Издательство “Брокгауз – Эфрон”, 1922. – 256 с.

Вересаев В.В. Живая жизнь // Собрание сочинений в 5 томах. Том III. – М.: Издательство “Правда”, 1961. – С. 269–491.

Лихачёв Д.С. Петербург в истории русской культуры. // В книге: Лихачёв Д.С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет: в 3 т. – Том 2. – СПб.: Издательство “Арс”, 2006 (а) – С. 207–217.

Лихачёв Д.С. (б) “Небесная линия” города на Неве. – Там же, с. 219–225.

Лихачёв Д.С. (в) Градостроительные заветы Петра Великого. – Там же, с. 227–235.

Лотман Ю.М. (в соавторстве с Б.А. Успенским) Отзвуки концепции “Москва – Третий Рим” в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // В книге: Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Т. 3. – Таллинн: Александра, 1993. – С. 201–212.

Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. – Т. 2. – Таллинн: Александра, 1993. – С. 9–21.

Пыляев М.И. Энциклопедия императорского Петербурга. – М.: Эксмо, 2007 (а). – 608 с.: ил.

Пыляев М.И. Старая Москва. – М.: АСТ, 2007 (б). – 768 с.

Две Москвы, или Метафизика столицы. – М.: АСТ: Олимп, 2009.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. – Санкт-Петербург: “Искусство–СПБ”. 2003. – 616 с.

Mikhail Bordyugovskiy
PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
yamato41@mail.ru

MOSCOW AND ST. PETERSBURG – TWO CITIES AND TWO SYMBOLS

The article deals with the comparative semiotic analysis of two Russian capitals and largest cities, Moscow and St. Petersburg; the significant differences between both cities are identified and the learning activities for foreign students as this topics concerned are outlined.

Key words: Moscow, St. Petersburg, comparative analysis, antithesis, semiotics, learning activities.

Илюшин Евгений Александрович
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, Москва Россия
ilyushin.evg@mail.ru

О ВЕРСИФИКАЦИИ ПЕРЕВОДОВ ДАНТЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (А.А. ИЛЮШИН И ДРУГИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ)

В статье рассматривается стих русскоязычного перевода «Божественной Комедии» Данте, сделанного А.А. Илюшиным. Выясняется, к какой системе стихосложения этот перевод ближе — к силлабической или к силлаботонической.

Ключевые слова: Данте, «Божественная Комедия», А. А. Илюшин, силлабика, силлаботоника.

Когда Александр Анатольевич Илюшин закончил свой перевод «Божественной Комедии» и стал готовить его к публикации, ему приходилось объяснять, зачем он взялся за этот труд, хотя есть замечательный перевод М.Л. Лозинского.

Вообще история публикации перевода Илюшина весьма интересна и необычна. Были публикации по частям в нескольких выпусках «Дантовских чтений» (под редакцией И. Ф. Бэлзы, а после его смерти – под редакцией самого А. А. Илюшина) [Дантовские чтения, 1976, 1979, 1982, 1985, 1989, 1996]. Было сокращенное издание в издательстве «Просвещение» для старшего школьного возраста («Ад» - полностью, «Чистилище» и «Рай» - в сокращении и пересказе) [Данте, 1988]. Это издание готовилось на следующих условиях. Составитель должен был объединить в одном издании несколько песней одного переводчика, несколько – другого и т. д. (Лозинский, Катенин, Шевырев, Мин, Голованов). При этом свой перевод ему включать туда не разрешали, объясняя это тем, что умершим переводчикам платить не нужно, а живому нужно, но у издательства нет денег. Чтобы опубликовать часть своего перевода, А. А. Илюшин сделал следующее: включил в издание большую часть песней в своем переводе, но не указал, чей это перевод. В итоге получилось так: 7 песней в переводе

Лозинского, по 3 – Катенина и Мина, по 1 – Шевырева и Голованова, остальное – перевод Илюшина без указания переводчика.

Наконец в 1995 г. впервые перевод Илюшина был опубликован полностью с его же вступительной статьей и комментариями [Данте, 1995].

В этой вступительной статье он обосновывает, зачем же понадобился его перевод, когда уже есть перевод Лозинского: «Начнем с того, что Данте — поэт-силлабист, а переводили его у нас — это касается и Лозинского — силлаботоническим стихом, чередуя мужские и женские пятистопные ямбы. Таким образом, до сих пор не было эквиритмичного перевода — т. е. силлабического. Это легко объяснить: считалось, что русская силлабика умерла еще в XVIII в., будучи отменена реформой Тредиаковского — Ломоносова. Только в последнее время наметилась и развивается тенденция к возрождению русского силлабического стиха...». Это первый довод в пользу нового перевода — стиховедческий. Второй довод касается языка и стиля: «...поэтическое слово Лозинского отточено, уверено в себе, <...> мастер слова умело опирается на надежно выработанные и выверенные нормы литературного языка и поэтического вкуса — т. е. на то, на что никак не мог опереться сам Данте, будучи не столько наследником, сколько первооткрывателем лингвопоэтических сокровищ». Илюшин стремится «к тому, чтобы стилистический диапазон русского перевода «Комедии» был предельно расширен». Он использует «всевозможные языковые раритеты»: «дремучие» архаизмы, «неожиданные и рискованные» неологизмы, «откровенно антиэстетичные» разговорные и просторечные слова, «доведенные до своего рода крайности» итальянизмы [Данте, 1995. С. 25-28].

Итак, первый из двух аргументов в пользу нужности нового перевода «Божественной Комедии» — его эквиритмичность, то есть использование силлабики, а не силлаботоники. Однако вопрос, является ли перевод Илюшина силлабическим, остается. В первое время после появления перевода Илюшина сомнений, что это силлабика, не было, но потом они появились. Высказываются предположения, что этот перевод — не совсем силлабика, что он, может быть, даже почти силлаботоника. Основной довод в пользу этой точки зрения такой: очень большой процент строк в нем (80-90%) ничем не отличаются от пятистопного ямба; только

10-20% строк никак не могут быть ямбом. Значит, только 10-20% всех строк — это настоящая силлабика, а весь перевод — силлабика только на 10-20%, а такой погрешностью можно пренебречь и считать весь перевод ямбом. Эти доводы высказывались на конференциях, в том числе на недавней конференции «Поэзия филологии. Филология поэзии», посвященной памяти А. А. Илюшина. Приведем цитату из одной публикации.

Предлагаемый перевод, в соответствии с оригиналом, выполнен женским силлабическим одиннадцатисложником. Согласно старой русской традиции XVII—XVIII вв., он цезурован: цезура, преимущественно женская, — после пятого слога каждой строки”.

Вот фрагмент из Дантовой поэмы в переводе Илюшина:

*То ветер адский, покоя не зная,
Уносит души страдальцев несчастных,
Их в затемненном пространстве вращая.*

*Летя по кругу в мученьях ужасных,
Они скрежещут, и плачут, и стонут,
В угрозах Богу исходят напрасных.*

*В пучине скорби за то они тонут,
Что отдались во власть соблазнам плоти,
Влекшим их разум в грехоблудный омут.*

*И как скворцов, чуть видимых в полете,
Хлад гонит к югу стаями большими,
Так сих дурных я зрел, теряясь в счете:*

*Вверху, внизу, и здесь, и там — что с ними?
И нет надежды им на облегченье, —
Чтоб муки были не такими злыми...*

Как видим, из пятнадцати строк семь (в основном, в конце отрывка) представляют собой обычный пятистопный ямб; как ямб можно прочитать и остальные восемь, если передвинуть уда-

рение в одном слове. Таким образом, здесь своего рода компромисс между настоящей силлабикой оригинала и силлабикой, частично упорядоченной в силлаботоническом духе; справедливо-сти ради отметим, что современные исследователи Данте убеждают нас, что и в его “Комедии” очень много ямбических строк. [Орлицкий, 2012].

Проанализируем этот вопрос. На уже упомянутой конференции «Поэзия филологии. Филология поэзии», посвященной памяти А. А. Илюшина, прозвучала и такая мысль: «**Силлаботоника – частный случай силлабики**». Конечно, это преувеличение; звучит это утверждение парадоксально, но значительная доля истины в нем есть. Попробуем установить, какова эта доля: ведь если принять эту мысль полностью, то даже написанное абсолютно правильным пятистопным ямбом (и любым другим размером) стихотворение можно отнести к силлабике. Конечно, в этом будет натяжка, но с точки зрения формальной логики это так.

Подумаем, какие нужно сделать оговорки и уточнения, чтобы утверждать, что силлаботоника — частный случай силлабики.

Во-первых, исключим разностопные размеры (как в «Горе от ума» или баснях Крылова), так как никакого равенства слогов во всех строчках не может быть при разном количестве стоп.

Во-вторых, надо сделать оговорку относительно стихотворных текстов, в которых имеются разные клаузулы, например, женские и мужские. А таких текстов в силлаботонике большинство; скорее, редкостью является случай, когда все клаузулы одинаковы («Мцыри»). Значит, делаем такое уточнение: тексты, в которых имеются разные клаузулы, считаем состоящими из двух (или более) изосиллабических рядов. Например, «Евгений Онегин» состоит из девятисложников и восьмисложников.

Дольники, при наличии строк с разным количеством слогов, тоже не соответствуют предложенному тезису. Логаэды, при соблюдении равенства количества слогов, — соответствуют.

Конечно, причислять всю силлаботонику к силлабике мы не будем. Но приведенный нами парадоксальный тезис поможет нам при размышлениях на эти темы. Постараемся не находить силлабику там, где ее нет, но и не отрицать ее наличия там, где

она есть. Приведем некоторые примеры, которые становились или могли стать поводом для спора.

Вспомним стихотворение Тютчева “Silentium”. Четырех-стопный ямба, мужские клаузулы. Всего 18 строк. Но в трех из этих восемнадцати ямб не соблюдается, там изменено по одному ударению в каждой строке. Размер этих трех строк — трехстопный амфибрахий. Анализируя стих этого стихотворения, не говорят, что это «смесь ямба и амфибрахия», говорят, что это ямба, но в трех строках есть сдвиги ударения, ударение в них расположено как в амфибрахиях. А почему бы не сказать, что это силлабический восьмисложник? Формально ничто этому не противоречит, хотя и понятно, что никакой силлабики тут нет.

А вот пример спора по поводу одного стихотворения. В 1984 г. проходила защита докторской диссертации А.А. Илюшина «Русская силлабика». Один из разделов диссертации представлял собой анализ ряда силлабических стихотворений разных эпох — от времени господства силлабики до отдельных «рецидивов» силлабики в эпоху господства силлаботоники. Один из оппонентов в своем выступлении остановился на стихотворении Кюхельбекера «Притча о блудном сыне» и сказал: «Какая же это силлабика? Это амфибрахий». И прочитал вслух первые 4 строки, которые действительно представляют собой четырехстопный амфибрахий. Но дальше в стихотворении идет уже не амфибрахий, а силлабический 12-сложник с женской рифмой.

Человек был некий преклонного века.

Два сына у того были человека.

Для наглядности мы подчеркнули ударные гласные. Так что при анализе этого стихотворения действительно получается, что четырехстопный амфибрахий с женской рифмой — частный случай силлабического 12-сложника. Если прочитать лишь начало стихотворения, можно подумать, что все стихотворение — амфибрахий, если читать дальше, становится ясно, что это силлабика.

Обратимся снова к переводу «Божественной Комедии», сделанному А.А. Илюшиным и посмотрим, в какой мере пятистопный ямба может считаться частным случаем силлабического одиннадцатисложника.

В переводе Илюшина мы имеем дело с одинаковыми клаузулами (женскими). Есть всего несколько мужских 10-сложных

строк во всей «Комедии» (как и в итальянском оригинале). Например:

Сын его Авель, вместе с ним и Ной...

(«Ад», IV, 56, а также рифмующиеся с ней строки 58 и 60).
Таких групп по 3 строки или по 2 («Ад», XXXI, 143 и 145) совсем мало. Все остальные строки, кроме этих нескольких, соответствуют следующим условиям:

1. В них 11 слогов.

2. В них женская клаузула, т. е. 10-й слог ударный, а 11-й — безударный.

3. Еще одно правило, которое переводчик установил для себя, — это цезура после 5-го слога. В оригинале этого не было, это сделано, чтобы приблизить перевод к русскому силлабическому одиннадцатисложнику. Цезура тоже женская, значит 4-й слог ударный, а 5-й — безударный. Исключения есть; встречается и пятый ударный, и четвертый безударный, но в основном цезура женская.

Неожиданно мы обнаружили, что и из этого правила есть исключения:

Напишешь «О» или «I» не быстрее...

(нет цезуры)

И мухи спят, зато комар летает...

(тоже нет цезуры).

Таковы условия, которым соответствует большинство строк илюшинского перевода. При этом они могут соответствовать или не соответствовать пятистопному ямбу. Теперь мы можем уточнить фразу насчет «частного случая» применительно к нашей теме:

Пятистопный ямб с женской клаузулой, при условии, что на второй стопе (на четвертом слоге) предпочтительно (но не обязательно) есть ударение и после пятого слога есть словораздел, является частным случаем силлабического одиннадцатисложника, использованного Илюшиным.

Теперь зададимся таким вопросом. Допустим, мы пишем стихи, удовлетворяющие приведенным выше правилам, то есть одиннадцатисложники с цезурой. С какой вероятностью у нас будет получаться ямб, а с какой — не ямб?

Ритмическая схема пятистопного ямба разнообразна: на любой стопе, кроме пятой, может быть пиррихий (в нашем случае также почти всегда кроме второй). Так что отсутствие ударения на втором, шестом или восьмом слогах не сделают нашу строку не ямбом. Чтобы гарантированно получить не ямб, надо, наоборот, сделать ударение на первом, третьем, пятом, седьмом или девятом слогах. На пятом, как уже было сказано, ударения у нас почти не бывает, так как цезура почти всегда женская. Но и на третьем, и на девятом слогах ударение — редкость, так как два ударных слога подряд встречаются нечасто. Остаются первый и седьмой слоги. Чтобы получить заведомый не ямб, надо сделать ударение на одном из них. Или на обоих. Тогда, скорее всего, получим ударение на слогах 1, 4, 7, 10, т. е. четырехстопный дактиль, второй после пятистопного ямба силлаботонический размер, являющийся частным случаем силлабического одиннадцатисложника. Кажется, ритмических вариантов для заведомого не ямба меньше, чем для строк, являющихся ямбом.

Посчитаем, сколько всего вариантов расположения ударных и безударных слогов возможно для одиннадцатисложника. Посчитаем это чисто математическим способом, допуская и самые небывалые и несуществующие варианты, например, - «все слоги ударные» или «все слоги безударные». Если 10-й и 11-й слоги вариантов не имеют, получаем 2 в 9-й степени, т. е. 512 вариантов. Если 4-й и 5-й слоги тоже исключить из наших подсчетов, получается 2 в седьмой степени, т. е. 128 вариантов. Уже меньше, но на самом деле их еще меньше.

Рассмотрим отдельно первые половины строк (до цезуры) и вторые (после нее). Первые половины, если продолжать пользоваться чисто математическим способом, имеют 32 варианта (2 в 5-й степени). А сколько на самом деле? Составим таблицу, в которой «+» означает ударение, а «-» - отсутствие ударения.

1-й слог	2-й слог	3-й слог	4-й слог	5-й слог	Пример части строки до цезуры
-	-	-	-	-	
-	-	-	-	+	
-	-	-	+	-	На поддороге...

-	-	-	+	+	И по бокам два...
-	-	+	-	-	Авиценну и...
-	-	+	-	+	Растянул свою...
-	-	+	+	-	Моисей, мудрых...
-	-	+	+	+	
-	+	-	-	-	И вынужденный...
-	+	-	-	+	И твердую в ней...
-	+	-	+	-	Попытки ж выйти...
-	+	-	+	+	И он: «Мужей ряд...»
-	+	+	-	-	Ревел гласами...
-	+	+	-	+	Душа так же, как...
-	+	+	+	-	Она суд строгий...
-	+	+	+	+	К горе — той, где нас...
+	-	-	-	-	Выпрямившийся...
+	-	-	-	+	
+	-	-	+	-	Пестрая, так и...
+	-	-	+	+	Видел — вот Брут, кем...
+	-	+	-	-	Вижу: легкая...
+	-	+	-	+	Чем его руке...
+	-	+	+	-	Чрез ее алчность...
+	-	+	+	+	
+	+	-	-	-	
+	+	-	-	+	Где спал я, и вдруг...
+	+	-	+	-	С чьим дивным сонмом...
+	+	-	+	+	Кто вывел вас? Где...
+	+	+	-	-	
+	+	+	-	+	
+	+	+	+	-	Стал челн, столь легкий...
+	+	+	+	+	Как тот, кто путь свой...

Многие из приведенных примеров первых полустиший внесены в ту или иную графу весьма условно: в них много односложных слов, которые можно считать безударными. Конечно, полустишие из последней графы, обозначенное «+++++» мы не произносим, делая 5 ударений. Но все равно приведенная таблица показывает разнообразие использованных переводчиком ритмических схем.

Однако нужно отметить, что многие из этих схем встречаются в тексте перевода очень редко и составляют ничтожный процент от общего числа строк. А наиболее распространенными являются всего две схемы. Вспомним, что четвертый слог почти всегда ударный, третий и пятый слоги чаще всего безударные. Значит, самые распространенные схемы: -+--+ (подходит для ямба) и +-+--+ (не подходит для ямба, подходит для дактиля). Подходят для ямба также схемы ---+- и -+--- и разные их вариации с лишними ударениями на односложных словах. Таким образом, получается, что в первом полустишии почти все зависит от первого слога. Либо он ударный, и тогда строка не будет ямбом. Либо он безударный, и тогда строка может быть ямбом, что зависит уже от второго полустишия. А остальные варианты довольно редки.

Теперь о втором полустишии. В нем 6 слогов, с 10-м и 11-м всегда все одинаково. 9-й слог редко бывает ударным. У остальных слогов полная свобода, но в итоге все тоже сводится к двум основным вариантам: +-+--+-, его разновидности: +---+-, --+--+ (ямб); -+--+ (не ямб, может быть дактилем, если первое полустишие не помешает). А остальные варианты, опять же, довольно редки.

Итак, мы имеем 2 основных вида первого полустишия и 2 основных вида второго. Перемножив, получаем 4 основных вида всей строки. Вот они.

1	2	3	4	5		6	7	8	9	10	11	
-	+	-	+	-		+	-	+	-	+	-	ямб
-	+	-	+	-		-	+	-	-	+	-	
+	-	-	+	-		+	-	+	-	+	-	
+	-	-	+	-		-	+	-	-	+	-	дак- тиль

Черным столбцом мы отделили первое полустишие от второго, в последнем столбце указано, с каким силлаботоническим размером эта схема совпадает. Первая совпадает с ямбом, четвертая — с дактилем. Вторая и третья схемы не совпадают ни с одним силлаботоническим размером; если писать стихи только по второй или только по третьей схеме, получатся логазды.

При огромном разнообразии схем (512, как было сказано) только 4 являются основными и самыми распространенными, все остальные схемы — это вариации первых четырех или редкие исключения. Так что большой процент ямба в тексте перевода не удивителен, иначе и быть не могло. Ямб в данном случае действительно является частным случаем силлабики.

Здесь вернемся к цитате из статьи Ю. Орлицкого. 8 строк из 15 не являются ямбом. Это достаточно много. Можно найти гораздо в большей степени чисто ямбические отрывки. «Передвинуть ударение в одном слове», чтобы превратить строку в ямб. Именно в одном слове надо передвинуть ударение в наших второй и третьей схемах, чтобы превратить их в ямб. Только в четвертой схеме надо передвинуть ударение в двух словах. Вообще, не так уж много в каждой строке ударений, чтобы пренебрегать перестановкой одного ударения. Приведенные 15 строк как раз очень наглядно показывают, что это силлабика.

Теперь посчитаем проценты. Чтобы утверждать, что та или иная строка не является ямбом, мы должны найти в ней ударение на слогах 1, 3, 5, 7 или 9. При этом этот слог не должен принадлежать односложному слову. Например, строка

Лев предо мною, злой и беспощадный.

является ямбом, так как слово «Лев» односложное. Более того, даже двусложное слово в этой позиции не всегда убеждает нас, что это не ямб. Например:

Если ты хочешь, я сказать готова...

И первый слог ударный, и третий, причем первый в составе двусложного слова. Но мы считаем, что строка читается так:

Если ты хочешь, я сказа^ть гото^{ва}...

Считаем, что произносятся эти слоги без ударения и что эта строка — ямб. Сомнения были и в словах, где ударение варьируется.

Тотчас пуститься; прежде малодушен...

Видно нарушение ямба на слове «тотчас». А если не «тотчас», а «тотчас»? Ведь разговорных слов в переводе много. Будем и эту строку считать ямбом. Эти примеры приводим для того, чтобы показать, что не пытаемся специально насчитать как можно меньше строк ямба и как можно больше не ямба.

При подсчете случаев ямба и заведомого не ямба в песни 1-й «Ада» у нас получилось, что из 136 строк 51 не может быть ямбом. Это 37,5%. Во 2-й песни таких строк 42. Всего во 2-й песни 142 строки, ямбом не являются 29,6% строк. Подсчеты песни 3-ей показывают соотношение 42 из 136 или 30,9%. 4-я песнь — 50 из 151, 33,1%. 5-я — 45 из 142, 31,7%. Составим таблицу.

Песнь	Кол-во строк, не являющихся ямбом	Всего строк	%
1	51	136	37,5
2	42	142	29,6
3	42	136	30,9
4	50	151	33,1
5	45	142	31,7
6	43	115	37,4
7	46	130	35,4
8	52	130	40
9	51	133	38,3
10	46	136	33,8
11	37	115	32,2
12	50	139	36
13	51	151	33,8
14	50	142	35,2
15	46	124	37,1
16	52	136	38,2
17	67	136	49,3
18	59	136	43,4
19	50	133	37,6
20	59	130	45,4
21	48	139	34,5

22	64	151	42,4
23	49	148	33,1
24	63	151	41,7
25	56	151	37,1
26	54	142	38
27	57	136	41,9
28	62	142	43,7
29	62	139	44,6
30	72	148	48,6
31	59	145	40,7
32	59	139	42,4
33	82	157	52,2
34	54	139	38,8

Пока таблица составлена только для «Ада»; в следующей работе на эту тему мы составим аналогичные таблицы для «Чистилица» и «Рая». В тексте «Ада» количество неямбических строк почти не опускается ниже 30%, часто превышает 40%, в одной песни превышает даже 50%, а еще в двух почти доходит до этого уровня.

Уже отмечалось, что мы в своих подсчетах не пытаемся специально завышать количество неямбических строк. Надо сказать, что и сам переводчик не пытался этого делать. Допустим, кто-то предположит: «А. А. Илюшин писал ямбом или почти что ямбом, а потом переставлял слова, что-то менял с целью как можно более отдалить свой текст от ямба». Такое предположение легко опровергнуть. В переводе есть много ямбических строк, которые очень легко переделать в нужном направлении, но переводчик этого не делал. Вот начало знаменитой надписи на вратах Ада:

«Войдите мною в скорбный град мучений,
Войдите мною слиться с вечной болью,
Войдите мною к сонмам падших теней...».

Это ямб. Но достаточно во всех трех строках поменять местами первые два слова («Мною войдите...»), и все три строки перестанут быть ямбом. Таких случаев множество, и это свидетельствует о том, что А. А. Илюшин не стремился любой ценой

дистанцироваться от ямба, а писал так, как считал лучше в каждом конкретном случае.

Вывод из всего сказанного сделаем такой: хотя в переводе А. А. Илюшина есть много ямбических строк, это ни в коей мере не противоречит тому, что весь перевод в целом — силлабика. Исследование стиха этого перевода продолжим в следующих публикациях.

ЛИТЕРАТУРА

Данте Алигьери. Божественная комедия. Перевод с итальянского А. А. Илюшина. М., 1995. Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 1995.

Данте Алигьери. Божественная Комедия. Перевод с итальянского. М., «Просвещение», 1988.

Дантовские чтения. М., «Наука». 1976.

Дантовские чтения. М., «Наука». 1979.

Дантовские чтения. М., «Наука». 1982.

Дантовские чтения. М., «Наука». 1985.

Дантовские чтения. М., «Наука». 1989.

Дантовские чтения. М., «Наука». 1996.

А.А. Илюшин. Русская силлабика. Диссертация на соискание ученой степени доктора наук. М., 1984.

Ю. Орлицкий. Силлабика сегодня. Журн. «Арион», 2012, 3

И. Пильщиков. О «Божественной Комедии» в переводе А. А. Илюшина. Русский журнал. 12.04.1999.

Evgeny Ilyushin

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

ilyushin.evg@mail.ru

SYLLABIC AND SYLLABO-TONIC IN DANTE'S TRANSLATIONS INTO RUSSIAN (A.A. ILYUSHIN AND OTHER TRANSLATORS)

The article deals with the verse of the Russian-language translation of Dante's Divine Comedy by AA Ilyushin. It turns out which system of versification the translation is closer to - syllabic or syllabonic.

Key words: Dante, "Divine Comedy", A.A. Ilyushin, syllabic, syllabo-tonic.

Кулькова Раиса Александровна
кандидат филологических наук, доцент,
университет Сангменг, Республика Корея, Чхонан
rkoulkova@gmail.com

Депонян Каринэ Александровна
кандидат педагогических наук, доцент,
университет Сувон, Республика Корея, Хвасон
deponian@mail.ru

ИЗ ОПЫТА РЕДАКТИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДОВ КОРЕЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье изложены выводы, сделанные в ходе редакторской работы над русской версией корейского исторического текста (Пак Хван «Листая памяти страницы. Российские корейцы в фотографиях», Сеул, 2015): обсуждаются трудности, с которыми сталкиваются авторы и редакторы перевода, а также пути их преодоления.

Ключевые слова: историческое сочинение, редактирование, перевод с корейского на русский, трудности перевода.

Книг и статей, посвященных литературному редактированию текстов, как известно, очень много. Поэтому типичные ошибки, которые неопытные авторы совершают при написании своих научных и литературных сочинений, широко известны: нарушение логики изложения, повторы, усложнённый синтаксис, стилистические ошибки, несоответствие названия содержанию, неправильное деление на абзацы и многое другое. Однако, работая с такими специфическими (в нашем случае – историческими) текстами как русские переводы корейских сочинений, редактор сталкивается с рядом уникальных трудностей, которые можно свести к следующим категориям.

Первая категория трудностей – психологическая, которая заключается в недооценке необходимости самого редактирования и корректуры текста. Наблюдения над печатной продукцией на русском языке в Южной Корее (далее – Корея) показывают, что не каждый корейский автор и издатель желает обращаться к помощи редакторов-носителей языка, что может быть связано с

уверенностью в своей компетенции или, наоборот, со стеснительностью («мой труд скромный, как я его понесу суровому редактору?»). Злую шутку с авторами играет также излишняя надежда на автоматическую проверку текста: такого рода программы не способны расставить запятые, решить вопрос о правописании в тех случаях, когда есть варианты: *не/ни, нн/н, чтобы/что бы* и многое другое, не говоря уже о стиле, логике, связности текста. Справедливости ради следует отметить, что в Корее в последнее время необходимость обращения к редакторам-носителям языка осознается все большим количеством авторов, переводчиков и, что особенно важно, издателей.

Вторая категория трудностей – коммуникативная. Авторы ведут себя с редактором по-разному. Замечено (и нами, и работниками разных издательств), что чем выше профессиональный и интеллектуальный уровень автора текста, тем с бóльшим вниманием он относится к замечаниям редакторов. Авторы же начинающие часто настаивают на своем варианте, используя псевдо-аргумент «А разве так нельзя оставить?».

Третья категория трудностей – практическая, которая заключается в незнании ключевых законов построения русского научного текста.

На примере работы южнокорейского историка Пак Хвана «Листая памяти страницы. Российские корейцы в фотографиях» (переводчик – Бэ Ын-Гиенг, литературное редактирование – К.А. Депомян, Р.А. Кулькова. Сеул, 2015) обсудим, с какими трудностями сталкивается редактор переводных текстов.

Книга Пак Хвана впервые была издана в Корее [박환2013], а затем по предложению Генерального консульства Республики Корея во Владивостоке при поддержке Фонда соотечественников, проживающих за рубежом, и Министерства иностранных дел Республики Корея она была переведена на русский язык, а ее издание было приурочено к 150-летней годовщине переселения корейцев в Россию. В книге Пак Хвана собран обширный документальный материал – фотографии, рассказывающие о жизни корейцев на территории России, начиная с 1860-х гг. и вплоть до наших дней, эти фотодокументы сопровождаются историческими комментариями.

Прежде всего отметим, что опыт редакторской работы убеждает нас в том, что со специальными (историческими) текстами должны работать несколько человек, как минимум – двое. Если использовать метафору, работая вместе, соредакторы отражаются друг в друге, как в зеркале. Совместная работа повышает не только качество текста, но и квалификацию каждого. За счет чего это происходит? За счет обмена идеями – это прежде всего. Но не только. Особенно важно, что на заключительном этапе работы над текстом, когда он уже почти готов, наступает этап «потери терпения», «усталости от текста» (в научной терминологии – «информационной усталости»). Тогда кто-то из соредакторов находит-таки терпение прочитать текст еще и еще раз. Ведь текст очищается от недостатков в несколько этапов, как бы слоями: сначала снимается слой самых грубых ошибок (стилистических, грамматических и пунктуационных), затем исправляются логические ошибки и соответственно восстанавливаются недостающие в тексте связи, на последнем этапе рассматриваются наиболее существенные для читателя вещи: соответствие названия содержанию, и – что особенно важно – внятность реалий текста и внятность авторской позиции для русского читателя. Каждый из соредакторов видит текст по-своему и вносит в редактуру особый вклад. К тому же, один из них должен свободно владеть корейским как иностранным (в нашем коллективе таким членом группы стала К.А. Депенян). Это совершенно необходимо для того, чтобы в случаях сомнения в правильности перевода обращаться к источнику на корейском языке.

Перейдём к рассмотрению ошибок, которые совершают корейские авторы и переводчики при создании текстов на русском языке: их анализ позволяет нам сделать ряд общих выводов.

1. Недостаточная логичность деления текста на части и главы. Так, например, книга Пак Хвана первоначально состояла из трех частей и 8 глав: первая часть (главы 1–3), вторая часть (главы 4–6), третья часть (глав 7–8). Первая и вторая части книги не вызывали сомнений с точки зрения правильности их выделения, в то время как третья часть включала в себя две главы, разных по содержанию: глава 7 была посвящена истории корейских

печатных органов, работавших на территории Российской империи и СССР, а в главе 8 были собраны фотографии корейцев – борцов за независимость Кореи в период японской колонизации (1910–1945). В результате обсуждения этой проблемы с автором было принято решение вынести главу 8 в отдельную – четвертую – часть. Это позволило не только разделить текст на логичные части, но и особо подчеркнуть важность главы 8, содержание которой, несомненно, отличает книгу Пак Хвана от других работ, посвященных данной теме.

2. Несоответствие названия текста, а также названий частей и глав их содержанию. Работая над переводами корейских исторических текстов на русский язык, редакторы способны предложить свое название, и уже от автора зависит, принять или не принимать его. Так, дословный перевод названия корейской книги, который звучал как «Фотографии о жизни русских корейцев и память о них», получил литературную обработку, что позволило озаглавить книгу как «Листая памяти страницы. Российские корейцы в фотографиях». Такая трансформация была обусловлена следующим.

Во-первых, слово «русские» в сочетании «русские корейцы», было изменено нами на «российские». Известно, что в научной литературе используются разные словосочетания: *русские корейцы*, *советские корейцы*, *российские корейцы*. Анализируя посвященные этому вопросу источники на русском языке [Пак, Бугай, 2004] и учитывая то, что в книге Пак Хвана речь идет не только о корейцах, которые переселялись на территорию Дальнего Востока России, начиная с 1860 года, но и о современных корейцах, проживающих на территории России в наши дни, мы пришли к выводу, что словосочетание «российские корейцы» включает в себя такие понятия, как «русские корейцы» и «советские корейцы». Переводчик не подозревал, что у редакторов возникнут трудности с выбором прилагательного для названия, ведь «русский» и «российский» на корейский язык передаются одним и тем же словом. Выбрать нужное прилагательное мы смогли после анализа ряда работ по истории корейцев.

Возвращаясь к названию «Листая памяти страницы. Российские корейцы в фотографиях», следует также отметить, что первоначально нами был предложен такой вариант: «Российские корейцы в фотографиях: листовая памяти страницы». Однако в ходе анализа содержания текста мы пришли к выводу, что автор книги поставил цель помочь современному поколению, живущему на территории Кореи, сохранить память о корейских переселенцах, поскольку «российские корейцы сыграли важную роль в освободительном движении Кореи от японских захватчиков» [Пак 2015: 5]. Исходя из этого, вторая часть названия «листая памяти страницы» была нами перенесена в начало заголовка книги. Таким образом, это позволило наиболее точно передать главный замысел автора данного исторического произведения.

Отдельно следует сказать о названиях частей и глав. Как уже отмечалось, книга Пак Хвана сначала была написана для корейского читателя, который в той или иной степени знаком с историей Кореи ещё со школьной скамьи и для которого такие термины, как «переселение» и «борьба за независимость» наполнены конкретным смыслом. В связи с этим не вызывает сомнений правомерность названий частей книги: I. Переселение, II. Борьба за независимость, III. Печать и люди. Однако такие названия частей не только не раскроют их содержание для российского читателя, если речь не идет об узком круге специалистов в области истории Кореи, но и могут привести к неверным выводам. Исходя из этого, нами были предложены названия частей, которые позволяли бы российскому читателю правильно понять, о чем будет идти речь: Часть первая. *Корейцы в Российской империи и СССР*, Часть вторая. *Российские корейцы и движение за независимость Кореи*, Часть третья. *Корейские печатные издания в России*, Часть четвертая. *Галерея славы: корейцы – герои антияпонского сопротивления в Сибири*.

3. Большой проблемой является отсутствие у иностранных (корейских) авторов, знания того, насколько потенциальный русский читатель может быть информирован в теме, а именно: если информированность читателя недооценена автором, то в тексте будет много банальной и потому скучной информации; если же

информированность читателей преувеличена, то в тексте появятся логические лакуны, непонятные читателю. Мало кто из читателей-неспециалистов настолько энергичен, чтобы обратиться к источникам, которые могут эти лакуны заполнить. В данном случае увеличивается роль редакторов. Они видят текст глазами русского читателя, и их задача – попросить автора устранить информационные лакуны или хотя бы взять у него разрешение сделать это самим, то есть дополнить текст необходимыми историческими комментариями.

Работая над текстом перевода книги Пак Хвана «Листая памяти страницы. Российские корейцы в фотографиях», нам как редакторам также приходилось иметь дело с лакунами в тексте. Например, отрывок, посвященный «амурскому инциденту», был значительно переработан: были даны не только названия корейских военных подразделений, между которыми произошло столкновение во время этого инцидента, а также то, кто стоял во главе подразделений, каковы причины столкновения, что позволило более точно восстановить картину данного исторического события [Пак 2015: 232]. Кроме того, в интересах русского читателя нам пришлось дополнить текст фактическим материалом. Так, например, был указан год проведения Гаагской мирной конференции (1907), на которую были секретно отправлены корейские делегаты [Там же: 154]. Ряд слишком кратких комментариев автора к фотографиям пришлось расширить. Приведем характерный пример. В главе 1 в параграфе 3, посвященном жизни и быту корейцев в России, собраны фотографии из Музея им. В.К. Арсеньева во Владивостоке, а также фотографии из личных архивов Элеоноры Прэй и Меррилла Хаскелла, которые жили на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. Пак Хван разместил фотографии Элеоноры Прэй и Меррилла Хаскелла вместе с сделанными ими фотографиями корейцев и сопроводил их лишь короткими комментариями: «Элеонора Прэй» и «Меррилл Хаскелл». После консультации с автором данные комментарии были дополнены, например: «**Элеонора Прэй (Eleanor L. Pray)**. Американка Элеонора Прэй (1868–1954) жила во Владивостоке с 1894 года. Она была женой одного из членов семьи Чарльза и Сары Смит, владевших во Владивостоке «Американским магазином». На фотографиях, которые делала Элеонора Прэй в течение тридцати

шести лет, запечатлены различные события, которые повествуют об истории и жизни города» [Там же: 100]. Такими расширенными комментариями были снабжены и другие фотографии [Там же: 104, 233 и др.].

4. Еще одна проблема связана с передачей буквами русского алфавита корейских имен и названий. Здесь мы столкнулись с рядом задач. Прежде всего нам предстояло решить вопрос о транскрипции корейских имен и названий. В ходе работы мы пытались выяснить, существует ли единообразие в написании общеизвестных корейских имен и названий в русской научной литературе, и пришли к выводу, что в силу того, что в русском языке отсутствует единая система транслитерации, российские авторы передают одни и те же имена и названия по-разному¹. Так, например, имя известного патриота 안중근 в разных источниках пишется как *Ан Джунгын* или *Ан Чунгын*. Для сравнения отметим, что такая вольность в написании имен и названий немыслима в написании, скажем, имен и названий других языков. Так, например, имена таких политиков, как Уинстон Черчилль, Джордж Вашингтон, Индира Ганди и др. в русском языке не имеют разных вариантов написания.

Работая с названиями корейских университетов, научно-исследовательских институтов, школ, обществ и фондов Южной Кореи, названий организаций национально-освободительного движения российских корейцев, корейских газет и журналов, которыми изобилует книга, мы также столкнулись с большими трудностями. Нам предстояло решить, переводить ли эти названия на русский язык или передавать их при помощи транслитерации. Поскольку в российской научной литературе написании одних и тех же названий не существует единообразия, мы, сравнивая разные источники [Аносов 1928; Пак, Бугай 2004; Тягай, Пак 1996; Курбанов 2002 и др.], использовали а) транслитерацию, б) перевод, в) перевод и транслитерацию. Так, например:

¹ Это связано с тем, что в России существует две системы передачи корейских имён и названий буквами русского алфавита – система Концевича и система Холодовича.

- в написании корейских школ нами использована только транслитерация, поскольку названия школ в данном случае не являются значимой информацией, например: «Квансон хаккё», «Кедон хаккё» и др.;

- в написании названий корейских институтов, техникумов и училищ, которые располагались на территории России и входили в государственную систему образования, использовались официальные названия, принятые в русском языке, например: Дальневосточный корейский педагогический институт, Никольск-Уссурийский педагогический корейский техникум и др.;

- при переводе общеизвестных названий, которые имеют однообразное написание в русских источниках, мы оставляли только русский перевод, например: Временное правительство Республики Корея, Временный парламент Временного правительства Республики Корея и др.;

- названия, которые в русских источниках допускают вариативность в переводе и написании кириллицей, мы использовали перевод и транслитерацию, например: Всекорейский Национальный Совет («Тэхан гунминныхве»); в случаях, когда в русскоязычной литературе те или иные названия встречаются транслитерированными, мы использовали обратную последовательность подачи перевода и транслитерации, например: «Сонменхве» (Общество провозглашения), журнал «Вондон» (Дальний Восток) и др.

Кроме этого, было важно добиться единого написания одних и тех же имен и названий на пространстве всего текста. Мы с разрешения автора составили указатель названий и имен на русском и корейском языках [Пак 2015: 292–302], что, как представляется, позволяет не только простым читателям, но и специалистам по истории, переводу, редактированию – как русским, так и корейским – глубже понять и оценить содержание данной книги, даёт возможность избежать путаницы в понимании корейских имен и названий.

5. Другая проблема, с которой могут столкнуться редакторы, связана с приблизительным, неточным переводом отдельных имен, названий военных организаций, названий произведений искусства и т.п. Например, А.П. Ким-Станкевич, Октябрьская ре-

волюция, Народно-революционная армия Дальневосточной Республики, Панорама «Волочаевская битва» (Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова), и др. не могут быть переведены свободно, например, как Александра Ким, российская революция, революционные войска, Панорама Волочаевки. Это не только затруднит восприятие текста носителями русского языка, но и значительно снизит его качество, научную ценность.

В некоторых случаях следует сохранить названия, принятые как в языке оригинала, так и в языке перевода. Примером может служить перевод названия исторического события, произошедшего на Дальнем Востоке 4–5 апреля 1920 года: в российской научной литературе это событие часто называется «выступлением японских войск 4–5 апреля 1920 года», в то время как в Корее оно называется «апрельским инцидентом». После консультации с автором было принято решение оставить название этого события, принятое в русском языке, а в скобках дать название, принятое в корейском языке [Там же: 13, 220].

То же касается и названий древних государств и географических названий (топонимов): «Великая Цин (кор. Чхон)», «Восточная Маньчжурия (кор. Кандо)» [Там же: 4] и др. К тому же, если те или иные топонимы были переименованы, это также необходимо специально оговорить, например: «станция Иман (в настоящее время – ст. Дальнереченск)» [Там же: 237], «"Амурский инцидент" произошёл в районе железнодорожной станции Суражевка, которая в настоящее время входит в город Свободный и называется Михайло-Чесноковской» [Там же: 232]. Это поможет правильно воспринимать информацию как читателям-носителям русского языка, так и читателям-носителям корейского языка, владеющим русским как иностранным или как вторым родным.

6. Большой проблемой для корейских авторов, пишущих по-русски, и переводчиков с корейского является порядок слов в предложении. В русском научном языке, как известно, довольно строгий порядок слов с точки зрения актуального членения: рема высказывания располагается преимущественно в конце предложения. Постановка ремы в середине или начале предложения затрудняет чтение текста, затемняет его смысл. В корейском же языке порядок слов зависит не от актуального членения, а от

грамматического строя языка: подлежащее стоит в начале предложения, глагол-сказуемое в конце. Различный порядок слов в русском и корейском языках затрудняет работу корейских переводчиков в плане выбора адекватного порядка слов. Здесь на редакторов ложится большая ответственность, потому что тематическая организация связного русского текста во многом определяет, легко ли будет читателю воспринимать текст.

7. При редактировании русских переводов корейских текстов бросается в глаза наличие неоправданных (с точки зрения норм русского языка) повторов информации как внутри предложения, так в сверхфразовом единстве. Этот недостаток может быть присущ и текстам начинающих авторов-носителей языка, но переводчик с корейского, который находится под влиянием языка-источника, находится в особо трудном положении, ведь в корейском языке повторы – это норма языка. В русском же языке признаком хорошего текста является краткость, «убирание» известного в подтекст.

8. В тексте на русском языке следует избегать сложных синтаксических конструкций, которые затемняют его смысл. Даже многие русские начинающие авторы любят «блеснуть» усложненными синтаксическими конструкциями. В случае же переводов с корейского эта опасность многократно усиливается: корейский язык любит длинные и синтаксически усложненные предложения. В переводе для придания тексту натуральности необходимо упрощение длинных синтаксических периодов. То есть при редактировании переводных текстов важны лингвистические знания, чтобы не идти «на поводу у автора», то есть не копировать слепо синтаксические структуры оригинала. Переводчик или редактор должен перефразировать предложения с целью придания тексту натуральности и естественности.

9. В любом языке много синтаксически частотных структур, которые в языке оригинала или отсутствуют, или употребляются реже. Так, например, в русских текстах вместо пассивной структуры *Он был оштрафован* в большинстве контекстов (если речь не идет о юридических документах) более естественно употребление обобщенно-личного предложения *Его оштрафовали*.

10. В переводных текстах встречаются также недопустимые словосочетания, например: *однолетний план вместо *годовой план* и др.

Если суммировать сказанное в последних трех пунктах, в области проблем придания натуральности переводным текстам еще предстоят серьезные лингвистические изыскания.

Таким образом, анализ ошибок, которые делают корейские авторы и переводчики при создании текстов на русском языке, позволяют говорить о том, что эти ошибки типичны:

- нелогичность деления текста на части и главы;
- несоответствие названия текста, а также названий частей и глав их содержанию;
- недостаточный учёт автором информированности зарубежного читателя;
- передача буквами русского алфавита корейских имен и названий без учёта какой-либо системы;
- отсутствие единообразия в написании одних и тех же имен и названий на пространстве всего текста;
- неточная передача личных имен, географических названий, именованных исторических событий и др., которые имеют официальные и общепринятые стандарты написания в русском языке;
- недостаточное внимание к должному порядку слов в русском литературно-книжном тексте;
- наличие повторов информации как внутри предложения, так в сверхфразовом единстве;
- наличие сложных синтаксических конструкций, незнание частотных синтаксических конструкций и употребление неверных словосочетаний.

Учёт типичных ошибок, совершаемых корейскими авторами и переводчиками, а также личный опыт редактирования специальных (исторических) текстов, переведённых с русского языка на корейский, позволяет нам делать следующие выводы.

1. При работе с переводами на русский язык корейских сочинений редактор сталкивается с рядом уникальных трудностей – психологических, коммуникативных, практических, к которым он должен быть готов.

2. Редактирование специальных (исторических) текстов – дело коллективное. В группе редакторов-носителей языка должен входить специалист, который свободно владеет корейским как иностранным (или вторым родным).

3. Редакторы специальных (исторических) текстов должны консультироваться с авторами на протяжении всей работы, а также обращаться к тексту оригинала для того, чтобы избежать ошибок и неточностей перевода.

4. При переводе того или иного слова, термина, названия и пр. редакторы должны активно работать со словарями и научной литературой, чтобы в полной мере отобразить современные реалии.

5. Редакторы должны следить за тем, чтобы текст был логично разделён на части, главы, параграфы и т.п.

6. При переводе названий книги, ее частей и глав следует стремиться не только (и не столько) к тому, чтобы дословно передать их содержание, сколько отразить в них основную идею автора.

7. Текст должен учитывать информированность зарубежного (российского) читателя, особенно если он посвящен историческим событиям, далеким по времени.

8. Для передачи корейских имен и названий следует стремиться к однообразию транслитерации и перевода на протяжении всего текста.

9. Отредактированный текст должен быть натуральным с точки зрения русской речи, он должен звучать максимально естественно.

Таким образом, учёт вышесказанного позволит минимизировать работу редактора и повысить качество переводного текста.

ЛИТЕРАТУРА

Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск -Владивосток, 1928.

Урбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX века». СПб., 2002.

Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004.

Пак Хван Листая памяти страницы. Российские корейцы в фотографиях. Сеул, 2015.

Тягай Г.Д., Пак В.П. Национальная идея и просветительство в Корею в начале XX века. М., 1996.

박환 사진으로 보는 러시아지역 한인의 삶과 기억의 공간 . 서울, 2013.

Raissa A. Koulkova

PhD, SangMyung University, Republic of Korea, Cheonan

rkoulkova@gmail.com

Karine A. Deponian

PhD, The University of Suwon, Republic of Korea, Hwaseong

deponian@mail.ru

AN EXPERIENCE OF EDITING OF KOREAN HISTORICAL WORKS ON THE RUSSIAN

The article outlines the conclusions made during the editorial work on the Russian version of the Korean historical text (Pak Hwang «Leafing the memory of the page. Russian Koreans in photos», Seoul, 2015). The article discusses the difficulties that the editor should take into account when working with translated texts.

Key words: Historical work, editing, translation from Korean into Russian, difficulties in translation.

Му Ачжэнь
кандидат филологических наук, Шанхайский университет
иностранных языков, Китай, Шанхай
944530282@qq.com

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В КИТАЕ

В статье говорится о восприятии творчества Салтыкова-Щедрина в Китае, в том числе о переводах его произведений в Китае, об изучении творчества этого писателя и о его оценке китайскими учеными.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, «Господа Головлёвы», Китай.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин хорошо известен в Китае. Его имя китайцы узнали в 1954 году, когда Хэ Цягуай в «Вестнике литературы и искусства» опубликовал статью «Салтыков-Щедрин и его произведения». Через 23 года, в 1987 году, Ван Дэчжан и Ду Чжаопэй перевели биографию Салтыкова-Щедрина, написанную советским ученым Андреем Турковым, после чего произведения Салтыкова-Щедрина стали активно переводить на китайский язык и изучать его творчество.

Говоря о переводах произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина на китайский язык, следует обратить внимание на три момента.

1. Ряд произведений уже был переведен на китайский язык, в том числе романы «Господа Головлёвы», «История одного города», «Губернские очерки», комедия «Тени» и несколько сказок. В 2015 году вышло собрание сочинений писателя в двух томах, включившее названный роман и часть сказок, что вывело перевод творчества Салтыкова-Щедрина на новый уровень.

2. Существует несколько вариантов перевода его произведений. Наибольшее число вариантов перевода имеет роман «Господа Головлёвы». Выходные данные этих переводов приведены в таблице.

Год издания	Заглавие в переводе	Переводчик	Издательство
1956	«Семейство Головлёвых»	Хуан Шан	«Новая литература и искусство»
1981	«Семейство Головлёвых»	Хуан Шан	«Переводная литература Шанхая»
1985	«Господа Головлёвы»	Ян Чжундэ	«Народная литература»
1997	«Господа Головлёвы»	Чжан Эр	«И Лин»
1998	«Господа Головлёвы»	Ян Чжундэ	«Народная литература»
2000	«Семья – Господа Головлёвы»	Ван Чжи	«Образование» провинция Ляо Нин
2003	«Господа Головлёвы»	Чжан Эр	«И Лин»
2014	«Семья – Господа Головлёвы»	Ван Чжилян	Китайская издательская компания «Дружба»
2015	«Семья Головлёвых» (в собрании сочинений «Салтыков-Щедрин»)	Хуан Шан	«Переводная литература Шанхая»

Из таблицы видно, что примерно каждые десять лет выходили два варианта перевода: 1981 и 1985, 1997 и 1998, 2000 и 2003, 2014 и 2015, а издание романа такими крупными издательствами, как «И Лин», «Народная литература», «Переводная литература Шанхая», содействовали его популярности. Кроме того, все названные выше переводчики являются русистами, поэтому их переводы в наибольшей степени соответствуют оригиналу. Что касается названий романа, то они несколько различаются, но

во всех случаях верно отражают содержание романа, а его жанр определяется как семейная хроника.

3. Обращает на себя внимание и то, что в XXI веке чаще переводятся сказки Салтыкова-Щедрина: в 2014 г. опубликованы «Самоотверженный заяц», «Медведь на воеводстве», в 2016 г. – «Медведь на воеводстве в лесу».

Что касается изучения произведений Салтыкова-Щедрина в Китае, то интерес к их исследованию не менее значителен, чем к переводам. Следует обратить внимание на следующие особенности:

1. Существует немалое количество трудов о творчестве Салтыкова-Щедрина по различным направлениям, прежде всего по его тематике, творческим идеям и персонажам. Почти все китайские ученые признают, что создание «типичного образа Иудушки» является большим успехом и даже подвигом Салтыкова-Щедрина. Изучение его языка, стиля и литературных методов, приводит к выводу о том, что сатира является отличительной особенностью писателя. Кроме того, его часто сравнивают с китайским писателем Лу Синем. Их обоих называют великими сатириками своих народов. И во всех исследованиях роман «Господа Головлёвы» всегда находится в центре внимания.

2. В изучении русской литературы китайскими учеными важное место занимает исследование творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина. Во всех работах по истории русской литературы говорится о творчестве Салтыкова-Щедрина, и китайские ученые единогласно дают ему высокую оценку. Наиболее известной из этих работ является «История русской литературы» под редакцией Цао Цзинхуа, где глава о данном писателе занимает 13 страниц. В ней содержится биография и творческий путь писателя, а также сокращенное изложение содержания его главных произведений, в том числе романа «Господа Головлёвы». Подробно говорится о том, что писатель воспроизвел жизнь одной помещицкой семьи, отметив жадность, жестокость, бездуховность представителей дворянско-помещицкого класса. Автор отмечает у писателя «мастерство в осмеянии и разоблачении персонажей и умение в раскрытии и изображении конфликтов» [Цао Цзинхуа 2007: 297]. Подчеркивается также, что Салтыков-Щедрин продолжал литературные традиции Фонвизина, Грибоедова и Гоголя. Жэнь Гу-

ансюань в работе «История русской литературы» называет Салтыкова-Щедрина классическим писателем 70–80х годов XIX века, а его «История одного города» и «Господа Головлёвы» – классическими романами [Жэнь Гуансюань 2003]. В другой «Краткой истории русской литературы» профессор Чжэн Тиу утверждает, что «роман «Господа Головлёвы» является одним из выдающихся произведений русского критического реализма и в какой-то степени дополняет изображение Л.Н. Толстым и И.С. Тургеневым русской усадебно-дворянской и провинциальной жизни» [Чжэн Тиу 2006: 77]. В «Истории русской литературы с иллюстрациями» Лю Вэньфэй приходит к выводу о том, что «острая сатира и хроникальность составляют наиболее значимые специфики романов Салтыкова-Щедрина» [Лю Вэньфэй 2010: 68].

3. Наряду с положительной оценкой творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина существует и иная точка зрения, проявившаяся, в частности, в интерпретации китайскими историками литературы романа «Господа Головлёвы». Чжан Ючжоу в своей работе о романе замечает, что проведение крестьянской реформы в России постепенно изменило характер ее экономики, подчеркнув, что натуральное хозяйство дворянской усадьбы уже изжило себя, и большинство таких хозяйств приобщалось к капиталистическим формам ведения хозяйства. «К сожалению, Салтыков-Щедрин не заметил прогресса общества и блестящей перспективы человечества, не предвидел пробуждение человечности и энергичную бодрость духа передового класса, – пишет автор работы, – так что в его труде от самого начала до конца царствует угрюмая, пессимистическая атмосфера, которая рождает у читателей тяжелое чувство. Возможно, это ослабляет и художественность произведения» [Чжан Ючжоу 1991: 103]. Другой автор, Чжао Мин, утверждает, что в крепостном праве Салтыков-Щедрин ничего не видел, кроме смерти, а образы из этой помещичьей семьи, созданные писателем, могут быть причислены к числу «одноплановых образов» [Чжао Мин 1995: 35], в них нет ничего кроме зла. Самое негативное отношение к творчеству Салтыкова-Щедрина проявилось в статье Ли Цзяньцзюня, который рассматривает произведения Щедрина в аспекте нарратологии. Он считает, что по содержанию произведения Салтыкова-Щедрина близки к произведе-

дениям Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова и С.Т. Аксакова, но по способу повествования далеки от них. В произведениях Гончарова присутствует разоблачение помещиков, но в нем не отрицается их доброта. В повествовании С.Т. Аксакова преобладает спокойный тон и в описании семейных конфликтов всегда чувствуется что-то теплое, близкое душе. Описания Н.В. Гоголя полны иронии, но они не злые. В его отношении к персонажам ощущается недовольство, но в нем немало и сочувствия. «Вопреки такому мягкому повествованию и изящной иронии, повествование Щедрина оказывается твердым и сухим, в нем немало ненависти и негативного отношения к жизни» [Ли Цзяньцзюнь 2006: 65]. Это качество проявляется и в отношениях между автором и героями, и в отношениях между персонажами. Писатель – отмечает автор работы, – не любит персонажей, часто дает им оскорбительные прозвища, такие как «иудушка» и «кровопивушка». Писатель как бы навязывает читателям свой взгляд. Что касается отношений между персонажами, то они почти враждебны.

Профессор Ли пытался найти ответ на эти вопросы в биографии писателя. Слабый отец, властная мать и напряженная семейная атмосфера оказали, утверждает автор, негативное влияние на развитие характера Щедрина: он стал суровым и нервным человеком, создавшим самый мрачный роман в русской литературе. Вывод, к которому приходит профессор Ли, весьма категоричен: Салтыкова-Щедрина, – считает он, – вовсе нельзя назвать великим писателем. У него не хватает достоинств, необходимых писателю, не хватает разумного и снисходительного отношения к человеку. Кроме того, автор отмечает, что интерес к творчеству Салтыкова-Щедрина в Китае постепенно угасает. В качестве доказательства он приводит такие работы, как «Изучение русского языка и литературы» (2000) и «Лекции по русской литературе: классические писатели и классические произведения» (2015), где вообще не упоминается имя Салтыкова-Щедрина.

Не могу согласиться с позицией профессора Ли. Во-первых, он не учитывает духовной атмосферы эпохи Салтыкова-Щедрина. Да, писатель создал мрачный роман, в котором очевидно неприятие многих персонажей, но это не значит, что он был мизантропом – он был мастером сатиры. Он видел болезни общества и ставил перед собой творческую задачу раскрыть все эти

болезни и показать недостатки общества. Аксаков же – мемуарист, его задача заключалась в описании идиллической семейной жизни и мелких конфликтов внутри семьи. Это совсем разные типы повествования, их нельзя сопоставлять. Кроме того, сатира свойственна таланту Салтыкова-Щедрина. Отрицать это – значит, отрицать все в этом писателе. Не забудем и о том, что лишь только две вышеуказанные книги не могут представлять мнения всех китайских ученых и читателей, что имя и творчество Салтыкова-Щедрина занимает особое место в разных трудах, посвященных истории русской литературы, и мы не можем игнорировать тот неоспоримый факт, что в настоящее время книги Салтыкова-Щедрина в Китае читают, переводят и изучают.

Таким образом, в нашей стране Салтыкова-Щедрина воспринимают как великого мастера сатиры и выдающегося реалистического писателя. Его даже называют самым выдающимся мастером сатиры после Гоголя во второй половине XIX века. Его роман «Господа Головлёвы» считают классическим романом. Большинство китайских ученых дает высокую оценку творчеству Щедрина, считая, что его произведения правдиво отразили сущность русской общественной жизни, призывали людей к борьбе с жестокостью и несправедливостью. Хотя негативное отношение к творчеству Щедрина и существует, но это вовсе не оказывает большого влияния на восприятие творчества писателя в Китае. Время доказало и продолжает доказывать, что Салтыков-Щедрин – великий русский писатель.

ЛИТЕРАТУРА

Ли Цзяньцзюнь. Сатира является изящной обидой – о ненавистном повествовании и причинах его образования // Наслаждение классическими произведениями. 2006. № 10. С. 64–70.

Лю Вэньфэй. История русской литературы с иллюстрациями. М.: Издательство Пекинского университета, 2010.

Жэнь Гуансюань, Чжан Цзяньхуа, Юй Ичжун. История русской литературы. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2003.

Чжао Мин. Что еще рядом со смертью? – о «Господах Головлёвых» // Вестник педагогического училища имени Гу Юаня. 1995. № 3. С. 33–36.

Чжэн Тиу. Краткая история русской литературы. М.: Шанхайское издательство иностранных языков «Образование», 2006.

Чжан Ючжоу. Мрачная песня, могучая сила – о романе Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» и «Сон в красном тереме» // Вестник педагогического училища имени Лун Янь (общественные науки). 1991. Т.9. № 2. С. 97-104.

Цао Цзинхуа. История русской литературы. М.: Издательство Пекинского университета, 2007.

Mu Azen

PhD, Shanghai International University, China, Shanghai
944530282@qq.com

THE PERCEPTION OF SALTYKOV-SHCHEDRIN'S CREATIVE WORKS IN CHINA

The article is dedicated to studying the perception of Saltykov-Shchedrin's works in China, including its Chinese translations, the study and the critics assessed by Chinese scholars.

Key words: M.Y. Saltykov-Shchedrin, «The Golovlyov Family», China.

ПАМЯТИ МАРИИ ГЕННАДЬЕВНЫ БЕЗЯЕВОЙ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Когда этот выпуск сборника был уже полностью готов к печати, пришло печальное известие о безвременной кончине Марии Геннадьевны Безяевой – талантливого лингвиста, подвижника отечественной русистики и педагога.

Будучи многогранным ученым, М.Г. Безяева внесла значительный вклад и в дело преподавания русского языка как иностранного. Для специальности РКИ ею была разработана «Программа «Русский язык в сопоставлении с другими языками».

Она была постоянным автором нашего сборника, публикуя в нем статьи по коммуникативному анализу русской звучащей речи. Выход каждой ее работы ожидался с интересом и нетерпением, а сам ее метод вошел в практику лингвистического описания РКИ. Блестящий языковед, педагог по призванию, М.Г. Безяева пользовалась огромным авторитетом и любовью среди коллег и студентов. Многие ее воспитанники избрали своей специальностью преподавание РКИ. Публикуемые в этом разделе воспоминания коллег, друзей и учеников Марии Геннадьевны – дань памяти прекрасному ученому и человеку щедрого таланта.

* * *

Дорогие коллеги!

Я глубоко сочувствую родным и близким, студентам и аспирантам Марии Геннадьевны Безяевой.

В памяти многих людей, общавшихся с Марией Геннадьевной, она останется как специалист высокого класса, как один из широко образованных профессоров, автор фундаментальных работ, как направляющий научный руководитель, как хозяйка большой фонотеки, составленной на материале более 300 кинофильмов. Материал фонотеки расклассифицирован, интонационно протранскрибирован и в значительной степени отражен в докторской диссертации.

Но важно не только это.

Я знаю Машу со времени вступительных экзаменов в МГУ. Её ответы были четкими, сущностными, в них просматривалось будущее абитуриента. Николай Алексеевич Федоров, мой коллега на экзамене, тоже это почувствовал. И вот уже – все время смеющаяся девчонка – счастливая студентка филфака. А дальше – новые экзамены, курсы

работы, все глубже, все шире, и вот уже – доктор филологических наук, профессор.

Но важно не только это.

Маша была заботливой и самоотверженной дочерью. Детство её родителей прошло во время войны. Это сказалось на их здоровье. Маше часто приходилось выхаживать свою маму, и это продлило маме жизнь на несколько лет. Маша много лет ухаживала за своим отцом. Во время Великой Отечественной войны мальчиком он работал на заводе, иногда ему приходилось ночевать у станка, потом доучивался, опять много работал. Маша многие часы провела рядом с ним в больнице. Таково наследие войны.

Муж Маши – дипломат, она всегда помогала ему, собирала в поездки. Когда они были во Франции, она сумела отточить свой французский язык, старалась понять национальные особенности французского характера.

Мне приходилось беседовать с аспирантами Марии Геннадьевны, в разговоре с ними всегда чувствовалась их заинтересованность в теме исследования и совместной работе со своим научным руководителем.

Вспоминается, как одна слушательница спецкурса спросила моего дипломника:

– А Вы слушаете лекции Безяевой?

– Да, слушаю, - ответил он.

– Значит, Вы на правильном пути! – оценила она.

Жизнь Марии Геннадьевны была полной, многосторонней, благородной. Память о ней будет светлой и жизнеутверждающей.

Е.А. Брызгунова

* * *

Есть люди, с уходом которых мир для окружающих становится ощутимо холоднее. Несомненно, все, кто знал Марию Геннадьевну Безяеву, согласятся, что она именно такой человек. По-настоящему добрый, отзывчивый, благородный, великодушный. Для нас, как и для многих других филологов-лингвистов, Мария Геннадьевна прежде всего учитель в самом высоком смысле этого слова. В студенческие годы мы слушали ее необыкновенно интересные и содержательные курсы по функциональной фонетике и сопоставительному анализу языков. Позднее мы посещали ее лекции, обучаясь в аспирантуре и на курсах повышения квалификации. Мария Геннадьевна Безяева была для всех любимым преподавателем, пробуждающим желание заниматься самыми разными аспектами изучения и преподавания русского языка как иностранного. Не случайно среди ее прямых уче-

ников и последователей немало преподавателей русского языка в иноязычной аудитории: Е.В.Полищук, А.А. Коростелева, О.В. Чалова (Великоборцева), М.А. Балдова, А.И. Баранова, В.Ю. Хуринова (Ремесло), Т.И. Шихалкина, А. Живайкина и другие.

После образования на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 году кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного профессор М.Г. Безяева стала читать целый ряд кафедральных обязательных курсов и курсов по выбору. Правда, последнее название во многом носило формальный характер: практически все студенты как бакалавриата, так и магистратуры, определившие в качестве своей будущей профессии профессию преподавателя русского языка иностранцам, неизменно выбирали курсы Марии Геннадьевны.

С опорой на разработанную Е.А. Брызгуновой концепцию коммуникативного анализа звучащей речи М.Г. Безяева создала научную школу исследования семантического устройства коммуникативного уровня языка, которое предполагает описание механизмов взаимодействия номинативного и коммуникативного уровней языка, освещение проблематики соотношения номинативного и коммуникативного в слове, изучение инвариантных параметров языковых средств и алгоритма их развертывания. На основе анализа художественных произведений (кинофильмов, театральных постановок, художественного чтения со сцены) и записанных фрагментов спонтанной разговорной речи в работах М.Г. Безяевой и ее учеников показано, что коммуникативный уровень языка представляет собой систему, предназначенную для отражения соотношения позиций участников коммуникации (говорящего и слушающего) и квалифицируемой ими ситуации. Такой подход имеет не только чисто теоретическое значение в рамках исследования языка, но и позволяет обозначить новые подходы к обучению восприятию, воспроизведению и порождению русской звучащей речи.

Предметом исследования в работах Марии Геннадьевны были и полифункциональные слова, семантика и грамматический статус которых выявляется в высказываниях с различным интонационным оформлением, и коммуникативный потенциал интонационных конструкций.

Мария Геннадьевна Безяева всегда будет рядом с нами, потому что остались ее содержательные, внесшие огромный вклад в изучение звучащей речи работы и главное – её замечательные ученики.

Е.Л. Бархударова, Ф.И. Панков

* * *

Маша Гуськова была одной из самых ярких звезд нашего курса (выпуск 1976 года). Можно сказать, что она была украшением целого факультета, поражая всех с первых дней учебы на филологическом факультете МГУ своей целеустремленностью и исключительной организованностью. Эти стороны ее характера во многом определили ее отношение к учебе на всем протяжении обучения в МГУ: и в студенческие годы, и в аспирантуре.

Оказавшись с самого начала в русле одних с Машей учебно-научных интересов (звучащая речь и ее преподавание), я не однажды была свидетелем ее преданного отношения к науке и преподаванию, чему яркое подтверждение – ее ученики, которые, надеемся, будут продолжать развивать научные идеи своего руководителя – Марии Геннадьевны Безяевой. Светлая ей память!

Н.М. Воробьева, сокурсница М.Г. Безяевой

* * *

Из Москвы пришла печальная весть: не стало Маши Гуськовой.

В это трудно поверить. Мы с Машей ровесницы, но для меня она – та девочка, с которой мы познакомились 1 Сентября 1971 года на филфаке МГУ. Мы учились в одной группе – 5-ой английской и дружили все 5 лет учебы. Вместе ездили на картошку, на фольклорную практику. Часто вместе готовились к экзаменам в библиотеке. Мы втроем – Маша, Валя Ковалева и я были отличницы, учились лучше всех в нашей группе. Машу всегда отличало ее усердие и тщательность. Она была всегда лучшей из лучших, отличница из отличниц. Очень нервничала перед экзаменами и спрашивала меня: «Идуля, ты как, готова? А я – нет, ничего не помню.» Я утешала ее и говорила, что она все знает, и непременно получит свою пятерку. И, конечно же, Маша блестяще сдавала все экзамены. Она была очень скромной и душевной девочкой. Маша – москвичка, а я приехала из Кишинева, жила в общежитии. Но никогда я не чувствовала Машиного превосходства, никогда она не ставила себя выше других, не задавалась. Мы очень любили свой филфак, учителей, лекции. И учились мы не для оценок, а из любви к знаниям, из любви к огромному новому миру знаний, который открывался перед нами. Мы с ней и дальше понесли эти знания, обе став преподавателями – она на филфаке, а я сначала в Кишиневском пединституте, а потом в далеком американском городе Миннеаполисе.

В деревне Косичино, на фольклорной практике мы были в разных парах: я в паре с Валей Ковалевой, а Маша в паре с Наташей Великановой – вот тогда у нас было соревнование, кто запишет больше тетрадок с фольклорными текстами. Доходило и до курьезов: в своем рвении записать побольше частушек я писала, не отрываясь и не прекратила даже тогда, когда развеселившаяся бабуля стала петь матерные частушки. Валя покраснела до ушей и убежала, а я (святая невинность!) продолжала свою часть (мы записывали через строчку), не понимая текста. Потом, когда мы рассказали это нашей группе все очень смеялись, а Маша подошла во мне и тихо сказала: «Ты знаешь, я бы тоже ничего не поняла». Да, мы были городскими девочками и не знали все красоты и глубины русского языка.

Я очень увлекалась театром и каждое воскресенье куда-нибудь ходила. Мы с Машей часто обсуждали новые пьесы, оперы, балеты. Каким волшебством было для нас посещение театра на Таганке – премьера спектакля «Товарищ верь!» о Пушкине. Мы пошли всем курсом. Наш профессор Василий Николаевич Кулешов достал билеты и раздал их на лекции. Попали только те студенты, кто пришел ранним утром на первую лекцию. Мы с Машей, конечно, были в первых рядах – в прямом смысле этого слова. Чтобы занять места на лекции по русской и зарубежной литературе надо было прийти задолго до начала – в 8 часов утра.

А однажды Маша подошла ко мне после занятий и сказала: «Ида, у меня есть лишний билет на премьеру оперы «Кармен» с Еленой Образцовой. Я хочу тебя пригласить». Трудно описать мой восторг и мою благодарность. Тогда это была самая нашумевшая и долгожданная премьера сезона. Елена Образцова была прекрасна, это была одна из лучших Кармен мира! И я до сих пор благодарна Маше, что она пригласила именно меня. С присущей ей чуткостью она понимала, каким событием будет для меня это посещение.

Такой она и осталась в моей памяти: талантливой, скромной, чуткой, тактичной и удивительно теплой девочкой. Спасибо тебе, Маша за дружбу, за чуткость, за тепло.

*Ида Гринберг, к. ф. н., профессор русского языка
Университета Св. Томаса, Миннеаполис, США*

* * *

Моё знакомство с Марией Геннадьевной было очень счастливым и изначально случайным (хотя уверена, что всё в жизни промыслительно, и на то была воля Божия). На 4-м курсе мне пришлось поменять научного руководителя и кафедру - и я пришла на кафедру русского языка в поисках руководителя будущего диплома. Мария Геннадьевна (тогда

Гуськова) была начинающим преподавателем и не читала у нас лекций. Я же очень заинтересовалась коммуникативным анализом звучащей речи после спецкурса Елены Андреевны Брызгуновой, и она посоветовала мне обратиться к Марии Геннадьевне. Та сначала неохотно (поздновато, предвыпускной курс...), но всё-таки согласилась. На моё счастье!!!! - я прошла отличную школу, получила так много знаний в разных областях нашей науки, обрела настоящего учителя, а в дальнейшем и друга.

Сердце отказывается верить в то, что наша Машенька (только сейчас позволю себе назвать её так, всегда она была и будет для нас, её учеников, Марией Геннадьевной, авторитетом незыблемым) навечно далеко от нас. Но эта дистантность мнимая - она всегда будет наблюдать за нами, критиковать нас и помогать нам во всём, во всём, как она неустанно делала в этой жизни...

Елена Вацлавовна Полищук

* * *

Очень тяжело говорить о Марии Геннадьевне в прошедшем времени. Невозможно поверить, что ее больше нет. Мне кажется, что она была в моей жизни всегда.

Мы познакомились почти 15 лет назад, когда я училась на 2 курсе университета. К Марии Геннадьевне я попала, можно сказать, почти случайно: увидев название ее спецсеминара "Анализ звучащей речи", мы с подругой решили прийти послушать, совсем ничего не зная о преподавателе. Конечно же, после занятия уже и мысли не возникало о работе в другом направлении и с другим научным руководителем.

Встреча с Марией Геннадьевной - это огромный подарок для меня. Талантливейший учёный, великолепный преподаватель, добрый, отзывчивый, интеллигентный и глубоко порядочный, очень честный человек. Всегда энергичная и жизнерадостная, отдававшая всю себя своему делу - семантике коммуникативного уровня русского языка, она всегда заряжала нас, учеников, своим невероятным трудолюбием и искренней любовью к своему делу.

Мария Геннадьевна была замечательным лектором. Она умела заинтересовать, заинтриговать. Она выстраивала лекцию или семинар так, чтобы держать внимание слушателей до последней минуты, начиная с каких-то достаточно очевидных и легко доказуемых вещей, постепенно усложняя материал, вводя новые термины и понятия, и блестяще их иллюстрируя примерами из нескольких сотен кинофильмов. Помню, в какой-то год Мария Геннадьевна рассказывала о коммуникативных стра-

тегиях персонажей из к/ф "Остров". Это были интереснейшие семинары! Она была под большим впечатлением от фильма и, конечно, ей очень хотелось разобраться в том, как он сделан с точки зрения коммуникативной семантики. Мария Геннадьевна проделала колоссальную работу: была проанализирована вся коммуникативная дорожка и сделаны интереснейшие выводы. Я очень надеюсь, что эти материалы будут опубликованы, это был гениальный анализ коммуникативного текста.

У Марии Геннадьевны не было «проходных работ». Она всегда очень четко понимала, к чему идёт, для какой большой цели нужен анализ маленького кусочка звучащего текста. У неё перед глазами как будто стояла карта коммуникативного уровня и она постепенно закрашивала неосвоенные земли. И каждая работа ее ученика - это кирпичик в анализе и освоении коммуникативного уровня русского языка, вперые осмысленного и описанного ею. Невероятно требовательная к себе, она так же была требовательна к своим студентам и аспирантам, всегда видя перспективу дальнейшей работы и не позволяя останавливаться на уже достигнутом. В курсовой работе второкурсника она уже видела задел на кандидатскую диссертацию. Для неё не существовало мелочей. Она учила нас слушать, вдумчиво анализировать, обращать внимание на каждую единицу, каждое средство, обобщать, всегда смотреть глубже. Мягко, но настойчиво направляя, постепенно выводила осмысление и понимание проанализированного материала на новый уровень, однако, позволяя ученику самому воскликнуть: «Эврика!»

Масштаб ее мысли поражал. Ухватившись за маленькую деталь в тексте, она вдруг на глазах, походя, выстраивала абсолютно четкую теорию, которая легко доказывалась всем проанализированным впоследствии материалом. Иногда вдруг неожиданно раздавался звонок и в трубке звучал ее воодушевленный голос: "Маша! Я тут думала о вас и мне пришла в голову одна идея, давайте ее проверим". Она своим примером учила нас никогда не утверждать что-то голословно, всегда все проверять и доказывать, расширяя и развивая анализируемый материал.

Мария Геннадьевна была удивительно честным, тактичным и порядочным человеком. Никогда ни о ком не говорила плохо. Никогда ничего не утверждала бездоказательно. Казалось, в ее голове существует определенный кодекс поведения «человека Московского Университета», которому она строго следовала и учила следовать нас, учеников. С искренним уважением и любовью относилась она к своему учителю, Елене Андреевне Брызгуновой, всегда повторяя, что без нее не было бы никогда нашей научной школы. Она всегда держала определенную дистанцию с коллегами и учениками, тем ценнее стало ее первое «ты»,

обращенное ко мне. Помню, я тогда очень обрадовалась: Мария Геннадьевна включила меня в свою личную сферу. Я очень этим гордилась. Мария Геннадьевна филигранно владела коммуникативным уровнем! А для меня она давно перестала быть просто научным руководителем. Для многих своих учеников она стала, если так можно выразиться, «университетской мамой», воспитавшей нас в профессии и в жизни. Она задала нам определенную планку, ниже которой никак нельзя ни жить, ни работать.

Мария Геннадьевна всегда ассоциировалась со звучащей речью. Она, смеясь, говорила: «Ну вот вышла у меня Книга. Хорошая книга. Но, как шутят мои аспиранты, к книге должна прилагаться звучащая Мария Геннадьевна!».

Каждая беседа с Марией Геннадьевной была праздником для меня. Конечно, мы говорили не только о работе, особенно в последние годы. Я делилась с ней своими радостями и не только, а у неё всегда находились для меня самые нужные именно в этот момент слова. Мария Геннадьевна всегда вдохновляла меня не останавливаться, идти вперёд, пусть даже небольшими шажками.

У неё не было бывших учеников, она помнила всех и по-матерински заботилась о нас... Всегда интересовалась нашей профессиональной деятельностью, беспокоилась о наших семьях, наших детях. Но и здесь Мария Геннадьевна оставалась пытливым ученым! Очень ее интересовал вопрос о том, как и в какой последовательности в детской речи появляются единицы нашего коммуникативного уровня. Иногда пересказываешь ей какой-нибудь трогательный диалог с ребёнком, а она тут же по полочкам разложит, откуда вдруг «тут» взялось у него или «ой».

Как много мы не успели вместе сделать. Как много я не успела ей сказать. Невозможно пока осознать, что ее больше нет рядом. Рука сама тянется к телефону, так хочется услышать ее строгое "Слушаю вас!".

Я потеряла не только любимого научного руководителя, но и доброго друга. Ее безвременный уход – большое горе.

Мария Балдова

* * *

Мария Геннадьевна была, безусловно, очень талантливым преподавателем: она умела не просто доступно и понятно изложить материал, но и, что не менее важно, заразить интересом и любовью к своему предмету. Мария Геннадьевна настолько самозабвенно читала лекции, настолько вдохновенно и артистично воспроизводила примеры из всеми любимых кинофильмов, что становилось совершенно невозможным оставаться равнодушным к теории коммуникативного уровня

языка, которая явилось детищем всей жизни этого замечательного преподавателя и человека. Вклад, который внесла Мария Геннадьевна в развитие лингвистики, огромен. Ее теория явилась настоящим прорывом в области языковой семантики, а ее практическое значение для изучения РКИ находит свое подтверждение в речи студентов-иностранцев, которые после знакомства с инвариантными параметрами русских коммуникативных единиц, начинают разговаривать на живом, естественном русском языке.

Но помимо того, что Мария Геннадьевна была выдающимся ученым, профессором МГУ, преподавателем с многолетним стажем работы, она была еще и удивительно светлым человеком. Пожалуй, ни разу мы, ее студенты, не слышали, чтобы Мария Геннадьевна кого-то осудила или обвинила в чем-то. Мы никогда не видели ее в плохом настроении, даже в самые трудные периоды своей жизни Мария Геннадьевна всегда излучала невероятное жизнелюбие и оптимизм, всегда радовалась и улыбалась. Никогда не прося никого о помощи, Мария Геннадьевна всегда сама была готова оказать помощь любому, кто ее о чем-либо попросит. Она, как могла, поддерживала, вдохновляла, воодушевляла всех своих учеников. После разговора с Марией Геннадьевной сразу появлялись желание и силы продолжать работать, продолжать исследовать глубины коммуникативного уровня русского языка.

Очень рано оборвалась жизнь этого удивительного человека с чистой душой, нашей «коммуникативной мамы»... Светлая память о ней навсегда останется в наших сердцах.

Анна Нейфельд

* * *

В моей жизни был нелегкий период, когда получение диплома зависело только от решения научного руководителя. Мария Геннадьевна сделала все возможное и невозможное, чтобы это случилось. Я видела тогда и понимаю больше сейчас, что она вкладывала в каждого из нас свою душу, верила, когда сами в себе сомневались. И пусть ее с нами нет, она всегда будет напоминать, как нужно идти вперед, что бы ни случилось.

Юлия Пискунова (Идиатуллина)

* * *

Мария Геннадьевна Безяева была для меня, во-первых, человеком, страстно любящим свое дело и умеющим этим щедро делиться. Так получилось, что Мария Геннадьевна вела у нас на 1 курсе самое первое

занятие по современному русскому языку, и именно тогда я впервые поняла, что язык – это целый мир, безумно интересный и стоящий того, чтобы заниматься его изучением. И впоследствии все ее лекции, семинары, беседы с аспирантами заражали искренним восхищением перед красотой языковой системы и богатством ее реализаций.

Во-вторых, в Марии Геннадьевне как ученом поражало и вдохновляло неостановимое движение научной мысли. Наверное, поэтому она не так много публиковалась, больше делилась своими открытиями в устной форме лекций и бесед: это было непрерывное течение, развитие, привлечение новых сфер и проблем, выходы на все более глубокие уровни понимания языковых явлений... Если часть этого и фиксировалась в статьях, монографии, то для самой Марии Геннадьевны опубликованное ею не было окончательной научной истиной, она всегда шла дальше.

И это непрерывное углубление научного поиска сочеталось с огромной требовательностью и к себе, и к нам, аспирантам, в том, что касалось точности формулировок, аргументированности выводов, стройности композиции и ясности изложения. Лингвистика была для нее точной наукой, не терпящей субъективности или небрежности.

Мария Геннадьевна Безяева создала методический аппарат анализа семантики коммуникативного уровня языка, позволяющий глубоко осознавать его закономерности, воспитала учеников, разрабатывающих разные аспекты функционирования коммуникативных средств – от проблем перевода до приемов создания комического. Но того, что могла еще сделать сама Мария Геннадьевна, не сделает уже никто.

Елена Савина

* * *

*Закрой глаза, грудь полную вдохни
И мысленно ей улыбнись —
Нет, это не шаманство.
Пусть на щеке слеза,
Ты крыльями взмахни...*

В. Гафт

Когда внезапно уходит важный для тебя человек, приходит вакуум. Все слова теряют смысл, становятся пустыми оболочками, не способными выразить даже самую простую мысль. Я не могу писать «она была», потому что для меня Мария Геннадиевна – наставник, который вне категории времени.

Мой дорогой учитель, я никогда не забуду ту доброту и искреннюю заботу, которую видела от Вас. Я могла позвонить в любое время и непременно услышать Ваш радостный голос. Я сохранию в памяти Ваш дом и наши разговоры, но, признаюсь только сейчас, Вы для меня – загадка. Ваша способность чувствовать язык, осознавать едва уловимые оттенки смысла, Ваши озарения не могут не вызывать удивлённого восторга. Мне всегда хотелось хотя бы в какой-то мере приблизиться и увидеть язык Вашими глазами. Безусловно, это уровень научной мысли, который опережает своё время, и будет по достоинству оценен только в будущем. Вместе с тем у Вас была та исследовательская смелость и целеустремлённость, которая позволяла за считанные минуты заинтересовать даже скептически настроенную аудиторию, не знакомую с семантикой коммуникативного уровня.

Мария Геннадиевна, я хочу поблагодарить Вас за каждую минуту времени, которую Вы уделили мне. Ваша стойкость, оптимизм и вера в то, что человек может преодолеть любые жизненные невзгоды, если есть дело, в которое он готов вкладывать все силы, будут ориентиром в жизни не только для меня, но и для всех Ваших учеников.

Светлая память...

Вера Хуринова (Ремесло)

* * *

Под руководством Марии Геннадиевны Безяевой мы занимались изучением роли коммуникативных средств в речи русскоговорящих, оказавшихся участниками или свидетелями чрезвычайной ситуации, которая отклонилась от нормы со знаком «минус» и затронула личную сферу говорящего. К сожалению, неожиданно для нас всех мы сами стали участниками трагической ситуации, и коммуникативная матрица, которую мы выявили в ходе исследования речи очевидцев страшных событий, активизировалась, отразившись в речевой реакции на смену бенефактивной ситуации на небенефактивную.

Первым словом и долгое время единственным было Господи. Его появление в речи указывает на затронутость личной сферы. Действительно, для многих из нас Мария Геннадиевна была не просто научным руководителем и преподавателем, а Учителем жизни. Между собой мы называли Ее «научной мамой». При этом Она была настоящим ученым

и необычным лингвистом с математическим складом ума, что позволило Ей увидеть в языке то, что не лежит на поверхности, а находится на подсознательном уровне у носителей языка.

Вторым словом было нет (отказ от принятия сложившейся ситуации), а далее - каскад коммуникативных средств и паузы с многочисленными повторами. Конечной фразой спустя время и осознание ситуации стало «ну как же так вообще», где единицы ну, как и же маркируют отклонение ситуации от нормы в небенефактивную сторону (должное не имеет места), так указывает на реализацию варианта, не соответствующего целям и ожиданиям говорящего, а вообще - на полный слом нормы, которую уже, к сожалению, нельзя вернуть, восстановить.

Ни одно из слов не произнесено впустую, у каждого есть скрытый смысл, но только до сих пор не верится, что эти слова являются реакцией на страшное известие о трагической ситуации с Человеком, который смог эти смыслы вскрыть и описать законы их реализации, внося неоценимый вклад в изучение коммуникативного уровня русского языка и звучащей речи.

Таня Федорова (Селюкова)

* * *

Мария Геннадьевна Безяева - человек-гений. Мне очень повезло учиться у Марии Геннадьевны и наблюдать работу этого выдающегося ученого. С какой кропотливостью она вела свою научную деятельность и какого масштаба! Меня будет всегда удивлять факт, как такую огромную систему семантики коммуникативного уровня языка смог составить один человек. Потрясающая точность, безукоризненность, широта мысли и необъятность исследования! Но самым главным для меня было это непрерывное внимание Марии Геннадьевны к нам, её студентам и аспирантам. Строго, четко и очень аккуратно наша научная "мама" следила за нашими успехами, никогда не позволяла сдаваться и опускать руки, наши работы проходили через серьезный контроль и проверку.

Я невероятно благодарна Марии Геннадьевне за то, кем я стала сейчас, за то, кем я буду. Её школа, любовь к науке и человеческое понимание житейских проблем навсегда останутся во мне и будут помогать преодолевать трудности, которые теперь придётся встречать без неё.

Татьяна Шихалкина

* * *

У Марии Геннадьевны была такая установка: какое бы несчастье с тобой ни случилось, что бы ни произошло, каким бы разбитым ты ни был, ты всегда собираешь себя и идёшь и делаешь своё дело дальше.

Вообще несмотря ни на что: пусть хоть потоп, хоть пожар, хоть чума. Просто берёшь себя в руки и делаешь что должно. Сначала всегда идёт дело, потом – личное. Тогда уже можно и поплакать, и отдохнуть, отвлечься. Потом выдохнуть – и снова в бой.

Мария Геннадьевна и сама следовала этой установке, и от учеников требовала того же. И это работало далеко не только в учёбе, это самая суть её жизни. И получается, что помимо втягивания в учебный и научный процесс, она заражала ещё и своим ритмом и стилем жизни, взглядом на окружающую действительность. Как бы дарила часть себя. В этом и состоит жизнь – движение, развитие. Это отнюдь не принуждение, это... просто так надо, а как же иначе? Иного не дано, иное неизвестно. И когда такая чрезвычайно насыщенная и по-хорошему безумная жизнь нравится другим, когда другие готовы принять эти правила, следовать им и передавать такое знание и отношение ко всему, когда это не пугает, а дарит веру в себя и смелость браться за очень сложные вещи – это невероятно и прекрасно. Это и есть настоящий мотиватор, настоящий человек. Спасибо огромное.

Алина Живайкина

* * *

В этих немногих словах я хочу попытаться отразить хотя бы малую часть той благодарности, уважения и любви к этому удивительному Человеку. Мария Геннадиевна стала для меня истинным учителем, наставником и проводником в мир университетской научной жизни. Прделанная Ей работа, огромный опыт, созданная система коммуникативного уровня и его анализа открыли для меня на втором курсе совершенно новую сторону языка, и этот новый взгляд тогда очень повлиял на меня, на моё восприятие языковой системы и через это на мировоззрение в целом; переданные Марией Геннадиевной знания и тогда, и сейчас порой очень помогают даже в повседневной жизни.

Но, наверное, ещё важнее человеческие отношения: Мария Геннадиевна всегда поражала своей неистощимой жизнерадостностью и энергией, постоянной деятельностью и движением. Глядя на то, как работает Она, как тратит свои силы и время на прочтение сырых набросков курсовых и диплома, было стыдно не работать самой. С какой невероятной бескорыстностью и вдохновением Она отдавала всю себя науке и своим ученикам! С каким пониманием, терпением и вниманием Она к нам относилась (Она первая позвонила мне в день моей свадьбы, пока я собиралась утром, и этот простой знак внимания был так трогателен и важен для меня, как будто Она выдаёт меня замуж наряду с моей семьёй, радуется моей личной радости, разделяет её вместе со мной. Она

поздравила очень кратко и «по делу», но очень вовремя и нужно)! Спасибо Вам от всей души, Мария Геннадиевна, Вы навсегда останетесь примером талантливого Учёного и Преподавателя в моих глазах!

С глубокой признательностью,

Елена Соловкина (Аносова)

* * *

Когда уходят из жизни некоторые люди, пустеет земля. Мария Геннадьевна Безяева была таким человеком. Без неё, безусловно, осиротела лингвистическая наука, ведь Мария Геннадьевна посвятила жизнь развитию нового прогрессивного направления в области русистики – школы семантического анализа коммуникативного уровня русского языка. Однако для нас, учеников Марии Геннадьевны, она была не только выдающимся учёным, основавшим свою школу. Она была талантливым педагогом, Учителем с большой буквы. Немного существует людей, настолько преданных своему делу и умеющих заразить своих учеников интересом и любовью к предмету. Нам посчастливилось приобщиться к миру коммуникативного уровня языка, и теперь наша задача – продолжить труд Марии Геннадьевны, развивая его в наших научных работах.

Добросовестный и требовательный учитель, Мария Геннадьевна воспитала в нас молодых учёных. Она прививала нам тонкий лингвистический вкус, расширяла границы эрудиции, учила нас кропотливому и добросовестному труду. Но самое важное, что Мария Геннадьевна готовила нас к выходу в жизнь. Мы учились у неё таким редким человеческим качествам, как такт, скромность, чуткость по отношению к другому человеку. В любой ситуации Мария Геннадьевна оставалась человеком, но при этом умела искусно отстоять свою позицию, блестяще доказать свою точку зрения. А ещё она всегда защищала нас, своих учеников, заботясь о нас и переживая за нас, как может только самый близкий человек.

Низкий поклон и вечная память Вам, дорогая Мария Геннадьевна, наша университетская мама!

Аня Баранова

* * *

Вы научили: хорошо – это по пути к лучшему, где для переделывать и перестраивать, переписывать и искать время есть всегда.

Вы видели: в звучащей речи математически строгий рисунок, в бес-связных первых текстах учеников – логику мысли (мы еще сами не

умели ее нащупать). Нас было много. Вы – одна, а время прочесть, понять, научить – для каждого.

Теми словами, что Вас тогда так порадовали после защиты: Вы "просто вот вообще такая!" Иначе: лучшая и единственная.

И Вы так прекрасно, так весело улыбались.

Спасибо Вам.

Катя Крылова

* * *

В юном возрасте обязательно нужен тот, кто поведет тебя за собой и станет тем идеалом Человека и Профессионала, к которому захочется стремиться. Мне повезло: таким Человеком на моем пути оказалась Мария Геннадьевна Безяева. Лучшего жизненного примера не могло и быть. Она была человеком чутким, понимающим, вдохновенным и вдохновляющим, в меру строгим и с бесконечно большим сердцем. Вы беспокоились за нас. Вы ратовали за нас. Вы очень хотели, чтобы мы были профессионалами, и всегда видели в нас какой-то огромный потенциал, который для нас самих был скрыт. Вы умели как никто подбодрить и сказать правильные и нужные слова, которые бы зажгли сердце и ум слушающего в непростой для него момент. В Вашем звучащем Слове, Мария Геннадьевна, была невероятная Сила, которая поднимала и двигала вперед. Но не только в звучащем. Книга «Семантика коммуникативного уровня звучащего языка» стала настольной для каждого, кто работал в рамках школы семантического анализа коммуникативного уровня. По ней мы, бывшие студенты Марии Геннадьевны, писали и защищали курсовые и дипломные работы. К ней, и, конечно, к другим Вашим работам, мы еще не раз обратимся, продолжая свой путь на филологическом поприще. Да и я думаю, что к ней будут обращаться все, кто так или иначе связан с филологией и со звучащим словом в целом.

В нашу последнюю встречу, а она выпала на день смерти актера Баталова, роли которого Вы, Мария Геннадьевна, сами анализировали, Вы сказали, что уходит целая эпоха. К сожалению, эти слова приложимы теперь и к Вам. В Вашем лице для нас уходит целая Эпоха. Спасибо Вам, Мария Геннадьевна, что были ее частью. Спасибо, что были с нами.

Наталья Писанко

* * *

То, что всем нам дорого, - это ведь жизнь. Наша Мария Геннадьевна – это зоркость к живому, неподдельному, настоящему, звучащему.

Дар чувствовать неочевидное. И невероятная смелость, даже не остановить мгновение, но, находясь в самом потоке звучащей стихии, поймать ее суть, утверждать существование алгебры гармонии. А еще - неутомимый труд ради того, чтобы все это сделать постижимым и убедительным для других.

Именно это мы потеряли невозполнимо. Те несбывшиеся ситуации, в которых мы – просто говорящий и слушающий. Живой звучащий диалог с нашим Учителем.

Что остается?

Спасибо за то, что искрились с самого первого дня знакомства (Фонетика. Лекции. Первый курс, раскрытые рты...) до самой последней встречи (Защита дипломников. Цветы, чуть усталая улыбка. Слов в коридоре гораздо больше, чем можно успеть...). Только так нужно заниматься любимым делом, сложным делом, очень серьезным академичным делом. Горение заразительно, созидательно, живительно.

Еще спасибо за четко обозначенный приоритет честности. Общечеловеческая подразумевалась, научная была основой всего («Ну что я могу поделаться, если он правда так сказал!...»). Вот эта исходная установка – опираться на материал, собрать солидное количество (колоссальное, мощный поток, каскады...) примеров, подтвердить любые теоретические догадки многократными реализациями, - урок высокого понимания науки и преклонения перед правдой жизни одновременно.

Всего не перечислить.

Вот еще – бесконечная благодарность за внимание к личностному и за то, что с легкостью каждому частному и мелкому находили место в большом, всеобщем узоре. Своими глазами не раз видела, как вроде бы случайные моменты становились поводом взлететь на философскую высоту обобщения, встроиться в общую канву.

Убеждена, что каждому ученику досталось по интересам и способностям. (Список тем дипломных работ, защищенных у Марии Геннадьевны, то есть – прожитых ею, - он ведь совершенно гомеровский!) У нашей научной мамы, конечно, всегда работал детектор – коммуникативный, он же – человеческий. Наверное, так выглядит настоящая любовь (невозможная без требовательности, ровно в той степени, какую каждый может понести). Причем у каждого из нас есть чувство принадлежности к целой системе, школе, течению мысли Учителя.

Да! Если бы не эта школа (с четким алгоритмом развертывания значений, математическими доказательствами, строгой системой степеней варьирования), ой как трудно было бы возразить физикам на тему ненаучности гуманитарного знания вообще и современной русистики в частности! А расшифровать для китайца то, что он услышал в столовой и

вот уже неделю не может понять? Тоже не представлялось бы возможным. Но сегодня у нас в руках ключ, нас научили читать эту, бегущую как субтитры (для нас – над-титры), коммуникативную дорожку смыслов – низкий поклон Марии Геннадьевне.

И все-таки главное – вот что: язык живет как язык личности. Ценность индивидуальности и ответственность только личная. Урок из уроков. Есть вещи, которые ты знаешь как никто другой. Есть вещи, которые можешь сделать только ты.

С этим невозможно проститься.

Ольга Чалова (Великоборцева)

* * *

НЕОСОЗНАВАЕМОЕ

– Вы помните «Доживём до понедельника»: «Такое впечатление, что в истории работала компания двоечников»? В лингвистике тоже не двоечники работали. Люди умнейшие! Просто есть такая логика, когда на определённом этапе в лингвистику входит некий новый материал, с которым придётся считаться. И когда мне говорят... вот три года назад, на прошлом конгрессе русистов, в марте, когда выступал один крупнейший лингвист, я его очень люблю и всё время с ним в унисон думаю, но одна фраза мне не очень понравилась. Он сказал: «Никаких революций в двадцатом веке в лингвистике – и в начале двадцать первого – не произошло». Произошло. Революция произошла, и произошла она прежде всего вот как – целая совокупность лингвистов обратила внимание на особую систему: говорящий – слушающий – ситуация. Она не была понята. Я это просто как лингвист говорю: я была в вашем возрасте – я её не знала! В том виде, в каком сейчас мы её знаем. Поэтому тут уж на личном опыте. Другое дело, что сколько делали – Елена Андреевна Брызгунова и многие другие люди, которые нас готовили, вели, подготавливали! Говорили, что... обратите внимание – вот вам взаимодействие, вот, мы чем-то другим занимаемся, чем – как тогда его называли – семантический синтаксис (номинативный уровень языка с аспектами семантическими). Но тогда ещё вот этого вот членения, конечно, не было. Революция произошла, другое дело, что и... мне кажется, на многие поколения она произошла. Потому что этой системой поколение будет заниматься, литературоведы это начнут учитывать, фольклористы этим заинтересовались, вот и криминалисты сидят – тоже заинтересовались... То есть с разных сторон, из разных областей [люди] начинают вдруг понимать: оказывается, нам это нужно. (М.Г. Безяева)

Мария Геннадьевна с огромным уважением относилась к своему учителю, Елене Андреевне Брызгуновой, и первое, о чём все мы узнавали, придя в семинар к М.Г., – это об открытиях Елены Андреевны, о том, что сделано ею в науке. Все мы сейчас же бывали отправлены послушать лекции Елены Андреевны и поработать параллельно у неё в семинаре, все мы осознали, что мы её «научные внучки». А дальше приходило понимание того, что мы продолжаем дело Елены Андреевны в науке, но в области семантики, потому что это – самое интересное и неизученное.

Первыми инвариантными параметрами, которые выявила М.Г., были инварианты а, ну, разных интонационных конструкций, вот и это. Прекрасно помню день, когда мы слышали формулировку первого инварианта (русского а), а заодно уяснили себе, что эти мифические, легендарные инвариантные значения (сколько все иронизировали до этого над разными нелепыми попытками их вывести!) действительно существуют. В тот день, прежде чем приступить к рассказу, М.Г. сказала: «Вы послушайте и скажите: как вам кажется – это убедительно? Похоже на правду?» Больше у неё таких сомнений не возникало, так как закономерности устройства русской коммуникативной системы стали обнаруживаться и открываться перед нею с невероятной быстротой, разные фрагменты системы с щелчком становились на свои места, и сомнений у неё уже не было, а у нас их и вовсе никогда не бывало – настолько доказательно было всегда то, что мы слышали от М.Г. на лекциях, на таком огромном, разнообразнейшем живом материале это неизменно было показано.

М.Г., да и все мы жили с того времени внутри этой понятной системы – системы знаний о коммуникативном уровне языка. М.Г., рассказывая о каком-нибудь случае, могла, например, сказать: «И тогда я

4

дала ей коммуникативную пощёчину. Я сказала: “Не т, / в таком тоне

4

мы с вами разговаривать не будем”. После этого она взяла себя в руки. Мы могли нарочно актуализировать известные нам инвариантные параметры, в шутку подчёркивать, проговаривать их («К тебе там какой-то студент пришёл. Какой-то! ‘Не имею представления о качественной характеристике, да и не хочу знать’. Там! ‘Дистанцируюсь от всего

3

этого’». Или: «Сегодня понеде льник. ‘Сориентируйся на истинное положение дел’»).

Невольно возникал вопрос: почему коммуникативная семантика не описывалась раньше? Почему эти фундаментальные, очень востребо-

ванные открытия не были уже сделаны до нас? Иногда происходили такие разговоры: «Ну, а Бахтин неужели не мог?» «Нет, Бахтин просто не стал бы этим заниматься. Просто бы не стал». Наконец однажды М.Г. дала вроде бы шуточный, но действительно всё объясняющий ответ: «Потому что женщин в науку раньше не допускали. А работа в этой области – видите, она очень женская: очень кропотливая, нужно как будто много-много мелких узелков распутать, разобрать всё по ниткам. Нужно очень много терпения, похоже на вязание. Это работа, которую могла сделать только женщина».

Ну, и дальше были десятилетия непрерывных научных баталий, когда М.Г. пыталась изменить общепринятый взгляд на «ошмётки языка», «языковой мусор», как принято было раньше называть единицы коммуникативной системы. Конечно, когда мы выходили на публику, много было смешного. Сначала мы просто хохотали, обсуждая различные реакции, потом, когда годы шли, а восприятие не менялось, это стало уже слегка печалить. М.Г. сетовала: «Ко мне очень часто после докладов, где я много фрагментов из разных фильмов привожу, подходят коллеги и говорят: “Ах, как вы артистично это всё изображаете!..”, “Ой, вы так прямо артистично это прочли!..” На что я, естественно, говорю: “Да если бы я это изображала, как вы говорите, мне бы давно надо было народного артиста РСФСР давать! Как это – и Мордюкову, и Чурикову, и Высоцкого, и Баталова, и Меньшикова, и Табакова, и Шукшина, и Гурченко, и Быкова, и Фрейндлих, – и всех точь-в-точь, на одном дыхании, за пять минут? Да будь у меня такой гигантский талант, на меня молиться нужно было бы! Сколько можно объяснять, я ПРОСТО ЧИТАЮ ПО ТРАНСКРИПЦИИ!”» Позже все мы многократно сталкивались с тем же на конференциях, так что со временем стали к этому нечувствительны. Куда менее забавно было глобальное непонимание пафоса докладов; вспоминаются слова М.Г.: «Вот то, что я получила в своё время на докладе, меня совершенно сразило. Представляете, когда... ну, крупный учёный говорит: “А разве актёр может поменять что-нибудь в тексте сценария?” И вот тут пришлось объяснять, что коммуникативный уровень – это и есть палитра красок актёра, что именно этим они и работают... и так далее». Действительно, перестроить мышление таким образом, чтобы начать воспринимать сведения о коммуникативном уровне языка, видеть организующие его законы, оказалось чрезвычайно сложно в тех случаях, когда знания эти не ложились на чистый лист. Студенты и школьники (я несколько лет преподавала коммуникативную семантику в ШЮФ) воспринимали этот новый взгляд на вещи с восторгом, притаскивали чудный материал, прикипали всей душой к нашему направлению.

Одной из центральных проблем при исследовании коммуникативной системы, как известно, является то, что семантика её неосознаваема и единицы её используются носителями языка интуитивно. Вот это-то неосознаваемое М.Г. и вытаскивала, помещала под яркий свет прожекторов и препарировала.

Со временем, естественно, возникла проблема онлайн-общения по вопросам коммуникативной семантики. Мы создали интернет-сообщество, где жизнь идёт с переменным успехом, то затухая, то возобновляясь, по сей день. Сообщество это сразу задумывалось как закрытое. Дело в том, что М.Г. двойственно, с большой долей настороженности и иронии относилась к компьютерам, Интернету и компьютерным технологиям. Надо признать, нередко она бывала в этом права. Когда студентка с вопросами по интонационной транскрипции вместо того, чтобы включить запись на диктофоне, бодро располагала на столе преподавателя громоздкий ноутбук, включала его в сеть и пыталась отыскать нужные места в видеороликах, это было не оправдано. Когда начались проверки на плагиат, М.Г. говорила: «Компьютер показал, что все до единого наши дипломы в этом году списаны – ну, потому что там в начале у всех идут определения, в которых нельзя изменить ни одного слова. Зато мы заложили в компьютер фразу “Маша ела кашу”, и он показал, что это абсолютно уникальное, доселе нигде неслыханное и невиданное высказывание». М.Г. опасалась попадания в Интернет наших неопубликованных, а главное – недоработанных, сырых идей и работ, причём не потому, что боялась плагиата. Она боялась профанации наших знаний в случае их попадания к людям, не владеющих методом семантического коммуникативного анализа, но чувствующих его преимущества, боялась появления упрощённых до глупости и просто неверных интерпретаций (со ссылками на неё же, а то и подписанных её именем). Позже, когда я недолгое время помогала лингвокриминалистам из Федерального центра судмедэкспертизы, я убедилась в том, что профанации действительно следует опасаться и что оглуляющая трактовка так и норовит возникнуть на любом месте как по волшебству, даже если в дело вовлечены очень умные люди.

Как всякий гениальный лингвист, Мария Геннадьевна была чрезвычайно наблюдательна и приметлива во всём, что касалось звучащего диалога: бывало, что в её записях промелькивали наши же собственные высказывания («Да, я позвонила вам с утра, а вы вот так вот спросонку мне ответили, и это как раз прекрасный, очень яркий пример эмоциональной реакции!...») Конечно, такая постоянная готовность к анализу, интерес к каждому звучащему слову и жесту порождали множество комических случаев, которыми М.Г. тоже охотно с нами делилась: «Когда

у нас вдруг неожиданно широко распространилось вот это пожелание удачи... конечно же, его в русском языке ещё недавно не было – настолько частотного, на каждом шагу – “Ну, давай, удачи тебе!”? – не было, безусловно. Когда оно только-только появилось, я наблюдала за этим явлением и пыталась понять, как его расценивают сами русские, с чем связана такая его быстрая экспансия. И однажды в компании за столом, – все говорили: “Ну, выпьем за удачу!” – и я как раз решила узнать, что же за этим стоит. Как сами естественные носители языка это понимают. И спросила: “Вот вы говорите – за удачу. А почему именно за удачу?” И мне ответили: “Ну, понимаете... вот на «Титанике», например... все были здоровы...”».

Когда вышла из печати книга Марии Геннадьевны, в которой она на примере волеизъявления показывает и объясняет устройство коммуникативной системы русского языка и закономерности её функционирования, мы все были уверены, что это лишь первая ласточка. Мы так и говорили: «Посмотри в зелёной книжке», «Об этом было в зелёной книжке» – в уверенности, что за зелёной книжкой, уж конечно, последуют другие. Уже через год М.Г. сказала: «У меня полностью готова книга по эмоциям», через несколько лет – «У меня готова книга об эстетике знака», потом – «Словарь русских коммуникативных средств у меня, в общем-то, уже сделан, но я вот думаю – выпускать его нужно, вероятно, в электронном виде, на диске...» Но кроме той первой, зелёной книжки, которая как-то молниеносно стала раритетом, больше ни одной своей книги М.Г. изданной не увидела. Очень трудно записывать даже такие фрагментарные, беспорядочные воспоминания, так как совершенно нет осознания того, что Марии Геннадьевны больше с нами не будет. Масштаб её как учёного – по гамбургскому счёту – со временем станет очевиден, написанные ею книги выйдут из печати, ученики постараются не «разлететься кто куда», а продолжить исследовать коммуникативную семантику... Но мы вступаем в новую эпоху, где у нас не будет возможности сверяться с этим камертоном, чтобы не сфальшивить, и где фраза «Ну, а что Мария Геннадьевна-то про это говорит?» будет отсылать нас к письменному тексту, а не к живому звучащему диалогу.

Коростелёва Анна Александровна

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора.....	3
К ЮБИЛЕЮ В. А. БЕЛОШАПКОВОЙ	
<i>Бабалова Л.Л.</i> О некоторых аспектах косвенного вопроса.....	8
<i>Саккини М.</i> Приставка ИЗ-/ВЫ- в древнерусском языке.....	14
<i>Филатова Е.А.</i> Косвенные побудительные речевые акты и минимальные схемы простого предложения проф. В.А. Белошапковой.....	32
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ	
<i>Гаврилова В.И.</i> Морфологическое оформление агенса-исполнителя и агенса-инициатора ситуации в составе возвратных страдательных конструкций.....	45
<i>Григорьева О.Н.</i> У природы нет плохой погоды... (Лингвистические заметки о жанре «прогноз погоды» в современных масс медиа.....	72
<i>Евграфова А.Е.</i> Сопоставление русских синонимических рядов с иноязычными коррелятами. Проблемы двуязычного словаря синонимов.....	82
<i>Лазуткина Е.М.</i> О направлении развития глагольной полисемии.....	91
<i>Маркова В.А.</i> Деловое письмо как жанровая разновидность официально-делового стиля.....	101
<i>Патаракина Е.О.</i> Грамматические свойства наречно-предложных единиц русского языка и особенности их употребления (фрагмент словарной статьи).....	113
<i>Серова Е.С.</i> Компрессия текста в смс-сообщениях (на материале корпуса и экспериментальных данных).....	117
<i>Столетова Е.К.</i> Об идиоматических сочетаниях с глаголами речи, выражающих оценку: контексты неоднозначной оценки (что ни говори) VS контексты однозначной оценки (ничего не скажешь нечего сказать).....	134
<i>Хлопьянов А.В.</i> Опыт стилистического анализа поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан».....	143

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ
В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Безьева М.Г. Коммуникативные параметры русского ВО-ОБЩЕ (материалы к словарю коммуникативных средств).....	150
<i>Коростелёва А.А.</i> Мотив знания – незнания: коммуникативные показатели эволюции героя (на материале к/ф «Каменный цветок»).....	173
<i>Чалова О.В.</i> Роль средств коммуникативного уровня русского языка в литературном тексте (на примерах из романа «Идиот» Ф.М. Достоевского).....	198

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Ковалевская Т.В.</i> «Серебряный голубь» Андрея Белого: поэт в прозе.....	211
<i>Наполитано М.</i> Интертекстуальность в поэме Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки». Статья первая.....	236
<i>Октябрьская О.С.</i> Жанр поучения в лирике В. Маяковского для детей.....	257
<i>Цзинь Тяньхао</i> Образ голубя в ранней поэзии Анны Ахматовой	265

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК НЕРОДНОГО

<i>Добровольская В.В.</i> Текст в процессе обучения РКИ.....	273
<i>Маширапова Г.-Х. К.</i> Анализ когнитивный стилей учащихся разного пола в аспекте преподавания русского языка как иностранного.....	281
<i>Потёмкина Е.В.</i> Реконструкция ассоциативного поля как метод формирования билингвальной личности.....	286
<i>Савосина Л.М.</i> Функционально-семантическая категория объектности в практике преподавания русского языка как иностранного.....	295
<i>Сергеева О.М.</i> «Убить двух зайцев»: к вопросу о преподавании фразеологии в иностранной аудитории.....	315
<i>Хомякова Е.Ю., Хомяков С.А.</i> Отбор языкового материала, предназначенного для выработки речевых навыков и умений употребления лексики по языку специальности и репрезентирование материала на уроке.....	321

СТРАНОВЕДЕНИЕ

Добровольская В. В. Организация страноведческого материала курса РКИ..... 335

Бордюговский М.Ю. Москва и Санкт-Петербург: две столицы, два символа (Опыт построения учебного занятия)..... 346

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Илюшин Е.А. О версификации переводов Данте на русский язык (А.А. Илюшин и другие переводчики)..... 362

Кулькова Р.А., Дёпонян К.А. Из опыта редактирования переводов корейских исторических сочинений на русский язык..... 375

Му Ачжэнь Восприятие творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина в Китае..... 388

ПАМЯТИ МАРИИ ГЕННАДЬЕВНЫ БЕЗЯЕВОЙ..... 395

ОГЛАВЛЕНИЕ..... 416

Научное издание

СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ

Вып. XVIII

Сборник научно-методических статей
по преподаванию РКИ

Отпечатано с готового оригинал-макета

Издательство «МАКС Пресс»

Главный редактор: Е. М. Бугачева

Подписано в печать 30.08.2017.

Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 26,25.

Тираж 200 экз. Изд. № 205

Издательство ООО «МАКС Пресс»

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова,

2-й учебный корпус, 527 к.

Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./факс: 8(495)939-3891.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Заказ №

